

С 74
451

Вл. Череванский.

801-09
447

ДВѢ ВОЛНЫ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Иллюстраціи Н. Н. Каразина и др.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1898.

ДВѢ ВОЛНЫ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

(1147—1898 г.г.).

— «По грѣхѣмъ по нашимъ, пріидоша языци незнаеміи.. неслыханіи, безбожніи Моавитяне, рекоміи Татарове.... изъ пустыни Египетскія, сущіи межи востокомъ и сѣверомъ.... поплѣнять всю землю отъ востока и до Ефрата и отъ Тигра до Понтыскаго моря, кромѣ Евѣіи. Богъ единъ вѣсть ихъ».....

(Воскресенская летопись, лето 6731).

— «О семъ Темиръ Аксацъ нѣци повѣдаша, яко испрѣва не царь бѣ родомъ, ни сынъ царевъ, ни племянн царска, ни княжеска, ни боярска, но тако испроста, единъ сый отъ худыхъ людей.... обычаемъ-же и дѣломъ немилостивъ и хыщникъ и ябедникъ и грабежникъ».

(Тверская летопись, лето 6903).

— «Не всегда ясно намъ мѣсто, принадлежащее великому мужу въ цѣпи явленій, не всегда ясна задача его дѣятельности. Проходить вѣка, и онъ остается кровавою и скорбною загадкою и мы не знаемъ, зачѣмъ онъ приходилъ, зачѣмъ возмущилъ народы».

(Грановскій).

Часть вторая.

У

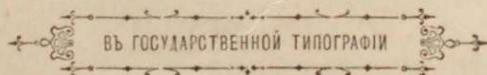
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

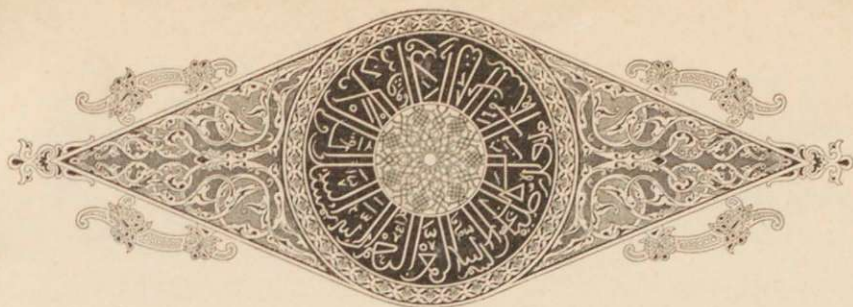
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Августа 1898 г.

19143-0

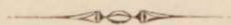

2007041992

Часть II.

ГЛАВЫ XXVII—LIII.

XXVII.

РОЖДЕНИЕ СЫНА ВЪ СЕМЬѢ ЭМИРА ТУРАГАЯ.

(1333 г.)

Нѣтъ зерна, скрытаго во мракѣ земли, нѣтъ и былинки на ея поверхности, которыя не были бы записаны въ «Книгѣ очевидности». — Такъ опредѣлили основатель ислама свое воззрѣніе на неизбѣжность всего, что должно совершиться по желанію и предвидѣнію верховной стихійной силы. Слѣдуя этому догмату, исламитяне слѣпо преклоняются передъ фатумомъ—«кисметъ!»—что не мѣшаетъ имъ истреблять противниковъ и награждать приверженцевъ, точно тѣ и другіе дѣйствуютъ по собственному разумѣнію, а не по программѣ книги очевидности.

По этой программѣ, спустя два вѣка послѣ появленія на свѣтъ Чингисъ-хана, долженъ былъ родиться его замѣститель, на

столько же какъ и онъ—грозный, величественный и непреклонный. Такъ и случилось. Онъ родился отъ эмира Турагая, принадлежавшаго къ племени Беруласть. Беруласцы пришли въ ср. Азію изъ Монголіи въ видѣ тысячи, данной въ удѣлъ Джагатаю. По окончаніи войнъ, нанесшихъ Хорезмской имперіи смертельное пораженіе, монгольскіе кадры осѣли въ наиболѣе опасныхъ пунктахъ джагатайскаго улуса. Кадры беруласцевъ заняли провинцію-Шааръ-Себзъ, или Зеленаго города, всегда считавшуюся лучшимъ уголкомъ Мавераннахра. Въ ту пору Кешъ, существующій и понынѣ, былъ ея областнымъ городомъ и крупнымъ умственнымъ центромъ страны; медресе его охотно открывали свои келіи ученымъ и мистикамъ, которые и распространяли о немъ славу, какъ о храмѣ науки и добродѣтелей. Побывавшій въ Кешѣ посланникъ короля Кастиліи повѣствовалъ впоследствии о немъ, какъ о большомъ городѣ, окруженномъ множествомъ садовъ, орошаемыхъ каналами; повсюду были видны селенія, луга, виноградники, хлопчатники и рисовыя поля. Городъ былъ окруженъ валомъ и глубокимъ ровомъ съ подъемными мостами.

Вблизи Кеша, на одномъ изъ многоводныхъ каналовъ, стояла курганча отставнаго эмира Турагая. Ни самъ эмиръ, ни его родители не могли бы объяснить, почему его называли Турагаемъ—«перепелкою»,—но это имя осталось за нимъ въ преданіяхъ и въ письменныхъ документахъ его знаменитаго сына.

Бурный періодъ возмужалости эмиръ провелъ въ боевыхъ стычкахъ—порою подъ бунчукомъ джагатаидовъ, а порою и по своей инициативѣ, поэтому онъ перенесъ не мало ударовъ «батиками»—дубинками съ металлическими шарами—и нѣсколько операций, состоявшихъ въ вырѣзкѣ стрѣлъ, засѣвшихъ въ мягкихъ частяхъ его тѣла. Умножившіяся раны воспрепятствовали ему наконецъ оставаться въ рядахъ ханскихъ войскъ, а подаренная за вѣрную службу курганча съ виноградникомъ обезпечивала ему, на склонѣ лѣтъ, спокойную жизнь. Курганча была ему и тѣмъ пріятна, что онъ штурмовалъ ее въ дни своихъ багадурскихъ подвиговъ, а это давало ему возможность, принимая знакомыхъ и друзей, пояснять, какъ онъ взбирался на ея стѣны, гдѣ и кого закололъ и какимъ взмахомъ сабли раскроилъ черепъ ея хозяину.

Курганча теперешняго времени ничѣмъ не отличается отъ курганчи временъ эмира Турагая. Она представляется не то хутор-

комъ, не то крѣпостцою, болѣе или менѣе просторною и обнесенною высокими и толстыми глинобитными стѣнами. Черезъ ея узкую калитку могутъ пройти только человѣкъ, его конь или вытянувшееся гуськомъ стадо барановъ. Тамъ, за стѣнами, скрывающимися отъ внѣшняго міра жизнь курганчи, совершается все, что предопредѣлено Аллахомъ. Если ея хозяинъ мизантропъ или ревнивецъ или вообще нелюдимый человѣкъ, жизнь за высокими стѣнами идетъ довольно скучно. Наоборотъ, если одна или нѣсколько, поселившихся въ курганчѣ семей, живутъ дружно и понимаютъ прелесть въ музукѣ, въ пѣснѣ, или въ пріятныхъ словахъ—всякое другое жилище показалось-бы имъ крайне непріятнымъ.

Эмиръ Турагай жилъ въ компаніи сподвижниковъ его боевой славы. То были исключительно отставные багадуры, богатые рубцами рыцарскаго происхожденія и воспоминаніями о триумфахъ и невзгодахъ боевой жизни. Кенцы смотрѣли нѣсколько подозрительно на эту дружескую общину, но боялись затрогивать ея честь. Они говорили даже, что эмиръ имѣетъ сомнительные доходы, такъ какъ десятокъ барановъ и виноградникъ не могли доставлять средства для широкихъ размаховъ эпикурейца. Каковы-же были эти размахи можно судить изъ того, что нерѣдко,—«и мертвая голова катилась туда хлѣбнуть сладкаго и веселаго напитка».—Въ такихъ случаяхъ, хозяинъ курганчи открывалъ настежь ея узенькія двери и просилъ каждаго прохожаго принять его радушное угощеніе. По поговоркѣ-же: «у кого ѣлъ хлѣбъ—соль одинъ день, тому кланяйся сорокъ дней», эмиръ имѣлъ множество друзей, которые охотно явились-бы свидѣтелями его высокой честности.

Эмиръ дѣйствительно дополнялъ свой доходъ тѣмъ, что охранялъ, вмѣстѣ съ своими людьми, караваны, которые ходили черезъ центральную Азію, между такими дальними странами, какъ Булгарія и Индія. Караванъ-баши хорошо понимали, что въ тѣ смутныя времена монгольскій офицеръ, хотя бы отставной, но съ преданными багадурами, нашелъ бы дорогу свободною, даже черезъ ущелье, запертое желѣзными воротами. Проведя караванъ, эмиръ отдавался потомъ надолго безпечной жизни. Въ такихъ случаяхъ у него появлялись избытки не только риса, мяса и пряностей, но и шелковыхъ тканей, ковровъ и дорогихъ мѣховъ. Тѣ люди, которымъ не предлагали въ курганчѣ хлѣба-соли, говорили, будто сопровождаемые эмиромъ караваны всегда теряли въ дорогѣ

нѣсколько верблюдовъ съ болѣе цѣнными выюками, но теперь это сказаніе трудно повѣрить.

Въ курганчѣ ютился и гаремъ Турагая, собранный изъ рабынь и мѣстныхъ таджичекъ, вымѣненныхъ на ковры и стада барановъ. О красотѣ его гарема ничего неизвѣстно и только можно вспомнить при этомъ, что въ числѣ рабынь джагатайскаго улуса могли встрѣтиться и бѣлотѣлыя дщери муро-ризанской русской окраины и смуглянки съ береговъ Тигра и Евфрата. На обязанности гарема лежало, прежде всего, угожденіе его хозяину, а далѣе, по характеру событій—смѣхъ или слезы.

Населеніе курганчи, несмотря на свое монгольское происхожденіе, исповѣдывало уже исламъ, но въ такой степени слабо, что ни солнце, ни луна не пошли бы свидѣтельствовать о томъ, что они видѣли тамъ хотя-бы одинъ намазъ. Едва ли тамъ отличали даже ученіе шитовъ отъ вѣры суннитовъ. Впрочемъ, больные люди и тамъ восклицали: «Аллахъ-экберъ!» но молитвы больныхъ людей не ручаются еще за глубокую вѣру человѣка. При слабости въ вѣрѣ и всѣ прочія предписанія мусульманской этики курганча не соблюдала: женщины ея ходили открытыми, безъ малѣйшихъ, присущихъ гаремной жизни стѣсненій.

Курганча знала поэтому, что одна изъ женъ эмира готовится подарить ему ребенка. Приблизилось время родовъ и начались обычные мученія матери. На помощь ей были призваны опытные старухи, которыхъ набралось столько, что всѣ багадуры должны были перейти изъ курганчи подъ сѣнь виноградника. Болѣе услужливыя матроны принялись тотчасъ же встряхивать роженницу, какъ встряхиваютъ подушку, которой трудно выйти изъ наволочки. Больная не разъ впадала въ обмороки, что было относимо къ появленію злаго духа, наслаждающагося исключительно материнскими страданіями. Духъ этотъ невидимъ, но и въ невидимомъ состояніи онъ напоминаетъ собою мальчика съ огромными грудями, перекинутыми черезъ плечи, на спину. Матроны, разумѣется, предвидѣли, что онѣ будутъ имѣть дѣло съ этимъ врагомъ рода человѣческаго и поэтому приняли противъ него мѣры. Прежде всего, онѣ воткнули мечъ эмира въ изголовье матери. Затѣмъ они обратились къ филину, способному, какъ было извѣстно, управиться съ злымъ духомъ, какъ цапля съ лягушкою. Филина привязали къ кровати. Вскорѣ невидимый, но злой мальчикъ посрамился передъ филиномъ и отсту-

пился отъ больной, такъ что не понадобился и заготовленный въ курганчѣ волшебникъ, по неестественному возгласу котораго: «эй, выходи!» долженъ былъ появиться ребенокъ на свѣтъ.

Наконецъ, семья эмира увеличилась, къ его глубокой радости—мальчикомъ, котораго поспѣшили вымыть въ соленой водѣ, а потомъ вымазать коровьимъ масломъ.—«Какой-же ты дрянной мальчишка!» произносила при этомъ каждая изъ прислуживавшихъ женщинъ. Такое восклицаніе было выраженіемъ полного доброжелательства, потому что оно предохраняло ребенка отъ сглаза завистливыхъ людей. Колыбелька была готова заранѣе, со всѣми надежными амулетами противъ злыхъ духовъ: въ изголовьи были воткнуты перья филина, въ ногахъ—иглы дикобраза, а по бокамъ—змѣиный шкурки, собачьи клыки и поднесенные ребенку подарки.

Сорокъ дней купали ребенка въ соленой водѣ и мазали масломъ, вытягивая при этомъ его руки и ноги, чтобы онъ скорѣе выросъ въ багатура. Все это время не было отбоя отъ гостей, такъ что надъ курганчою постоянно взвивался дымокъ, свидѣтельствовавшій о радушіи хозяевъ. Объ этомъ радушіи увѣрили прохожихъ и стаи собакъ, оставившихъ Кенъ, чтобы насладиться костями возлѣ курганчи.

Нѣтъ однако ни малѣйшаго указанія на то, чтобы мальчикъ былъ подвергнутъ операциі, обязательной для строгихъ исповѣдниковъ ислама. Очевидно, догматы послѣдняго поддерживались въ ту пору въ Мавераннагрѣ не достаточно крѣпко. И дѣйствительно, всѣ сознавали, что вѣра Пророка, ослабѣвшая на пожарищахъ и передъ ручьями крови, требовала для своего подъема обновителя, который возсталъ бы за идею ислама, съ оружіемъ въ рукахъ и съ правомъ на воззваніе къ священной войнѣ. Со времени прихода монголовъ Мавераннагръ совершенно забылъ священнѣйшій изъ завѣтовъ Мухаммеда: сражаться съ невѣрными до полного ихъ избіенія....

Кто могъ бы однако думать, что въ сынѣ Турагая явится подобнаго рода обновитель ислама? И тогда, какъ и теперь, въ кишлакахъ ср. Азіи и возлѣ ауловъ, можно было видѣть толпы мальчиковъ, бѣгавшихъ, разумѣется лѣтомъ, по полямъ и дорогамъ, отъ утра до вечера, безъ признаковъ одежды. Въ этомъ облегченномъ состояніи такъ удобно зарываться въ кучи придорожной пыли, чтобы, окунувшись въ прудѣ, пуститься въ погоню за придорожными пичужками! Одинъ голодъ заставляетъ такую веселую

толпу возвращаться подъ родную кровлю. Сынъ эмира могъ поступать точно также, нисколько не нарушая достоинства своего рода. Но происходя изъ класса побѣдителей, онъ обыкновенно первый завладѣвалъ хворостиной начальника и усердно пробовалъ ея гибкость на спинѣ своихъ сверстниковъ. Впрочемъ, подъ его команду шли охотно и дѣти водоносовъ и маленькіе чистильщики арыковъ и погонщики ословъ, и разная людская мелочь....

Долгое время сынъ эмира оставался безъ имени. Родные считали пока достаточнымъ называть его—негоднымъ мальчишкою. Имя Тимура онъ получилъ уже въ возрастѣ, когда можно было задумываться о предстоявшей ему дорогѣ. Дорога-же открывалась передъ нимъ настолько широкая и съ такимъ необъятнымъ горизонтомъ, что всемірная исторія занимается имъ уже болѣе пяти вѣковъ и все еще не можетъ договориться о его значеніи, въ ходѣ историческаго рока, до послѣдняго слова. Народы и лѣтописи, ученые умы и легенды разошлись въ своихъ сказаніяхъ объ этомъ потрясателѣ земли, въ совершенно противоположныя стороны. Былъ ли это геній или только дикій звѣрь, считавшій кровь человѣка излюбленнымъ питьемъ? Вотъ вопросъ, на который получилось столько противорѣчивыхъ отвѣтовъ.

Въ помощь историкамъ, Тимуръ, по присущей великимъ людямъ слабости, оставилъ свое жизнеописаніе, въ которомъ привелъ о своемъ появленіи на свѣтъ разсказъ отца нѣсколько мистическаго свойства.

— «Однажды я увидѣлъ во снѣ прекраснаго молодого человѣка, похожаго лицомъ на араба», сообщилъ сыну эмиръ Турагай.—«Этотъ незнакомецъ подалъ мнѣ мечъ и приказалъ взмахнуть имъ противъ солнца. Когда я взмахнулъ, то блескомъ его стали освѣтятся мгновенно весь міръ, такъ что я увидѣлъ его отъ стороны восхода до стороны заката солнца. Пораженный этимъ необыкновеннымъ явленіемъ, я обратился къ шейху Куляля, извѣстному своею святою жизнью, съ просьбою объяснить необычайное сновидѣніе. Шейхъ, которому небо разрѣшило заглядывать въ книгу очевидности, сказалъ мнѣ: твой сонъ имѣетъ пророческое значеніе. Онъ предвѣщаетъ, что Богъ пошлетъ тебѣ сына, которому суждено овладѣть всемъ міромъ и обратить всѣхъ людей въ исламъ. На половину сонъ мой уже исполнился: Аллахъ послалъ мнѣ тебя, мой сынъ, а остальное продолжаетъ еще оставаться на страницахъ книги очевидности. Когда же

наступила пора избрать приличное имя, я отнесъ тебя къ шейху Шамсудину, успѣвшему прочесть весь коранъ болѣе ста разъ въ теченіе своей жизни. Шейхъ открылъ по моей просьбѣ коранъ и первое слово, какое онъ произнесъ, было: «Тимуръ»! Я далъ тебѣ, мой сынъ, это имя и, надѣюсь, что желѣзо поможетъ тебѣ осуществить предсказаніе святого человѣка».

Такъ говоритъ самъ Тимуръ, но не такъ записано въ лѣтописяхъ тѣхъ странъ и народовъ, гдѣ онъ стремился оправдать предсказаніе святого шейха. Армянскія лѣтописи, напримѣръ, полныя впрочемъ ненависти къ нему, передаютъ живучее и теперь еще въ средѣ дживанширскихъ армянъ преданіе о происхожденіи его отъ богатаго, но бездѣтнаго армянскаго священника.

— «Несмотря на преклонные годы, по усиленной мольбѣ къ Всевышнему, жена принесла іерею сына, что впрочемъ стоило ей жизни. Радость отца была отравлена горемъ о потерѣ преданнаго друга. Отсюда началось нерасположеніе къ ребенку, котораго окрестили въ армяно-грегоріанской церкви и съ арабскимъ именемъ эмира выпустили въ свѣтъ. Эмиръ росъ необыкновенно быстро. Въ числѣ его природныхъ качествъ была желѣзная настойчивость, которая проявилась однажды съ неестественною силою. Изъ нерасположенія къ сыну, священникъ поручилъ ему пасти стада; занятіе это, какъ видно, не нравилось ребенку и вотъ онъ пригналъ однажды домой вмѣсто ягнятъ—зайца, за которымъ гонялся цѣлый день. Удивленный этимъ страннымъ поступкомъ, отецъ подрѣзалъ икры на ногахъ сына, почему и привилось къ нему, имя ланктъ-эмира, т. е. хромого эмира. Не понравился, въ свою очередь и юношѣ поступокъ отца, а такъ какъ его преслѣдовали во всей Арменіи насмѣшками, то онъ бѣжалъ въ Дагестанъ, принялъ тамъ мусульманство и, поднявъ на ноги всю Азію, возвратился въ Арменію Божьимъ бичемъ. Для него не было лучшаго храма, какъ минареть изъ христіанскихъ головъ, на который взбирался его мю'ezzинъ для призыва правовѣрныхъ къ молитвѣ».

Татарскія легенды также вспоминаютъ о Тимурѣ, какъ о человѣкѣ, отмѣченномъ перстомъ Провидѣнія еще ранѣе появленія его на свѣтъ. Онъ сдѣлался хромоногимъ еще въ чревѣ матери, на которую предвѣщатели указывали народу, какъ на женщину, которая родитъ величайшаго изъ потрясателей земли. Народъ про-

бывалъ убить ее, но за нее заступились добрые джины,—геніи исламитягъ—допустившіе только нанести ребенку увѣчье.

Разнообразіе легендъ о происхожденіи Тимура указываетъ на его міровое значеніе. Въ числѣ ихъ имѣются и поэтическаго характера, переходящія всякіе предѣлы чудеснаго и, наоборотъ, поразжающія своею реальною наготою. Русскія лѣтописи, не признавая его потомкомъ Чингисъ-хана, считаютъ его «хлопомъ» нѣкоего государя, продавшаго его въ неволю за злоправіе и поэтому «не имѣа чимъ питатися, пребываше татбою кормяся.» За одну изъ такихъ кражъ ему перебили ногу, но онъ, занимаясь, между прочимъ кузнечествомъ, оковалъ мѣсто излома желѣзнымъ обручемъ. Отсюда онъ пошелъ въ свѣтъ подъ названіемъ «желѣзнаго хромца».

Какъ разнорѣчивы народныя сказанія о происхожденіи Тимура, такъ разошлись въ противоположныя стороны и строгіе историки въ сужденіяхъ объ истинномъ характерѣ его завоеваній и объ ихъ значеніи въ культурѣ всемірной общины.

— «Тимура слѣдуетъ сравнивать съ Александромъ Македонскимъ!» замѣтилъ восторженно Гаммеръ.—«Сравненіе это можетъ быть приведено какъ съ точки зрѣнія продолжительности и конца ихъ жизненной карьеры, такъ и ихъ человѣчности, пространства ихъ завоеваній, храбрости и наконецъ ихъ умѣренности. Александръ Македонскій, вышедшій изъ высшаго разцвѣта греческаго и персидскаго развитія, былъ образованнѣе Тимура, но послѣдній превзошелъ его талантами полководца и властителя покоренныхъ странъ и народовъ. Александру приходилось покорять изнѣженные народы, тогда какъ Тимуръ ниспровергалъ воинственныя царства. Первый родился на тронѣ, а второй въ хижинѣ. Несмотря на это различіе въ подготовкѣ къ всемірной сценѣ, желѣзное постоянство, необыкновенное самообладаніе и осторожность вознесли Тимура на вершину могущества и качества эти не покидали уже его до послѣдней минуты жизни».

— «Тимуръ возбуждалъ въ своихъ ордахъ кровожадность и звѣрство».—Таково мнѣніе Шлоссера.—«Его татаро-монголы, походившіе на тигровъ, истребляли людей тысячами»....

— «Завоевать міръ и властвовать надъ нимъ было главною цѣлью Тимурова честолюбія».—Таково увѣреніе Гиббона.—«Жить въ памяти и уваженіи потомства было вторымъ желаніемъ его благородной души. Побѣжденные имъ народы увлекались низкимъ и безсильнымъ желаніемъ отомстить за свое униженіе, но

ихъ усилія служили каждый разъ только новымъ ореоломъ всегда побѣдоносному гению»...

— «Онъ былъ безчеловѣчно жестокъ!» восклицать Веберъ, избравшій впрочемъ для своего сужденія золотую середину.—«Онъ былъ ужасенъ своею свирѣпостью...но имѣлъ великіе таланты полководца, правителя и законодателя...и въ спокойномъ состояніи духа.... былъ справедливымъ судьей, покровителемъ художниковъ и ученыхъ»...

Грановскій не нашелъ для Тимура ни одного добраго слова:—«Въ большой части завоеваній его трудно замѣтить какую нибудь опредѣленную политическую цѣль. Можно думать, что имъ руководила безотчетная страсть къ разрушенію. Разоривъ богатую страну, срывъ до основанія ея города, потоптавъ копытами коней своихъ ея жатвы, настроивъ пирамиды изъ отрубленныхъ головъ, онъ шелъ далѣе, не заботясь объ утвержденіи своей власти въ обезображенной пустынѣ».

Впрочемъ и Мюллеръ, сравнивъ Тимура съ Атилою и Чингисъ-ханомъ, призналъ въ немъ только грознаго воина,—«имя котораго въ теченіи столѣтій съ ужасомъ и изумленіемъ повторялъ весь западъ».

Ничто не предвѣщаетъ, что и будущіе Гаммеры, Шлоссеры, Гиббоны и всѣ грядущіе корифеи строгой исторіи установятъ единство взглядовъ на дѣла рукъ Тимура. Одни изъ нихъ, взобравшись на пирамиду изъ человѣческихъ головъ, будутъ посылать ему попрежнему небесные громы, а другіе пройдутъ мимо этихъ триумфальныхъ монументовъ и углубятся въ чтеніе его автобіографіи. Последняя-же гишотизируетъ читателя предвзѣтымъ прекрасодушіемъ. Она не упоминаетъ ни объ одной башнѣ изъ людей, живо залитыхъ цементомъ и только изрѣдка разрѣшаетъ подуть на страну или городъ «вѣтромъ тлѣнія», или говоря проще, обрушиться на побѣжденныхъ поголовнымъ избіеніемъ. Но и въ такихъ случаяхъ, авторъ относитъ вѣтеръ тлѣнія въ безотвѣтственную сторону, въ сторону Всемогущаго.—«Не ты, Мухаммедъ, напалъ на враговъ ислама—а Богъ, чтобы показать вѣрный знакъ своего могущества».—Если такое оправданіе годилось для Мухаммеда, то книга очевидности еще болѣе годилась для оправданія Тимура, который истребилъ людей въ тысячу разъ болѣе, нежели самъ Пророкъ въ его борьбѣ съ корейшитами или въ битвахъ при Бедрѣ и Оходѣ.

Подрывая вѣру въ искренность и правдивость автобіографіи Тимура, нельзя пройти мимо его минаретовъ изъ человѣческихъ головъ и мимо его показнаго стремленія осчастливить несчастливцевъ и просвѣтить непросвѣщенныхъ. Съ этою цѣлью, необходимо прослѣдить его жизнь отъ дня рожденія до момента, когда книга очевидности подула и на него вѣтромъ тлѣнія.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ТИМУРА.

(1333—1340 г.г.)

Тимуръ провелъ дѣтство при обстоятельствахъ, носившей отпечатокъ исключительнаго преобладанія матеріальной силы надъ нравственными законами, хотя - бы то были законы монгольскаго или мусульманскаго кодексовъ. Даже самое положеніе родной курганчи—съ высокими стѣнами и подзорными башнями—напоминало ему о значеніи вражды, о возможности нападенія, о необходимости защиты и вообще о силѣ, какъ объ единственномъ источникѣ житейскаго блага. Шрамы и борозды на лицахъ отца и его сподвижниковъ говорили о страшныхъ ударахъ стальными клинками и о ничтожности границы между жизнью и смертью. Ему приходилось не разъ скрываться, со всѣмъ населеніемъ курганчи, отъ врага, за болѣе высокими городскими стѣнами и видѣть, какъ ихъ защитники ликовали при побѣдѣ и горевали при пораженіи. Груды тру-

повъ и лужи человѣческой крови были, въ ту пору ослабленія власти чингисидовъ, довольно обычными явленіями. Поэтому цѣна

человѣческой жизни стояла, даже въ глазахъ ребенка, не выше цѣны на домашнее животное.

При такой обстановкѣ, маленькій Тимуръ преклонился передъ физическою силою, какъ передъ единственнымъ смысломъ природы человѣка. Впрочемъ и ему представлялись случаи познавать различіе между двумя видами силы—механическою и духовною. Однажды, сынъ погонщика ословъ повалилъ его въ единоборствѣ на землю, какъ пѣшку и даже придавилъ его колѣномъ, но вслѣдъ затѣмъ сталъ въ ряды его же дѣтскаго войска и покорно подчинился ударамъ его хлыста. Очевидно, то былъ уже хлыстъ не мальчика, только что приниженного, а атамана, имѣвшаго власть посылать своихъ крошечныхъ багадуровъ въ погоню за воображаемыми караванами.

Нѣтъ сомнѣнія, что сказки уносили и маленькаго Тимура въ страны, населенныя злыми и добрыми геніями, богатырями, побѣждавшими драконовъ и старухами, перерождавшимися въ очаровательныхъ красавицъ. При всемъ богатствѣ природы Шааръ-Себза, нельзя же было и сыну эмира забавляться круглый годъ выдираніемъ изъ стѣнъ птичьихъ гнѣздъ, или охотою на ящерицъ и черныхъ пауковъ. Съ отходомъ винограда и наступленіемъ зимы скрывались и красные скворцы и красивыя иволги, а земля раскисала и затягивала всѣ корридоры землероевъ. Со стороны дальнихъ горъ, гдѣ еще такъ недавно можно было собирать вкусныя фисташки и кисленькій барбарисъ, вставали тяжелыя дождевыя тучи, такъ что и ослики неохотно выступали за ограду курганчи.

Въ такіе скучные дни, а тѣмъ болѣе въ темные вечера и въ безпроглядныя ночи, пріятнѣе лежать подъ одѣяломъ, выставивъ пятки къ мангалу—очагу, углубленному въ землю—съ тлѣющими угольками, нежели мѣсить голыми ногами холодную и липкую грязь. Въ курганчѣ былъ общественный мангалъ, возлѣ котораго все ея досужее населеніе проводило время въ дружескихъ воспоминаніяхъ и въ пріятельской бесѣдѣ. Тогда еще не было въ Шааръ-Себзѣ недостатка въ угляхъ изъ ароматичнаго можжевельника, наводящихъ такую сладкую дрему!

При ребенкѣ находилась няня—дряхлая, корявая, похожая на сову, но безъ памяти любившая своего питомца. Отъ времени и по недостатку ума она забыла, когда и при какихъ обстоятельствахъ попала въ рабство къ эмиру Турагаю. Изъ дѣйствительной жизни она помнила немного и то, по сегодняшнимъ воспо-

минаніямъ, она родилась возлѣ Балха, а спустя день-два, ей припоминалась родительская сакля, возлѣ могилы какого-то всемогущаго святого. Девяти лѣтъ она была уже замужемъ. Бекъ казнилъ за что-то ея мужа, а ее взялъ къ себѣ въ рабыни починять старые ковры. Долго ли продолжалась эта жизнь, она не помнила, но хорошо знала, что пять лѣтъ подрядъ ее заставляли носить за пазухою мѣшечки съ яичками шелковичныхъ червей. Она помнила также, что какой-то грозный ханъ истребилъ всѣхъ, кого она знала... а дальше она останавливалась только на вопросѣ: если у человѣка есть мучная лепешка и теплое мѣсто у мангала, то что ему еще нужно?

Не смотря на всю бесполезность старухи, эмиръ дорожилъ ею какъ олицетвореніемъ неограниченной преданности. Къ тому же, позабывъ о времени и мѣстѣ своего рожденія и даже имени своего мужа, она рассказывала сказки съ неподражаемою точностью, не допуская ни урѣзокъ, ни прибавленій. Если она говорила объ охотѣ царевича Санавара, то утверждала, что онъ гонимся за оленемъ, а не за джайраномъ и готова была пустить въ ходъ свои старческіе когти противъ насмѣшника, видѣвшаго будто-бы царевичъ убилъ джайрана, а не оленя. Въ сказкѣ о царевичѣ Шахзада - Бахрамъ она утверждала, что соколъ разбилъ чашу, въ которую змѣя наточила яду, и когда ей возражали, что вовсе не соколъ, а летучая мышь—она бросала въ дерзкаго углями изъ мангала.

Зимними вечерами, когда надъ курганчею завывала свирѣлая буря, проникавшая во внутрь жилия черезъ рассѣлины глинобитныхъ стѣнъ, лучшею отрадою жизни служили мангалъ, круговой бурдюкъ съ веселою бузою изъ проса и занимательная сказка. Сказка о чудесной дубинкѣ правилась одинаково и пытливому ребенку и угрюмымъ бабадурамъ, поэтому няня охотно повторяла ее день за днемъ:

—«Бѣдная старуха накрутила однажды мотокъ нитокъ и поручила сыну продать ихъ и купить хлѣба. Нитки онъ продалъ, но вмѣсто хлѣба купилъ крылатаго змѣя, котораго злые мальчики собирались убить палками. Мать его разсердилась, прибила и выгнала изъ дому: ты больше мнѣ не сынъ! сказала она, толкая его въ шею. Мальчикъ заплакалъ, взялъ змѣя за пазуху и пошелъ, куда глаза глядятъ. Вскорѣ онъ захотѣлъ ѣсть.—Ты хочешь ѣсть? спросилъ его змѣйи человѣческимъ голосомъ.—

Да, я хочу ѣсть, отвѣчалъ мальчикъ.—Подъ крыломъ у меня есть слитокъ золота: за него дадутъ не только хлѣба, но и вкусную дыню.—Мальчикъ обрадовался, вынулъ золото и въ первомъ кишлакѣ наѣлся досыта.—Когда мы придемъ во дворецъ моего отца, онъ будетъ предлагать тебѣ награду за мое спасеніе, но ты не проси у него ни халата, ни пилава, ни скатерти самобранки, ни даже должности визиря. Ты проси у него чудесную дубинку, которая будетъ бить каждаго, кого ты прикажешь, хотя бы самого бека».—Въ началѣ сказки можно было думать, что ребенокъ дремлетъ подъ теплымъ одѣяломъ, но когда старая рабыня доходила до чудесной дубинки, онъ выдвигался съ видимымъ желаніемъ не проронить ни одного слова. Обладаніе дубинкою всегда возбуждало въ немъ лихорадочное вниманіе.—«Змѣй-отецъ очень обрадовался возвращенію сына, котораго онъ считалъ погибшимъ. Мальчику онъ выставилъ угощеніе на девяти блюдечкахъ и сказалъ:—Проси у меня, чего ты хочешь, отказа не будетъ.—Подари мнѣ чудесную дубинку, которую ты держишь за семью замками, попросилъ мальчикъ, слѣдуя совѣту змѣйнаго сына.—Возьми лучше у меня котель, въ которомъ есть всегда готовый пловъ, посоветовалъ змѣй-отецъ.—Нѣтъ, подари мнѣ дубинку.—Ну возьми у меня осла: у него червонцы сыпятся изо рта.—Дубинку! твердилъ мальчикъ, дубинку!—Нечего дѣлать, змѣй сдержалъ слово и, отперевъ всѣ семь замковъ, приказалъ тяжелой, усѣянной гвоздями, дубинкѣ перейти во власть мальчика. Она повиновалась. Мальчикъ пошелъ далѣе и встрѣтилъ шайтана.—Я тебя съѣмъ! сказалъ шайтанъ.—Бей его! сказалъ мальчикъ.—Дубинка принялась бить шайтана до того больно, что онъ отдалъ мальчику и осла съ червонцами и котель съ вѣчнымъ пловомъ. Мальчикъ возвратился тогда къ матери и вмѣсто тѣхъ денегъ, что выручилъ за нитки, наполнилъ всю ея кладовую чистымъ золотомъ. Потомъ онъ послалъ мать къ царю съ требованіемъ отдать ему въ жены дочь—красавицу. Мать поступила какъ слѣдуетъ: она вымела метлою дворъ у царя и, когда онъ спросилъ, что ей нужно, отвѣтила: отдай свою дочь за моего сына! Царь разсердился и хотѣлъ повѣсить мальчика, но разсудилъ иначе:—пусть онъ доставитъ пять тысячъ верблюдовъ съ золотомъ, хлѣбомъ и платьемъ, тогда я отдамъ свою дочь, а иначе повѣшу. Мальчику, благодаря его чудесной дубинкѣ, ничего не стоило исполнить это условіе, такъ что у царя не достало комнатъ, чтобы помѣстить

ДВѢ ВОЛНЫ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ДНИ ДѢТСТВА ТИМУРА.

все доставленное золото. Мальчикъ сдѣлался мужемъ царской дочери, а потомъ и самимъ царемъ. Царствованіе его было благополучно и онъ велѣлъ давать каждой бѣдной старухѣ по большой хлѣбной лепешкѣ».

Мораль этой сказки проста, какъ хорошо обглоданная кость: весь смыслъ жизни заключается въ обладаніи чудесною дубинкою! Она даетъ все: и царевну, и груды золота, и власть надъ бекомъ. Понятно, что эмиръ Турагай не думалъ отвлекать ребенка отъ миража силы и власти. Напротивъ, и онъ, и багадуры, грѣвшіе рядомъ съ ними свои пятки передъ угольками мангала, глубоко сочувствовали подвигамъ дубинки и только скорбѣли духомъ передъ вопросомъ: гдѣ и какъ ее достать? Змѣи уже не говорили въ ту пору человѣческими голосами, а простымъ батикомъ, хотя бы его поддерживали въ рукахъ девять знахарей, царства не добудешь.

По окончаніи этой сказки, одинъ изъ слушателей обычно похвалялся тѣмъ, что его батикъ, обдѣланный слоновою костью, вполне напоминалъ чудесную дубинку. Но сыну Турагая было извѣстно, что обладатель чудесной дубинки нуждался нерѣдко въ нѣсколькихъ аршинахъ маты на исподнее бѣлье. Очевидно, къ дубинкѣ нужно было прибавить еще какую-то таинственную силу, но гдѣ-же и въ чемъ эта сила?

Не посягая на разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ своего питомца, озадачивавшаго нерѣдко всю курганчу разумомъ не по лѣтамъ, старуха порывалась начать новую сказку, но населеніе курганчи далеко не всегда развлекалось однѣми фантазіями....

Въ ту пору весь джагатайскій улусъ находился въ бѣдственномъ состояніи. Благодаря вырожденію чингисидовъ, судьбою улуса правилъ ханъ немилостивый, жестокій, а главное несправедливый, готовый карать невинныхъ и награждать виновныхъ. Визири и ихъ приспѣшники торопились, поэтому, нажиться и бѣжать въ другой улусъ, хотя бы даже въ Кара-Китай. Ростовщики и купцы прекрасно понимали это положеніе вещей и не выпускали изъ кабалы своихъ кліентовъ. У работниковъ падали руки и, вмѣсто заботъ о сборѣ урожая, они изощрялись только въ томъ, чтобы скрыть отъ сборщика лишнюю горсть ячменя или риса....

При упадкѣ въ ханѣ справедливости, все людское счастье скрывается—порою надолго—за предѣлы видимого царства. И дѣйствительно, въ Мавераннахрѣ, прежде всего засохли оросительные ка-

налы, которые при справедливыхъ ханахъ давали воды, сколько было нужно народу. Отъ недостатка воды погибли рисовыя поля. На баштанахъ съ дынями валялись явившіяся изъ камышей дикія свиньи. Бараны, извѣстные всему міру своими тяжелыми курдюками, подтянули ихъ до неузнаваемости. Дерзкіе волки пошли заглядывать въ кишлаки и не только портить скоть, но и выхватывать дѣтей изъ колыбелей. Коршуны и тѣ взяли силу надъ домашнею птицею. На базарахъ же все вздорожало до того, что бѣдному человѣку нечего было и думать о покупкѣ риса на пилавъ. Повсюду, въ странѣ поднялся ропотъ и хотя, при имени хана, народъ все таки призывалъ на него благословеніе Божіе, но это шло не отъ сердца, а только по издавна заведенному обычаю.

Роптали и въ курганчѣ эмира Турагая. Его багадуры осуждены были на полное бездѣйствіе, такъ какъ купеческіе караваны перестали ходить черезъ Мавераннагръ, потому что разбойниковъ развелось въ немъ болѣе, чѣмъ шакаловъ, а дороги и рѣки, представлѣнныя одной природѣ, сдѣлались непроѣздными и непроходимыми. Горюя по этому поводу, каждый багадуръ, состоявшій не у дѣлъ, готовъ былъ идти къ хану и внушить ему добрый совѣтъ. Разумѣется, такая рѣшимость выражалась только на словахъ, но все же у каждаго изъ нихъ была своя финансовая теорія и собственный политическій планъ. Одинъ изъ нихъ, кажется обладатель дубинки съ слоновою костью, увѣрялъ, что все пойдетъ хорошо, когда бѣднымъ людямъ будутъ отпускать воду даромъ, а богатымъ за деньги. Между ними нашелся и женоненавистникъ, требовавшій, чтобы лишнія жены были проданы, а деньги, понятно, пошли бы въ раздѣлъ неимущимъ. Болѣе рѣшительные умы готовы были требовать, чтобы ханъ отнять всѣ караванъ - сараи у купцовъ и роздалъ бы товары и хлѣбъ отставнымъ багадурамъ.

Обыкновенно эмиръ Турагай, выслушивая внимательно своихъ соратниковъ, никогда съ ними не соглашался. — «Если врагъ отрубилъ палецъ твоей лѣвой руки, то поможешь ли этой бѣдѣ, отрѣзавши палецъ правой руки и приложивши его къ лѣвой?» — резюмировалъ онъ общій ходъ размышленій. — «Нѣтъ, не поможешь, такъ о чемъ же и разсуждать?! Не такъ нужно дѣлать дѣло. Всѣ тарханы должны идти во дворецъ хана, не спрашивая ничьего позволенія и сказать ему: собери всѣхъ багаду ровъ и поступи какъ великій Чингисъ-ханъ. Поведи ихъ войною на югъ или на востокъ, и пусть они тамъ

обогатятся, а тогда насытитесь и весь твой народъ. Вотъ какъ нужно дѣло дѣлать. И вы увидите, какъ поступить человѣкъ, знающій цѣну своимъ рубцамъ....»

Эмиръ очевидно говорилъ о себѣ самомъ, такъ какъ, по его словамъ, онъ обладалъ наследственной тарханною грамотою.

Бесѣда у мангала затягивалась по временамъ до глухой полуночи. Наступала пора и ко сну.—«Бери мальчикъ примѣръ съ твоего отца», совѣтовалъ кто нибудь изъ собесѣдниковъ, замѣтивши, что ребенокъ продолжаетъ слѣдить воспаленными глазами за рассказами няни.—«Сынъ такого отца долженъ имѣть и бунчукъ и литавры. Ахъ, посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ смягчилъ однажды характеръ несговорчиваго караванъ - баши! Отъ одного его удара батикомъ, позвонки таджика разсыпались, точно они были сложены изъ игорныхъ шашекъ. Ну, спи теперь, спи, а когда вырастешь, повѣсь батикъ отца въ своемъ изголовьи».

Дѣтская пора сына Турагая указывала, что онъ не только выдѣлится изъ сверстниковъ, но и вступить, при пособіи природныхъ качествъ, въ отчаянную борьбу за существованіе. Его не интересовали ни водяныя мельницы изъ камышовыхъ дудокъ, ни ловля стрижей, опоясывавшихъ курганчу рядами гнѣздышекъ, ни даже шумъ воробьиной стаи, при видѣ сородича, которому мальчуганъ привязалъ красную тесемку на шею. За то, если открывались въ старыхъ развалинахъ гнѣзда скорпионовъ и удавалось выдернуть изъ норки пару черныхъ пауковъ и образовать общую изъ нихъ компанію—удовольствію сына Турагая не было предѣловъ.

Верховая ѣзда и охота входили въ программу его воспитанія еще въ нѣжномъ возрастѣ, когда у него едва доставало силы ухватиться за гриву жеребенка и умѣнія подстрѣлить горлицу изъ дѣтской пращи. Вскорѣ онъ проявилъ себя и на охотѣ ребенкомъ, одареннымъ необыкновенною сообразительностью. Багадуры, слушавшіе его первоначально съ снисхожденіемъ, поняли вскорѣ, что онъ даетъ имъ нешуточные совѣты. Въ первый разъ онъ прославился въ курганчѣ совѣтомъ устроить засаду на джайрановъ совѣмъ на другой тропинкѣ, нежели предполагало собраніе охотниковъ: только благодаря этой засадѣ, джайраны попали въ общественный котель. На шестомъ году онъ уже гонялся съ собаками за барсуками, какъ взрослый человѣкъ, и не отходилъ отъ норы, пока ея обитатель не попадался въ переборку жадной стаи псовъ.

Не смотря впрочемъ на свои исключительно багадурскія воззрѣнія на жизнь, эмиръ Турагай понималъ, что его сыну необходимо болѣе тонкое просвѣщеніе, безъ котораго трудно было бы состязаться съ соперниками при дворѣ джагатаидовъ. Но посадить ребенка въ школу, за книгу, было еще рано, поэтому отецъ взялъ его однажды въ путешествіе съ намѣреніемъ ввести его въ свѣтъ и за одно уже, по праву тархана, преподать хану добрый совѣтъ. Прежде всего слѣдовало побывать у святаго отшельника. При всей слабости въ ту пору ислама, въ Мавераннагрѣ народилось немало благочестивыхъ людей, охотно снабжавшихъ правовѣрный міръ и поученіями и святымъ дыханіемъ.

Эмиръ Турагай отправился къ другу своей молодости шейху Куляля. Теперь это былъ уже старикъ, отдавшійся, послѣ бурной поры багадурскихъ подвиговъ, строго созерцательной жизни. Пристанищемъ ему служила сѣнь надъ могилою святаго, успокоившагося еще во времена нашествія арабовъ на Мавераннагръ. Шейхъ слылъ прорицателемъ; къ нему присоединились толпы послѣдователей, но они выказали такую жадность, что онъ предпочелъ уединиться отъ нихъ и вырыть себѣ логовище въ самой могилѣ святаго мужа. Могила, у которой онъ устроилъ келію, находилась на вершинѣ горы, одиноко возвышавшейся среди безплодной, безводной и выжженной солнцемъ степи. Сюда стекалось по временамъ много народа, какъ для поклоненія могилѣ, такъ и съ цѣлью уловить дыханіе благочестиваго мужа. То былъ обрядъ, практикуемый и теперь въ средѣ вѣрующихъ людей. Таборы прибывавшихъ паломниковъ, коней и верблюдовъ то увеличивались, то рѣдѣли, оставляя у могилы, въ знакъ особаго къ ней уваженія, новыя бараньи головы съ вѣтвистыми рогами. Высокій шестъ у могилы пестрѣлъ множествомъ навѣшанныхъ на него жертвенныхъ приношеній.

Эмиръ Турагай, путешествовавшій съ свитой багадуровъ, раздвинувъ толпу довольно безцеремонно и остановился у мазара, гдѣ и былъ встрѣченъ шейхомъ, выглянувшимъ, ради боевого товарища, изъ глубокаго логовища. Шейхъ оказалъ при этомъ всѣ знаки своего душевнаго расположенія. Ребенка онъ поставилъ подъ мышки, подулъ на него, осыпалъ его хлѣбными зернами, потеръ ему глаза землею и съ восклицаніями: «Аллахъ-акберъ!» — скрылся обратно въ логовище.

Простившись съ благочестивымъ другомъ, эмиръ отправился

въ Самаркандъ показать сыну резиденцію джагатаидовъ. Здѣсь, онъ—наслѣдственный обладатель тарханной грамоты—могъ войти во дворецъ и потребовать себѣ и всему своему роду столько пилаву, сколько хотѣлъ. Этотъ добрый, старый порядокъ монголовъ былъ забытъ однако при дворѣ, но эмиръ повелъ себя такъ властно, что дворцовая прислуга возымѣла къ нему серьезное уваженіе. Ему и его сыну подали пилавъ, но все таки, на пришельцевъ приходили смотрѣть, какъ на дикихъ провинціаловъ, вспомнившихъ о давно и всеми забытыхъ грамотахъ и привилегіяхъ. Услужливые придворные привели даже какого-то избалованнаго принца ханской крови, чтобы онъ полюбовался дикарями, не имѣющими понятія объ этикетѣ. Здѣсь произошелъ эпизодъ, едва ли записанный даже въ книгѣ очевидности: принцъ посмѣялся надъ своимъ гостемъ, не подозрѣвая вѣроятно, что онъ выросъ въ курганчѣ, гдѣ не чувствовалось разницы между черною и бѣлою костью. Не долго размышляя, Тимуръ пустилъ въ принца случившимся подъ рукою бараньимъ масломъ.

Все придворные пришли въ ужасъ, а Тимуръ продолжалъ поѣдать пловъ, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ своего поступка. Возлѣ него засуетились, забѣгали и видимо готовились позвать стражу, чтобы задержать дерзкаго оскорбителя, но эмиръ, восхитившись поступкомъ сына, нашель, что ему неприлично оставаться въ средѣ невѣждъ.—«Я—тарханъ, прочь съ дороги!» объявилъ онъ властно раздвигая дворцовую толпу.—«Сынъ мой также тарханъ, и кто дотронется до него, тому не сносить головы!» Толпа разступилась.

За стѣнами урды, эмиръ повелъ свою кавалькаду быстрымъ аллюромъ, хорошо понимая, что никакая тарханная грамота не спасетъ его отъ преслѣдованія. На время онъ оставилъ даже свою курганчу и углубился съ сыномъ въ горы, гдѣ всякіе поиски были бы безплодны. Здѣсь нужно было переждать время, когда одинъ джагатаидъ вытѣснитъ другого, или прибѣжить безмѣстный принцъ кореннаго юрта и займетъ силою, или хитростью, тронъ Джагатая.

XXIX.

МОЛОКО ИСЛАМА.

(1340—1350 гг.).

одошла пора обученія Тимура.

Монголы оставили побѣжденнымъ ими народамъ Азіи нетронутыми главнѣйшія насажденія аравитянъ: религію и образованіе. Религію они оставили безъ вниманія по двумъ причинамъ: по обычному равнодушію своему къ духовной сторонѣ жизни человека и по совершенному незнакомству съ принципами и значеніемъ ислама. Создавая изъ трехъ религій—національной, еврейской и христіанской—одну и, переплетая ее легендами, то евреевъ Медины, то монаховъ Сиріи, Мухаммедъ былъ строго послѣдователемъ только въ установленіи единобожія и въ нетерпимости къ язычеству. Его коранъ поставилъ идолопоклонство преступнѣе убійства и языческій культъ преступнѣе всѣхъ беззаконій. Въ этомъ отношеніи, онъ пошелъ далеко до того, что ограничить

даже силу Всевышняго и, разрѣшая Его волею все преступленія, исключилъ изъ нихъ поклоненіе истуканамъ.

Монголы, по приходѣ въ ср. Азію, не имѣли возможности, по своей безграмотности, ознакомиться съ кораномъ, обращавшимся къ тому же въ очень ограниченномъ числѣ рукописныхъ изданій. Татары-же не выдавали сокровенныя мысли Пророка и поэтому пришельцы довольствовались свѣдѣніями о томъ, что исламитяне дѣлятся на два толка, готовые истребить другъ друга. Оказавъ одинаковое покровительство суннитамъ и шїитамъ, монголы сочли себя умнѣйшими дипломатами, которые, отлично владѣя конями и стрѣлами, могли и не справляться съ ученіемъ какого-то невѣдомаго имъ человѣка.

Школу они оставили въ покоѣ, какъ естественное дополненіе мечети. Будучи сами поклонниками Неба, они ничего не имѣли противъ семи мусульманскихъ небесъ, отдѣленныхъ одно отъ другаго пятьюстами лѣтъ караваннаго пути. Они видѣли, что муллы и улемы преподають въ мечетяхъ и школахъ одинъ и тотъ-же коранъ, а этого было достаточно, чтобы признать ученіе въ школахъ только продолженіемъ религіи.

По всей вѣроятности монголы, узнавъ, что Мухаммедъ требуетъ безопаднаго истребленія всехъ народовъ съ культомъ многобожія, измѣнили бы свое благодушное отношеніе къ исламу. Но прошло не болѣе тридцати лѣтъ со времени прибытія ихъ въ Мавераннагръ, какъ шестой ханъ династіи джагатаидовъ—Берракъ, отчасти обманутый идолами въ столкновеніи его съ гулагидами, отчасти соблазненный красотою мусульманскаго рая, принялъ исламъ. Послѣ того гоненіе въ Мавераннагрѣ противъ ислама было немислимо.

Кешъ не утратилъ и по приходѣ монголовъ ученаго значенія. Наука нисколько не стояла въ ту пору ниже теперешняго ея положенія въ мусульманскихъ странахъ, остановившихся по всемъ отраслямъ знанія—кромѣ военной—на точкѣ замерзанія. Если въ школахъ Стамбула проповѣдуютъ и въ наше время о существованіи шести планетъ, населенныхъ и наполненныхъ вѣтромъ, камнями, адскою сѣрою, змѣями, скорпіонами и шайтаномъ, то неудивительно, что пять вѣковъ тому назадъ улемы Кеша преподавали космогонію по подобной-же программѣ. Въ его многочисленныхъ мектебе—низшихъ школахъ—слышались съ утра до ночи пѣвучіе голоса, твердившіе во всеуслышаніе Элифъ-бе. Въ келіяхъ

же его медресе—высшихъ школахъ—всегда трактовали съ достаточною глубокомысленностью, что земля подпирается спиною ангела, который стоитъ на скалѣ, выпускающей изъ себя семь тысячъ рѣкъ, при чемъ скала поκειται на быкѣ съ четырьмя тысячами глазъ....

Мусульмане всегда хорошо обезпечивали существованіе своихъ медресе, такъ что студенту, размышлявшему о точкѣ опоры всего видимаго и невидимаго, не приходилось заботиться о мучной лепешкѣ. Студенты получали стипендіи изъ доходовъ съ вакуфовъ—земель, лавокъ и садовъ, посвященныхъ на добрыя дѣла и прежде всего на дѣло образованія. Въ Кешѣ находилось медресе съ тысячею студенческихъ келій. Рука времени уничтожила ихъ до основанія, но эта несносная рука поступила не лучше и въ Самаркандѣ, въ купели ислама, гдѣ можно и теперь видѣть старинныя келіи софтовъ, заваленныя базарнымъ мусоромъ.

Маленькій Тимуръ поступилъ въ мектебе, которымъ завѣдывалъ почтенный сѣдобородый мулла, совершившій хаджъ—богоугодное путешествіе въ Мекку—и поэтому пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Эмиръ Турагай передалъ на его попеченіе сына съ обычнымъ любезнымъ предложеніемъ наказывать, если то будетъ необходимо, тѣло непослушнаго ученика, но не трогать его костей. Ребенокъ однако выдѣлился въ первые же дни ученія изъ толпы сверстниковъ настолько, что наставнику не приходилось пускать въ обращеніе надъ нимъ свою длинную трость.

Хаджи, какъ строгій исповѣдникъ ислама, отдавалъ всего себя на преподаваніе корана. Но ранѣе насажденія его истинъ, онъ внушалъ своимъ ученикамъ достаточныя понятія о наружности и естествѣ Пророка. Впрочемъ, прежде чѣмъ подойти къ Пророку, почтенный хаджи не забывалъ пояснять, что онъ совершилъ хаджъ по той-же дорогѣ, по которой ходилъ въ Мекку справедливый и набожный Гарунъ-аль-Рашидъ. Всѣмъ-же извѣстно, что великій халифъ истратилъ на свое паломничество болѣе ста мил. динарій, при чемъ всю дорогу отъ Багдада онъ покрылъ коврами и драгоценными матеріями, такъ что его супруга Забейда прошла этотъ путь, не запывливъ мизинца своей ноги.

О естествѣ-же Пророка хаджи повѣствовали, что тѣло его «было подобно по своей чудесной бѣлизнѣ камфорѣ, серебру и свѣту, и нѣжнѣ шелка. Отъ него шли струи благовонныхъ испареній. Ростъ его былъ ни коротокъ, ни длиненъ, ни средній, но

когда онъ говорилъ съ великаномъ, то казался выше послѣдняго и это было замѣчено сто тысячъ разъ. Отъ него не падало тѣни ни при солнцѣ, ни при лунѣ, а благословенная спина его обладала свойствомъ видѣть одинаково и позади и впереди себя. Всѣ его изверженія были благовоннѣ мускуса и амбры и принятіе ихъ служило не только исцѣленіемъ отъ болѣзней, но и пособіемъ ко входу въ рай».

Повѣствованіе это, сопровождавшееся обычно поглаживаніемъ бороды и возведенніемъ взоровъ къ небу, вызывало у прилежныхъ слушателей, какимъ былъ и Тимуръ, благоговѣйное сокрушеніе и умильные слезы. Отъ этого-же почтеннаго наставника, Тимуръ усвоилъ себѣ разницу въ положеніяхъ между вѣрными и кяфирами.—«Всѣ невѣрные», пояснялъ хаджи, «должны будутъ отправиться въ адъ на вѣчныя времена, тогда какъ мусульмане, хотя бы и грѣшившіе при жизни, испытаютъ муки ада только опредѣленное число лѣтъ. По истеченіи семи тысячъ лѣтъ, Мухаммедъ выведетъ изъ ада всѣхъ мусульманъ, оставивъ тамъ въ добычу огня, кипящей смолы и дьяволовъ, только іудеевъ, христіанъ, огнепоклонниковъ, идолопоклонниковъ и лицемѣровъ. Впрочемъ мусульмане-лицемѣры будутъ также прощены и переведены въ райскую обитель. При томъ-же, мусульмане будутъ страдать только по мѣрѣ ихъ согрѣшеній, тогда какъ христіане, іудеи и вообще не увѣровавшіе въ посланническую миссію Мухаммеда, будутъ терзаться уже за одно свое невѣріе. Каждому невѣрному, отвергающему коранъ, предстоитъ испытать силу страшнаго сахара, отъ котораго никто изъ невѣрующихъ не скроется»....

При одной этой перспективѣ, Тимуръ былъ ясенъ вопросъ: быть или не быть строгимъ мусульманиномъ? Въ помощь-же къ этому вопросу хаджи не скупился на описаніе плѣнительной стороны райскаго обиталища:

— «Тамъ ожидаетъ правовѣрныхъ состояніе полного блаженства. Насколько нестерпима обстановка ада съ его вѣчнымъ смрадомъ, дымомъ и зноемъ, непрерывно сжигающимъ постоянно возобновляющуюся кожу грѣшника, настолько упоительны наслажденія въ садахъ рая. Тамъ будутъ раскинуты палатки изъ дорогой матеріи, убранныя золотомъ и серебромъ; тамъ будетъ струиться постоянно свѣжая вода, тамъ тѣнистыя деревья будутъ сбрасывать сочные плоды прямо ко рту пребывающаго въ кейфѣ обитателя. Дѣвы рая никогда не будутъ старѣть, а ланиты ихъ

будутъ непрерывно всыхивать румянцемъ стыдливости. Такимъ образомъ, вся райская жизнь мусульманина будетъ проходить въ ѣдѣ, въ питьѣ и наслажденіяхъ, чего не даютъ ни христіанскіе, ни іудейскіе заветы».

Дѣти таджиковъ въ ср. Азіи.

однѣхъ ежедневныхъ молитвъ. Но опытные пророки увѣрили его, что мусульмане не вынесутъ подобнаго числа молитвъ, поэтому, спускаясь уже на землю, онъ испросилъ у Аллаха разрѣшеніе сократить ихъ до пяти.

Поучая своихъ маленькихъ слушателей строгой жизни мусульманина, хаджи возглашалъ при полосканіи устъ:—«О Боже, будь милостивъ къ Мухаммеду и его семейству. Руководи мною въ чтеніи корана и въ намѣреніи восхвалять тебя!» При втягиваніи воды въ ноздри слѣдовала уже другая молитва:—«О Боже, окури меня благоуханіемъ и пріятнымъ запахомъ райскимъ!» При омовеніи правой руки, онъ просилъ Аллаха дать ему «книгу его дѣяній», въ день страшнаго суда, въ эту руку, а не въ лѣвую, такъ какъ лѣвою рукою будутъ держать книгу дѣяній только кяфиры. При омовеніи лѣвой руки, онъ повторялъ просьбу не давать ему въ эту руку книгу дѣяній. Далѣе, хаджи поучалъ о чемъ слѣдуетъ просить Аллаха при омовеніи лица, головы, шеи, отдѣль-

Повременамъ хаджи проходилъ съ болѣе прилежными учениками полный курсъ строгой мусульманской жизни. Такой день начинался омовеніемъ и молитвословіями. Послѣднихъ было очень много. Они дѣлились, какъ и теперь, на общія, ежедневныя и на отдѣльныя, для частныхъ обстоятельствъ жизни. Извѣстно, что коранъ установилъ только пятикратный намазъ, тогда какъ Мухаммедъ, во время пребыванія его на небѣ, получилъ пятьдесятъ

но правой ноги, отдѣльно лѣвой и наконецъ при чесаніи бороды. По поводу бороды, онъ воздавалъ хвалу Всевышнему за то, что онъ украсилъ ею лицо мужчины, какъ украсилъ лицо женщины волнующими локонами.

Послѣ этого ряда спасительныхъ поученій, на верандѣ минарета раздавался пѣвучій призывъ къ общественной молитвѣ. Оттуда помощникъ хаджи взывалъ къ Богу и правовѣрнымъ: — «Великъ Богъ, великъ Богъ, великъ Богъ! Исповѣдую, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, исповѣдую, что Мухаммедъ Его посланникъ! Спѣшите на молитву, спѣшите на молитву, спѣшите къ спасенію! Великъ Богъ, нѣтъ Бога, кромѣ Бога!»

По этому призыву, хаджи велъ своихъ учениковъ въ мечеть, въ которой и проходилъ съ ними курсъ общественнаго моленія. Размѣстившись стройными рядами, лицомъ къ Меккѣ, они должны были хранить глубокое молчаніе и изучать всѣ главныя условія усердной молитвы, начиная отъ положенія тѣла и поднятія рукъ къ ушамъ до наклоненія къ землѣ и внѣшняго выраженія, преимущественно взорами, внутренняго благоговѣнія. Было-бы грубою съ ихъ стороны ошибкою сдѣлать земной поклонъ, когда слѣдовало поклониться только въ поясъ, или отдаться громкому восхваленію въ ту минуту, когда слѣдовало утонуть въ тихомъ созерцаніи.

Въ этомъ механическомъ общеніи съ Всеблагимъ, маленькій Тимуръ не могъ не проникнуться военно-религіознымъ значеніемъ догматовъ ислама. Догматы эти возросли на почвѣ постоянной борьбы великаго араба съ окружающими его противниками. Поэтому всѣ порядки, приемы и движенія молитвеннаго строя, развившіеся на этой почвѣ, дисциплинируютъ молящуюся массу, поднимаютъ въ ней нервную систему и ускоряютъ кровообращеніе. Молится ли юноша-исламитаининъ, взывая къ Аллаху или только воинствуетъ, продѣлывая артикулы по указкѣ учителя? Если припомнить, что каждый молящійся окруженъ соблазнами и слѣдовательно силами, враждебными духовному міру, то несомнѣнно—онъ воинствуетъ, а не молится. Во всякомъ-же случаѣ, Тимуръ воинствовалъ даже и потому, что въ молитвѣ заключается, по ученію корана, всепобѣдимая сила, ведущая прямо къ трону Всевышняго. Побѣда же безъ борьбы—не побѣда!

Такое душевное настроеніе чуткаго ребенка поддерживалось и вечерними собесѣдованіями его наставника. Обыкновенно, когда

солнце опускалось уже на покой, бѣлобородый хаджи примащивался на голомъ камнѣ, подъ платаномъ, осѣнявшимъ его мечеть, и погружался въ глубокое душевное созерцаніе. Вокругъ него тотчасъ же образовывалось кольцо мюридовъ, готовыхъ просидѣть на корточкахъ цѣлую ночь и слушать его поученія. Никто и никогда не торопилъ его, такъ что въ ненарушимомъ молчаніи проходили цѣлые часы и только послѣ умирительнаго «Аллахъ-экберъ!» хаджи начиналъ свою бесѣду. Его просвѣщенному уму представлялось болѣе разумнымъ начинать ее съ момента окончательнаго торжества Мухаммеда, когда онъ вошелъ побѣдителемъ въ Мекку и распорядился уничтоженіемъ идоловъ вокругъ Ке'абы. Въ описаніи хаджи картина эта поднимала мгновенно всѣ духовныя фибры слушателей.

— «Ресуль-Аллахъ, сопровождаемый покорившимися ему вождами и войсками Мекки, прослѣдовалъ на верблюдицѣ къ Ке'абѣ и дотронулся посохомъ до священнаго камня! Семь разъ онъ обѣхалъ Ке'абу, семь разъ онъ дотрогивался посохомъ до священнаго камня, принесеннаго съ неба архангеломъ Гавріиломъ и наконецъ приказалъ приступить къ уничтоженію капищъ и идоловъ. Вскорѣ отъ тѣхъ и другихъ не осталось и слѣда!»

Разумѣется въ своихъ собесѣдованіяхъ хаджи никогда не упускалъ упоминанія о чудесномъ путешествіи Мухаммеда на небо.

— «Ресуль-Аллахъ—да будетъ благословенно его имя!—забавлялся однажды со своей супругой Аишой, когда архангелъ Гавріиль поднялъ пологъ его шатра и пригласилъ его сѣсть на аль-бурака, чтобы отправиться на небо. Аль-буракъ, не возившій никого на себѣ послѣ Иисуса Христа, нѣкоторое время не давался Посланнику, но смирился, услышавъ обѣщаніе дать ему мѣсто въ раю. Послѣ того Посланникъ очутился мгновенно въ Іерусалимѣ, гдѣ его привѣтствовали всѣ вставшіе изъ гробовъ святыя и пророки. Здѣсь, по лѣстницѣ, сотканной изъ одного чистаго свѣта, онъ въ соупутствіи архангела, поднялся на небо, не забывъ привязать аль-бурака къ оградѣ іерусалимскаго храма. Посѣтивъ первое небо, онъ увидѣлъ, какъ прикрѣплены звѣзды къ золотымъ цѣпямъ и какъ ангелы охраняютъ ихъ отъ нападеній демоновъ. При встрѣчѣ съ Адамомъ, послѣдній низко ему поклонился и попросилъ его молитвъ передъ Аллахомъ....»

Въ своемъ повѣствованіи хаджи не пропускалъ ни одного неба и тщательно отбѣнялъ свойственныя каждому изъ нихъ

особенности. На одномъ изъ небесъ, Мухаммеду были предложены чаши съ виномъ, водою и молокомъ. Онъ освѣжилъ себя молокомъ не дотронувшись до вина и продолжалъ торжественное шествіе между преклонявшимися передъ нимъ обитателями горнихъ пространствъ.

— «На седьмомъ небѣ», — окончивалъ хаджи описаніе путешествія, — «Посланникъ встрѣтился съ христіанскимъ Пророкомъ и съ такимъ множествомъ ангеловъ, что даже не могъ пересчитать ихъ. Впрочемъ, онъ замѣтилъ одного съ семьюдесятью тысячами головъ и семьюдесятью тысячами языковъ въ каждой головѣ, при чемъ каждый языкъ произносилъ одновременно семьдесятъ тысячъ гимновъ во славу Аллаха»....

Много лѣтъ уже хаджи повторяли свою бесѣду, не измѣняя ни одной іоты, но слушатели каждый разъ находили въ ней свѣжую и плѣнительную красоту. Послѣ ночнаго путешествія Мухаммеда слѣдовала долгая пауза, которая разрѣшалась новымъ «Аллахъ-экберъ!» и продолженіемъ бесѣды. Продолженіе состояло обычно изъ отвѣтовъ на вопросы любознательныхъ слушателей и личныхъ воспоминаній хаджи о путешествіи его въ Мекку.

Тимуру, не смотря на его незрѣлость, позволялось предлагать вопросы, чѣмъ онъ и пользовался, поражая нерѣдко собесѣдниковъ глубиною своихъ мыслей. По его запросамъ, хаджи объясняли, что Пророкъ обнаруживалъ воинственные задатки съ самаго ранняго возраста. По крайней мѣрѣ, будучи шести лѣтъ, онъ, сопровождая своихъ дядей, собиралъ для нихъ въ сраженіяхъ падавшія стрѣлы. Для сужденія же о душевной крѣпости Пророка, хаджи обращался къ той эпохѣ, когда возстававшіе противъ ислама люди усовѣщевали Мухаммеда покинуть мысль о религіозной реформѣ. — «Если-бы мнѣ дали солнце въ правую руку, а мѣсяцъ въ лѣвую съ условіемъ покинуть мое дѣло», отвѣчалъ этимъ людямъ Пророкъ, — «я отказался-бы и отъ солнца и отъ мѣсяца и продолжалъ-бы восклицать: «ло ил лохе иллалахъ!» На вопросъ же, что больше всего плѣняло Пророка въ этой жизни? — честный хаджи не затруднялся указывать на молитвы, женщинъ и благовонія!

Переходя къ личнымъ воспоминаніямъ, хаджи опять таки обращался къ Ке'абѣ. — «Ученымъ людямъ извѣстно, что Бейту-ллахъ находится надъ самымъ пупомъ вселенной. Имъ также извѣстно, что первая земная Ке'аба была взята ангелами на небо, а теперешняя выстроена Авраамомъ и сыномъ его Измаиломъ»....

Иногда, впрочемъ, слушатели просили наставника миновать хорошо имъ извѣстную исторію Ке'абы и перейти или къ горѣ Арафѣ или къ обряду избіенія бѣса. Гора Арафѣ, на которой обязанъ побывать каждый хаджи, достойна вниманія по одному тому, что изгнанный изъ рая Адамъ нашелъ здѣсь Еву, спустя два вѣка послѣ того, какъ они разошлись въ разныя стороны. Самое названіе горы означаетъ «мѣсто познанія». Торжество ея посѣщенія вызываетъ у многочисленной толпы паломниковъ неописуемый экстазъ, доводящій до массовой истерики.

Ни одинъ вечеръ собесѣдованія хаджи не обходился безъ повѣствованія о порядкѣ побіенія сатаны. Обрядъ этотъ совершается въ долину Минъ, богатой священными воспоминаніями. Здѣсь могила Адама, здѣсь Агарь родила Измаила, котораго здѣсь же дьяволъ соблазнилъ на самоубійство. За это нечестивое попользованіе, всѣ сыны ислама обязаны мстить сатанѣ. Возмездіе ихъ производится по разъ установленному порядку: паломникъ обязанъ положить на нготъ большого пальца лѣвой руки камешекъ, непременно голышъ, величиною въ бобъ, и щелкнуть по немъ пальцемъ правой руки. Но въ этомъ благочестивомъ дѣйствіи необходимо остерегаться, чтобы не попасть камешкомъ въ другого паломника. Подобное оскорбленіе можетъ повести къ ожесточенной дракѣ и даже, какъ это бывало, къ войнѣ одного племени съ другимъ.

Бесѣда хаджи перемишлялась повременамъ вопросами любознательныхъ слушателей: можетъ-ли правовѣрный выдернуть, во время хаджа, волосинку изъ гривы своего коня? Не преступно-ли разбить, во время хаджа, птичье яйцо? Законно-ли уничтожить насѣкомое, какое можетъ найтись въ бѣльѣ и въ платьѣ?—Разрѣшивъ всѣ подобные вопросы, почтенный старецъ оканчивалъ свое поученіе изрѣченіемъ изъ корана: «знайте всѣ, что жизнь человѣка есть только одно обманчивое навожденіе!»—и, сопровождаемый вздохами благодарностей, удалялся на покой.

Наиболѣе внимательнымъ слушателемъ хаджи былъ маленькій Тимуръ. По его сосредоточенности и быстротѣ, съ какою онъ усваивалъ возвышенныя истины корана, жители Кеша признали въ немъ кандидата въ ученые улемы—и дѣйствительно, онъ перешелъ къ чтенію корана съ легкостью, повергнувшею самого учителя въ изумленіе. Когда онъ окончилъ въ первый разъ чтеніе его, эмиръ Турагай задаль пиръ на весь околodoкъ, которому принадлежало мектебе. Юношѣ

пришлось прочесть передъ собравшимся обществомъ нѣсколько главъ «книги писанія», что онъ и исполнилъ со всѣми тонкостями чтеца, понимающаго значеніе повышеннаго и пониженнаго тоновъ.

Такого даровитаго юношу Кешъ никогда не видѣлъ подъ своимъ куполомъ учености, поэтому чтеніе его вызвало единодушное одобреніе слушателей. Восхищенный торговецъ тканями подарилъ ему при этомъ хорошенькую чалму и поясъ, а оружейникъ не поскупился на ятаганъ съ бирюзовою рукояткою.

Торжество Тимура было полное.

Съ такимъ же успѣхомъ онъ прошелъ и медресе. Разумѣется и здѣсь коранъ былъ главнымъ источникомъ всѣхъ познаній, но не въ смыслѣ уже простаго чтенія, а съ горизонтомъ, обрамляющимъ все видимое и невидимое, все сущее и предполагаемое. Только въ медресе Тимуръ узналъ, что кругъ земли состоитъ изъ семи климатовъ и семи небесъ. Первое изъ нихъ смараговое, второе — серебряное, третье — жемчужное, далѣе — рубиновое, золотое... и наконецъ изъ одного сіяющаго эфира. Медресе же дало ему ясное понятіе о четырехъ источникахъ мусульманскаго ученія. Сверхъ корана, онъ позналъ значеніе «сюнета», какъ собранія изрѣченій Мухаммеда передъ его асхабами, «иджмаса» — собранія дѣйствій асхабовъ и «кыяса» — сравнительнаго метода, хорошо освѣщающаго непонятныя истины.

Въ медресе богатые дарованія юноши изумляли профессоровъ. Съ рѣдкою находчивостью онъ быстро разрѣшалъ вопросы, требовавшіе отъ менѣ счастливыхъ умовъ долгаго раздумья. Его не затрудняли даже высочайшіе изъ схоластическихъ вопросовъ: можетъ-ли Аллахъ сдѣлать изъ десяти — четыре и обратно? Можетъ-ли Аллахъ уложить въ орѣховую скорлупу настоящій и будущій міры со всѣми ихъ вещами и лицами? Умалются-ли отъ этого міры и не раздвинется-ли, благодаря имъ, орѣховая скорлупа?

Но какъ ни интересны были всѣ эти предметы, питавшіе умъ и сердце Тимура, онъ всетаки посвятилъ большую часть времени и дарованій изученію, по тому же корану, военнаго права, и по толкованіямъ мусульманскихъ законниковъ — правилъ веденія войны. Въ этой отрасли познаній нѣкоторыя положенія были совершенно ясны, а другія требовали глубокаго умственнаго напряженія.

Профессора, не сомнѣваясь, что Всевышній раздѣлитъ весь

людей родъ на двѣ серіи: вѣрныхъ и невѣрныхъ, вторили настойчиво вслѣдъ за кораномъ:—«Убивайте невѣрныхъ всюду, гдѣ вы встрѣтите ихъ. Помните, что ни богатства, ни дѣянія невѣрныхъ не послужатъ Богу удовлетвореніемъ. Они будутъ преданы огню и проживутъ тамъ вѣчно. Милостыни, которыя они творятъ на этомъ свѣтѣ, будутъ уподоблены холодному вѣтру, дующему въ пустынь. Питайтесь безпрерывно отнятымъ у нихъ имуществомъ».

Профессора не любили останавливаться на противорѣчіяхъ въ дѣлѣ истребленія невѣрныхъ, допущенныхъ въ самой книгѣ писанія. Тамъ есть повелѣніе не дѣлать насилія людямъ изъ-за ихъ вѣры... и прекращать вражду, если невѣрные положатъ конецъ своимъ дѣламъ. Но когда противорѣчія эти не укрылись отъ пытливаго ума Тимура, профессора предложили ему вникнуть въ суру, которая предвидѣла вопросы скептиковъ и разрѣшила ихъ тѣмъ, что подлинникъ корана оставленъ Аллахомъ на небѣ и отъ него зависить дѣлать въ немъ поправки, какія онъ хочетъ....

Тимуръ подходилъ также къ деликатнѣйшему изъ вопросовъ: при какихъ условіяхъ народы, одинаково исповѣдывающіе исламъ, могутъ вести между собою войну? Законники отвѣтили ему, что война между исламитами дозволена по двумъ поводамъ: при возстаніи противъ имама страны и если одинъ государь видитъ несправедливость другого.

Попутно съ важными вопросами, Тимуръ постигъ и такія частности, какъ воспреценіе корана сражаться вблизи мечетей или вести войну въ теченіи опредѣленныхъ четырехъ мѣсяцевъ. Впрочемъ, при необходимости стать въ оборонительное положеніе, коранъ разрѣшилъ и Тимуру купаться въ крови враговъ—всегда и во всякомъ мѣстѣ....

Изъ поученій хаджи и лекцій, Тимуръ вынесъ убѣжденіе, что исламъ долженъ торжествовать надъ всѣми религіями и что для торжества его обязательны безконечныя войны. Во имя этой священной идеи и идеи справедливости необходимо вести войны не только съ невѣрными, но и съ мусульманами, если они уклоняются отъ воли Аллаха.

Медресе обманулось въ своихъ ожиданіяхъ, когда Тимуръ заявилъ, что онъ покидаетъ гостепріимную келію студента и возвращается въ родительскую курганчу. Его не привлекала ни кафедра профессора, ни посохъ шейха, ни даже карьера шейхъ-

уль-ислама. Виды его шли дальше роднаго Кеша, дальше Мавераннагра и терялись въ смутномъ образѣ потрясателя земли, на почвѣ обновленія ислама....

Благодаря кровожадной тиранніи царившаго тогда Казань-султана, необходимо было ожидать, со дня на день, крупныхъ событій и даже перемѣны въ династїи джагатаидовъ. Люди уже указывали на эмира Казгана, какъ на человѣка, которому слѣдовало бы занять урду и изгнать тирана. Эмиръ, ставшій вскорѣ во главѣ революціоннаго броженія, имѣлъ серьезные шансы на успѣхъ, притягивавшій къ себѣ каждаго искателя власти, славы и богатства.

НА ПУТИ КЪ СЧАСТЛИВОЙ ЗВѢЗДѢ.

(1350—1356 гг.).

кончивъ курсъ медресе, Тимуръ возвратился домой юношею высокаго роста, съ отпечаткомъ не-сомнѣннаго превосходства надъ сверстниками. Онъ не походилъ на монгола. Очевидно, изъ сліянія крови чингисидовъ съ таджикскою, получилась раса безъ коренныхъ монгольскихъ признаковъ — вышуклыхъ мускуловъ, узкихъ глазъ и укороченнаго носа. Въ этомъ сліяніи, фізіологія аравитянъ взяла верхъ, такъ что арабскій біографъ Тимура нашель въ немъ истаго тюрка. По его

сказанію—видимо приподнятому изъ лести, на два, на три тона:— «Тимуръ выглядѣлъ, въ годы его полного разцвѣта, потомкомъ древнихъ гигантовъ съ могучею головою, плотнымъ тѣломъ, съ сильными пальцами и крѣпкими членами. Длинныя бедра его были пропорціональны тѣлосложенію и только, въ послѣдствіи, правая нога его и правая рука были повреждены стрѣлами непріятеля. Онъ выдѣлялся длинною бородою, зрачками, полными мрачнаго огня и громкимъ голосомъ. Онъ не зналъ страха смерти, не любилъ насмѣшекъ и былъ недоступенъ шуткѣ и забавѣ. Неудачи его не печалили, успѣхъ не веселилъ».

Но до полного разцвѣта физическихъ и нравственныхъ силъ Тимуръ предстояло совершить еще многое и прежде всего окончить свое воспитаніе, какъ того требовалъ современный ему кодексъ хорошаго тона. Дома онъ нашелъ уже своего отца разслабленнымъ старикомъ, не рѣшавшимся болѣе совершать дальнія путешествія въ роли охранителя торговыхъ каравановъ. Благодаря заговорившимъ подъ старость колотымъ и стрѣлянымъ ранамъ, ему приходилось уже отлеживаться на мягкихъ войлокахъ и не думать о браздахъ правленія надъ своею курганчею.

Къ тому же и самая курганча опустѣла и принизилась. Разсѣлины въ ея стѣнахъ сдѣлались пристанищемъ летучихъ мышей и покрылись ползучими растеніями—красивыми на видъ, но все-же напоминавшими о запустѣніи жилища мѣста. Старые обитатели ея, багадуры, разсѣялись по большимъ дорогамъ и кладбищамъ. Изъ няньки образовалась мумія, которая не была въ состояніи гонять и скворцовъ въ одичавшемъ виноградникѣ. Одряхлѣвшій эмиръ обрадовался рѣшимости сына выйти на распутье жизни не съ кораномъ, какъ надѣялось медресе, а съ саблею въ рукѣ и вообще съ стремленіями багадурскаго закала. Поэтому эмиръ не задумался передать сыну все управленіе курганчею съ ея стадами и виноградникомъ. Передача эта была выполнена по всѣмъ правиламъ тогдашней юриспруденціи. Отецъ и сынъ отправились въ мечеть, гдѣ, передъ большимъ собраніемъ народа, мулла прочелъ молитву, а отецъ провозгласилъ громогласно:—«Я, эмиръ Турагай, сынъ эмира....»—здѣсь былъ перечисленъ рядъ предковъ, восходившій до самаго Іафета—«объявляю, что сынъ мой Тимуръ пришелъ въ тотъ возрастъ, когда человѣку пристойно носить саблю и владѣть стадами и землею. Да будетъ всѣмъ извѣстно, что я, эмиръ Турагай, сынъ эмира..... передаю ему все свое имущество съ тѣмъ, чтобы онъ кормилъ меня до дня, когда ангелъ Израфилъ отдѣлитъ мою душу отъ тѣла. Всѣмъ же здѣсь предстоящимъ и всему народу говорю, что сынъ мой Тимуръ есть воистину удивительный человѣкъ»...

Послѣ этого объявленія, собраніе муллъ прочло приличную торжеству молитву, а предстоявшіе люди обратились къ виновнику торжества съ любезными привѣтствіями и пожеланіями. Старики, разумѣется, не измѣнили своей величавости и ограничились возведеніемъ рукъ и очей къ небу, но легкомысленная молодежь не стѣснилась предложить ему тотчасъ-же услуги нѣсколько

военнаго характера.—«Вспомни, Тимуръ, когда нужно будетъ, что всѣ рукоятки нашихъ мечей находятся въ твоей правой рукѣ»... Скептики тоже не ушли изъ мечети безъ замѣчанія:—«Пока мы видѣли въ его глазахъ только одну жажду, а какъ далеко будутъ падать его стрѣлы—это еще не извѣстно».

Можно утверждать, что Тимуру досталось очень скромное наслѣдство, хотя онъ говорилъ впоследствии, что его скотъ дѣлился на табуны по тысячѣ головъ въ каждомъ, а рабы на десятки, съ надзирателями надъ ними и попечителями. Трудно примирить это богатство съ его тяжелымъ положеніемъ, когда, снасаясь однажды отъ враговъ, онъ имѣлъ всего одну лошадь для себя и для жены своей Аль-Джой.

Вступая въ свѣтъ, молодой человѣкъ того времени обязанъ былъ побывать у благочестивыхъ шейховъ, поклониться гробницамъ святыхъ и совершить какой нибудь подвигъ благочестія. Наиболе предприимчивые изъ нихъ, желавшіе придать занимательность своимъ рассказамъ о путешествіи, посѣщали страны, населенныя людьми съ головами неестественныхъ размѣровъ, или купались въ озерѣ, изъ котораго дуютъ всѣ четыре вѣтра, или всходили на гору, посылающую каждый девятый день огненные вздохи къ небу. Впрочемъ, эти молодые люди всегда затруднялись указывать, гдѣ находятся удивительная гора или чудесное озеро.

Первый самостоятельный шагъ Тимура заключался въ избраніи духовнаго совѣтника. Такому назначенію исполнѣ отвѣчалъ шейхъ Заинуддинъ - Абубекръ изъ Тайбада. Святость его жизни была извѣстна всему Мавераннагру и она была такова, что даже въ числѣ его слугъ состоялъ, негласно, впрочемъ, «Кутба» или намѣстникъ самого Аллаха. Аллахъ посылаетъ, какъ извѣстно, своихъ намѣстниковъ въ помощь высочайшимъ избранникамъ, которымъ тѣ и оказываютъ могущественное покровительство. Кутба шейха отправлялъ по наружности обязанности простаго конюха.

— «Будь моимъ духовнымъ наставникомъ до конца моихъ дней», обратился Тимуръ къ святому человѣку.—«И чтобы со мною не случилось въ жизни, буду ли я на тронѣ или въ ямѣ преступниковъ, не откажи мнѣ въ своемъ святомъ дыханіи».—«Будь справедливъ, ибо одна справедливость доводитъ до высочайшихъ положеній», отвѣчалъ благочестивый шейхъ.—«Каждый человѣкъ можетъ сдѣлаться наибомъ Пророка, если онъ будетъ идти по пути справедливости».

Необходимо помнить, что въ ту пору и простые и знатные люди, и мошеники и образцы благочестія одинаково говорили о справедливости. При царившемъ тогда произволѣ, справедливость считалась какъ бы идеаламъ всѣхъ совершенствъ. Впрочемъ, справедливость и вообще занимаетъ у строгихъ мусульманъ первое мѣсто послѣ догмата о единобожіи.

Подкрѣпляя духовный совѣтъ, шейхъ препоясалъ Тимура собственнымъ поясомъ и надѣлъ на него свою шапку. Такіе знаки расположенія были, разумѣется, очень цѣнны, но счастливецъ удостоился кромѣ того получить, изъ рукъ святаго, коралловое кольцо съ вырѣзаннымъ на немъ девизомъ:—«Расти-ва-Русти» или «правота и справедливость». Впослѣдствіи, обладатель кольца прибавилъ къ этой надписи свое имя и три продолговатыхъ кружка. Слѣпки съ этой печати производили въ свое время дѣйствіе на столько-же магическое, какъ и паизе съ кречетами. Передъ ними, какъ передъ личнымъ приказомъ Тимура, склонялись и правители странъ и толпы ихъ подданныхъ.

При прощаніи съ Тимуромъ, шейхъ намекнулъ, что назначенный Аллахомъ для поддержки его Кутба уже пришелъ на землю и будетъ помогать ему во всѣхъ предпріятіяхъ. Отъ благочестиваго шейха былъ прямой путь къ саиду Куляля, благодаря которому Тимуръ получилъ свое грозное, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное имя. Посѣщеніе это ознаменовалось достопамятнымъ эпизодомъ: Тимуръ погналъ самъ лично въ подарокъ духовному отцу двадцать барановъ, но въ темную ночь пролилъ такой ливень, что онъ бросилъ стадо на произволъ судьбы. Каково же было его изумленіе, когда приблизившись на другой день къ могилѣ, у которой проживалъ Куляля, онъ увидѣлъ все свое стадо у его ногъ.

Послѣ сердечныхъ привѣтствій и благословеній, Тимуръ просилъ старца объяснить ему: «какъ долженъ поступать истинный мусульманинъ, когда онъ не въ состояніи одолѣть врага?»—«Покоряться ему, покоряться!» прошепталъ вдохновенный отшельникъ.—«А если врагъ не только одолѣваетъ, но и намѣревается замѣнить ангела Израфила и отдѣлить душу отъ тѣла?»—«Бѣжать отъ него, бѣжать! подальше, въ степь, туда...» Онъ даже показалъ, куда бѣжать и это указаніе очень пригодилося Тимуру, когда тронъ Джагатая ускользалъ изъ его рукъ. Передъ отшельникомъ, въ часъ посѣщенія его Тимуромъ, лежалъ достарханъ, только что доставленный его почитателями. Прорицая обычно иносказатель-

ными приемами или загадочными поступками, почтенный Куляля отделил из достархана семь лепешек и горсть пшеницы с изюмом и подаль их Тимуру. Все при этом присутствовавшие пришли в изумление. Для них было ясно, что он предрекал Тимуру власть над семью климатами и потомство по числу зерен, поместившихся в кулак. Изюминки-же между пшеницею предвещали потомков с царственным положением.

При таком могущественном покровительстве святых, в пылкой голове Тимура зародились честолюбивые планы. Но прежде чем обнаружить их, он решил выполнить всю программу образовательного путешествия. Он мог бы окончить ее, побывав в нынешнем Туркестане, у могилы хазрета Ахмет-Ясави, которого считали патроном и невѣжественные кочевники и культурные таджики, но он решил еще заранее сблизиться с только что народившимся тогда орденом «Накшбенди».

Хазрет Ахмет-Ясави был извѣстенъ при жизни тѣмъ, что сѣны его сакли, вмѣщавшей не болѣе семи человѣкъ, раздвинулись однажды до того, что дали приютъ семи тысячамъ человѣкъ, одновременно пришедшимъ къ жилищу святого мужа. Теперь онъ покоился подъ глинобитною сѣнью, доказывавшею только слабое положеніе зодчества въ странѣ излюбленнаго имъ кочеваго народа. Хранители его могилы вынуждены были даже, по недостатку средствъ, торговать амулетами и добывать себѣ пропитаніе гондальемъ, что такъ несогласно съ завѣтами Пророка!

Пораженный бѣдностью могилы столь чтимаго святого, Тимуръ вручилъ попечителямъ ея посильный вкладъ съ обѣщаніемъ, если его дѣла примутъ хорошее теченіе, не покуситься на богатый вакуфъ. Обрадовавшись щедрому посѣтителю, мутевалли, попечители могилы, снабдили его амулетомъ, со стихами, прочтеніе которыхъ обезпечивало ему успѣхъ на всѣхъ поприщахъ жизни:—«Ты, который по своему желанію воленъ темную ночь обратить въ день! Ты, который можешь обратить всю землю въ благоуханный цвѣтникъ! Помоги мнѣ въ каждомъ трудномъ дѣлѣ и сдѣлай его легкимъ».—Тимуръ твердо выучилъ это воззваніе и читалъ его каждый разъ передъ началомъ труднаго дѣла. Однажды, во время боя съ какимъ-то Кайсаромъ, подъ которымъ необходимо видѣть Цезаря, онъ прочиталъ стихи—по собственному признанію—семьдесятъ разъ и одержалъ надъ сильнымъ врагомъ побѣду.

Побывать у святыхъ могилъ Мешхеда или Испагани Тимуръ

не могъ по ихъ отдаленности, но далъ обѣщаніе посѣтить ихъ, когда позволятъ обстоятельства. Онъ отложилъ также путешествіе на гору съ вѣчнымъ огнемъ и къ озеру, изъ середины котораго вылетаютъ всѣ четыре вѣтра. За то онъ побывалъ въ монастыряхъ и пріютахъ странствующихъ дервишей. Тогда орденъ Накш-бенди, только что основанный Бага-эд-диномъ, причисленнымъ по смерти къ числу мусульманскихъ святыхъ, привлекалъ къ себѣ крайнимъ мистичизмомъ. О дервишахъ его заговорили, какъ о реформаторахъ, способныхъ произвести крутой переворотъ въ мусульманскомъ міровоззрѣніи. Народъ почтительно давалъ имъ дорогу. Было извѣстно, что дервиши безпрепятственно путешествуютъ по всѣмъ мусульманскимъ землямъ и что повсюду султаны, эмиры и ханы охотно слушаютъ ихъ воззванія и пѣснопѣнія.

По первоначальной идеѣ Бага-эд-дина, дервиши дѣлились на оседлыхъ и путешествующихъ; первые обзавелись «текіе» — монастырями, для которыхъ избирались горы съ крутыми подъемами, отдаленныя отъ базаровъ и караванныхъ путей. Путешествующіе дервиши находили пріютъ въ календаръ-хане, открытыхъ каждому, на комъ была остроконечная шапка и у кого висѣла на рукѣ тыква для сбора подацій.

Во внѣшнемъ видѣ дервиша, каждая тесемочка имѣла тогда, какъ и теперь, свое символическое значеніе. Остроконечная шапка его — «кулахъ» — была сшита изъ трехъ кусковъ разной матеріи, но преимуществу изъ войлока. По матеріи вышивались стихи изъ корана. Края кулаха обшивались бахрамою, чтобы человекъ, рожденный землею, устремлялъ взоръ въ землю, а не въ подножіе Аллаха. Рангъ, дервиша обозначался числомъ оборо-

Дервишъ—суннитъ.

товъ полотенца вокругъ кулаха, которое впрочемъ могло висѣть и на шеѣ. Девятый и послѣдній оборотъ обозначалъ, что все грѣхи носителя связаны и что, на случай смерти, онъ имѣетъ готовый саванъ.

Истинный дервишъ обязанъ былъ имѣть плащъ изъ пестрыхъ лоскутковъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы нижній край его обрывался лохмотьями. Поясъ занималъ въ гардеробѣ дервиша такое же почетное мѣсто, какъ и полотенце вокругъ кулаха. Обыкновенно это была узловатая веревка, связывавшая ни одни

Дервишъ—шіитъ.

При поясѣ висѣли камешки, которые достаточно было лизнуть, во время голода, чтобы насытиться. Впрочемъ, между суннитами и шиитами-дервишами существовала значительная разница. Первые носили посохи, какъ эмблемы своего званія, а вторые топорики. Но тѣ и другіе имѣли одинаково при себѣ чашки изъ тыквъ, въ которыя каждый правовѣрный могъ опускать разнообразные остатки своей трапезы.

Двѣ общины ордена Накшбendi «возглашающихъ» и «воздыхающихъ» появились тогда одновременно въ Мавераннахрѣ.

Джагрія выкрикивала и тогда, какъ и теперь, мистическія изрѣченія и душеспасительное «я-гу!» При этомъ пиръ подавалъ примѣръ, какъ и въ какую сторону раскачиваться всѣмъ туловищемъ. Моле-

ніе оканчивалось обычно тошнотой отъ быстрого верченія и экстазомъ, во время котораго неправовѣрному было бы опасно показываться на глаза дервишу. Хуфія, наоборотъ, постоянно молчала—и молчить—во славу Аллаха. Одни переборы на четкахъ говорили за созерцательное состояніе моельщиковъ, повторявшихъ въ умѣ символы ислама.

Подъ видомъ неопита, жаждавшего окрылить свои духовные помыслы, Тимуръ побывалъ на моленіяхъ и Джагрії и Хуфіи. Но ни бѣшеное круговерченіе первыхъ, ни тяжелые вздохи вторыхъ

не соблазнили его надѣть островерхій колпакъ и приготовить себѣ саванъ на случай смерти. За то внутренняя жизнь ордена навела его на мысль обратить, при надобности, этотъ переходящій народъ въ шіоновъ, лазутчиковъ и вѣстниковъ. Съ этой стороны, они и теперь несутъ недурную службу, по заказу азіатскихъ дипломатовъ и хранителей вѣры. Блуждая по базарамъ, они свободно распѣваютъ свои мистическіе гимны, въ которыхъ нерѣдко заключается больше страстной политики, нежели религіозной теплоты.

Отказавшись надѣть кулахъ и взять въ руки чашку изъ тыквы, Тимуръ завязалъ тѣмъ не менѣ дружественныя сношенія съ дервишами. Уходя отъ нихъ, онъ даже намекнулъ, что если Аллаху угодно будетъ, то онъ доставитъ первую военную добычу на сооруженіе грандіознаго теке. Вообще-же, можно думать, что къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести и автобіографическое признаніе Тимура: «замѣтивъ въ своемъ характерѣ царскія черты»,—записалъ онъ, или его исторіографъ,—«я щедро награждалъ саидовъ, улемовъ и шейховъ, чтобы они молились объ утвержденіи моего могущества».

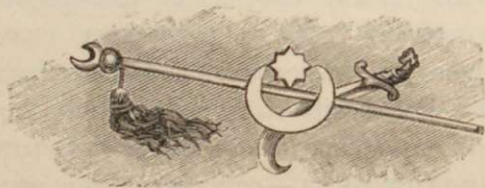
Тимуру пришлось сократить свое путешествіе до того, что онъ не побывалъ даже на могилѣ святаго Голіаѳа, которая и въ ту пору имѣла уже необыкновенные размѣры. Могила этого великана продолжаетъ расти и по настоящее время, въ чемъ любознательные люди могутъ убѣдиться, побывавъ на знаменитомъ Афросіабѣ. Когда она увеличится еще болѣе и раздвинетъ окружающую ее тѣнину, тогда потекутъ изъ горы ручьи сладкой воды.

Друзья приглашали Тимура ускорить возвращеніе домой, потому что Мавераннагру грозило нашествіе такого варварскаго народа, какъ блуждавшее въ сѣверныхъ степяхъ племя джете. Трономъ Джагатая продолжалъ распоряжаться эмиръ Казганъ, не щадившій и своихъ ставленниковъ, когда они рѣшались выходить изъ подъ его власти. Не смотря на развернутый имъ коверъ справедливости, противъ него образовались сильныя партіи, не постыдившіяся призвать въ страну начальника племени джетовъ мрачнаго Тоглука. Послѣдній былъ женатъ на сестрѣ эмира, отъ которой и потребовалъ въ приданое весь Мавераннагръ. Его джеты—отпрыскъ монгольскаго корня,—оставшіеся при языческихъ богахъ и при дикомъ невѣжествѣ, были довольны своими степями, но все-таки волновались по временамъ жаждою ознакомиться поближе

съ земнымъ раемъ. Такимъ представлялось въ ихъ воображеніи зарѣчное царство.

При этой неурядицѣ Мавераннагра, каждая партія старалась привлечь къ себѣ Тимура, какъ представителя не одного Кеша, но и всего Шааръ-Себза. Тимуръ однако не торопился и тщательно всматривался въ силы противниковъ, вступавшихъ въ борьбу изъ-за обладанія престоломъ Джагатая. Минуя и Голіааа и позабывъ, что еще есть могила святого Еноха, онъ предался на обратномъ пути размышленію: не собрать ли ему вольницу и не повести ли ее противъ эмира Казгана? Обстоятельства складывались такъ, что храбрый и разсудительный предприниматель могъ завладѣть безъ труда Самаркандомъ и объявить себя независимымъ на первыхъ порахъ, бекомъ. Такимъ путемъ отложились уже отъ Джагатайскаго улуса—Балхъ, Мервъ, Герать, не говоря о горцахъ и дальнихъ узбекахъ.

По возвращеніи домой, Тимуръ былъ встрѣченъ посланцемъ эмира и при томъ его любимымъ внукомъ Хусайномъ. Эмиръ приглашалъ молодого человѣка пожаловать на генеральную соколиную охоту, которую онъ предлагалъ—по обычаю хановъ—лучшимъ людямъ своей страны.—«На охотѣ будетъ и Аль-Джой», замѣтилъ какъ бы вскользь, Хусайнъ, видимо желавшій вступить съ сверстникомъ и товарищемъ по медресе въ интимныя отношенія. «Она васъ знаетъ по моимъ рассказамъ и думаю, что если вы убьете тигра, то его шкура будетъ ей ковромъ».—Аль-Джой была родною сестрою Хусайна и славилась тѣми дарами природы, которые были доступны пониманію однимъ лишь поэтамъ Міанкальской долины. Тимуръ не только принялъ съ благодарностью лестное предложеніе эмира, но и назвалъ себя въ душѣ безумцемъ за одну мысль поднять противъ него возстаніе.

СМУТНЫЯ ВРЕМЕНА МАВЕРАННАГРА.

(1356—1367 гг.).

имуръ, благодаря устроенному Хусаиномъ свиданію съ Аль-Джой, пришелъ въ неизвѣданное имъ еще упоеніе.—«Если-бы міръ представлялся въ ту пору только вмѣстилищемъ однихъ скорпіоновъ, онъ не затруднился-бы схватить этотъ ларчикъ и унести его подъ мышкою».—Очевидно, молодой, исламитянинъ подходилъ къ тому яркому разцвѣту физическихъ и душевныхъ силъ, при которомъ человѣкъ чувствуетъ себя чуть не господиномъ всей природы.

Чѣмъ-же могла плѣнить молодая дѣвушка, только что перешедшая за дѣтскій возрастъ, кандидата въ повелители всѣхъ климатовъ и созвѣздій?—Аль-Джой, какъ любимая внучка эмира, поставившаго Мавераннагру нѣсколькихъ хановъ, была взлелѣяна хотя и неподалеку отъ грознаго политическаго жерла, но въ нѣгѣ азіатской роскоши. Мать ея была уроженкою юга. Она-то и подарила дочери агатовые зрочки съ вспышками лучистаго свѣта и нѣжную матовую кожу, ретушированную искусною кистью природы.—«Спину ея украшали локоны волосъ черныхъ какъ уголь, расположенные вѣтвями пальмы, обремененной кистями финиковъ».—Такъ выразился бы аравитянинъ—поэтъ при видѣ очаровательной дѣвушки.

При всей своей красотѣ и нѣгѣ, Аль-Джой выглядѣла крѣпкою натурою, готовою постоять за себя не только пышными

косами или убійственными зрачками, но и сильною душевною бодростью. Дѣдъ ея никогда не зналъ кѣмъ онъ окруженъ: заговорщиками или друзьями, поэтому и она росла, точно готовясь къ борьбѣ съ врагами. Вотъ почему и Тимуръ, какъ при первомъ свиданіи на охотѣ, такъ и потомъ, при встрѣчахъ въ дворцовомъ цвѣтникѣ, ясно видѣлъ въ ней необходимыя ему качества. Въ этомъ существѣ, измѣрявшемъ его далеко не взглядомъ рабыни или взглядомъ лукавой прелести, свѣтились—рѣшимость, энергія и какъ спутница ихъ—побѣда. Въ каждой складкѣ ея курточки—среднеазиатская женщина не рядилась еще тогда въ нынѣшній безобразный мѣшокъ съ отдушинами—сказывалась отвага и согласіе дѣлить съ любимымъ человѣкомъ и сладкое и горькое.

Едва-ли Тимуръ и Аль-Джой нуждались въ довѣренныхъ лицахъ, устраивающихъ въ мусульманскомъ мірѣ брачные союзы. Можно только утверждать, что самый актъ бракосочетанія былъ вполне согласованъ съ предписаніями «никаха». Въ заключеніе всѣхъ молитвъ, довольно впрочемъ краткихъ, Тимуръ произнесъ громко и всенародно:—«О Боже, по повелѣнію книги Твоей, я взялъ эту женщину къ себѣ и если Тебѣ угодно, то Ты дашь ей сына, правовѣрнаго мусульманина, а не товарища шайтана нечистаго».

Тимуръ и Аль-Джой не ошиблись другъ въ другѣ. Она дѣлила потомъ съ мужемъ и тяжелое заключеніе въ туркменскомъ аулѣ и скитальчество въ голодной степи. Въ битвахъ она находилась неподалеку отъ него. То была преданность не влюбленной рабыни, а друга—равнаго, свободнаго и рѣшительнаго. Достаточно сказать, что до самой смерти Аль-Джой, Тимуръ не имѣлъ гарема.

Эмиръ Казганъ былъ уже настолько старъ, что охотно подчинялся своему внуку Хусайну, которому и предоставилъ завоевать въ свою пользу отложившіяся провинціи—Балхъ, Гератъ и туркменскія степи. Но всѣ предпріятія Хусайна, удачныя и даже блистательныя въ началѣ—оканчивались тѣмъ, что сторонники бросали его на произволъ судьбы и переходили въ противный лагерь. Не трудно было понять и объяснить причину этого явленія: она заключалась въ коварствѣ и въ необыкновенной жадности Хусайна, обращавшаго военныя добычи исключительно въ свою пользу.

Онъ уступилъ свою сестру сыну бѣднаго эмира, съ усло-

вѣмъ получить, въ видѣ калыма, отложившійся Балхъ, этотъ постоянно возрождавшійся изъ развалинъ фениксъ. За добровольцами, въ ту пору военныхъ набѣговъ и захватовъ, не было остановки, такъ что къ значку Тимура быстро собрались толпы не только молодежи, но и людей опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Не зная пока цѣли созыва, добровольцы полагали, что имъ предложить напасть на Самаркандъ и отнять его отъ эмира; между тѣмъ, изъ нихъ составили караванъ мошельщиковъ, который и направили къ могилѣ св. Еноха. Узнавъ объ этомъ, многіе добровольцы готовы были отказаться отъ хаджа, но ихъ такъ сытно кормили, что не было и повода уклониться отъ богоугоднаго дѣла. Люди говорили, что какой-то богатый купецъ снарядилъ этотъ караванъ, въ воспоминаніе входа Пророка въ Медину, а въ подобныхъ случаяхъ никогда не было недостатка въ паломникахъ.

Въ ту, полную неожиданностей и переворотовъ, эпоху, караваны паломниковъ снаряжались въ путь съ военными предосторожностями. Такъ и теперь, въ хаджъ принимались люди, только хорошо вооруженные и на надежныхъ коняхъ. Продовольствіе везли на верблюдахъ. Впереди каравана выступалъ знаменосецъ и хотя онъ сидѣлъ на осликѣ, но ничто не помѣшало-бы ему пересѣсть и на ретиваго коня.

Кому быть шейхомъ на время хаджа? Общій выборъ остановился на Тимурѣ, который, не смотря на свою молодость, могъ поспорить въ распорядительности и съ сѣдобородымъ караванъ-башемъ. Тимуръ не отказался отъ этой чести. Произведя смотръ каравану, онъ забраковалъ проскользнувшихъ въ него дряхлыхъ, немощныхъ и плохо вооруженныхъ людей. По его словамъ, это путешествіе могли выдержать только свѣжія и здоровыя силы.

Караванъ вышелъ изъ Кеша, провожаемый благословіемъ муллъ, шейховъ и почтенныхъ горожанъ, просившихъ привезти хотя по крупинкѣ святой земли. Женщины выказали при этомъ особое усердіе, надававъ массу лоскутковъ, чтобы повѣсить ихъ на древко, обычно стоящее у могилы «ауліа». Богатые люди не поскупились даже и на рога мараловъ, служащіе такимъ цѣннымъ даромъ жертвеннаго усердія.

Впереди каравана пошли за нѣсколько дней дервиши, какъ вѣстники важнаго событія, при чемъ ихъ пѣснопѣнія были, какъ и всегда, загадочны. Мошельщиковъ они называли непобѣдимымъ войскомъ — подразумѣвалось, духовнымъ, — съ мечами вѣры и

щитомъ истины. Первые дни караванъ шелъ медленно, комплектуясь постоянно новыми богомольцами, преимущественно багадурями, нуждавшимися въ заступничествѣ св. Еноха.

Разумѣется было нѣсколько странно, что Тимуръ придавъ каравану, по праву шейха, совершенно военную организацію. Онъ раздѣлилъ его на десятки и сотни, а что касается до маральихъ роговъ, то онъ оставилъ ихъ у порога первой встрѣчной мечети.

Много сутокъ уже караванъ былъ въ пути, когда наконецъ бывалые люди замѣтили, что ихъ ведутъ въ Балхъ, а вовсе не къ могилѣ св. Еноха. Тогда Тимуръ преобразился въ полководца. Онъ отдалъ каравану приказъ: войдя въ городъ, занять немедленно базаръ и приготовиться къ сраженію. Паломники не протестовали и, отбросивъ тыквы мирныхъ хаджи, перестроились на воинственный ладъ; вмѣсто посоховъ въ рукахъ багадуrowъ очутилось оружіе, котораго нашлось достаточно въ навьюченныхъ на верблюдахъ мѣшкахъ съ ячменемъ.

Средне-азиатская улица.

Балхъ оцѣпенѣлъ.

Его мирные граждане занимались обычными дѣлами, ожидая, что приближавшійся караванъ богомольцевъ, какъ это увѣряли дerviши, закупить у нихъ такихъ необходимыхъ въ дорогѣ вещей, какъ посохи изъ Моисеева дерева, гребешки для бороды, четки изъ кукушкиныхъ слезъ, пояса, тыквы.

Караванъ однако вошелъ въ городъ, не распѣвая хвалебнаго гимна Аллаху и не отвѣчая на поклоны почтенныхъ людей. Добродѣтельные старушки двинулись было съ кувшинами кумыса и съ подавняими, но встрѣтившись съ грозными физиономіями, онѣ ретировались поспѣшно на крыши своихъ сакель. Подойдя къ караванъ-сераю, фальшивые пилигримы сошли съ коней и передали ихъ нукерамъ, сами же построились въ рядокъ, какого вовсе не нужно богомольцамъ. При входахъ въ караванъ-серай, они разставили часовыхъ, не дававшихъ прохода даже людямъ въ зеленыхъ чалмахъ и мюэззину, торопившемуся взойти на минаретъ къ третьему намазу.

Наконецъ граждане Балха поняли, что передъ ними были не путешественники къ гробу св. Еноха, а военные люди съ колчанами и пиками. Вотъ они сняли колчаны, пробуютъ тетивы и кажется готовы броситься на народъ и искрошить его на мелкую лашу. Такіе примѣры были тогда не рѣдкостью. Народъ остолбенѣлъ до того, что никто изъ его среды не рѣшился даже броситься въ бѣгство. Правда и въ Балхѣ были военные люди, но они занимались теперь самыми скромными дѣлами: одни изъ нихъ торговали сладкими пирожками, другіе ковали на открытомъ воздухѣ гвозди и уздечки, а лѣнивцы занимались травлею пѣтуховъ....

— «Пришлите вашихъ лучшихъ людей выслушать слово великаго эмира Казгана!» произнесъ Тимуръ, обращаясь къ толпѣ, неожиданно лишившейся способности и ковать гвозди и травить пѣтуховъ. Лучшихъ людей не оказалось на этотъ разъ въ богатомъ и знаменитомъ Балхѣ. По крайней мѣрѣ, на приглашеніе никто не откликнулся и только каждый старался вытолкнуть впередъ своего сосѣда.—«Если у васъ нѣтъ хорошихъ людей, то значить этотъ караванъ-серай принадлежитъ злымъ и дурнымъ людямъ, а въ такомъ случаѣ я отдамъ его на прокормленіе моему войску...» Только послѣ этой угрозы появились лучшие люди и даже цѣлыми толпами.—«Я, Тимуръ, сынъ Турагая, объявляю

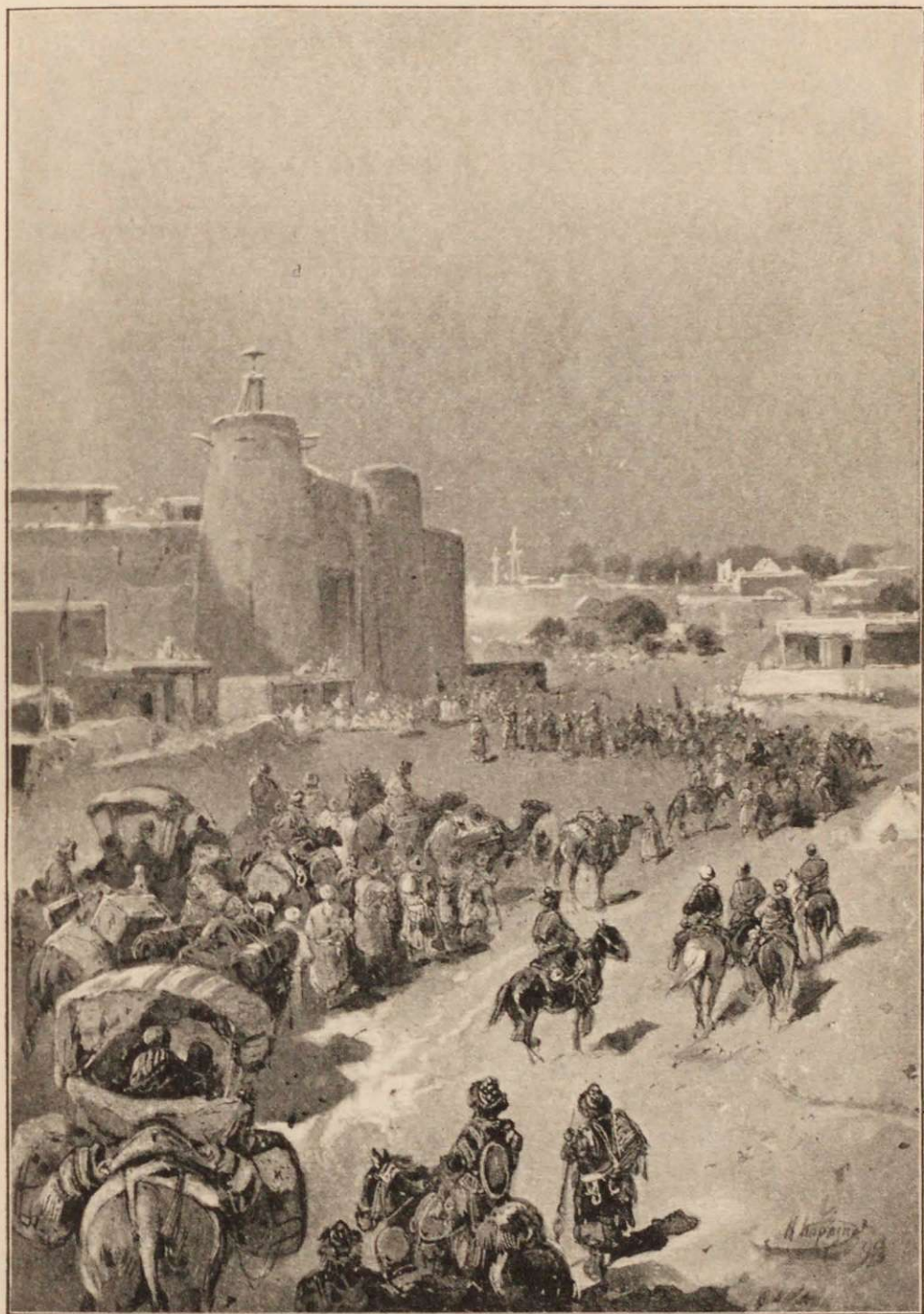
вамъ,» продолжалъ все тотъ же молодой рѣшительный пришелецъ,—«что Балхъ находится отнынѣ въ моей власти. Великій эмиръ Казганъ, истинный властитель всего Мавераннагра и несомнѣнный потомокъ Чингисъ-хана, приказалъ мнѣ привести вашъ городъ къ покорности и выкечь на вашихъ воротахъ его тамгу. Внукъ великаго эмира Казгана будетъ отнынѣ его набобомъ. За то-же, что вы приняли насъ съ низко опущенными взорами, я уменьшу поголовную подать и уведу своихъ людей изъ караванъ-серая. Оцѣните же, какъ слѣдуетъ, это благодѣяніе и уплатите за перенесенные нами труды по трехгодовалому барану съ сакли и по сту дирхемъ съ лавки. Въмѣсто барановъ мы возьмемъ деньгами. Вы должны выдать намъ все свое оружіе и все военные запасы и идти сейчасъ же въ мечеть и произнести проклятіе тому, кто вздумаетъ возстать противъ насъ. Поторопитесь, чтобы до заката солнца окончить все наши счета, а иначе вашъ караванъ-серай пойдетъ на жалованье моему войску, а ваши жены и дочери будутъ прислуживать намъ въ качествѣ рабынь. Исполните, что приказалъ вамъ Тимуръ, сынъ Турагая!»

Приказаніе было до того ясно, что не возбуждало никакихъ дипломатическихъ возраженій. Собственники караванъ-серая явились съ благодарностью къ Тимуру за его милости. Они-же и предложили сдѣлку народу: внести побѣдителямъ всю контрибуцію съ тѣмъ, что народъ расплатится съ ними впослѣдствіи, по совѣсти, памятуя, разумѣется, что скупымъ въ аду будетъ сильное наказаніе.

Въ назначенный срокъ, мѣшки со слитками китайскаго серебра были у ногъ Тимура. Лично онъ не дотронулся до этой дани и поручилъ своимъ сотеннымъ командирамъ раздѣлить добычу между участниками экспедиціи. При этомъ, однако, нашлись знающіе и справедливые люди, заявившіе, что правовѣрный побѣдитель имѣетъ право на пятую часть всей добычи. Мало того, онъ долженъ взять непремѣнно свою долю, хотя бы для передачи ея на богоугодные предметы, иначе духовенство могло счесть его неправовѣрнымъ. Послѣдній доводъ былъ такъ убѣдителенъ, что дервиши и мечети Кеша получили отъ этого предпріятія хорошую выгоду.

Одинъ жадный Хусайнъ остался недовольнымъ распоряженіями Тимура, считая, что пятая часть контрибуціи принадлежить ему, по праву набоба. При томъ Тимуръ велъ себя какъ старшій компаньонъ всего дѣла.—«Балхъ, передаю тебѣ, Хусайнъ!» про-

ДВѢ ВОЛНЫ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ПЕРВОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ ТИМУРА.

возгласилъ онъ передъ собраніемъ лучшихъ людей и добавилъ тихо:— «На первое время прими мой совѣтъ: окружи себя нашими людьми и не обсчитывай ихъ ни плохою ѣдою, ни дурнымъ питьемъ. Оставь на этотъ разъ свою привычку бросать людямъ кости безъ мяса, если не хочешь чтобы люди сдѣлались неблаго- дарными собаками.»

Скупость Хусаина была хорошо извѣстна въ Мавераннагрѣ, поэтому неудивительно, что въ числѣ его тѣлохранителей осталось немного багадуровъ. Утромъ Тимуръ выступилъ обратно съ весело ликовавшимъ отрядомъ, которому не было надобности болѣе притворяться караваномъ молельщиковъ. Хусаинъ-же остался править Балхомъ, но увы! съ нимъ повторилась обычная исторія. Онъ правилъ Балхомъ не болѣе двухъ трехъ сутокъ, а затѣмъ принужденъ былъ уйти поспѣшно отъ своихъ подданныхъ, поднявшихъ возстаніе противъ жаднаго наиба.

Въ запасъ для набѣга остался Гератъ. Много вѣковъ насчитывается уже существованію Герата, но онъ никогда не зналъ сегодня, кто придетъ къ нему завтра за сборомъ съ его стада— сороковой головы, а съ виноградниковъ—десятой грозди. Расположившись не то воротами на бойкой проѣзжей дорогѣ, не то станціей для великихъ завоевателей, онъ не осмѣливался оказывать сопротивленіе вторгавшимся къ нему авантюристамъ. Черезъ его ворота прошли и послѣдователи Зороастра и аравитяне, которые выгнѣсли поклонниковъ огня. Наконецъ поработали здѣсь и монголы. Всѣ эти пришельцы то отдыхали въ Гератѣ, то пробѣгали черезъ него безъ оглядки.

Еще и теперь Гератъ продолжаетъ оставаться въ узлѣ историческихъ событій: Англія, не шутя, даритъ его какъ безхозную вещь—то Персіи, то Кабулу, лишь бы только онъ не отворилъ ворота Россіи.

Убѣгая изъ Балха, Хусаинъ вспомнилъ, что власть его дѣда распространяется на Туркменію и далѣе, на самый Гератъ, который, забывая иногда о своемъ подданничествѣ, откармливался на свободѣ, какъ никому не принадлежащій верблюдъ. Можно было привести его и къ порядку, т. е. попользоваться его караванъ-сераемъ, болѣе полнымъ и богатымъ, нежели въ добродѣтельномъ Балхѣ. Часть вольницы, побывавшей въ Балхѣ, вкусивъ прелесть контрибуціи, согласилась поступить на службу къ Хусайну и повернула коней

за поднятымъ имъ бунчукомъ. Предпріятіе организовывалось отъ имени эмира Казгана.

Тимуръ не пожелалъ встать подъ этотъ бунчукъ и отправился къ эмиру не только въ качествѣ родственника, но и въ роли человѣка, имѣющаго за собою огромную военную удачу. Дerviши давно уже оповѣстили по Мавераннахру, что одно появленіе Тимура на улицахъ Балха было достаточно для одержанія имъ полной побѣды.

Туркменъ.
(XIX ст.).

При появленіи Хусайна, нѣкоторые изъ жителей Герата вспомнили, что они дѣйствительно подданные эмира Казгана и что сороковой баранъ и двадцатая штука маты не введутъ народъ въ разореніе. Память другой половины гератцевъ оказалась слабѣе: они забыли то время, когда подпали подъ власть эмира. При томъ-же, въ Гератѣ сидѣлъ уже второй годъ свой человѣкъ, эмиръ Бакиръ, такъ что Хусайну достался только одинъ квар-

таль или одно магале. Герату однако трудно было оставаться спокойнымъ, имѣя Бакира въ урдѣ, а Хусайна въ караванъ-сераѣ. Урда вскорѣ потѣснила мирныхъ горожанъ.

— «Извѣщаемъ, что жители Герата приняли насъ съ большимъ восторгомъ,» писалъ Хусайнъ Тимуру, послѣ того какъ Бакиръ пригрозилъ повѣсить его на перекладинѣ городскихъ воротъ.—«Распростершись въ дорожной пыли, они не смѣли подняться, пока мы не даровали имъ прощенія. Теперь у насъ всего довольно. Своему великому дѣду—да пронесется къ намъ черезъ горы и пустыни его дыханіе—мы посылаемъ много верблюдовъ съ подарками, а вамъ, другу нашему, вручаемъ стальные доспѣхи, изготовленные знаменитымъ царемъ Давидомъ. Ахъ, какъ Гератъ желалъ бы видѣть васъ въ этой кольчугѣ! Дѣло въ томъ, что на нашей дорогѣ сталъ человѣкъ, который очень мѣшаетъ нашимъ намѣреніямъ. Помогите намъ устранить этого человѣка и возьмите себѣ въ награду за это дѣло любую область Хоросана. Рѣшиться,

а мы сумѣемъ открыть передъ вами ворота, когда услышимъ звуки вашей военной трубы.»

Дервиши, доставившіе Тимурѣ это посланіе, объяснили, что Хусаинъ вооружилъ противъ себя весь Гератъ, и ему грозитъ постыдное изгнаніе. Отъ караванъ-серая онъ не оставилъ гератцамъ и мѣшка съ просомъ и въ тоже время обсчиталъ своихъ соратниковъ и въ ѣдѣ, и въ хорошей одеждѣ.

Тимуръ считалъ, что, передавъ Балхъ Хусаину, онъ разсчитался съ нимъ за Аль-Джой и что обѣщанная ему провинція Хоросана будетъ только справедливымъ вознагражденіемъ за его помощь. Въ успѣшной вербовкѣ соратниковъ не могло быть и сомнѣнія. Теперь не одинъ Кешъ поставлялъ ему свою вольницу, но и Бухара, и Самаркандъ, и Ташкентъ, благодаря дервишамъ, славили уже его имя.

Онъ даже не могъ взять съ собою всю вольницу, заявившую желаніе стать подъ его бунчукъ. Дорога къ Герату пролегла черезъ песчаное море и черезъ степи непривѣтливыхъ туркменскихъ пастуховъ. Послѣднихъ приходилось огорчать на каждомъ шагу, такъ какъ отрядъ Тимура выступилъ, понятно, налегкѣ, безъ запасовъ, съ расчётами на успѣхъ реквизиціи.

Тимуръ ограничился тремя стами всадниковъ. Онъ не считалъ триста перваго джигита, которымъ была Аль-Джой, получившая позволеніе вооружиться и служить ему нукеромъ.

Дервиши, такъ хорошо исполнявшіе роль шпионовъ, проявили теперь охотно передъ Тимуромъ и таланты военныхъ развѣдчиковъ. Не смотря на капризы р. Аму, легкомысленно мѣняющей свой фарватеръ и смывающей свои острова, дервиши произвели отличную рекогносцировку. Они указали на близость къ мѣсту переправы большого поселка осѣдлыхъ таджиковъ.

Въ нѣсколько часовъ картина переправы представляла уже благоустроенный видъ. Отъ поселка остались одни разрушенныя стѣны, все же его дерево ушло на устройство плотовъ.

Впрочемъ, существеннымъ подспорьемъ переправы были и плоты изъ камыша. Въ концѣ концовъ, переправа совершилась безъ потерь, что дервиши приписали своему заступничеству передъ небомъ, а Тимуръ—своему умѣнию не теряться въ критическія минуты.

На берегу р. Аму нужно было запастись силами, такъ какъ впереди предстоялъ путь, исполненный тяжелыхъ лишеній. Тимуръ

однако дѣйствовать по строгому разсчету: ему было извѣстно, что впереди, по дорогѣ къ Хоросану, течетъ многоводная р. Мургабъ, а слѣдовательно, при умѣнн добывать направо и налево мясо и фуражъ, путь могъ считаться обезпеченнымъ.

Отрядъ его прошелъ всѣ препятствія, такъ что многіе изъ его вольницы и дома не бѣли такъ много вкусныхъ вещей, сколько они истребляли ихъ въ землѣ туркменъ. Послѣдніе злились, но терпѣли. Узнавъ о приближеніи своего друга и родственника съ испытанными бойцами, Хусайнъ подбодрился и рѣшилъ упрямиться съ врагомъ собственными силами. Былъ одинъ изъ тѣхъ мѣсяцевъ, когда Пророкъ воспрещаетъ правовѣрнымъ вступать въ сраженія. Въ это время, даже разъяренные враги - мусульмане обязаны сложить оружіе и отдаться размышленіямъ о суетѣ міра.

Придерживаясь этой заповѣди Пророка, Бакиръ спокойно уснулъ въ своемъ лагерѣ, а въ это время Хусайнъ, въ которомъ было больше языческой крови, нежели правовѣрной, бросился съ нѣсколькими, какъ и онъ самъ, вольнодумцами, въ лагерь противника и объявилъ послѣдняго своимъ плѣнникомъ.

Въ это именно время, у воротъ Герата, раздались звуки военной трубы, возвѣстившей прибытіе Тимура. Сторонники Бакира хотя и могли вступить въ бой, такъ какъ Пророкъ разрѣшилъ отражать нападеніе во всякое время, но встрѣтившись съ двойною силою, они предпочли положить оружіе. Герату оставалось признать Хусайна своимъ эмиромъ.—«Братъ мой и другъ,» обратился тогда онъ къ Тимуру,—«я не получалъ отъ васъ никакихъ извѣстій и подумалъ, что черныя стрѣлы злыхъ геніевъ преградили вамъ путь. Положеніе мое дѣлалось съ каждою минутою труднѣе и труднѣе и я, поддержанный единственно помощію своей звѣзды, побѣдилъ своего врага. Теперь онъ у меня подъ пятою и народъ никого не хочетъ больше знать, какъ только меня одного». Хусайнъ отказывался такимъ образомъ вознаградить Тимура обѣщанною провинціею Хоросана.—«Ты и въ колыбели былъ луномъ,» выговорилъ неожиданно присутствовавшій при этой бесѣдѣ нукеръ Тимура.—«Ты дѣлалъ видъ, что просишь молока у правой груди своей кормилицы, когда уже готовился искушать ея лѣвую грудь».—Этотъ смѣлый голосъ принадлежалъ Аль-Джой.

Потерявъ надежду на военную добычу, Тимуръ не имѣлъ чѣмъ вознаградить свою вольницу за перенесенные труды. Скопфуженный и, не желая вытаскивать въ пользу своего друга и

брата раскаленные каштаны, онъ скрылся изъ Герата, въ сопровожденіи только Аль-Джой и одного изъ преданнѣйшихъ друзей Азисъ-эд-дина, человѣка богатырскаго сложенія, который, еще сидя и раскачиваясь въ мектебе, видѣлъ въ Тимурѣ своего кумира. Втроемъ, положившись на звѣзды и судьбу, они пустились обратно въ Мавераннагръ.

Въ обратномъ пути имъ пришлось питаться, чѣмъ Богъ посылалъ. Къ тому же нукеръ, не смотря на происхожденіе изъ владѣтельнаго дома, превосходно доилъ коровъ и козъ. Туркменскіе пастухи, тоже искусные мастера по этой части, подолгу любовались ловкостью молодого пажа.

Не смотря на неудачу въ Хоросанѣ, Тимуръ находился въ прекрасномъ расположеніи духа. Коварство Хусаина отчасти даже радовало его, такъ какъ оно возвращало ему полную свободу дѣйствій.

Границы Мавераннагра были всего въ нѣсколькихъ дняхъ пути, когда во время отдыха путниковъ, на нихъ внезапно напала толпа туркменъ-пастуховъ и отняла у нихъ оружіе. Потомъ, крѣпкія волосяныя веревки лишили ихъ всякой возможности сопротивляться.—«Когда вы шли въ Гератъ со многими ворами, то отнимали отъ насъ скотъ и считали нашихъ людей за негодную саранчу!» объявилъ Тимуру какой то свирѣпый отецъ пастуховъ.—«Теперь мы взяли верхъ и вы будете разорваны на части дикими лошадьми». Таковъ былъ страшный приговоръ отца пастуховъ, которому его люди представили связанныхъ плѣнниковъ. Казнь была назначена на какой-то праздникъ, въ видѣ необыкновенно интереснаго и веселаго акта; до дня-же казни, плѣнники были заключены въ глинобитную башню, служившую опорнымъ пунктомъ противъ степныхъ воровъ. Въ башню заключили только Тимура и его нукера, спутникъ же ихъ Азисъ-эд-динъ сумѣлъ исчезнуть безслѣдно.

Ночь была темна, какъ только она бываетъ темна въ Туркменіи. Никто не видѣлъ ушей своей лошади. Такому-же сильному человѣку, какъ Азисъ-эд-динъ, ничего не стоило перехватить сторожу горло и двинуть плечомъ дверцу башенки, такъ что она пала вмѣстѣ со своею рамою. Нашлись и лошади. . . .

Тимуръ помнилъ эту услугу всю жизнь и хотя Азисъ-эд-динъ отличался только преданностью и богатырскою грудью, но къ его

услугамъ было въ послѣдствіи любое мѣсто во дворцѣ и любое министерство.

Аль-Джой ничего не утаила отъ дѣда. Съ пылкостью хорошаго сердца влюбленной женщины, она освѣтила все коварство своего брата и все величіе своего мужа. Эмиръ впрочемъ и самъ зналъ, какъ нужно беречься дружбы его внука. Не разъ онъ подозрѣвалъ Хусайна въ намѣреніи занять его мѣсто, хотя бы путемъ неудачнаго выстрѣла на охотѣ. Результатъ этой авантюры былъ тотъ, что Тимуръ выигралъ и во мнѣніи приверженцевъ и во мнѣніи эмира, открывшаго ему и свой дворецъ и свои объятія.

ПЕРЕДЪ ТРОНОМЪ ДЖАГАТАЯ.

(1367 г.).

ыполнивъ съ успѣхомъ еще нѣсколько рискованныхъ военныхъ предпріятій, Тимуръ приблизился къ трону Джагатая. Эмиръ Казганъ распоряжался этимъ трономъ уже около пятнадцати лѣтъ, что въ хаосѣ джагатайской сумятицы было чрезвычайно длиннымъ періодомъ влстительства. Продолжительность пребыванія его у власти доставляла особенно сильное огорченіе внуку его Хусаину, продолжавшему бросаться, очертя голову, во всевозможныя военныя авантюры. Сынъ эмира Абдъ-ул-Лахъ также сторожилъ моментъ смерти отца, чтобы ворваться въ Самаркандъ и объявить его своею столицею. Тестъ эмира—хаканъ дикихъ джетовъ—Тоглукъ присматривался къ Мавераннагру, какъ къ будущему улусу его сына Иліасъ-Ходжи. На ряду съ ними и Тимуръ—какъ мужъ внучки

эмира, — могъ - бы тоже, хотя-бы во имя пріобрѣтенной имъ популярности, заявить о своихъ правахъ, но онъ былъ слишкомъ сдержанъ, чтобы разоблачать, ранѣе удобнаго времени, свои затаенныя планы.

Предавшись наклонѣ лѣтъ доблестямъ исключительно мирнаго характера, эмиръ совершенно вѣрился Тимуру, много разъ доказывавшему ему свою преданность. Тимуръ умѣло лавировалъ при этомъ между своею популярностью и заговорщиками, покушавшимися нерѣдко на жизнь эмира. Такъ, по его признанію, вкравшись однажды въ довѣренность заговорщиковъ, онъ предупредилъ эмира о созрѣвшемъ противъ него умыслѣ, но взялъ съ него клятву простить злоумышленниковъ. Заговоръ былъ разоблаченъ, заговорщики прощены и Тимуръ отгѣснилъ своею услугою еще далѣе всѣхъ претендентовъ отъ престола джагатаидовъ. Во второй разъ, заговорщики явились уже во дворецъ въ кольчугахъ и съ достаточно острыми ножами. Приготовленія эти опять таки не укрылись отъ Тимура, который, прежде чѣмъ допустить заговорщиковъ къ эмиру, выставилъ имъ угощеніе. Отказъ отъ соли разоблачилъ-бы ихъ намѣреніе. Когда же они насытились—въ комнату угощенія явился эмиръ и напомнилъ имъ о законѣ соли.—«Вы, только что принявшіе мою соль, неужели рѣшитесь посягнуть на мою жизнь?»—Нѣтъ, то было-бы не простое убійство, а преступленіе, съ поправленіемъ священнѣйшихъ завѣтовъ правовѣрнаго народа. Пристыженные заговорщики ушли съ поникшими головами, не обагривъ ножи кровью гостепріимнаго хозяина. Однажды, на охотѣ, Тимуръ накінулся съ своими багадурами на подосланныхъ убійцъ и тѣмъ еще разъ спасъ жизнь эмира.

Рядъ подобныхъ услугъ принесъ Тимуру большія выгоды: эмиръ далъ ему, въ знакъ особаго благоволенія, крѣпость Шадманъ и позволилъ ему завоевать отпавшія отъ Мавераннагра западныя провинціи съ бывшею столицею Хорезма и сѣсть тамъ его намѣстникомъ. Но Тимуръ былъ слишкомъ прозорливъ, чтобы отойти отъ трона на далекое разстояніе. Приведя Хорезмъ къ повиновенію, онъ возвратился обратно въ Самаркандъ. Здѣсь, дѣйствительно готовился серьезный переворотъ: новый заговоръ былъ уже направленъ къ возведенію на тронъ Абдъ-ул-Лаха, при чемъ его сторонники вошли въ тайное соглашеніе съ Тоглукомъ. Но и этотъ заговоръ не укрылся отъ Тимура. Наградой-же за его преданность было завѣщаніе Казгана, которымъ онъ передавалъ ему по смерти весь Мавераннагръ....

Не успѣвъ, а можетъ быть и не пожелавъ, предупредить послѣдній заговоръ, Тимуръ допустилъ нападеніе на эмира, во

время охоты, когда его свита была вооружена только доспѣхами Нимврода. Заговоромъ руководилъ Кутлукъ, женатый на сестрѣ эмира. Подосланные имъ убійцы осуществили преступный замыселъ, за что онъ, впрочемъ, поплатился жизнью, такъ какъ народъ изрубилъ его въ куски и выбросилъ ихъ на съѣденіе шакаламъ.

Тронъ Джагатая остался вакантнымъ. Нѣкоторое время судьбою его распоряжался Абдъ-ул-Лакъ, оказавшійся настолько же-нолюбивымъ, что за отказъ супруги хана Баянъ-Кули—раздѣлить его чувства, онъ свергнулъ его и возвелъ новаго хана, оказавшагося сильнымъ алкоголикомъ. Завѣщаніе покойнаго эмира не послужило такимъ образомъ на пользу Тимуру. По смерти эмира, Тоглукъ выдвинулъ изъ своего Могулистана и изъ Джунгаріи толпы всадниковъ недисциплинированныхъ, вооруженныхъ каждый по своему усмотрѣнію, но страшныхъ полною своею необузданностью и готовностью звѣрствовать безъ сожалѣнія. Культурный Мавераннагръ не посмѣлъ оказать имъ сопротивленіе и только втайнѣ надѣялся на Тимура, какъ на избавителя отъ тиранніи дикарей....

Считая наступившій моментъ наиболѣе благопріятнымъ для осуществленія завѣтной мечты, Тимуръ поспѣшно собралъ отрядъ вольницы и, заключивъ союзъ съ родовичами берласцами, накинулся на Самаркандъ, въ которомъ и засѣлъ неограниченнымъ властителемъ. Здѣсь онъ занялся возсозданіемъ Мавераннагра въ прежнихъ его границахъ, подъ одною своею властію. Въ эту эпоху Ходжентъ, Бадахшанъ, Балхъ и Когистанъ имѣли эмировъ, достаточно влюбленныхъ въ своихъ согражданъ, чтобы не передавать ихъ новому повелителю. Трудность сломить противниковъ надумила Тимура войти съ каждымъ изъ нихъ въ тайное соглашеніе объ изгнаніи недруговъ соединенными силами, съ цѣлью раздѣлить полюбовно ихъ владѣнія. Тогда, по всему Мавераннагру, открылись междоусобія: родство и дружба перестали существовать и увя!—«все поля чести были засѣяны одною лишь враждою!»—Трудно предвидѣть кому изъ враждавшихъ достался-бы тронъ Джагатая, какъ вдругъ все правители, не исключая и Тимура, получили краткій, но рѣшительный приказъ.—«Я, Тоглукъ хаканъ, сынъ хакана, приказываю тебѣ со всемъ народомъ и войскомъ присоединиться ко мнѣ».—Лично Тоглукъ довольствовался-бы необъятнымъ горизонтомъ своихъ степей, привольемъ гоняться за быстроногими джайранами и лучшею въ мірѣ соколи-

ною охотою, но ему не давалъ покоя сынъ его Иліасъ-Ходжа. Молодому человѣку очень хотѣлось пожить въ зарѣчномъ царствѣ, откуда шли вѣсти, какъ о странѣ природной благодати и созданной человѣкомъ роскоши.

Грозный приказъ хакана былъ подкрѣпленъ толпами вторгнувшихся въ Мавераннагръ джетовъ, устрашавшихъ, одною своею наружностью, чопорныхъ горожанъ. При видѣ ихъ дубинъ, славившихся неотразимостью ударовъ, Мавераннагръ пришелъ въ ужасъ: населеніе его обратилось въ повальное бѣгство, саиды и улемы бросили мечети и медресе и попрятались въ камышахъ, торговцы зарыли въ землю товары и ушли въ пески, гаремы разстроились. Всѣ дѣвушки были поспѣшно отправлены въ горныя, потаенныя убѣжища.

Самозванные властелины Мавераннагра не торопились, разумѣется, разстаться съ привольною жизнью маленькихъ деспотовъ. Но ихъ войска исчезали какъ песокъ подъ вѣтромъ и рѣдкій изъ нихъ сохранилъ за собою сколько нибудь значительную дружину. Одинъ только Хусайнъ, поднявши знамя за все наслѣдіе дѣда, имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, такъ что возлѣ него образовалась значительная армія сопротивленія.

Тимуръ было въ это время уже тридцать два года. Ему, продолжавшему мечтать объ обширныхъ завоеваніяхъ, представлялось не разсчитливымъ вступать въ борьбу съ могущественнымъ Тоглукомъ. Къ тому же, его духовный наставникъ вновь напомнилъ ему объ изрѣченіи халифа Али, премудро объяснившаго своимъ послѣдователямъ, что въ томъ случаѣ, когда Аллахъ беретъ въ свои руки лукъ и стрѣлы, несчастнымъ смертнымъ одно убѣжище—это за спиной Аллаха. Такъ и поступилъ Тимуръ. На время, когда Тоглукъ былъ страшенъ, онъ заявилъ себя преданнымъ ему слугою. Получивъ вторую призывную грамоту, онъ разослалъ во всѣ стороны гонцовъ съ предложеніемъ прислать ему подарки, для поднесенія ихъ хакану джетовъ. Никто не отказался отъ этой складчины, такъ что Тимуръ двинулся навстрѣчу Тоглуку не съ пустыми руками. Въ числѣ собранныхъ даровъ былъ и женскій полъ, частью не успѣвшій попасть въ гаремы, частью считавшій для себя безразличнымъ служить рабынями таджиковъ или джетовъ.

Тимуръ разсчитывалъ встрѣтиться съ Тоглукомъ возлѣ Ходжента, но авангарды джетовъ вышли далеко впередъ, а въ числѣ

ихъ начальниковъ не оказалось ни одного, который не считалъ бы за собою права на подарокъ. Поэтому запасы Тимура значительно уменьшились, когда онъ предсталъ передъ хаканомъ.— «Прости меня, царь царей, за убогость даровъ моихъ», повелъ Тимуръ свою рѣчь, не безъ обдуманной хитрости.— «Твои начальники взяли у меня все, что было лучшаго. Съ опасностью жизни, я скрывать отъ нихъ вотъ этихъ коней, которыми ты и безъ насъ богатъ, этихъ дѣвицъ—лучшихъ перловъ нашей жизни—и эти ковры, которыми да будутъ устланы всѣ пути твоихъ побѣдъ. Мы обѣднѣли, хаканъ, потому что въ нашемъ домѣ были слишкомъ часты пожары, а до твоего прихода некому было гасить ихъ».—Обольщенный этою рѣчью смиренія и преданности, хаканъ вздумалъ было показать справедливость и величіе: онъ распорядился, чтобы его военнначальники возвратили все ими награбленное. Тимура же онъ приблизилъ къ себѣ съ довѣрчивостью, характеризовавшею безстрашнаго рыцаря степей.

Распоряженіе возвратить награбленное сильно возмутило военнначальниковъ джетовъ. Они, не знакомые съ дисциплиною, не признававшіе никакой власти, взбунтовались и вмѣстѣ со своими всадниками повернули коней обратно въ степи. Тамъ и кумысъ былъ слаще и не было надобности выставлять сторожевые пикеты и стоять на стражѣ у шатра начальника. Дремать-же на коврѣ или на войлокѣ—это безразлично.

Въ степяхъ они распустили слухъ, что хаканъ, присвоивъ себѣ подарки Мавераннагра, не позволяетъ людямъ кормиться на счетъ покоренныхъ странъ. Чѣмъ-же тогда содержать себя и коня? Что же достанется въ такомъ случаѣ женамъ и дѣтямъ?

Джеты пришли въ волненіе. Вскорѣ Тоглукъ получилъ даже извѣстіе, что народное собраніе лишило его царской власти, и что на мѣсто его явились уже новые безпомѣстные чингисиды. Опасаясь распространенія возстанія, онъ отмѣнилъ справедливость и предоставилъ въ кормленіе своимъ гарнизонамъ обширные раіоны, послѣ чего—по совѣту Тимура—онъ возвратился успокаивать взволнованную степь.

Хусантъ, слѣдившій издали за ходомъ событій, счелъ это, тяжелое для Тоглука, время наиболѣе удобнымъ для поднятія противъ него возстанія. Побѣдитель джетовъ былъ бы хорошимъ кандидатомъ на тронъ Джагатая, хотя бы передъ нимъ стоялъ Тимуръ со всѣми державшими его сторону потомками Пророка.

Разгадавший однако эту диверсію Тимуръ подкупилъ главнокомандующаго Хусаина. Благодаря его измѣнѣ, Хусайнъ потерпѣлъ сильное пораженіе въ битвѣ съ джетами, догадываясь, разумѣется, чья искусная рука привела его въ засаду.

Уходя въ степь для поправки своихъ дѣлъ, Тоглукъ намѣревался оставить Тимура намѣстникомъ, но передъ уходомъ изъ Мавераннагра измѣнилъ это намѣреніе и оставилъ намѣстникомъ своего сына Иліасъ-Ходжу. Тимуру осталось довольствоваться ролью визиря. Иліасъ-Ходжа увидѣлъ свѣтъ на степномъ привольѣ, гдѣ и дѣтямъ богатыхъ отцовъ преподавали только искусство—перегонять быстроногихъ ланей, захлестывать арапникомъ грузныхъ на подъемъ фазановъ, устраивать засады на тигровъ и добывать мѣтками стрѣлами лисьи хвосты на шапки. Выше этого горизонта джеты никогда не поднимались, но всегда гордились тѣмъ, что родъ ихъ идетъ не отъ простыхъ людей, а отъ сожителства волшебницъ съ демонами. Установившись на этомъ происхожденіи, они презирали всѣхъ сосѣдей, которые не могли похвалиться такими знатными предками.

При этой простотѣ воспитанія, Иліасъ-Ходжа не могъ вникнуть въ трудную и сложную науку управленія государствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Мавераннагръ прельщалъ его настолько, что ему не хотѣлось возвращаться въ юрту съ дымнымъ очагомъ и съ коротенькимъ спискомъ наслажденій.

Оставляя Иліасъ-Ходжу намѣстникомъ, Тоглукъ оставилъ за нимъ и командованіе войсками, такъ что визирю оставалось снабжать его только хорошими совѣтами и обильными сборами податей. Такія отношенія не могли длиться безъ скачковъ и шероховатостей, особенно, когда простой умъ степняка подсказывалъ, что визирь старается уронить его въ глазахъ народа и сдѣлать самое имя джетовъ ненавистнымъ. Ненависть эта проявлялась со стороны таджиковъ повсюду и при всякомъ житейскомъ столкновении. Особенно-же рельефно она обнаруживалась на базарахъ, на водопояхъ, при похоронахъ и во время общественныхъ празднествъ. Джеты не смѣли выходить изъ саклей безъ оружія, какъ не смѣли заглядывать въ темныя аллеи виноградниковъ, гдѣ можно было подозрѣвать присутствіе женщины...

Окружавшіе Иліасъ-Ходжу политики не могли ничего придумать для улаженія этихъ отношеній, какъ только прибѣгнуть къ системѣ устрашенія. Она же заключалась въ томъ, что число

тюремъ было доведено въ каждомъ городѣ до числа мечетей, а политическое гоненіе обратилось въ ремесло побѣдителей.

Вскорѣ «зінданы»—бутылкообразныя ямы—быстро населились фалангами, скорпіонами, черными пауками, а затѣмъ уже политическими противниками джетовъ. Не смотря однако на обиліе тюремъ, ожесточеніе народа не ослабѣвало и даже разгоралось сильнѣе, чему способствовали поступки вторгнувшихся дикарей. Въ одну несчастную ночь, Самаркандъ лишился четырехсотъ дѣвушекъ, выхваченныхъ изъ семействъ и уведенныхъ въ гарнизонный лагерь. Но не успѣлъ улечься въ народной средѣ ужасъ отъ этого событія, какъ разнеслась вѣсть будто-бы Иліасъ-Ходжа, убѣдившись, что духовенство возбуждаетъ страну къ возстанію, посягнулъ на свободу всѣхъ потомковъ Пророка и спустилъ въ свои ямы семьдесятъ престарѣлыхъ саидовъ. Вѣсть эта вскорѣ подтвердилась и привела правовѣрный міръ въ величайшее смущеніе. Изъ зіндановъ никто еще не выходилъ на свѣтъ живымъ; арестованныхъ-же саидовъ предполагалось задушить дымомъ тлѣющаго навоза...

Теперь Тимуру предстояла дилемма: взяться за оружіе противъ Иліасъ-Хаджи, или, утративъ всякое уваженіе соотечественниковъ, опуститься до положенія презрѣнной собаки. Не смотря на царившій терроръ, самаркандцы образовали большую сходку и явились къ нему съ адресомъ и воззваніемъ, какъ къ прирожденному защитнику ислама.—«Слѣдуя поведенію и примѣру законныхъ халифовъ»—значилось въ адресѣ уважаемыхъ людей Мавераннагра—«мы, духовенство, воины и народъ... общаемъ передъ тобою, полярною звѣздою могущества, не падить своего состоянія и своей жизни на то, чтобъ истребить, изгнать, побѣдить и уничтожить джетовъ, этихъ ненавистныхъ притѣснителей, простершихъ свои жадныя руки не только на имущества, но и на самую честь и законы мусульманъ. Пусть нарушившіе эту клятву потеряютъ покровительство Аллаха и подпадутъ подъ власть шайтана».

Предпочитая рискнуть жизнью, нежели утратить популярность, Тимуръ объявилъ о своемъ согласіи разорвать связь съ Иліасъ-Ходжей и выступить въ защиту саидовъ. Самаркандъ восторженно привѣтствовалъ его рѣшимость и выставилъ столько вооруженнаго народа, что джеты, бросивъ всѣ тюрьмы безъ охраны, ретировались въ урду. Саиды вышли на свѣтъ не-

вредимыми. Никогда еще самаркандцы не возглашали такъ дружно и сердечно—«Аллахъ - эббаръ!» какъ въ минуты появленія ихъ изъ мрачныхъ зиндановъ.

Въ то-же время тысячи благословеній послужили ореоломъ Тимуру, выступившему такимъ образомъ на путь открытаго возстанія. Отсиживаясь въ урдѣ, Иліасъ-Ходжа выпросилъ у отца позволеніе убить его, на что Тоглукъ отвѣтилъ присылкою опытныхъ убійцъ, но планъ этотъ не удался, такъ какъ жертва ихъ ускользнула во-время изъ Самарканда. Для борьбы съ джетами необходима была большая военная сила, которую не только Самаркандъ, но и весь Мавераннагръ не могъ еще выставить безъ упорнаго и систематическаго подготовленія.

Прежде нежели рѣшиться въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ на какую нибудь мѣру, Тимуръ прибѣгнулъ къ помощи своего духовнаго наставника, а этотъ посовѣтывалъ ему бѣжать немедленно изъ Мавераннагра. Куда бѣжать?—Раскрывъ коранъ Тимуръ прочелъ: «солнце течетъ къ назначенному мѣсту».—Гдѣ-же это мѣсто?—Духовный отецъ указывалъ на западъ, на Хорезмъ, какъ на надежное прибѣжище всѣхъ изгнанниковъ ср. Азіи. Бѣгствомъ-же нужно было торопиться, такъ какъ Тоглукъ, усмиривъ свои дикія степи, спѣшилъ уже на помощь сыну съ цѣлою ордою всадниковъ, стремившихся загладить оплошность войскъ Иліасъ-Ходжи.

Оставляя Мавераннагръ, но не бросая намѣренія войти въ него вновь въ качествѣ побѣдителя, Тимуръ увлекъ за собою небольшую толпу приверженцевъ и разбилъ свой шатеръ на берегу р. Аму. Здѣсь онъ ожидалъ отвѣтныхъ посланцевъ на свои приглашенія войти съ нимъ въ союзъ, для изгнанія джетовъ. Усилія его увѣнчались только на половину успѣхомъ, такъ какъ эмиръ Хорезма отказался отъ союза и даже распорядился арестовать его и только Хусайнъ пошелъ на мировую и обѣщалъ ему свою помощь.

Однако новый союзъ Хусайна и Тимура не упрочилъ положенія послѣдняго: джеты преслѣдовали его по пятамъ и совершенно разсѣяли его отрядъ, уменьшившійся до шестидесяти всадниковъ. Битва окончилась тѣмъ, что Тимуръ бѣжалъ съ нѣсколькими джигитами, не забывъ впрочемъ убить у своихъ противниковъ, если вѣрить его запискамъ, около тысячи человекъ. Очутившись въ Туркменіи, бѣглецы попали въ новую опасность: турк-

мены, изъ желанія сдѣлать пріятное Хорезму, посадили ихъ въ тюрьму, гдѣ они и провели пятьдесятъ мучительныхъ сутокъ. Освобожденіе изъ этой тюрьмы Тимуръ приписываетъ исключительно своей храбрости и находчивости.

Джеты продолжали безумствовать въ Мавераннагрѣ, такъ что человѣкъ съ достаточною популярностью и сильною волею не могъ бы ощутить недостатка въ людяхъ, готовыхъ выступить противъ притѣснителей. Поэтому и Тимуръ, вслѣдъ за самыми критическими положеніями, выступалъ еще не разъ на благодарное поприще освободителя родины, со многими тысячами приверженцевъ.

Спустя всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ бѣгства изъ туркменской ямы, его можно было видѣть опять, во главѣ многочисленнаго отряда, въ Сіистанѣ, представлявшемъ въ ту пору крупный интересъ предприимчивому человѣку. При осадѣ одной изъ крѣпостей Сіистана, непріятельская стрѣла, ранивъ его въ руку, впилась ему въ бедро; нужно думать, что съ этого именно времени онъ началъ хромать и пріобрѣлъ мало по малу прозвище—«ленга», а по русскимъ лѣтописямъ—«хромца».

Сіистанъ былъ разграбленъ. Уплативъ этимъ способомъ жалованье приверженцамъ, Тимуръ быстро умножилъ ихъ толпу. Ото всюду шли уже къ нему отряды недовольныхъ, такъ что мысль о нападеніи на Самаркандъ и объ изгнаніи изъ страны джетовъ нисколько не была безумною. Ради достиженія этой цѣли, онъ возобновилъ еще разъ союзъ съ Хусаиномъ, но не довѣряя другъ другу, они оставили командованіе войсками каждый за собою. Идея изгнанія джетовъ ласкала не только Мавераннагръ, но и всѣ культурныя страны ср. Азіи. Вскорѣ гарнизоны джетовъ двинулись со всѣхъ сторонъ противъ соединенныхъ отрядовъ Тимура и Хусаина. Силы враждовавшихъ сторонъ оказались неравными: джеты шли въ числѣ тридцати тысячъ всадниковъ съ несмѣтнымъ резервомъ за р. Сыръ, между тѣмъ у Тимура и Хусаина было пока не болѣе шести тысячъ и то скорѣе поселянъ, нежели воиновъ.

Тимуръ понималъ, что одинъ видъ тридцати тысячъ смѣлыхъ атлетовъ наведетъ паническій страхъ на его маленькую армію. Не доводя поэтому дѣло до встрѣчи, онъ поднялъ свой лагерь и ретировался передъ непріателемъ, который, совершивъ переходъ по голодной степи, былъ очень утомленъ и предпочелъ отдыхъ по-

гонѣ за уходившимъ врагомъ. Отойдя однако два—три фарсанга, Тимуръ быстро повернулъ фронтъ обратно и нанесъ безпечно отдыхавшему непріятелю чувствительное пораженіе. Охватившая по этому поводу таджиковъ радость усилилась еще извѣстіемъ о внезапной смерти Тоглука!

Теперь города и крѣпости поняли, что джеты далеко не такъ храбры и могущественны, чтобы нельзя было защитить отъ нихъ гаремы и виноградники. Начались возмездія: тайныя убійства сдѣлались обычнымъ явленіемъ, а крѣпостныя ворота открывались какъ-то сами собою, при одномъ звукѣ военной трубы того или другого избавителя.

Тимуръ засѣлъ въ Кешѣ, гдѣ свободно набралъ дружину въ тысячу человекъ, съ которою и вошелъ въ Самаркандъ, а отсюда развилъ и далѣе свои операціи. Появляясь неувидимымъ партизаномъ то въ Кандагарѣ, то на берегахъ р. Аму, онъ, повсюду, поддерживаемый жителями, доводилъ гарнизоны джетовъ до того, что, при его приближеніи, они выкрикивали: «аль-аманъ! аль-аманъ!»—Тамъ же, гдѣ силы было недостаточно, онъ искусно завлекалъ непріятеля въ западни и хитрости, доходившія до того, что всадники его привязывали къ лошадямъ пучки хвоста, чтобы напугать непріятеля тучею пыли. . . .

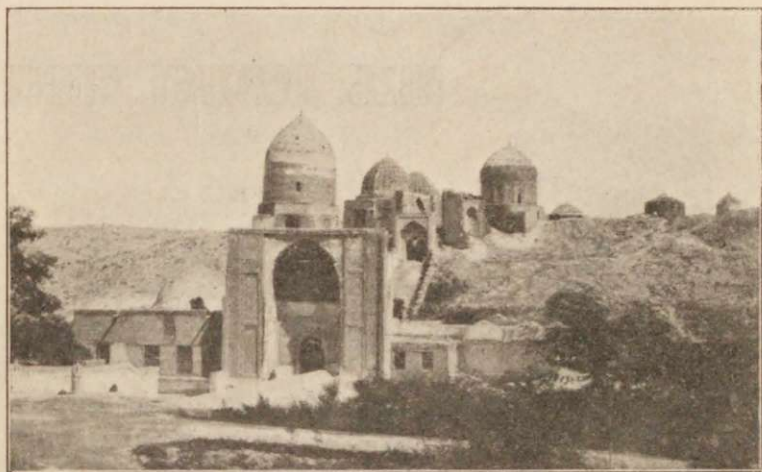
Иліась-Ходжа, неся въ этой партизанской войнѣ рядъ поражений, уже подумывалъ уйти въ свои степи, гдѣ соперники открыто вырывали изъ его рукъ войлокъ власти. Наконецъ, еще одно выигранное сраженіе и—Мавераннагръ освободился-бы отъ тиранніи дикарей! Но Хусайнъ вновь показалъ себя съ лицевой стороны и, не вступая въ бой, занялся подсчетомъ добычи, отнятой у джетовъ. Войска союзниковъ вновь раздѣлились и не разъ превращались еще въ ожесточенныхъ враговъ. Города и крѣпости переходили, въ теченіе двухъ - трехъ лѣтъ, изъ рукъ въ руки, пока Хусайнъ не оттолкнулъ отъ себя всѣхъ приверженцевъ. . . .

На джетовъ продолжали между тѣмъ сыпаться удары и за оскорбленія женщинъ, и за насилия при сборѣ податей и за издѣвательство надъ вѣрою Пророка. Избиваемые изъ-за угловъ, на водопояхъ, на дорогахъ и площадяхъ, они очень обрадовались, когда получили наконецъ приказъ, отъ ушедшаго въ степь Иліась-Ходжи, оставить все зарѣчное царство и возвратиться на сѣверъ.

Тимуръ, однако, сознался впоследствии, что приказы были

разосланы по его приказанію, съ подложными подписями и печатями.....

По возвращеніи въ степь, Иліасъ-Ходжа былъ вскорѣ убитъ однимъ изъ претендентовъ на наслѣдство Тоглука, такъ что передъ трономъ Джагатая остались только два соперника — Тимуръ и Хусайнъ. Изъ нихъ народъ благословлялъ одного—Тимура. Ему было въ эту пору тридцать девять лѣтъ.

Шахъ-Зинда.

Остатки древняго монументальнаго сооруженія
(въ Самаркандѣ).

ГИБЕЛЬ ПОСЛѢДНЯГО СОПЕРНИКА.

(1368 г.).

нархія разслабленнаго зарѣчнаго царства помогала долгое время джетамъ, стоявшимъ, по умственному развитію и природнымъ склонностямъ, ниже всѣхъ монгольскихъ племенъ, управлять его населеніемъ исключительно насиліемъ и свирѣпостію. Ножи, дубины и веревки были столбами ихъ мудрости, а захваты женщинъ, коней и одежды—конечною цѣлью ихъ военной удачи. Задыхаясь подъ ихъ управленіемъ, таджики взывали, при каждомъ намазѣ къ Аллаху и его Пророку, о ниспосланіи имъ избавителя отъ этихъ злыхъ нечестивцевъ.—«Если джетъ увидитъ самого Мухаммеда, простертымъ на молитвѣ, то не затруднится бросить ему камнемъ въ затылокъ».—Такъ говорили таджики, приравнивавшіе джетовъ къ исчадіямъ ада.

Поэтому изгнаніе джетовъ можно сравнить только съ освобожденіемъ погребеннаго въ летаргіи человѣка изъ-подъ тяжелой плиты. Плита была сброшена и изъ-подъ нея немедленно пробудилась жизнь со всѣмъ ея спросомъ и предложеніемъ и со всѣми ея красками и цвѣтами. Правовѣрные могли-бы предаться еще разъ подобной радости, только при полученіи съ седьмого неба новаго списка корана, воспроизведеннаго рукою самого Пророка.

Дервиши, быстро распространившіе вѣсть объ изгнаніи джетовъ, принялись славить повсюду Тимура.—«Если въ человѣчскомъ ухѣ можетъ помѣститься слово Тимуръ»—распѣвали они на

базарахъ и кладбищахъ,—«то знайте, что нашего избавителя зовутъ Тимуромъ». Оставивъ текіе и календаръ-хане, они разсѣялись по всей странѣ, оповѣщая, что джеты ушли въ свое отечество—въ пасть дьявола, и, по повелѣнію Аллаха, пасть эта закрылась за ними навсегда. Проходя даже мимо ямы или берлоги съ запахомъ шакала, они не пропускали случая воскликнуть: «благословляйте имя Тимура»!

Въ память освобожденія отъ джетовъ, правовѣрные пожертвовали цѣлыя стада верблюдовъ и барановъ бѣднымъ людямъ, съ тѣмъ, чтобы они копали колодези въ пустыняхъ и садили возлѣ нихъ густолиственный таль. Эти водоемы получили тогда названіе «Тимуръ-су», или Тимуровой воды.

Матери новорожденныхъ сыновей забыли всѣ имена, кромѣ Тимура, такъ что изъ новорожденныхъ Тимуровъ можно было составить цѣлые тумени всадниковъ. Малютки эти обѣщали сдѣлаться въ свое время багадурами, эмирами, а при счастіи заняться захватомъ, въ какомъ нибудь торговомъ городѣ, воротѣ, стѣнѣ и урды. Предпримчивые люди могли тогда добыть себѣ многое въ истерзанной Трансоксаніи.

Тюремные клоповники Мавераннагра опустѣли. Всѣ заключенные были выпущены на волю, безъ разбора ихъ преступленій. Каждый посаженный туда джетами считался невинно пострадавшимъ; многіе ставили потомъ себѣ въ заслугу побывку въ тюремной ямѣ. Даже воръ, съ отрубленною кистью лѣвой руки, показывалъ на нее правою и объявлялъ трагическимъ тономъ: «джеты»!

Пустынники оставили свои пещеры и пришли въ нелюбимые ими города, чтобы присоединиться къ общей радости. Горожане приняли съ восторгомъ посѣщеніе святыхъ мужей; наиболѣе-же вѣрующіе, удостоившіеся ихъ спасительнаго дыханія, давали зарокъ не мыться всю жизнь, чтобы не отлетѣла отъ нихъ святая благодать. На вопросы-же пустынниковъ: «за кого они должны молиться»?—«За Тимура»! отвѣчала вся страна.

Пиръ ордена Накшбенди собрали въ эти дни столько подающихъ, что могъ выстроить новый обширный пріютъ для странствующихъ дервишей. Онъ извѣстенъ и нынѣ подъ названіемъ «календаръ-Тимуръ».

Саиды принесли Тимуру тюрбанъ, свитый изъ ткани, пролежавшей много дней на гробѣ ихъ великаго предка. Подарокъ этотъ превзошелъ, по его духовному значенію, даже цѣнность

сабли, которою Кенъ украсилъ воинственный станъ своего гражданина. Астрологи, смотрящіе только на небо, не остались въ чествованіи Тимура позади купцовъ, смотрящихъ только въ землю и въ свои кошельки. Они нашли, что его судьба находилась подъ вліяніемъ звѣзды «Джадды», а это указывало на его совершенство, долгую жизнь, славу, могущество и на предстоявшее владычество надъ всѣми семью климатами земли!

Воспрянуло и творчество. Поэты не замедлили наполнить восторгомъ людскія сердца. Вспоминая при этомъ случаѣ подвиги Искандера-Двурогаго, они спрашивали, довольно пренебрежительно: велико-ли однако значеніе мертваго передъ живымъ? Даже съ богатыремъ Рустемомъ они обошлись на этотъ разъ безъ подобострастія, находя, что дивы, которыхъ онъ поражалъ своимъ мечемъ, не могли выдержать сравненія съ джетами.

Музыканты изобрѣли въ честь Тимура трубу, изъ которой вылетали потрясательные звуки. Она служила впослѣдствіи парламентамъ Тимура, когда онъ требовалъ передъ воротами осажденныхъ крѣпостей—дани и покорности.

Вообще Мавераннагръ обратился въ обширную гостинницу, въ которой предлагали плавать и мутати каждому багадуру, приложившему стараніе къ изгнанію джетовъ. Старухи, перешедшія уже за предѣлы вѣрности своимъ повелителямъ, не брезгали бесѣдовать съ женщинами, которыхъ въ другое время онѣ осудили-бы на избіеніе сухимъ кизякомъ. Судьи пересмѣивались съ завѣдомыми ворами. Муллы, покинувъ свою важность, отворяли двери мечетей для дружественныхъ пиршествъ. Улемы, отклонившись отъ семи климатовъ и отъ халдейской мудрости, занялись геральдическимъ деревомъ побѣдителя джетовъ. Архитекторы, инженеры и инспекторы оросительныхъ канавъ выступили въ честь его съ новыми мостами, водораздѣлами и водоемами. Даже уличные ребятишки изобрѣли новую игру въ джетовъ и ихъ побѣдителя.

Такой взрывъ популярности пролагалъ Тимуръ путь къ трону Джагатая. По его собственному признанію, мысль о захватѣ власти волновала его еще въ эпоху ранняго юношества и онъ всегда останавливался съ размышленіями надъ пѣснями корана, отвѣчавшими его душевному настроенію. Правда, нерѣдко одна пѣснь противорѣчила другой, но теперь, передъ нимъ, точно сами собою открывались страницы книги Пророка, обѣщавшія ему удачу и

мощную поддержку. Къ тому-же, одинъ изъ его совѣтниковъ увѣ-
рялъ—опять таки по его признанію—что «никакое предпріятіе не
трудно для того, кто соединяетъ мудрость плановъ съ терпѣніемъ,
твердостью, энергіей, осмотрительностью и мужествомъ».—Въ числѣ
двершней нашелся настолько достойный человѣкъ, что Аллахъ по-
велѣлъ ему сказать Тимуръ:—«Помни, о Тимуръ, что если-бы на
небесахъ было два Бога, то вселенная пришла-бы въ безпорядоч-
ное состояніе»!—Наконецъ гаданіе по корану открывало ему нѣс-
колько разъ одинъ и тотъ-же знаменательный стихъ:—«Мы
сдѣлаемъ тебя своимъ намѣстникомъ на землѣ».

Повидимому, все небесное и земное вело Тимура къ трону
Джагатая, но не даромъ сказано и въ книгѣ Пророка: «не ходи
на землѣ надменно, ибо ты не въ силахъ разрубить ее на двѣ
части, какъ не въ силахъ поднять долины къ вершинамъ горъ»!
Счастливое настроеніе Тимура было омрачено на нѣкоторое время
смертью его жены Аль-Джой и духовного наставника Шамсутдина.
Взамѣнъ этого совѣтника, ушедшаго къ Аллаху свидѣтельствовать
о дѣлахъ земного міра, Тимуръ избралъ благочестиваго и обладав-
шаго даромъ ясновидѣнія Миръ-Саида-Берке. Этотъ новый хода-
тай за него передъ Аллахомъ пріобрѣлъ потомъ, съ теченіемъ
времени, величайшее его уваженіе и даже вызвалъ его на соору-
женіе общаго для обоихъ надгробнаго мавзолея. Благодаря его
мудрости, Тимуръ освѣщалъ весь свой дальнѣйшій жизненный путь,

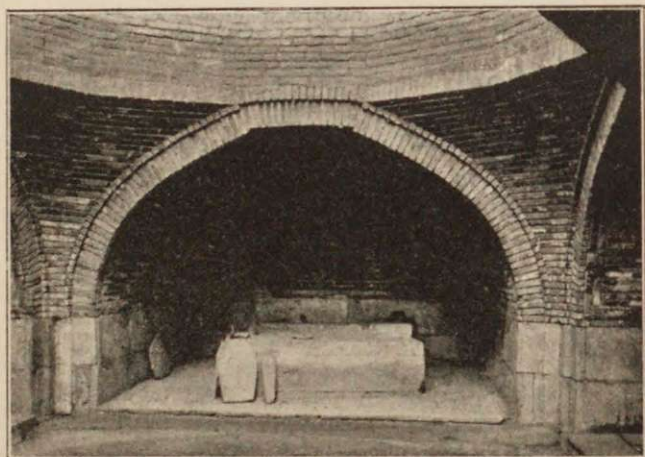
Остатки мавзолея на могилѣ Биби-ханымъ.
(Въ Самаркандѣ).

держа въ одной рукѣ свѣчу справедливости, а въ другой свѣчу безпристрастія.

Что касается Аль-Джой, то гаремъ Тимура, обогатившійся, послѣ ея смерти, образцами женской красоты—Грузин, Персіи и Индіи, не могъ уже наполнить пустоту его сердца. Одна только Биби-ханымъ залечила его страданія и удостоилась послѣ смерти величественнаго мавзолея.

Послѣ ея смерти рушились послѣдніе остатки родственныя отношеній между Тимуромъ и Хусаиномъ. Оба они очутились передъ трономъ Джагатая во всеоружіи своихъ партій и личной другъ противъ друга злобы. Хусаинъ заявилъ, что онъ, какъ истинный чингисидъ, подчинится только хану, избранному курилтаемъ. Яса-Намэ не было отмѣнено въ улусѣ Джагатая, а по его велѣніямъ похитители власти подлежали смертной казни. Тимуръ, тоже претендовавшій на единство крови съ Чингисъ-ханомъ, также согласился созвать курилтаи изъ представителей всей джагатайской земли.

Въ одномъ изъ текіе, онъ свелъ дружбу съ несомнѣннымъ чингисидомъ Кабуль-шахомъ. То былъ молодой, болѣзненный, нафанатизированный дервишъ, которому пиръ представлялся авторитетомъ во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ жизни. Не смотря на свое высокое происхожденіе, онъ собиралъ, наравнѣ съ сочленами ордена, подаванія и наравнѣ съ ними не снималъ отрепья

Склепъ Биби-ханымъ.

до полного истлѣнія. Положеніе дервиша вполне удовлетворяло его житейскимъ требованіямъ.

Вглядѣвшись пристально въ Кабуль-шаха, Тимуръ рѣшилъ, что сама судьба посылаетъ ему этого чахоточнаго, въ роли временнаго замѣстителя, кандидата въ премники джагатаидовъ. Мысль свою онъ открылъ пиру, а этотъ взялся приготовить дервиша къ несвойственной ему роли.

Курилтай состоялся при очень скромной обстановкѣ. Въ одномъ изъ загородныхъ садовъ, ночью, при свѣтѣ жировниковъ, собрались десятки горожанъ и багадуровъ, сотни дервишей и саидовъ, шахрисябцы и правовѣрнѣйшіе изъ сыновъ ислама. Собранію этому было ясно, что избраніе хана не измѣнитъ положенія политическихъ партій передъ трономъ Джагатая. Нужно было только, чтобы этотъ тронъ не оставался празднымъ и не вводилъ въ искушеніе людей, богатыхъ рискованною предприимчивостью.

Ни Тимуръ, ни Хусайнъ не рассчитывали на избраніе ихъ въ ханы, такъ какъ партіи ихъ приверженцевъ не располагали значительнымъ перевѣсомъ. Курилтай открылся при строгомъ молчаніи, которое было нарушено Хусайномъ, напомнившимъ прежде всего о доблестяхъ своего предка, а потомъ и о своихъ успѣхахъ въ восстановленіи погибавшаго улуса. Но ему не дали распутиться въ хитросплетеніяхъ, такъ какъ въ среду курилтая ворвался пиръ съ нѣсколькими десятками дервишей.—«Вотъ вамъ истинный потомокъ Чингисъ-хана и султанъ Мавераннагра!» заявилъ онъ, выдвигая впередъ Кабуль-шаха.—«Вы смотрите на его костюмъ дервиша? Да, онъ дервишъ, и это лучше ручательство за то, что поклонники ислама найдутъ въ немъ защиту. Проводя время въ бесѣдахъ съ Аллахомъ и только съ Аллахомъ, онъ не будетъ имѣть времени, чтобы отнимать у васъ женъ и дочерей или сбрасывать васъ на землю съ высоты минаретовъ. Кабуль-шахъ! орденъ Накшбенди привѣтствуетъ тебя султаномъ джагатайской страны!»

Передъ курилтаемъ предсталъ слезоточивый, изможденный человѣчекъ, выглядѣвшій, при окружавшей его торжественной обстановкѣ, форменнымъ идиотомъ. Послѣ долгаго оцѣненія, онъ прибѣгнулъ къ спасительнымъ четкамъ и къ провозглашенію символическихъ именъ Аллаха: — «О, Могущественный!.... Дающій почетъ!.... Стремящійся вверхъ!....»—взвизгивалъ онъ по обычаю,

не естественнымъ голосомъ. — «Первый!... Послѣдній!... Видимый!... Скрытый!... Многотерпѣливый!... Конецъ всего!...»

Большинство членовъ курилтая, не признававшихъ за дервишами святости ихъ дыханія, увидѣло все ничтожество этого юродиваго, но не воспротивилось провозгласить его своимъ избранникомъ. Того желали оба соперника, намѣревавшіеся безпрепятственно управлять страною именемъ этого ненормальнаго человѣка. Между тѣмъ, въ возбужденномъ мозгу послѣдняго, поднялся цѣлый рой вопросовъ:—«Неужели онъ надѣнетъ парчевый халатъ и броситъ тыкву для сбора подаяній и спасительные отрепья? Онъ будетъ судить, воевать, казнить, миловать? И его будутъ окружать, визирь, эмиры, улемы, багадуры? У него будетъ гаремъ? Онъ броситъ текіе на вершинѣ утеса и перейдетъ во дворецъ, гдѣ красивыя рабыни будутъ мыть его ноги?!»

Пиръ пришелъ ему на помощь.

— «Ты не можешь отказаться отъ ниспосланнаго тебѣ Аллахомъ положенія отца народа,» замѣтилъ онъ тономъ, не допускавшимъ возраженія, — «при томъ-же, твой внутренній человѣкъ не оставитъ тебя и на тронѣ. Самъ Накшбendi явится къ тебѣ въ тяжелыя минуты на помощь. Будь-же о, Кабуль-шахъ! государемъ въ каждомъ уголкѣ своего государства и только помни, что духъ и мысли дервиша выше помысловъ самого султана».

Кабуль-шаха провозгласили ханомъ джагатайской земли—по счету двадцать восьмымъ—безъ обычныхъ переговоровъ о томъ, что онъ олицетворяетъ—правосудіе, а народъ отблагодаритъ его любовью и повиновеніемъ. Избраніе его окончилось сценою, свидѣтельствовавшею, что новозбранный ханъ останется и на тронѣ убѣжденнымъ дервишемъ. Онъ доказалъ это тѣмъ, что на виду своихъ избирателей принялся перепоясываться, прищѣвая обычный символъ дервиша:—«я связываю себялюбіе и развязываю великодушіе!... я связываю гнѣвъ и развязываю кротость! я связываю бѣсовское».....

Но тутъ пиръ увелъ его изъ совѣщанія.....

Избраніе хана не улучшило дѣла зарѣчнаго царства. Партіи Тимура и Хусанна обособились и приняли боевое положеніе; оба они, перейдя къ активной дѣятельности—къ захвату городскихъ воротъ, базаровъ и цитаделей—распоряжались страною отъ имени Кабуль-шаха. Послѣдній отказался перейти во

дворецъ, поэтому пиръ отослалъ его въ дальнѣйшее. Здѣсь уже никто не мѣшалъ ему связывать, хотя-бы всю жизнь, грѣхи и развязывать добродѣтели. Долго-ли онъ упражнялся въ этихъ обязанностяхъ дервиша—неизвѣстно, какъ неизвѣстны время и причина его смерти. Одни говорили, что онъ оступился съ горной вершины въ бездну и достался шакаламъ, а другіе приписывали его смерть убійцамъ, эмирамъ Зельтузу и Заттеху, желавшимъ понравиться и Хусайну и Тимуру. Послѣдній предалъ убійцъ проклятію, такъ по крайней мѣрѣ онъ свидѣтельствуешь въ автобіографіи. Во всякомъ случаѣ, правовѣрные не позаботились обнаружить истину этого дѣла.

По смерти Кабуль-шаха, Тимуръ далъ Мавераннагру еще двухъ своихъ ставленниковъ—безмолвныхъ и бездарныхъ, служившихъ только заплатами на войлокѣ власти. Они не мѣшали ему готовиться къ рѣшительной борьбѣ съ Хусайномъ. Скупости послѣдняго онъ противопоставлялъ свою необычайную щедрость и, при коварствѣ противника, обѣщали явиться справедливейшимъ изъ государей.

Хусайнъ былъ скупъ до того, что ни одинъ человѣкъ не насытился его пилавомъ. Его серкеры собирали подати съ урожая ранѣе, чѣмъ спускали воду съ рисовыхъ полей—и съ садовъ, прежде нежели слетались красные скворцы къ винограднымъ гроздьямъ. За то, въ его кладовыхъ, хранились лучшія серебряныя издѣлія того времени, тюки шелковыхъ тканей и объемистые мѣшечки съ бирюзою и рубинами. Въ его конюшнѣ красовались идеальныя арабскіе кони, а въ его гаремѣ блаженствовали на шелковыхъ одѣялахъ и мутакахъ образцы женскихъ прелестей. Надъ ними величалась знаменитая Каньо.

Наконецъ въ погонѣ за трономъ, вражда Тимура съ Хусайномъ приняла настолько острый характеръ, что увѣренія ихъ въ дружбѣ сдѣлались только предвѣстниками засадъ и нападеній. Дружественныя увѣренія—то на могилахъ святыхъ людей, то на коранѣ—не препятствовали Тимуру выхватывать у Хусайна Балхъ или Гиссаръ, а Хусайну—изгонять Тимура изъ Ходжента или Карши. Багадуры утратили, во время этой распри политическихъ противниковъ, всякое понятіе о чести и переходили съ спокойною совѣстью отъ одного претендента къ другому. Побѣдитель утромъ—обращался въ побѣжденнаго вечеромъ и вожь многочис-

ленной толпы сегодня—бѣжалъ завтра въ пески и степи, съ тыквою для воды и съ обломками хлѣбной лепешки.

Наконецъ, неразсчитливая скупость Хусаина оттолкнула отъ него и послѣднихъ приверженцевъ, а щедрость Тимура, при благословенномъ дыханіи ордена Накшбенди, придала ему силу для рѣшительнаго удара. Между ними вспыхнула новая—по счету пятая—и послѣдняя война.

Она окончилась пораженіемъ Хусаина. Приведенный къ побѣдителю, онъ просилъ даровать ему жизнь, отказываясь при этомъ отъ политической дѣятельности и обѣщаясь отправиться въ Мекку, чтобы слезами смыть свои грѣхи. Но ему не пришлось исполнить свое доброе намѣреніе. Благодаря показному великодушію соперника, онъ возвратился въ Балхъ, гдѣ и принялся хозяйничать по прежнему образцу. За нимъ однако существовалъ теперь строгій надзоръ, отъ котораго ему пришлось бѣжать и скрыться въ какой-то башнѣ. Но и башня не охранила его жизнь: возмущившіеся противъ него багадуры подвергнули его участи, которая была предназначена ему въ книгѣ очевидности. Неизвѣстно, предаль-ли Тимуръ этихъ багадуровъ проклятію или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ онъ не видѣлъ болѣе соперниковъ передъ трономъ Джагатая. Свое единовластіе онъ началъ прощеніемъ политическихъ враговъ и раздѣломъ оставшагося послѣ Хусаина богатаго наслѣдства. Прежде всего, нужно было разобраться съ гаремомъ, въ которомъ сошлись, путемъ плѣна, захватовъ, подарковъ и торговыхъ сдѣлокъ—красавицы Арменіи, Грузіи и Индіи.

Дамы гарема предстали передъ побѣдителемъ во всеоружіи красоты, съ расчетомъ плѣнить его сердце, чтобы не достаться его, нѣсколько грубоватымъ, багадурамъ. Одна изъ нихъ рассчитывала побѣдить героя своею дородностью, другая—алыми губками и мушками на вискахъ, третья—зубами ослѣпительной бѣлизны, но... суровый Тимуръ пренебрегъ ихъ уловками. Онъ рѣшилъ раздать весь гаремъ своимъ сподвижникамъ. Въ послѣднее время выдѣлились чрезвычайно къ нему преданностью эмиры: Джакъ, Ику и Аль-Омра. Эти двѣнадцативершковые багадуры обладали своего рода молотилками вмѣсто рукъ и желѣзными ящиками вмѣсто грудныхъ клѣтокъ.—«Аль-Омра!» вызвалъ Тимуръ своего сподвижника.—«Возьми себѣ въ рабыни эту красавицу, которая напоминаетъ мнѣ маленькую птичку, постоянно вертящую хво-

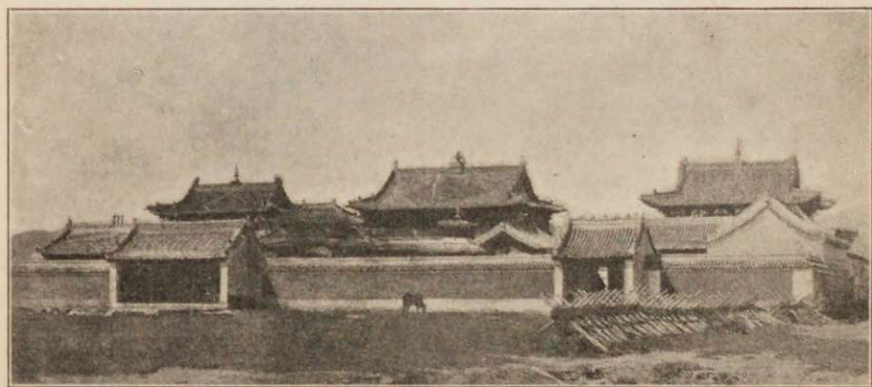
стомъ!»—И маленькая птичка покорно послѣдовала за богатыремъ Аль-Омра. Что дѣлать, побѣдитель могъ подарить ее простому солдату!—«Эмиръ Ику! уведи къ себѣ это женское творенье, сурмившее вѣки и брови въ минуты моей битвы съ ея мужемъ».—«Эмиръ Джакъ! въ твоемъ гаремѣ вѣроятно нѣтъ китайской куклы. Возьми ее, позабавься.»—«Азись, Эд-динъ!... Мон-гали-Буга...»

Словомъ, никто изъ сподвижниковъ не былъ обиженъ, при чемъ счастливый обладатель китайской куклы могъ ее тутъ-же промѣнять на арабскаго скакуна и получить въ придачу десятокъ мѣшковъ ячменя. Изъ всего гарема осталась одна Каньо. Сурово взглянулъ на нее побѣдитель, но и она не смутилась.—«Ты вымоешь мои ноги,» обратился къ ней Тимуръ, не рѣшившись отдать ее одному изъ своихъ багадуровъ.—«Тебѣ, мой господинъ, составить славу имѣть рабынею дочь хакана,» отвѣчала Каньо, «но мое униженіе не принесетъ тебѣ счастья. Меня испугать невозможно. Взгляни на этотъ ножъ!»

По знаку Тимура, у Каньо отняли ножъ.

— «Я хотѣлъ испытать тебя и ты... больше мнѣ не раба!» объявилъ Тимуръ.—«Ты можешь покинуть мою землю... или остаться здѣсь свободною женщиною. Эмиры и багадуры, дайте дорогу дочери хакана!»

Богатство Хусайна оказалось такъ велико, что его достало на всѣхъ сподвижниковъ, а щедрость Тимура была такъ хорошо

Монголія XIX-го стол.
Главныя кумирни.

разсчитана, что на пути къ трону не оставалось ни одного тернія.— «Послѣ этой побѣды разнесся слухъ, что самолюбивыя стремленія къ царской власти составляли единственную причину моихъ подвиговъ,»—замѣтилъ онъ въ своихъ признаніяхъ передъ исторіей и потомствомъ.—«И дѣйствительно, чтобы укрѣпить свою власть, я явился расточителемъ благодѣяній, и мои сподвижники не имѣли недостатка въ сокровищахъ».

XXXIV.

ВОЦАРЕНІЕ ТИМУРА.

(1369 г.)

мерть Хусаина освободила Тимура отъ послѣдняго соперника въ погонѣ его за властью джагатайскаго хана. Под-

купленные-же его чистокровнымъ исламомъ и щедрыми ваку-фами—санды и улемы были открыто и чистосердечно на его сто-ронѣ. Не ощущалъ онъ недостатка и въ беззавѣтно преданныхъ ба-гадурахъ. Одариваемые военными добычами, они цѣлыми толпами предлагали къ его услугамъ свои мечи и головы. Торговые люди также готовы были высказаться въ его пользу, хотя бы только въ надеждѣ увидѣть караванные пути Мавераннагра обезпеченными отъ необходимости платить пошлыны каждому встрѣчному аван-тюристу. При всемъ томъ, онъ подолгу задумывался передъ вопро-

сомъ: наступило ли время выставить себя кандидатомъ въ ханы джагатайской земли? Онъ былъ уже въ порѣ, когда на дальнѣйшее развитіе энергіи можетъ рассчитывать только особо возлюбленный Аллахомъ смертный.

— «Созывать-ли курилтай?» — Вотъ вопросъ, съ которымъ онъ обращался на сороковомъ году жизни, то къ своему духовному наставнику Миръ-Санду-Берке, то къ вѣщимъ страницамъ корана. Гаданіе по корану считалось и тогда, въ жизни правовѣрныхъ, дѣломъ запретнымъ, но съ теченіемъ времени оно обратилось въ духовную потребность Тимура. Впрочемъ, судя по его признаніямъ, онъ осуществлялъ нерѣдко свои планы, хотя бы они и не согласовались съ случайными предвѣщаніями Пророка. Такъ, кажется, разрѣшился и вопросъ: объявить ли себя властелиномъ джагатайской земли? Коранъ отвѣтилъ на этотъ разъ стихами, явно отрицательнаго значенія. — «Мы послали вамъ манну и перепеловъ, говоря: ѣшьте отличныя кушанья и будьте довольны». — Не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что невидимая, но высокая сила усовѣщевала Тимура не касаться трона Джагатая и довольствоваться своимъ положеніемъ. Повторенное гаданіе еще сильнѣе смутило Тимура и онъ дважды перечелъ рѣзкій отвѣтъ корана: — «Аллахъ не любить тѣхъ, которые переходятъ границу». — Послѣдній отвѣтъ запечатлѣлся въ его душѣ такъ крѣпко, что слуги и приближенные видѣли его постоянно угрюмымъ и непривѣтливымъ. Но вотъ его встрѣтила женщина, рѣшившаяся нарушить его уединеніе. — «Господинъ мой!» обратилась къ нему Каньо. — «Побѣдивъ моего Хусаина, ты побѣдилъ и мое сердце, но до сихъ поръ ты еще ни разу не взглянулъ на меня. Взгляни! Можетъ быть я и не похожа на глупую ослицу». — Тимуръ невольно повиновался этому властному и нѣсколько насмѣшливому приглашенію, а взглянувъ на Каньо, онъ пригласилъ ее побесѣдовать подъ навѣсомъ чинара. — «Тебя мучаетъ вопросъ: объявить ли себя ханомъ Джагатая?» продолжала женщина, замѣчательно постигнувшая его сокровенныя мысли. — «Тебя смущаетъ коранъ? Но если ты вспомнишь, что Пророкъ не совѣтовалъ прибѣгать къ гаданію, то поймешь, что нарушая его заповѣди, ты и не долженъ ожидать милостиваго отъ него отвѣта». — Философія Каньо поразила Тимура до того, что онъ рѣшился слушать и далѣе совѣты женщины. — «Знаю, что ты готовъ поступить наперекоръ мнѣнію слабого женскаго ума, но, господинъ мой, остановись на вопросѣ: можешь

ли ты остаться хозяиномъ только одного Самарканда? Никогда! На моей родинѣ говорятъ, что земля не насыщается трупами, какъ сердце желаніями, а я скажу, что Тимуръ не насытится однимъ Самаркандомъ. Объяви себя прямо властелиномъ—властелиновъ и, повѣрь, міръ будетъ у твоихъ ногъ, какъ теперь я, твоя рабыня..... внучка царя царей, отказавшаяся отъ брака даже съ шахомъ Хорезма!»

Странно было строгому мусульманину слушать совѣты женщины, но ея голосъ проникалъ глубже и отрадиѣ даже указаній книги Пророка. Совѣты Каньо исходили изъ сердца.—«Но не ступай на тронъ безъ просьбы курилата, иначе каждый безумецъ можетъ прийти и сказать тебѣ: уйди съ трона, ты похититель!» продолжала наставлять женщина, все еще не выходя изъ роли рабыни.—«Твой наставникъ Миръ-Саидъ-Берке ручается за твое избраніе. Безъ курилата, ты будешь только счастливымъ, и то на неизвѣстное время, сыномъ своего отца, тогда какъ признанный всенародно гуръ-ханомъ, ты увидишь міръ у своихъ ногъ. У тебя есть чѣмъ кормить народъ—корми его, корми и молись, а когда вознесешься выше людскаго моря, дай твой бѣдной Каньо маленькое мѣсто у твоего подножья.....» Передъ совѣтами женщины, Тимуръ забылъ неблагоприятные отвѣты корана и согласился на курилатъ. Мало того, угрюмый кандидатъ въ потрясатели міра забылъ въ этотъ день и о четвертомъ намазѣ и о томъ, что луна могла увидѣть какъ онъ, измѣнивъ своему величію, крѣпко поцѣловалъ женское существо.....

Миръ-Саидъ-Берке, находившійся въ заговорѣ съ Каньо, саидами и багадурами, только и ожидалъ согласія Тимура на созывъ курилата. У него уже были заготовлены призывныя посланія, написанныя лучшими каллиграфами того времени. Весь орденъ Накшбенди вызвался распространять ихъ не только въ Мавераннагрѣ, но въ Хорезмѣ и Гератѣ, на сѣверѣ и на югѣ и повсюду, куда могъ достигнуть странствующій дервишъ.

— «Во имя Божіе—лучшее изъ всѣхъ!» возвѣщалось въ посланіи. — «Мы, потомки Пророка, учителя, воины и народъ обращаемся къ правовѣрнымъ и къ каждому человѣку, понимающему, что одна мысль о тѣни Пророка замѣняетъ намъ свѣтъ, пищу и одѣяніе! Да будетъ извѣстно, что исламъ пережилъ тревожное время. По благовolenію Аллаха и благодаря звѣздѣ Тимура, язычники удалены съ позоромъ въ свою темную и холодную

страну. Однако исламъ не наполнилъ еще собою всѣ семь климатовъ и на землѣ продолжаютъ жить люди, которые поклоняются животнымъ и идоламъ. Надъ непризнающими правовѣрія все еще виситъ—бесильно и беспомощно—мечъ ислама. Страна наша разбилась на такія маленькія области, что и ничтожный врагъ побѣдитъ каждую изъ нихъ по одиночкѣ. Намъ нуженъ господинъ съ сильною властью. Приидите-же для избранія его въ городъ Балхъ, который откроетъ вамъ свои ворота и сады. Пусть каждый вѣрный слуга ислама будетъ тамъ, въ ночь на 10 Рамазана 771 года».

До назначеннаго срока курилтай было достаточно времени, чтобы дать хорошее назначеніе богатой добычѣ, доставшейся побѣдителю джетовъ. Не проходило дня, чтобы Каньо не кормила въ своемъ саду сотни обездоленныхъ женщинъ. Ни одинъ монастырь, ни одна мечеть не были обойдены вакуфнымъ клочкомъ земли или сада. Членамъ ордена Накшбенди было обѣщано право подходить во всякое время къ окнамъ дворца и изливать передъ ними, въ пѣсняхъ, народныя жалобы. Багадуры обновили свое оружіе и сѣдла, а эмиры Ику и Джакъ образовали даже гвардію изъ кенщевъ и самаркандцевъ.

Тяжело было самозваннымъ бекамъ разставаться съ захваченною ими властью, но уже въ воздухѣ чувствовалось, что пора народной сумятицы миновала и что наступать новая эра крѣпкой власти. Популярность Тимура не правилась счастливецамъ, захватившимъ города и крѣпости, но и имъ пришлось отправиться въ Балхъ, чтобы выслушать народную волю. Разумѣется, насколько возможно, они соблюли торжественную обстановку своего невольнаго путешествія. Путь каждому изъ нихъ открывалъ литавричикъ, а за плечами выступалъ знаменщикъ, хотя бы съ одинокимъ хвостомъ буйвола или съ краснымъ платкомъ на древкѣ и съ пятью нашитыми на платкѣ пальцами.

Тимуръ, продолжая настаивать на своемъ родствѣ съ великимъ Чингисъ-ханомъ, требовалъ, чтобы при курилтаѣ были соблюдены всѣ старинные обычаи чингисидовъ. Обычай же предписывалъ, между прочимъ, являться на курилтай безъ оружія, и такъ какъ выборы переходили нерѣдко въ кровопролитіе, то избирались пристава для наблюденія за порядкомъ и за свободою народнаго приговора. Такими приставами были теперь эмиры Ику и Джакъ, хотя и неизвѣстно кѣмъ выбранные, но ретиво

исполнявшіе свои обязанности. Они одни явились вооруженными. Впрочемъ оппозиція увѣряла потомъ, что всѣ кеншцы и самаркандцы имѣли при себѣ, подъ верхнимъ платьемъ, хорошо наточенные ножи.

Балхъ гостепріимно открылъ собранію курилтая свои ворота и сады. Его такъ часто грабили разные авантюристы, что только въ крѣпкой власти онъ видѣлъ залогъ своего дальнѣйшаго существованія. Къ тому-же, дать мѣсто курилтаю и даже понести крупныя, на угощеніе депутатовъ, издержки, считалось вопросомъ чести не только города, но и цѣлой провинціи.

Саиды, улемы, купцы и лучшіе люди изъ народа пришли заранѣе къ сборному пункту курилтая. Позже прибыли оппозиціонные депутаты—изъ Хорезма, Герата, и Мерва, желавшихъ сохранить свои права вольности.

Наконецъ, за нѣсколько сутокъ до урочнаго дня, потянулись, съ искусственнымъ равнодушіемъ и напускною лѣнью, наиболѣе извѣстные въ странѣ вельможи, такъ что литавры гремѣли въ Балхѣ съ утра до ночи. Ротозвѣямъ было чѣмъ насытить свои взоры; по дорогѣ съ сѣвера гремѣли литавры эмира Шейхъ-Мухаммеда, а по дорогѣ съ юга развѣвался бунчукъ эмира Кей-хоэру. На западѣ поднималась густая пыль, благодаря большой свитѣ эмира Сарбугая, но на востокъ было еще интереснѣе; тамъ встрѣчали ханымъ, правившую однимъ изъ храбрѣйшихъ горныхъ племенъ.

Обычай предоставлялъ каждому участнику курилтая право высказывать откровенно и безпрепятственно мнѣнія о намѣченныхъ кандидатахъ, предложенныхъ тою или другою партією. Каждый свободный и совершеннолѣтній человѣкъ, не замѣченный въ кражѣ и обвѣсѣ, могъ предлагать и своего кандидата и громко восхвалять доблести своего избранника. Отсюда возрождались порою страстные споры:—«Вашъ кандидатъ красивъ, но онъ такой заика, что Аллахъ не отличить его отъ курицы, которая только что снесла яйцо!» — Насмѣшникъ, порочившій кандидата противной партіи, не оставался безъ отместки.—«Мы предпочитаемъ заика вашему краснобаю, который не можетъ различить по своему убожеству—барана отъ дикой свиньи!»

Не пощадили и Тимура.

— «Правда-ли, что онъ носитъ на ногѣ желѣзное кольцо?» допрашивали депутаты Хорезма.—«Онъ не танцовщица, чтобы

носить кольца на ногахъ.»—«У насъ, въ Хорезмѣ, говорятъ будто это несчастье случилось съ нимъ въ малолѣтствѣ, когда онъ не готовился еще въ ханы и пасъ барановъ своего киш-лака!....»—«Ахъ, вы также довѣрчивы какъ и мы, когда намъ говорятъ, что въ Хорезмѣ нѣтъ ни одной матери, которая-бы родила умнаго сына!»

— «Какъ времена переменчивы», говорили мертвцы.—«Мы помнимъ, какъ вашъ кандидатъ, рыскавшій по свѣту за новыми шароварами, сидѣлъ въ нашей овечьей загородкѣ. Исправна-ли теперь у него эта часть одежды?»—«Повѣрьте, она исправитѣ нежели ваши головы. Безъ него, на вашемъ лбу, были бы давно уже разрисованы идолы, а эти картины вы не смыли - бы молоко даже черной верблюдицы».

— «И мы видѣли вашего Тимура на своемъ базарѣ», говорили гератцы.—«Онъ прибѣжалъ тогда съ своими сорванцами и выкрикнулъ: люди, знайте, что я вашъ ханъ! Потомъ онъ схватилъ дыню и бараній курдюкъ и убѣжалъ изъ города. Тогда онъ потерялъ свои старыя калоши, которыя и теперь валяются у городскихъ воротъ!»

Насмѣшки депутатовъ вольнолюбивыхъ областей не шли однако далѣе невинныхъ остротъ, потому что багадуры Джакъ и Ику умѣли во время возстановлявать порядокъ. Кеншы и Самаркандцы появлялись, по ихъ условнымъ сигналамъ, всюду, гдѣ только черезчуръ назойливо порочили имя Тимура.

Дерзкіе пріумолкали также и при появленіи передъ ними саидовъ, которые готовились подставить не только сердца, но и плечи, чтобы выдвинуть своего любимца выше людской толпы. Они же обнародовали, ради успокоенія слабыхъ умовъ, родословную Тимура, указывавшую, что его предокъ въ пятомъ колѣнѣ и предокъ Чингисъ-хана въ четвертомъ были родными братьями. Объ этомъ родствѣ было, записано-де на стальныхъ доскахъ унесенныхъ вихремъ на вершину недоступной горы. На тѣхъ доскахъ значилось, что Тимуръ былъ сыномъ Турагая, а этотъ сыномъ Эмира Боргуля, а Боргуль сыномъ эмира Ильмгиза..... и наконецъ, восходя ко временамъ Ноя, когда ковчегъ остановился на горѣ Джуди, а Мавераннагръ достался въ удѣлъ Іафету, послѣдній былъ истиннымъ родоначальникомъ и Чингисъ-хана и Тимура!....

Проводя Тимура на тронъ, саиды не забывали, что, принадлежа скорѣе небу нежели землѣ, они должны отличаться

отъ обыкновенныхъ людей и виѣшною и внутреннею величавостію.

Отдѣлившись отъ толпы въ особый кружокъ, они бесѣдовали совершенно молча и потомъ, точно по наитію, исходившему изъ горняго пространства, восклицали всѣ въ одинъ голосъ: «О, Тимуръ!»

Дервиши, менѣ всего заботившіеся о величавости, бѣгали изъ сада въ садъ, отъ одной группы къ другой и выкрикивали все то же имя: «О, Тимуръ!»

Самый воздухъ Балха наполнился Тимуромъ.

Звѣздоцеты, собравъ группы любознательныхъ людей, обращали ихъ взоры на положеніе свѣтилъ на небѣ и растолковывали непосвѣщеннымъ въ небесныя таинства людямъ, гдѣ горитъ звѣзда Тимура. Звѣзда горѣла замѣчательно ярко и прямо таки объясняла его необыкновенно могущественное значеніе. Она занимала такое властное положеніе на небѣ, что могла перемѣщать другія мелкія звѣзды съ мѣста на мѣсто и одни небесныя свѣтильники гасить, а другіе возжигать яркимъ пламенемъ. Во всякомъ случаѣ, звѣздоцеты рѣшили поднести Тимуру титулъ «Сагибъ-уль-кырана»,—повелителя звѣздъ; того требовало само небо. а они были его слугами.

Наконецъ нашлись очевидцы, которые видѣли, какъ, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ джетами, раскаленные стрѣлы падали съ неба прямо въ колчанъ Тимура, а онъ посылалъ ихъ отъ себя, во всѣ стороны, по направленію къ врагамъ....

Наступила торжественная ночь 10-го Рамазана 771 года. Въ эту памятную ночь, саиды готовились придать курилтаю послѣдній толчекъ. Повсюду, во всемъ Балхѣ и въ его окрестностяхъ, запылали громадныя костры, а на минареты вышли, вмѣсто простыхъ мю'ezzиновъ,—потомки Пророка, преисполненные величія и вдохновенія....

Провозглашеніе избранника должно было состояться на площади, обрамленной вѣковыми чинарами. Спустившись съ минаретовъ, саиды направились на площадь избранія съ приподнятыми зелеными тюрбанами и съ возведенными къ небу взорами. Все говорило за великое и таинственное значеніе наступающаго торжества. За саидами послѣдовали кешцы и самаркандцы, а потомъ толпа уже увеличилась настолько, что депутаты смѣшались съ сбродомъ и багадуры съ кожевниками. Кто-то выкрикивалъ въ полутъмѣ и въ облакахъ пыли:

— «Кто желаетъ побѣды исламу, тотъ за Тимура!»

Повсюду гремѣли литавры, ржали кони, а улицы и площади окутывались непроницаемою пылью и только выше всего, что двигалось и ликовало или наоборотъ роптало, носилось въ воздухѣ имя—Тимура!

Тимуръ не показывался въ собраніи курилтая, но ему были извѣстны всѣ подробности народныхъ сужденій. Чья голова выше толпы, у того всегда есть готовые слуги; эти добровольцы постигали чутьемъ, что Тимуръ не забудетъ ихъ преданности, когда, не удовлетворившись ролью какого-нибудь Кабуль-шаха, возстановить сказочный блескъ восточныхъ властителей.

Миръ-Саидъ-Берке взялъ на себя обязанность пригласить Тимура выслушать народную волю. При его появленіи на парадной площади, группа саидовъ обратилась прежде всего съ молитвою къ Аллаху,—указать избранника, которому исламъ могъ-бы довѣрить свой мечъ для водворенія на землѣ правды. Должно быть небо было подготовлено къ этой просьбѣ, потому что народная масса, какъ бы наэлектризованная вдохновеніемъ свыше, завопила: «о, Тимуръ! будь счастливъ вмѣстѣ съ нами!»

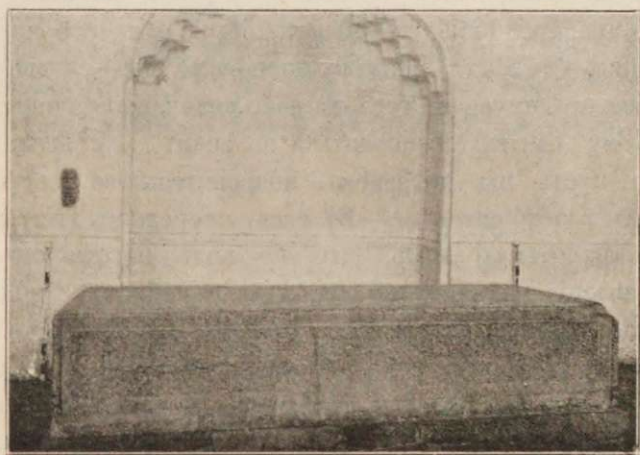
Тогда Миръ-Саидъ-Берке подвелъ Тимура къ развернутому уже на землѣ войлоку, но, не давая ему ступить на этотъ старинный тронъ, обратился къ нему съ предложеніемъ спросить людей Мавераннагра и дальнихъ странъ, желаютъ-ли они имѣть его своимъ властелиномъ? На этотъ вопросъ, предложенный Тимуромъ отчетливо и громко, послышались тысячи восклицаній и прежде всего голоса багадуровъ: — «Тимуръ, ты нашъ господинъ!» — «Ты мечъ ислама!» — «Ты повелитель звѣздъ!» — «Ты побѣда всѣхъ побѣдъ!» — Теперь Тимуру предстояло заключить нравственный договоръ съ народомъ.

— «Помни, о Тимуръ», говорилъ ему отъ лица предстоявшаго народа Миръ-Саидъ-Берке, — «что когда ты будешь тѣнью Пророка, то для тебя будетъ закономъ только воля Аллаха и—справедливость. Слѣдуй за его волею и помни, что, утративъ справедливость, ты лишишься и того куска войлока, на которомъ мы вознесемъ тебя на царство».

Наступила пора и Тимуру предложить свои условія народу. — «А придете-ли вы ко мнѣ, когда я васъ призову?» — «Да, да, придемъ!» загудѣла народная масса. — «Пойдете-ли вы туда, куда

я поведу?» — «Пойдемъ, пойдемъ!» — «Убьете-ли, кого я прикажу?» — «О, Тимуръ, не сомнѣвайся!»

Этимъ обычнымъ обмѣномъ условій завершился актъ присяги. Оставалось только выполнить актъ возведенія на войлокъ власти. Прежде однако, чѣмъ ступить на него, Миръ-Сайдъ-Берке подавъ избраннику золотой поясъ, богатую саблю и жемчужныя серьги. По книгамъ старыхъ ученыхъ людей значится, что и Навуходносоръ и справедливый Сулейманъ, прежде чѣмъ принять царскую власть, вдѣвали серьги въ уши. То же сдѣлалъ и Тимуръ. Послѣ того Миръ - Сайдъ - Берке вручилъ ему баранью лопатку, какъ эмблему мощнаго властителя. Въ такой обстановкѣ багадуры, саиды и лучшіе люди подняли его на воздухъ, при громѣ литавровъ и бурныхъ восторговъ народной толпы. Троекратно вздымали и опускали его съ восклицаніемъ: «Аллахъ-экберъ!» — Тогда еще не было трона, кокъ-таша, которымъ Тимуръ украсилъ впослѣдствіи свою резиденцію.

Кокъ-ташъ.
Тронъ Тимуръ-ленга,
(въ Самаркандѣ).

Но—какъ говорила и пословица того времени:—«столица не составляетъ царства»—не успѣли еще убрать войлокъ, на которомъ только что возносили властелина земли, какъ депутаты дальнихъ странъ и городовъ принялись сѣдлатъ коней и отправляться по домамъ. Теперь и литавры ихъ и бунчуки были припрятаны. Они не хотѣли даже, чтобы бѣгство ихъ было замѣчено эмирами

Ику и Джакомъ, успѣвшими получить начальство надъ сотнями Кеша и Самарканда. Ярлыки на это назначеніе они поспѣшно воткнули въ свои чалмы, а на кешцахъ и самаркандцахъ заблестѣло оружіе.

Прежде всѣхъ скрылись депутаты Хорезма. — «Повѣрьте, что нашъ Ургенчъ красивѣе вашего Балха» сообщали они довѣрительно ближайшимъ сосѣдямъ. — «А кто можетъ спокойно сидѣть на своемъ сѣдлѣ, тому нѣтъ надобности поддерживать чужое стремя»....

Депутаты Мерва отнеслись еще горделивѣе къ совершившемуся событію: — «Во истину, только нашъ Мервъ можетъ считаться куполомъ міра и онъ такъ великъ, что весь вашъ Мавераннагръ могъ бы занять въ немъ мѣсто только задняго квартала».

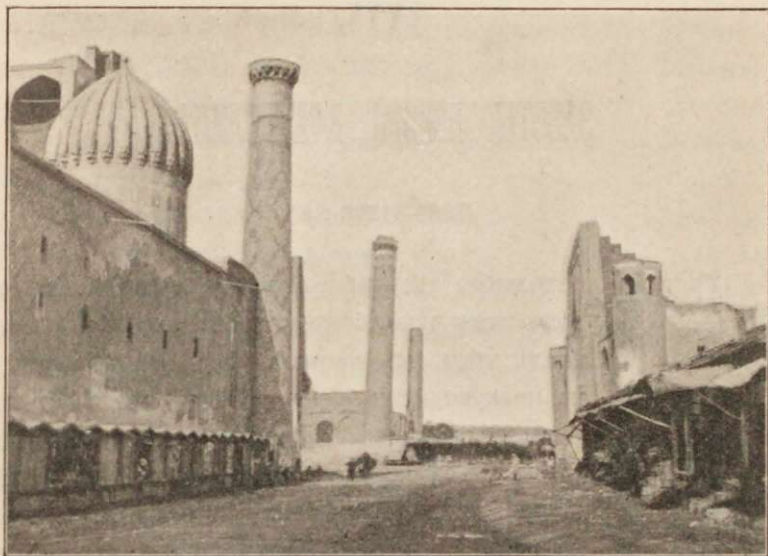
— «Мы люди торговые!» замѣтили депутаты Герата. «Намъ не нужно хана, который не купить у насъ ни одного ячменнаго зернышка».

Курилтай завершился посылкою во всѣ ближніе города и дальнія страны гонцовъ съ объявленіемъ объ избраніи Тимура въ гуръ-ханы. — «Слѣдуя примѣру халифовъ, мы — саиды, воины и народъ возвели Тимура въ гуръ-ханы», значилось въ оповѣщеніи. — «И дали ему клятву повиноваться во всемъ..., и если нарушимъ клятву, то пусть мы потеряемъ покровительство Аллаха и подпадемъ подъ власть сатаны». — Въ свою очередь и Тимуръ послалъ отъ себя грамоты о томъ, что по волѣ народа онъ принялъ бразды правленія надъ землей Джагатая и избралъ своей столицей Самаркандъ. — «Я, рабъ Божій, Тимуръ, говорю....» Такъ началась эта грамота и такъ писались всѣ прочія, когда Тимуръ достигъ и зенита могущества. Истинный правовѣрный не нуждался въ пышномъ титулѣ.

Изъ Балха Тимуръ заѣхалъ въ Кешъ поклониться могилѣ отца и потомъ въ Самаркандъ, гдѣ, при встрѣчѣ съ Каньо, онъ сказалъ ей ласковое слово: — «Сколько у меня будетъ женъ, я не знаю, но ты, Каньо, будешь между ними всегда первою и такъ до той минуты, когда Аллахъ пошлетъ къ одному изъ насъ своего ангела смерти».

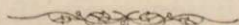
Первые дни воцаренія Тимура прошли во всеобщемъ ликованіи Мавераннагра и особенно Кеша и Самарканда, гдѣ богатые люди старались обратить вниманіе новаго властелина своими щедротами. Черная кость была сыта. Кромѣ даровыхъ угощеній, для ея

заработковъ открылись обширныя, общественныя и ханскія работы по сооруженію величественныхъ зданій, новыхъ стѣнъ урды и въ устройствѣ ханскихъ садовъ. Лучшіе изъ нихъ, съ мраморными бассейнами, оѣбненными многовѣковыми чинарами, съ цвѣтниками и птичниками, предназначались дамамъ гарема.

Регистанъ въ Самаркандѣ.

Вообще укрѣпленіе авторитета было первою заботою Тимура, а будучи недурнымъ сердцевѣдомъ, онъ зналъ кого и какимъ наградить значкомъ или чиномъ, для кого создать новую должность и чѣмъ поднять духъ патріотизма. Сознавая, что онъ владѣлъ трономъ при посредствѣ ислама, онъ обратилъ его въ лозунгъ, объявивъ, что распространеніе ислама по всѣмъ семи климатамъ будетъ его завѣтною мечтою. При этомъ, точно опредѣлившись міровоззрѣніи, онъ потребовалъ отъ подданныхъ труда и порядка, а въ благодарность за эти качества обѣщалъ внутренній миръ и справедливость. — «Одни милости не будутъ имѣть границъ», добавлялъ онъ въ программѣ своего царенія. — «Милости, раздаваемые во имя Аллаха, никогда и никого еще не разорили». Подобная программа не могла не порадовать весь взволнованный міръ ислама ср. Азіи, увидѣвшій наконецъ надъ собою крѣпкую и многообѣщавшую власть.

ЗАБОТЫ НОВАГО ВЛАСТЕЛИНА.

(1369—1376 г.г.).

Честолюбіе Тимура побуждало его еще на двадцатомъ году жизни мечтать о захватѣ Самарканда, послѣ того онъ провелъ такъ-же двадцать лѣтъ то полководцемъ безъ войска, то властелиномъ безъ подданныхъ. Этотъ длинный періодъ стремленій къ власти завершился наконецъ положеніемъ, предоставлявшимъ ему средства къ осуществленію широко задуманныхъ плановъ. Провозглашеніе-же гуръ-ханомъ обновило его энергію до того, что «надѣвъ царскій плащъ, онъ отказался уже отъ покоя, какой вкушаютъ иногда правители на лонѣ бездѣйствія». — Этому признанію Тимура тѣмъ легче повѣрить, что достигнутый имъ на курилтаѣ успѣхъ возбудилъ противъ него умы всей ср. Азіи. Его необыкновенная предпріимчивость, соединенная съ непреклонной волею, угрожала многимъ узурпаторамъ, съ которыми примирились уже нѣкоторыя, части Трансоксаніи. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ не видѣть что противъ его возвышенія возстанутъ не только отдѣльные за-вистники, но и цѣлыя, обиженные имъ племена.

Въ эту эпоху джеты, хотя и вытѣсненные изъ Маверанна-гра, были все еще страшны на всей площади между Тибетомъ и Иртышомъ. Кашгаръ былъ ихъ столицею. По смерти Тоглука и Иліасъ-Ходжи, въ средѣ ихъ нашлись предводители, ожидавшіе только удобнаго случая нанести вновь Мавераннагру сокрушитель-

ный ударъ. Съ другой стороны, на западѣ, Хорезмъ, возродившійся въ смутныя времена джагатаидовъ, напомнилъ, что Трансоксанія была столѣтіе тому назадъ только областью Хорезмской имперіи. Напоминаніе это заставляло подозрѣвать, что у Хорезма есть сильная опора, которая и дѣйствительно обнаружилась въ послѣдствіи со стороны мощной З. орды. На югѣ Мервъ и Герать также не соглашались признать власть человѣка, который еще такъ недавно посѣщалъ ихъ въ качествѣ авантюриста. Наконецъ, въ самомъ Мавераннахрѣ, народъ настолько отвыкъ отъ повиновенія, что со многими зазнавшимися людьми нельзя было управиться ни ласкою, ни строгостью....

Сознавая опасность своего положенія, Тимуръ употребилъ первые три года своего царствованія на организацію регулярной боевой силы. Тактика Чингисъ-хана служила ему въ нѣкоторой степени указателемъ въ дѣлѣ построенія армій и посылки ихъ на штурмъ или въ полевыя битвы. Вскорѣ, впрочемъ, ученикъ превзошелъ учителя и довелъ свой военный регламентъ до арифметической точности. Испытаніе его на практикѣ не заставило себя ожидать и затѣмъ, каждый изъ тридцати пяти совершенныхъ имъ походовъ и каждое сраженіе служили ему поученіемъ, которымъ онъ пользовался, какъ только можетъ пользоваться завоеватель, отмѣченный гениемъ войны. Въ концѣ концовъ, онъ подарилъ любителямъ военного дѣла Воинскій Уставъ, поражающій своими стратегическими и хозяйственными тонкостями. Раздѣленный на отдѣльныя правила, онъ восходитъ отъ шила и десяти игловокъ, въ которыхъ нуждался его солдатъ, до сформированія армій и завоеванія отдѣльныхъ царствъ.

По этому уставу, ряды войскъ пополнялись: въ мирное время—добровольцами, въ которыхъ никогда не было недостатка, а въ военное—обязательною повинностію. Двѣ-три юрты или сакли обязаны были выставить всадника съ конемъ и полнымъ вооруженіемъ. Первою боевою единицею былъ десятокъ, которымъ начальствовалъ—по выбору товарищей—«унбаша». Десятки соединялись въ сотни, подъ начальствомъ—«юзбаша».—«Мингбаша» командовали тысячами. Десять тысячъ составляли «тумень», какъ напоминаніе Чингисъ-хановой тмы.

Для унбаша требовалась только одна храбрость, но юзбаша долженъ былъ обладать кромѣ того и мудростью. Въ мингбашѣ цѣнились уже сообразительность и инициатива. Начальникъ туме-

ня являлся обладателемъ высшихъ познаній въ военномъ дѣлѣ, не исключая умѣнья завлекать враговъ въ засаду и подкупать знаменосцевъ....

Войска состояли на жалованьи. Стоимость одной лошади составляла штатную единицу жалованья. Простой мечникъ или копейщикъ получалъ одну единицу, багадуръ—три, унбаши—десять. Впрочемъ размѣръ жалованья измѣнялся отъ колебанія цѣнъ на жизненные продукты. Сыновья и внуки его располагали содержаниемъ отъ трехъ до двѣнадцати тысячъ всадниковъ и, кромѣ того, получали города и области на прокормленіе.

Вмѣсто денегъ выдавались иногда ордера на полученіе податей съ населенія покоренныхъ государствъ. Владѣлецъ такого ярлыка выжималъ свое жалованье какъ умѣлъ, но безъ права прибѣгать къ истязаніямъ. Жалованье иногда не уплачивалось отъ одной войны до другой, за то счастливыя войны вознаграждали съ избыткомъ это терпѣніе.

Награды и наказанія были также регулированы. Кромѣ обычныхъ повышеній изъ унбаши въ юзбани и далѣе, храбрость и находчивость открывали путь къ званію эмира. Эмиръ перваго класса получалъ вышитую золотомъ палатку и, разумѣется, знамя и литавры. Почетные колчаны, конья и мечи дополняли наградной арсеналъ.

Знаками опалы служили разжалованье и совершенное изгнаніе—лицъ высокаго ранга—изъ рядовъ войска. Присылка эмиру женскаго ожерелья или вѣера служила приказомъ объ отставкѣ.

Во второй половинѣ своей боевой жизни, Тимуръ достигнулъ однообразія въ войскахъ. Лошади были подобраны по мастямъ. Люди одѣвались въ одинаковые камзолы. Всадники имѣли запасныхъ лошадей. Оружіе состояло изъ лука, колчана, ятагана и, смотря по роду войска, топора и батики. Палатка полагалась на восемнадцать ч., а для багадуrowъ на пять. Эмиры и мингбаши могли придумывать себѣ и произвольное оружіе. Кольчугами не пренебрегали.

Третья часть войска несла внутреннюю службу, т. е. удерживала недовольныхъ отъ революціи, а покоренныя области отъ возстаній. Остальныя двѣ трети были всегда на готовѣ выступить въ походъ по первому знаку своего вождя.

За исправнымъ состояніемъ войска и войскового хозяйства наблюдалъ почетный контролеръ «А'ризъ-лашкеръ», пользовавшійся

правомъ личнаго доклада гуръ-хану. Онъ-же слѣдилъ и за ходомъ сраженія.

Боевымъ кликомъ было «сюрюнтъ»! и, разумѣется, «Аллахъ-акберъ»! Бѣгство-же непріятеля возбуждало восторженный возгласъ «альфераръ»!—Непріятель иногда и не думалъ бѣжать, а ему все-таки кричали: альфераръ!

Въ большомъ сраженіи всегда участвовало и знамя Тимура, хотя-бы онъ лично и не присутствовалъ. Значеніе знамени, какъ и захвата въ плѣнъ или убійство главнокомандующаго, было въ ту пору громадно: нерѣдко одно паденіе знамени вызывало неудержимую панику, доводившую до полного пораженія арміи. Подкупъ знаменосца поэтому входилъ прямо таки, въ «правила побѣдоносныхъ сраженій».—Знамя Тимура находилось въ резервѣ и охранялось избранными мечниками и багадурами.

Арміей, свыше сорока тысячъ, Тимуръ командовалъ лично, а корпусомъ, свыше двѣнадцати тысячъ—одинъ изъ его сыновей. Мѣста сраженія выбирались опытными колонновожатыми, изучавшими предварительно всѣ шансы непріятеля. Имъ были напередъ извѣстны условія предстоящаго сраженія: число войскъ непріятеля, качества его стрѣлковъ и мечниковъ, его порядки нападеній—общею лавою или частями—и отступленій. Колонновожатые обязаны были также изслѣдовать—достаточно-ли имѣется для сраженія земли и воды и куда будетъ свѣтить солнце въ тотъ или другой часъ битвы.

Кромѣ тяжелой и легкой конницы, въ войскахъ Тимура содержались—понтонеры, метатели греческаго огня и артиллерія съ осадными машинами. За арміей слѣдовала, какъ и при Чингисъ-ханѣ, «толпа», изображавшая выучный скотъ и вообще военный матеріалъ на разныя потребности. Въ толпу сгонялись всѣ мирные граждане, попадавшіеся на пути военныхъ отрядовъ.

Геній войны, образовавъ Тимура, создалъ, говорятъ, въ немъ учителя позднѣйшему потрясателю земли, проявившемуся подъ именемъ Наполеона I. По крайней мѣрѣ послѣдній, какъ увѣряютъ военные писатели, строилъ и свои войска для побѣдоносныхъ битвъ въ порядкѣ, приближавшемся къ тактикѣ Тимура. Сходство это замѣчаютъ въ дѣленіяхъ на крылья, линіи, авангарды, аванпосты, резервы....

Тимуръ постепенно вводилъ свои войска въ бой, усиливалъ однѣ части другими и доходилъ до двѣнадцати атакъ. Извѣстны

случаи, когда во время сражений онъ садился за шахматную доску, на которой шашки изображали части войскъ и совершавшіяся передъ его глазами эволюціи. Нынѣшняя военная игра повторяетъ во многомъ игру Тимура.

Онъ дѣйствовалъ преимущественно конницею и посылалъ пѣхоту только на небольшія разстоянія. Конница его подходила къ типу нынѣшнихъ драгунъ. Всадникъ легкой конницы имѣлъ въ походѣ колчанъ, палашъ, шилу, веревки, топоръ, кожаный мѣшокъ для воды и двѣ лошади, а всадникъ тяжелой кавалеріи—отборный по физическому развитію человѣкъ—кромѣ этого снаряженія, еще латы и шлемъ. Десятнику полагалась кольчуга.

При арміи слѣдовалъ запасный арсеналь.

Эмиры могли фантазировать въ количествѣ и формѣ своего оружія и содержать громадное число лошадей: эмиръ низшаго ранга обязанъ былъ имѣть сто десять лошадей и число это, повышаясь по рангамъ, доходило до трехсотъ лошадей главнокомандовавшаго.

Такая организація военныхъ силъ Тимура совершилась, разумѣется, не вдругъ, а постепенно, какъ постепенно она выросла до восьмисотъ тысячъ человѣкъ въ войнѣ съ Баязетомъ.

Покоренныя страны предоставляли свои войска побѣдителю, которыя онъ и направлялъ ихъ въ другія, чуждыя имъ области. Возмущенія въ войскахъ были рѣдки.

Располагая регулярно и хорошо дисциплинированной силою, Тимуръ испыталъ ее прежде всего на джетахъ, продолжавшихъ отравлять ему жизнь непрерывными набѣгами. Можно было заранѣе предвидѣть чѣмъ окончится столкновение организованной силы съ полудикимъ народомъ, умѣвшимъ ратовать только стихійнымъ натискомъ, дубинами и длинными копьями. Но степи джетовъ были необъятны. Благодаря имъ, вольные рыцари бросались, при первой же неустойкѣ, въ разсыпную, такъ что на поляхъ битвъ оставались нерѣдки побѣдители безъ побѣжденныхъ. Пять разъ переходилъ Тимуръ черезъ р. Сыръ и столько же разъ разсѣвалъ скопища султана Комаръ-ад-дина, пока наконецъ послѣдній не потерялъ рѣшительнаго пораженія, при которомъ онъ потерялъ не только султанатъ, но и свою красавицу дочь, доставшуюся побѣдителю, Дилшадъ-агу.

Слѣдующимъ правиламъ обращенія съ врагами, Тимуръ возвелъ плѣнницу въ свои законныя жены. Бракъ этотъ имѣлъ признаки

политическаго союза Мавераннагра съ старою джетовъ, по Комаръ-эд-динъ, не понявъ своего положенія, затѣялъ новый походъ противъ зятя. Отвѣтомъ на неразумный вызовъ служило присоединеніе всей его страны къ Мавераннагру.

Однако недружелюбное отношеніе къ безпокойному тестю нисколько не повліяло на теплоту чувствъ Тимура къ его дочери. Мало того, побѣжденный ея красотою, онъ оставилъ потомству вопросъ: неужели и его сердце загоралось чувствомъ нѣжной любви? Неужели сотни тысячъ труповъ, которыми онъ покрылъ въ послѣдствіи пройденныя страны, не препятствовали проявленію въ немъ тонкихъ душевныхъ движеній?

Несомнѣнно, большинство его браковъ было только актами политики. Посредствомъ ихъ, онъ покорялъ недруговъ, пріобрѣталъ дружбу и скрѣплялъ договоры. Въ этой серіи браковъ, онъ не стѣснялся праздновать свою свадьбу въ одинъ день съ свадьбами своихъ внуковъ и требовать себѣ невѣсть вооруженною силою.

Но другая серія браковъ свидѣтельствуетъ и о несомнѣнномъ существованіи нѣжныхъ чувствъ. Ради Аль-Джой онъ многое прощалъ ея брату Хусайну. Пріобрѣтя Дилшадъ, онъ прожилъ съ нею цѣлую зиму въ загородномъ саду, на берегу р. Сыръ, не показываясь ни среди войска, ни въ пріемной залѣ....

Впрочемъ, это уединеніе не препятствовало ему обдумать, въ тиши загороднаго сада, планъ войны съ Хорезмомъ. Сюда, не смотря на чрезвычайную трудность похода, пора была заглянуть, потому уже, что Синія орда—дочь З. орды—возбуждала Хорезмъ къ неповиновенію. Покореніе-же страны джетовъ должно было разогрѣть честолюбіе побѣдителя и подвинуть его къ дальнѣйшему расширенію его могущества.

Въ дѣйствительности, оно такъ и случилось. Если джеты, какъ язычники, подходили подъ повелѣніе корана вести съ ними войну, то хорезмцы—строгіе мусульмане—не должны были ожидать нападенія Тимура. Отодвинувъ однако коранъ въ сторону, Тимуръ послалъ правителю Хорезма Гусейнъ-суфи требованіе отдать свою дочь въ замужество сыну его и любимцу Джигангиру. Гусейнъ-суфи отвѣтилъ отказомъ, замѣтивъ послу, что онъ готовъ склониться передъ З. ордою, но не передъ узурпаторомъ трона чингисидовъ.

Этого отвѣта было достаточно для предлога къ войнѣ, хотя бы Хорезмомъ правилъ справедливѣйшій изъ мусульманъ. Вообще,

съ этого момента, принципы корана на счетъ войны были подавлены принципами деспота, положившаго такъ много стараній для сформированія побѣдоносной арміи. Последней была не страшна и пустыня, отдѣляющая и понынѣ Хиву отъ Самарканда, и палящій зной и безводіе песковъ.

По этимъ необозримымъ пескамъ, осѣвшимъ здѣсь еще со временъ изсякнувшаго Средиземнаго моря, проходилъ полтора вѣка тому назадъ великій учитель войны Чингисъ-ханъ. Но тотъ промчался буйнымъ вѣтромъ, тогда какъ наслѣдникъ его военной славы направился по сложному и расчетливому плану. Всѣ тяжести своихъ туменей онъ отправилъ по р. Аму, на безконечныхъ плотахъ изъ камыша, дерева и кожаныхъ мѣшковъ. По необычайной быстротѣ р. плоты подходили къ намѣченнымъ пунктамъ ранѣе, чѣмъ поспѣвала кавалерія, которая и находила повсюду готовые запасы продовольствія. Въ этомъ походѣ, въ туменахъ Тимура не было ни одного пѣхотинца.

Слухи о необыкновенной величинѣ и силѣ его арміи разнеслись по всей ср. Азій съ быстротою степного вѣтра, такъ что стоявшій вдали отъ его пути Герать принесъ ему, по собственной инициативѣ, на всякій случай, повинную. Въ числѣ его данническихъ приношеній былъ и конь, носившій потомъ потрясателя земли многіе годы на своемъ хребтѣ. Этотъ «Кунгогланъ» обратился у историковъ востока чуть не въ крылатое существо, переносившее изъ страны въ страну Сагибъ-уль-кырана.

Вскорѣ Гусейнъ-Суфи убѣдился, что песчаное море не предохранило его отъ нашествія грозной боевой силы. Оно не охранило, по прошествіи еще пяти столѣтій, хивинскаго хана отъ появленія въ его столицѣ «бѣлой рубашки». Рубашка эта прошла по слѣдамъ Тимура, вынеся борьбу съ жесточайшимъ врагомъ—съ жаждою въ безводной пустынѣ....

Тщетно Хорезмъ укрѣплялъ стѣны и затворялъ ворота передъ Тимуромъ. Онѣ пали подъ ударами катапультъ. Гарнизонъ его былъ смятъ какъ нива подъ нашествіемъ вепрей, а Гусейнъ, величавшійся еще такъ недавно тѣнью Аллаха на землѣ—смѣшался безслѣдно съ трупами своихъ защитниковъ.

Павшій Хорезмъ взмолился о пощадѣ, обѣщая платить дань какую угодно будетъ назначить милостивому повелителю. Оставивъ здѣсь намѣстника, Тимуръ возвратился съ триумфомъ въ родной Мавераннагръ. Лично для себя онъ не приобрѣлъ въ этомъ походѣ

ни одной жены, но для сына, Джигангира, Хорезмъ обязанъ былъ доставить принцессу Сююнъ, затмѣвавшую красою и сказочныхъ фей незримаго міра.

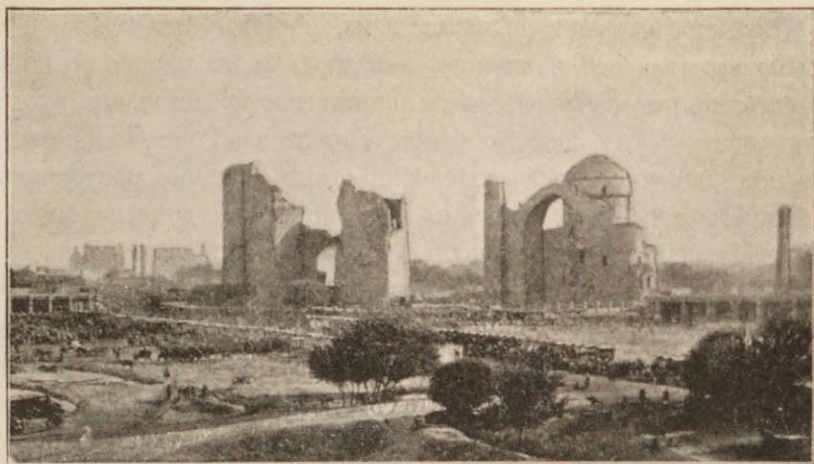
Скромно празднуя свои свадьбы, Тимуръ требовалъ, чтобы свадьбы его сыновей и внуковъ поражали баснословною роскошью. Кorteжъ, въ которомъ слѣдовала принцесса, представлялъ картину, какую востокъ не видалъ и при Гарунъ-аль-Рашидѣ. Громадный караванъ, конвоируемый тысячами торжественно настроенныхъ всадниковъ, слѣдовалъ, вдоль р. Аму, со всѣми доступными тогда удобствами. На слонахъ везли болѣе цѣнные части приданого: головные уборы въ видѣ коронъ и шлемовъ, золотой тронъ, сундуки съ драгоценными камнями, парчевыя палатки и балдахины.— На встрѣчу ему выходили шейхи, имамы и муллы съ привѣтствіями и пожеланіями. Въ мѣстахъ отдыха, для невѣсты разбивали палатку, полъ которой покрывали золотою тканью. Вокругъ шатра курились благовонныя курильницы. Воздухъ былъ напоенъ мускусомъ и пріятными пѣснями рабынь....

Свадебная палатка принцессы изображала небесный сводъ, покрытый звѣздами изъ драгоценныхъ камней. Шарикъ наверху палатки былъ изъ амбры. Неподалеку отъ нея стояли шатры съ предназначенными для подарковъ кафтанами, шалями, платьями и матеріями. Наконецъ звѣздочеты Самарканда уловили по книгѣ небесъ, счастливую минуту брака, и—онъ совершился къ общей радости дворца и народа!

Но и принцесса Сююнъ не помѣшала вскорѣ Тимуру повести вновь побѣдоносные тѣмени на Хорезмъ. З. орда начала открыто возбуждать Хорезмъ противъ его намѣстниковъ, но эта коварная игра окончилась—послѣ нѣсколькихъ впрочемъ походовъ—тѣмъ, что онъ распорядился уничтожить Хорезмъ до основанія и на его мѣстѣ посѣять ячмень. То былъ первый въ большихъ размѣрахъ опытъ безсердечности, такъ необходимой потрясателю міра! Всѣхъ художниковъ Хорезма, ученыхъ и ремесленниковъ онъ отправилъ въ Кешъ, который и обратился съ того времени во вторую столицу нарождавшейся имперіи. Доставляя сюда и потомъ плѣнныхъ, Тимуръ украсилъ родной городъ дворцами и памятниками и обратилъ его въ «куполь учености и образованія».

Прежде всего, онъ построилъ въ честь своего отца мечеть и установилъ, въ поминъ его души, вакуфъ съ ежедневнымъ доходомъ въ двадцать барановъ, которые и отпускали въ пищу

всѣмъ странникамъ и неимущимъ. Второю его заботою было сооруженіе дворцовъ съ парками и восточными затѣями.

Остатки дворца Тимуръ-лента въ Самаркандѣ.

Вскорѣ Кенъ принялъ въ свою усыпальницу его любимую дочь Ак-бегъ, сестру его Турканъ-хатунъ и наконецъ преждевременно скончавшагося Джигангира. Смерть послѣдняго повергла Тимура въ глубокую меланхолю, такъ что, повидимому, онъ готовъ былъ отказаться отъ дальнѣйшихъ завоеваній. Но приближенные къ нему люди употребили всѣ усилія, чтобы разогнать грустное настроеніе его души. Шейхи явились къ нему съ кораномъ, требовавшимъ отъ него истребленія невѣрныхъ. Ученые, богатые легендами и исторіями, вдохновили его подвигами Искандера-Двурогого. Даже женщины и тѣ желали видѣть, какъ ихъ повелитель вдѣваетъ ногу въ стремя войны. Наконецъ, его мрачное настроеніе прошло и— боевые литавры міродержца загремѣли вновь съ призывомъ къ истребительнымъ войнамъ.

XXXVI.

БОРЬБА ЗА ПРЕОБЛАДАНІЕ.

(1376 г.).

рміи, созданныя Тимуромъ, счастливая звѣзда и желѣзная воля не позволяли ему мириться съ второстепеннымъ, въ средѣ кичливыхъ чингисидовъ и ихъ пріемниковъ, положеніемъ. Между тѣмъ З. орда считала его выскочкою и смотрѣла на подвластный ему народъ съ обиднымъ пренебреженіемъ. Въ этомъ вызовѣ проглядывала своего рода гордость чистокровныхъ монголовъ передъ смѣшаннымъ населеніемъ ср. Азіи.

Пришедшіе въ ср. Азію монголы успѣли, въ теченіе полутора вѣка, совершенно раствориться въ средѣ культурныхъ таджиковъ. Промышленные сарты, обладавшіе всегда хорошимъ понятіемъ объ «ак-че»—бѣломъ серебрѣ,—также понизили величіе монгольской крови. Въ этомъ направленіи поработали, хотя и неумышленно, и такія племена, какъ дикокаменные горцы, каракалпаки и даже евреи мусульманскаго закона. Единство населенія Трансоксаніи было распатано еще благодаря религіозной и этнографической розни, при которой сунниты презирали шитовъ, а кочевой міръ шелъ противъ осѣдлаго....

Но З. орда, поглощенная величавостью, направленною и про-

тивъ данницы—Россіи, и противъ второстепенныхъ улусовъ, не замѣтила, что Тимуръ успѣлъ въ нѣсколько лѣтъ объединить разнородные элементы своей страны. По крайней мѣрѣ, дикокаменный горецъ, бросаясь на врага съ тяжелымъ мечемъ, не могъ упрекнуть таджика-копейщика въ недостаткѣ мужества. Такимъ образомъ, въ теченіе десяти-пятнадцати лѣтъ, торгово-культурная страна преобразилась въ воинственную, чему помогли и принципы ислама, высоко поднятые гуръ-ханомъ, въ видѣ лозунга.

Довольствуясь приниженіемъ своей русской данницы, З. орда отбросила вовсе пути самоусовершенствованія и закоснѣла въ поддержаніи бѣлизны своей кости и чистоты своей крови. Занявъ аристократическое положеніе въ средѣ народовъ Чингисъ-хана, золотоордынцы избѣгнули смѣшенія съ покоренными народами. Послѣдніе были только ихъ слугами, но не родственниками. Сохранивъ, по своему степному мировоззрѣнію, эту высокую степень благородства, они удержали и всѣ высшія качества человѣка: выносливость, неустрашимое наѣздничество и—безчувственность при побѣдѣ надъ врагами. Орда могла, во всякую данную минуту, сняться и направиться, со всѣми спутниками опустошительной войны, въ ту или другую сторону. Всѣ силы ея были постоянно въ сборѣ, а походная ея жизнь была нормальной, такъ что и самую монету она чеканила нерѣдко на ходу,—въ «ордѣ»—хотя въ продолженіи своего существованія она имѣла семнадцать постоянныхъ монетныхъ дворовъ. Избѣгнувъ родственной связи съ изнѣженными народами, она ограничивала всѣ сердечныя и душевныя отношенія предѣлами своихъ юртъ и степей.

Трудно опредѣлить, когда именно З. орда выдѣлила изъ себя Синюю орду, которая, въ лучшую пору своей исторической жизни, располагалась степями сѣвернѣе Аральскаго моря и р. Сыръ и по временамъ раскидывалась отъ Урала до Дзюнгари и Кангара. Изъ городовъ С. орды можно указать только на ея столицу—Саганакъ и на тотъ-же Отраръ, нѣсколько поправившійся послѣ погрома чингисидовъ. С. орда служила своего рода пастбищемъ З. орды и ея дополненіемъ. Бывали однако эпохи, когда она самостоятельно выпускала монету, вела войны и распоряжалась судьбами своихъ хановъ. Ея Саганакъ, бѣдное по понятію осѣдлаго міра сельбище,—давалъ въ подобныхъ случаяхъ тонъ, къ которому присматривались и прислушивались и за Ураломъ и въ Мавераннахрѣ. Не допуская ея впрочемъ до опаснаго усиленія,

золотоордынскіе ханы препятствовали ей обзавестись собственною династіею и находили, что она будетъ достаточно счастлива подъ ихъ личнымъ господствомъ.

Таково было убѣжденіе и девятнадцатаго хана З. орды Урусъ-хана, искренняго поклонника монгольской старины, сожалѣвшаго объ исчезновеніи Коренного юрта и династїи в. хановъ. Управляя на правахъ уніи обѣими ордами, онъ видѣлъ въ степяхъ С. орды своего рода буферъ между быстро расширявшимся государствомъ гуръ-хана и З. ордою. Дальнѣйшія обстоятельства указали, что въ такомъ буферѣ была дѣйствительная надобность, потому что Тимуръ повелъ тайныя сношенія съ властными золотоордынцами, приглашая ихъ образовать въ сосѣдствѣ съ нимъ самостоятельное владѣніе.

По обнаруженіи этого договора, Тимуръ и Урусъ-ханъ повели глухую политическую борьбу, выставляя другъ противъ друга безпокойныхъ застрѣльщиковъ изъ бездомовныхъ степныхъ рыцарей. Луга одной стороны вытравливались другою; одна сторона перехватывала караваны, а другая — табуны; не безопасно было даже пройти изъ Мавераннахра къ могилѣ Ахметъ-Ясави.

Въ открытую борьбу Тимуръ рѣшился выступить не ранѣе, какъ при появленіи въ ср. Азіи Тохтамыша, одного изъ безпомѣстныхъ принцевъ чингисовой крови. Довольно легкомысленный по натурѣ, онъ рано, и безъ всякой подготовки, пустился въ погоню за высочайшею властью. Коренная монголія не поощрила однако его искательство и даже выпроводила его не особенно почетно изъ своихъ предѣловъ. Тогда онъ направилъ свои вожделѣнія на С. орду, полагая, что ея попечительница, ослабленная внутренними раздорами, поступится своею окраиною въ пользу его, несомнѣннаго чингисида.

Тимуръ очень обрадовался Тохтамышу, явившемуся, къ нему съ просьбою о покровительствѣ, и прїютилъ его, какъ желаннаго гостя. Правда, послѣдній обнаружилъ вскорѣ же многіе изъ своихъ недостатковъ: изнѣженность, благодаря воспитанію въ гаремѣ, недостатокъ крѣпости духа и физической неутомимости и быстрые переходы отъ трусости къ чрезмѣрно широкимъ замысламъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проявилъ большія умственные способности и даръ политическихъ комбинацій, такъ что ему не доставало только опыта и военныхъ доблестей, чтобы выдвинуться изъ ряда чингисидовъ. Въ рукахъ Тимура онъ могъ сдѣлаться полез-

нымъ подручнымъ ханомъ и можетъ быть не только С. но и З. орды.

Выставивъ его въ соперники Урусъ-хану, Тимуръ не могъ осилить его нетерпѣнія и принужденъ былъ выпустить его на арену, слабо снаряженнымъ, безъ регулярныхъ силъ, съ одною степною вольницею. Результатъ этой первой авантюры Тохтамыша былъ крайне печаленъ: при первомъ же столкновеніи съ золото-ордынцами, ему пришлось спастись бѣгствомъ вплавь, черезъ р. Сыръ, причемъ, раненый стрѣлою въ руку, онъ, благодаря только случайности, спасся отъ вѣрной гибели. Вѣсть объ этомъ поражении испугала Тимура. О Тохтамышѣ заговорили въ его войскахъ, какъ о трусѣ, недостойномъ поддержки, и наоборотъ, объ Урусъ-ханѣ и его сыновьяхъ, славившихся своимъ наѣздничествомъ, упоминали съ уваженіемъ, какъ о воинахъ безъ страха и упрека....

Тимуръ не могъ отступить отъ задуманной имъ борьбы съ З. ордою по одному тому уже, что Урусъ-ханъ прислалъ къ нему пословъ съ требованіемъ выдачи Тохтамыша. Чрезмѣрная заносчивость пословъ послужила на пользу Тимуру: его эмиры и багадуры увидѣли теперь, что поступки сосѣдей клонятся къ завладѣнію Мавераннагромъ!

Загудѣли боевые литавры....

Встрѣча Тимура съ Урусъ-ханомъ произошла подъ Оттаромъ, зимою, когда свирѣпыя бураны не давали возможности отличать своихъ отъ чужихъ людей. Выждавъ затишья, Тимуръ обрушился стремительно на авангардъ противника и нанесъ ему безусловное пораженіе. Войска ордынцевъ растерялись и отошли къ Уралу.

Весною Тохтамышъ получилъ извѣстіе, что Урусъ-ханъ умеръ и что путь къ престолу З. орды никѣмъ не занятъ. Испытанное пораженіе не образумило его и онъ съ прежнимъ легкомысліемъ направился въ Шери-Сарай устраивать свою судьбу. Но его звѣздѣ было еще далеко до зенита славы. Укрѣпившись кое-какъ, въ полевомъ лагерѣ, съ небольшими силами, онъ потребовалъ къ себѣ на поклонъ ордынскихъ депутатовъ, но.... вмѣсто депутатовъ къ нему подошелъ сынъ Урусъ-хана съ большимъ войскомъ, передъ которымъ плохо укрѣпленный лагерь оказался не болѣе, какъ овечьей загородкою. Тохтамышу пришлось еще разъ бѣжать безъ оглядки къ своему покровителю, Тимуру.

Теперь Тимуръ долженъ былъ отстаивать уже не союзника,

а собственную воинскую славу. Она требовала обновления. Новое поражение поколебало-бы на этотъ разъ вѣру въ его непобѣдимость, поэтому онъ подготовился къ борьбѣ исподволь и со всѣми воинскими приспособленіями. Осторожность эта была лишнею и настолько хорошо рассчитанною, что нанесенный имъ ударъ наслѣднику Урусъ-хана обратилъ весь родъ послѣдняго въ бѣдныхъ стѣнныхъ скитальцевъ. Тохтамынь обратился такимъ образомъ въ подручнаго хана, которому покровитель предоставилъ всю С. орду и восточную часть З. орды. Приволжская же половина послѣдней долго еще не давалась ему въ руки, потому что тамъ распоряжался могущественный временщикъ, возводившій и низводившій хановъ—по выраженію рус. лѣтописей—«сыроядецъ» Мамай.

Мамай былъ темникомъ, смотрѣвшимъ на престолъ въ Сарай, какъ на призъ, предназначенный судьбою предприимчивому наѣзднику. Онъ видѣлъ, что кровь истыхъ чингисидовъ утратила свою магическую силу и не создаетъ уже болѣе ни Батыевъ, ни Узбековъ и что, подъ покровомъ блеска и пышности орды, ютятся малоуміе и худосочіе. За правомъ казнить и миловать—правомъ, передъ которымъ скатывались головы русскихъ князей—скрывались и такіе злодѣи, какъ Темиръ-Хожинъ, перешагнувшій къ трону черезъ трущъ убитого имъ отца....

Кочуя со своимъ туменемъ на берегахъ р. Волги, Мамай, казалось, только и ожидалъ случая, чтобы нагрянуть въ Сарай, сѣсть на тронъ и пойти по слѣдамъ Батия, а въ крайнемъ случаѣ посадить тамъ своего ставленника, достаточно послушнаго его приказаніямъ. Такой случай представился, когда Темиръ-Хожинъ занялъ тронъ, на которомъ ему удалось посидѣть всего трое сутокъ. При этомъ эпизодѣ присутствовали находившіеся въ ордѣ многіе рус. князья: «при нихъ убиенъ бысть царь Кидырь отъ своего сына Темиръ-Хожина, а на четвертый день сѣде на царство, на седьмой день царства его темникъ Мамай замыте всѣмъ царствомъ его и бысть мятежъ великъ въ ордѣ....»

Присутствовавшіе, при этой ордынской революціи, князья поспѣшили покинуть Сарай, такъ какъ и самому узурпатору было пока не до проявленія ханской власти. Возлѣ престола появились еще какіе-то претенденты, такъ что Мамаю пришлось перебраться съ своимъ туменемъ на горный берегъ р. и громить Сарай, въ которомъ успѣлъ укрѣпиться одинъ изъ предприимчивыхъ наѣздниковъ. Поборовъ наконецъ всѣхъ соперниковъ,—Мамай объявилъ

ханомъ своего избранника Абдуллаха и позвать его именемъ рус. князей «къ ярлыку».

За то, что кн. Димитрій Ивановичъ покинулъ Сарай въ эпоху самой замятни, Мамай обошелъ его ярлыкомъ и вручилъ его Тверскому кн., не мало поработавшему въ ордѣ противъ Москвы. Но кн. Димитрій не былъ расположенъ уступать свою власть и прежде, чѣмъ кн. Михаилъ явился съ ярлыкомъ на великое кн., на встрѣчу ему и сопровождавшему его ханскому послу вышли московскія дружины. Посоль требовалъ кн. Димитрія къ слушанію ярлыка, но получилъ отвѣтъ: «къ ярлыку не ѣду, а тебѣ, посоль, путь свободенъ». Кн. Михаилъ остался при ярлыкѣ, но безъ в. княжества.

Русь начинала подниматься на ноги.

Великокняжескій споръ разрѣшился тѣмъ, что кн. Димитрій, побывавъ въ ордѣ, получилъ ярлыкъ, вѣроятно за хорошія деньги, на в. кн., при чемъ великодушно уплатилъ десять тысячъ рублей за сына кн. Михаила, остававшегося въ залогъ за невзносъ дани отцомъ. Ханскіе ярлыки однако видимо утрачивали свою документальную безспорность, такъ что между кн. Михаиломъ и кн. Димитріемъ потянулся длинный споръ за в. кн. Распрею этою воспользовалась прежде всего Литва, никогда и впослѣдствіи не упускавшая случая нападать на Русь въ тяжелыя минуты ея жизни.

3. орда, между тѣмъ, расширилась къ этому времени уже настолько, что не затруднилась выдѣлить изъ своего населенія большія колонизаціонныя партіи. Благодаря имъ, Казань выросла изъ ямской слободы въ столицу новаго осѣдлаго царства. Постигая весь вредъ, какой могло принести Руси возроставшее могущество Казани, в. кн. не имѣлъ ни повода, ни силы, чтобы избавиться отъ нежелательнаго сосѣдства. Одни ушкуйники могли еще въ этомъ случаѣ поработать на обще-рус. пользу, что они и выполнили въ довольно внушительныхъ размѣрахъ, не задаваясь впрочемъ государственными или политическими цѣлями. Новгородская воляница снарядила для этого флотилію изъ ста пятидесяти лодокъ и отправилась грабить низовья р. Волги. Побывавъ въ Булгаріи, она возвратилась оттуда съ громадною добычею, что вызвало гнѣвъ в. кн., повидимому нѣсколько притворный, такъ какъ новгородцы нашли способъ умиловить его и принять на себя отвѣтъ передъ ордою за причиненное ей безпокойство.

Первымъ поводомъ къ возникшей между в. кн. и ордынскимъ временщикомъ непріязни, можно считать дерзкую грамоту послѣд-

ного съ напыщеннымъ титуломъ:—«отъ Восточнаго царя, отъ большія орды, отъ широкихъ полъ, отъ сильныхъ татаръ, Царь Царей Мамай и великимъ ордамъ Государь....». Этою грамотою онъ оповѣщалъ ратая своего Дмитрія Московскаго: «яко улусы нашими обладаеши, а нашему Царству пришедъ не поклонишася; днесъ-же рука моя хочеть тя казнить....»

Не менѣе крупнымъ недоразумѣніемъ слѣдуетъ считать и избіеніе въ Нижнемъ ордынскаго посольства, опиравшагося, при непомѣрной кичливости, на свиту изъ тысячи человѣкъ. Посольство и его стража были истреблены горожанами поголовно и, на этотъ разъ, не безъ молчаливаго кн. согласія. Вслѣдъ за тѣмъ, возникли какіе-то торговые счеты, вызвавшіе побоище вслѣдствіе притѣсненія булгарами не то рус. купцовъ, не то ушкуйниковъ. Нужно было наказать булгаръ. Хорошо снаряженной рус. рати казанцы не въ силахъ были оказать серьезное сопротивленіе, поэтому и заплатились за свои неправды—селами, зимовками и волжскою флотиліею. Булгары же принуждены были уплатить нѣсколько тысячъ рублей окупы и принять московскаго таможенника.

Почти одновременно и другіе кн. выступили противъ отдѣльныхъ ордынскихъ притѣснителей. Даже Олегъ Рязанскій, въ союзѣ съ однимъ изъ потомковъ казненнаго въ ордѣ Михаила Черниговскаго, уничтожилъ темника Тагая. Нижегородскій кн. Дмитрій наказалъ Булатъ-Темира и, вообще, Русь поднимала отяжелѣвшую отъ ярма голову.

Понятно, Мамай не могъ оставить рядъ этихъ поступковъ безъ возмездія. Сегодня обижены Москвою—Булгарія и отдѣльные темники, а завтра—Сарай и вся орда?

Ордынцы, отличаясь хорошимъ устройствомъ развѣдочной части, никогда не набрасывались на чужіе области, города и рати, очертя голову. Въ этомъ отношеніи, орда свято хранила завѣты Чингисъ-хана; такъ она поступила и снарядивъ царевича Арапшу изъ С. орды въ походъ противъ Нижняго Новгорода. Пути указывала мордва, которая перенимала всѣхъ встрѣчныхъ людей и добывала отъ нихъ необходимыя вѣсти.

О приближеніи врага первый узналъ кн. Дмитрій Суздальскій, а по его извѣщенію в. кн. выслалъ немедленно дружины на защиту Нижняго Новгорода. Но ордынцы такъ притаились, что самую вѣсть объ ихъ приближеніи сочли ложною. Московскіе воеводы и дружины, выступившіе изъ областей Владимірской, Юрьев-

ской, Переяславской, Ярославской и Суздальской съ ихъ князьями не знали даже, гдѣ искать врага.

По крайней мѣрѣ, въ одинъ изъ знойныхъ, а для Россіи очень печальныхъ дней, воеводы и кн. показали, что имъ ошибочно поручили береженіе путей на Нижній. Въмѣсто этого береженія, они расположились на р. Пьянѣ со всеми удобствами боярской жизни.—«Всѣ они поѣхаша ловы дѣюще, утѣху себѣ творяще, мняшеся яко дома».

Дружины послѣдовали примѣру бояръ и воеводъ. Нацѣженныя ими у попутныхъ жителей меды и брага привели ихъ къ опьяненію и къ разнузданности. Имъ показалось, что бесермене гдѣ-то далеко и поэтому «спустя порты свои съ плечъ, а петли разстегавъ» они совершенно забыли поученіе Владиміра Мономаха:—

«Вышедши на войну не лѣниться: питью, ѣдѣ, спанью не предаваться.... вставать рано и оружія не снимать съ себя».

Напротивъ, и воеводы и ратники ихъ:—«оплошишася и въ небреженіи хождааху, доспѣхи своя въскладываху на телѣги, а иные въ сумы, а у иныхъ еще и сулицы не насаждены бѣху, а щиты и копія не приготовлены».—На острія же копій были намотаны рогожи, чтобы ихъ не захватило

сыростью. Кое гдѣ, если и былъ гдѣ нибудь дозорный конникъ, то и тотъ дремалъ. Въ сонѣлки наигрывали. При такой боевой обстановкѣ, мордвѣ не трудно было провести Арашшу потаенно и окружить веселую компанію, какъ будто собравшуюся на дружескую попойку. Ордынцы гикнули и «внезапу, безъ вѣсти» ударили со всѣхъ сторонъ. Безоружнымъ и обезпамятѣвшимъ людямъ оставалось бѣжать, но куда? Вездѣ кололи и рубили безъ милости.

Увы! въ этотъ памятный день, р. Пьяна насытилась и людьми и коньми. Арапша сталъ на костяхъ христіанскихъ и занялся грабежомъ обоза.

Черезъ двое сутокъ, ордынцы уже хозяйничали въ Нижнемъ, оставленномъ кн. и боярами на произволъ судьбы. Нижегородцы бросились къ ладьямъ и кто имѣлъ силу и возможность, тотъ отплылъ по р. и бѣжалъ безъ оглядки. Остатокъ нижегородцевъ былъ истребленъ, за исключеніемъ женъ и дѣвицъ, уведенныхъ въ полонъ. Но и въ Нижнемъ не долго хозяйничалъ Арапша; спустя сутки, онъ жегъ нижегородскія волости и избивалъ переяславцевъ....

Благодаря оплошности воеводъ, орда разорила области Рязанскую и Нижегородскую, а на берегахъ р. Суры истребила все населеніе и испепелила всѣ села.

Расплата съ рус. стороны послѣдовала только въ слѣдующую зиму, когда тысячи мордовцевъ были брошены, частью въ проруби р. Волги, а частью собакамъ на растерзаніе. Одни старшины ихъ удостоились быть казненными на площади Нижняго Новгорода. Въ свою очередь и Мамай не оставилъ союзниковъ безъ отомщенія. Посѣтивъ Нижній, онъ залилъ тѣ же площади, на которыхъ пали мордовцы, рус. кровью.

В. кн. предупредилъ нападеніе на него тѣмъ, что собравъ полки, встрѣтился съ ордою на берегахъ р. Вожи. Битву начала орда. Она «ударяша въ кони своя и скочиша въорзѣ, и нукнуша гласы своими», понеслась съ обыкновенною стремительностью противъ обоихъ фланговъ рус. рати. На этотъ разъ мурза Бегичъ, предводительствовавшій ордынцами, ошибся, понадѣявшись на монгольскую тактику—навести моментально панику и ужасъ на непріятеля. Ни окольный Тимофей, ни кн. Данило Пронскій не поддались назадъ и крылья ихъ не разстроились. Напротивъ, по данному знаку, дружины ихъ отвѣтили атакою во фронтъ—«а князь великій удари въ лице»—и до того дружно, что ордынцы повернувши коня свои, бѣжали за р. При этомъ паническомъ бѣгствѣ много ихъ «истопоша» и только ночь и сильная мгла воспрепятствовали истребительной погонѣ.

В. кн. возвратился въ Москву съ большою побѣдою и съ немалою корыстью. Побѣда далась до того легко, что, по выраженію историка, она ничего не стоила россіянамъ «кромѣ труда убивать людей». Первая со времени монгольскаго ига, она имѣла

большое нравственное значеніе, указывавшее на возможность битъ ордынцевъ.—«Отступило время отъ нихъ!» замѣчали уже въ дружинахъ, похвалявшихся своимъ подвигомъ.

Тѣмъ не менѣе успѣхъ, достигнутый на берегахъ р. Вожи, не представлялъ ничего рѣшительнаго и служилъ только прелюдией къ другой битвѣ Россіи съ ордою, къ битвѣ, которую никакая давность не сотретъ со страницъ рус. исторіи.

Мамай не могъ перенести пораженія его войскъ и сильное поднятіе рус. духа. Оба эти явленія угрожали ему гибелью въ глазахъ всего татаро-монгольскаго міра. Можно было думать, что Русь, при новой удачѣ, перейдетъ въ наступленіе.—«И учини себѣ тогда старый злодѣй Мамай совѣтъ нечестивый съ поганою Литвою и душегубивымъ Олгомъ.»—Результатомъ совѣта было рѣшеніе стать поперекъ вождельніямъ Руси и призвать къ войнѣ съ нею всякаго прохожаго человѣка. На этотъ призывъ явились не только блуждавшіе по степямъ остатки половцевъ, но и наемники—«армены, фрязи, черкасы, ясы и буртасы.»—Всѣ они ожидали дешевой и обильной военной добычи. При этомъ удобномъ случаѣ не отказались попытать счастья и Ягелло Литовскій и хитроумный Олегъ Рязанскій, всегда ненавидѣвшій Москву и готовый переметнуться на бесерменскую сторону. Мамай не скупился на обѣщанія и, взамѣнъ будущихъ надѣловъ на счетъ Москвы, онъ требовалъ только отъ своихъ союзниковъ признанія его сюзереномъ.

Но Олегъ всетаки первый сообщилъ в. кн. Димитрію Ивановичу, что Мамай собрался на войну со всею ордою и что Литовскій кн. спѣшитъ къ нему на помощь. Поступокъ его понятенъ: все-же онъ измѣнялъ христіанству, а это щемило сердца рязанцевъ и при томъ—кто знаетъ—военное счастье такъ измѣнчиво!

В. кн. разослалъ немедленно по областямъ призывъ вести сколько возможно болѣе ратныхъ людей въ Москву, со всѣми необходимыми орудіями военнаго дѣла. Призывъ не остался втунѣ. Бояре и кн. съ дѣтьми и дружинами—ростовскіе, бѣлозерскіе, ярославскіе, владимірскіе и муромскіе—направились къ Кремлевскимъ воротамъ. Дружины ихъ шли за дружинами при всеобщемъ, необыкновенномъ воодушевленіи. Вскорѣ Москва собрала у себя огромную силу, которая, напутствованная духовенствомъ, пошла на бой съ врагомъ.

Шли на Коломну. Здѣсь присоединились къ дружинамъ и

ольгердовичи съ псковичами и брянскою силою. Произведенный в. кн. смотръ не могъ не доставить ему высокой душевной отрады: въ первый разъ еще Русь выставила въ поле сто пятьдесятъ тысячъ ратниковъ!—«Отъ начала міру такова не бывала сила русьскихъ князей и воеводъ мѣстныхъ, якоже при семъ в. кн. Димитріи Ивановичѣ».

Мамай уже стоялъ за р. Дономъ «со всѣмъ своимъ царствомъ» въ ожиданіи вспомогательныхъ отрядовъ Олега и Литвы. Чтобы выиграть время, онъ вступилъ въ переговоры съ в. кн., говоря, что онъ удовольствуется данью, которую и назначилъ въ разбойничьемъ размѣрѣ. Отъ умѣренной дани в. кн. не отказывался, предлагая ее—изъ опасенія проигранною битвою ухудшить положеніе всего рус. народа—уплатить «по христіанской силѣ и по своему докончанію.» Но Мамай узнавъ о приближеніи литовскаго войска, прервалъ дальнѣйшіе переговоры.

Съ другой стороны, въ московскихъ полкахъ и въ средѣ воеводъ возникли колебанія.—«Иди, княже, за Донъ!» совѣтывали храбрѣйшіе. — «Не ходи, княже, за Донъ,» совѣтывали чрезмѣрно осторожные.—«Зане-же умножися врази наши, не токмо татарове, но и Литва и рязанцы».

Рус. войска стояли уже на берегу р. Дона, когда в. кн. получилъ грамоту преподобнаго игумена Сергія съ благословеніемъ вступить въ бой съ татарами. — «Чтобы еси господине, тако и пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Св. Троица.»—Утвердившись наконецъ въ мысли перевѣдаться съ бесерменами, в. кн. стяжалъ себѣ этимъ рѣшеніемъ громкое историческое имя и благодарность потомства на многіе вѣка. Переправа, благодаря густому туману, обошлась и на бродахъ и по наплавнымъ мостамъ, безъ тревоги и препятствія. На берегахъ р. Непрядвы, дружины построились въ боевой порядокъ, принявъ обычное дѣленіе на арміи праваго и лѣваго крыла, сторожевой полкъ и великокняжескій, служившій и центромъ, и резервами. Но особенно важное значеніе въ предстоявшей битвѣ имѣла засада кн. Владиміра Андреевича, успѣвшаго размѣстить свой полкъ въ удобномъ, потаенномъ мѣстѣ дремучаго бора, примыкавшаго къ полю битвы.

На обращенную къ войскамъ рѣчь в. кн. приглашавшаго «милыхъ братій», не щадить живота, кн. Владиміръ Андреевичъ отвѣтилъ съ достоинствомъ вдохновеннаго оратора:—«Господине, князь Димитрій Ивановичъ! воеводы у насъ вельми крѣпцы, а рус-

скіе удалыцы свѣдомы, имѣють подь собою борзи кони, а доспѣхи имѣють вельми тверды, злаченныя колантыри и булатныя байданы и колчары фряжскіе, корды лятцкіе, сулицы нѣмецкія.... а дорога имѣ вѣдома.... и хотятъ они головы своя сложити за вѣру христіанскую и за твою обиду.»

Мамай ожидалъ непріятеля на Куликовомъ полѣ.

Великокняжескій полкъ вступилъ первымъ въ битву, при чемъ в. кн., пренебрегшій совѣтами бояръ,—«княже господине! не ставися напереди битися, но назади, или на крылѣ, или нѣгдѣ въ опришнемъ мѣстѣ»—всталъ за рядового съ очевидною цѣлью возбудить въ ратныхъ людяхъ духъ энергической рѣшимости. Вскорѣ вступили въ бой всѣ войска, при чемъ выпала не малая сумятица, такъ что забыли и о в. кн. и въ разгарѣ битвы едва уберегли большія знамена. Возможно, впрочемъ, что иноки Троицкой обители Пересвѣтъ и Осяба были тѣлохранителями кн., но ихъ нашли послѣ битвы въ числѣ труповъ, изъ которыхъ они выдѣлялись своими схимами. Дубинка Пересвѣта, которою онъ сразилъ голяѳа Челубея, хранилась еще недавно въ скопинскомъ Дмитріевскомъ монастырѣ.

Поле битвы раскинулось на десять верстѣ. Вскорѣ сошлись сторожевые полки и—«бысть сѣча велика и брань крѣпка, и трусъ великъ зѣло, яко отъ начала міру не бывала сѣча такова великимъ кн. Русьскимъ.»—Въ быстро разгорѣвшейся битвѣ выдался было и такой критическій моментъ, когда молодые ратники, устрешенные дикимъ завываніемъ ордынцевъ, лязгомъ оружія и грудями уже сваленныхъ труповъ, дали тылъ. Вотъ въ эту минуту разразился стихійный ударъ изъ засады кн. Владиміра Андреевича. Онъ рѣшилъ битву. Изумленные и разбѣянные на громадной площади ордынцы не въ силахъ были противиться свѣжему войску изъ отборныхъ ратниковъ и обратились въ безпорядочное бѣгство.—«Мамай-же царь видѣвъ напрасно своихъ побиваемыхъ, нача призывать боги своя: Перуна, Савана, Тамокоша, Ракля, Гурса и великаго своего помощника Ахмета. И не бысть ему ничто-же помощи отъ нихъ!»

Мамаю пришлось бѣжать и, «даша плещи свои на язвы», увлечь за собою «не готовыми дорогами» остатки разбитой силы.

Весь его станъ достался побѣдителямъ.

В. князя нашли въ обморочномъ состояніи. Латы и шлемъ его были исковерканы и изсѣчены, «но на тѣлеси его не быше язвы

никое-же.» Радостная вѣсть о побѣдѣ оживила его до того, что онъ былъ въ состояніи объѣхать поле битвы и благодарить уцѣлѣвшихъ храбрецовъ. Поле было покрыто сотнею тысячъ труповъ.

Литовской кн. бѣжалъ, не вступивъ въ сраженіе.

Гонцы в. кн. оповѣстили повсюду объ одержанной побѣдѣ, которая была настолько рѣшительна, что казалось орда больше не встанетъ. Къ сожалѣнію, в. кн., оставаясь за р. Дономъ пятьдесятъ сутокъ, вмѣсто того чтобы погнаться за непріателемъ и добить его остатки—устроилъ торжественное шествіе обратно въ Москву. Впрочемъ, бросившись на ордынскія земли, можно было потерять и результаты Донской побѣды, потому что рус. рать не готовилась къ долгому походу: въ обозахъ ея не было запасовъ, а ордынцы разумѣется истребили все, что попадалось на глаза.

Во всякомъ случаѣ, З. орда еще не пала и Руси предстояло имѣть съ нею крупныя дѣла.

«Сыроядецъ Мамай, прибѣжа въ свою землю въ малѣ дружинѣ, видя себе бита, посрамлена и поругана.... яряся зѣло.... еще въсхотѣ ити изгономъ на Русь.»—Но въ это-же время, на него надвинулся ожидавшій удобнаго момента Тохтамышъ, которому не давалъ покоя геній Чингисъ-хана. Наскоро собранные Мамаемъ тумени пришлось, такимъ образомъ, направить противъ новаго врага. Встрѣча ихъ произошла на р. Калкѣ и, кажется, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ чингисиды нанесли жестокое пораженіе соединеннымъ силамъ половцевъ и южно-рус. кн.

«И бысть имъ бой».—Мамаю здѣсь окончательно измѣнило счастье. Тумени его, не успѣвшіе залѣчить раны отъ ударовъ в. кн., вовсе не пошли въ сраженіе и передались Тохтамышу. По крайней мѣрѣ «Мамаевы князи, спешше съ конь своихъ, биша челомъ царю Токтамышю и даша ему правду по своей вѣрѣ.»

Мамай, захвативъ остатки своихъ богатствъ, бѣжалъ «отъ великаго страха даже до града, лежащаго надъ моремъ Кафы....» Здѣсь, генуэзцы—«сотвориша надъ нимъ облесть.» Или говоря проще, ограбили его и убили и—«такъ бысть конецъ безбожному Мамаю!» Могила его указываютъ и теперь еще между Θεодосією и Старымъ Крымомъ.

Достойно вниманія, что онъ оставилъ по себѣ на Руси больше легендъ и поговорокъ, нежели кто либо изъ ордынцевъ. Съ этой стороны, даже Батый и Узбекъ менѣе извѣстны рус.

народу, нежели грозный сыроядецъ. Память о немъ сохранилась и въ духовномъ стихѣ о Димитріи Солунскомъ:—Невѣрный царь Мамай шелъ на Салымъ-градъ, которому предстояло подвергнуться общей участи разоренія и плѣна. Но одинъ почтенный старецъ, жарко молившійся Св. Димитрію, Солунскому чудотворцу, увидѣлъ чудо, предвѣщавшее, что Мамайской силѣ быть побитой. На утро «единъ человекъ, изъ-за престола возсталъ», одѣлъ ризу, сѣлъ на бѣлаго осла и вступилъ въ бой съ нечистымъ царемъ. Побилъ онъ у него три тмы и прогналъ остатокъ вражеской силы за рубежъ. Во время бѣгства, Мамай захватилъ двухъ дѣвицъ—полонянокъ, которыхъ и допросилъ потомъ, какому могучему богатырю онъ обязанъ своимъ поражениемъ? Дѣвицы назвали Димитрія Солунскаго; тогда Мамай приказалъ вышить его ликъ на коврѣ: «коню моему на прикрасу, а мнѣ царю, на потѣху.»

Дѣвицы отказались исполнить этотъ приказъ, но надъ ними повисла «сабля мурзавецкая» — и онѣ уступили съ горькими слезами. — Въ ночь онѣ вышили ликъ чудотворца, но на этомъ же коврѣ, обезсиленные душевными страданіями, приуснули и — о чудо! — онѣ проснулись уже въ соборной церкви своего родного Салымъ-града. Общая радость и князей—бояръ и «Митрія—Преполита» и всѣхъ христіанъ была безмѣрна.

Каличьи пѣсни приписываютъ побѣду на Куликовомъ полѣ великомученику Димитрію.

Смерть Мамаѣя заключила собою одинъ изъ величайшихъ актовъ все болѣе и болѣе крѣпчавшей борьбы Руси за существованіе и установила новую эру въ отношеніяхъ ея къ яرمу чингисидовъ.

РАЗГРОМЪ МОСКВЫ ТОХТАМЫШЕМЪ.

(1382 г.).

Тохтамышъ возвратился въ Сарай могущественнымъ ханомъ, которому тѣни Батые и Узбека указывали путь къ восстановленію поколебленнаго могущества орды. Овладевъ гаремомъ, казною и улусами Мамаея и расплатившись съ помогавшими ему войсками, онъ занялся приведеніемъ рус. земель въ прежнее данническое положеніе. Первымъ дипломатическимъ къ тому шагомъ было отправленіе имъ пословъ къ в. кн. Дмитрію Іоанновичу и къ удѣльнымъ кн. съ извѣщеніемъ о выигранной имъ побѣдѣ надъ ихъ общимъ врагомъ. Послы должны были напомнить при этомъ, что онъ сѣлъ на Волжское царство и что ему нужно отдавать честь, какъ и его предкамъ—чингисидамъ. Князьямъ ничего не оставалось дѣлать, какъ отпустить пословъ съ честью, а потомъ послать и своихъ бояръ съ отвѣтными подарками.

В. кн. видимо не хотѣлъ понять тонкій намекъ воинственнаго ордынца на то, что занявъ тронъ Узбека, онъ ожидаетъ не подарковъ, а прямой дани и просьбы о выдачѣ ярлыка на княженіе. Желаніе его представлялось какъ бы несообразнымъ съ новымъ положеніемъ Руси, только что одержавшей верхъ надъ ордою, въ битвѣ на Куликовомъ полѣ. Переживъ въ этой битвѣ моменты высшаго напряженія духовныхъ и физическихъ силъ, рус. народъ успокоился на доставшихся ему лаврахъ и позабылъ, что монгольское ярмо продолжало еще оставаться на

его плечахъ. По крайней мѣрѣ торговые москвичи, наполнивъ короба товарами, отправились тотчасъ-же въ гости къ булгарамъ, князья-же принялись за мѣстныя счеты, а іерархи обратились къ сбору казны, въ которой всегда нуждались поставлявшіе митрополитовъ царьградскіе греки.

Хотя охраненіе государственной границы лежало на обязанности порубежныхъ удѣльныхъ кн., но и в. кн., не слѣдовало-бы предаваться въ этомъ дѣлѣ безмятежному покою. Получивъ отъ современныхъ витіевъ прозваніе высокопарнаго орла, в. кн. Димитрій Іоанновичъ не понялъ однако истинный смыслъ послѣднихъ ордынскихъ событій и, распустивъ по домамъ дружинниковъ, занялся исключительно дѣлами благочестія. Боевыя доспѣхи онъ замѣнилъ власяницею смиренія, наблюдая только, чтобы Тверской кн. держался подальше отъ его отчины или чтобы новгородцы не били въ набатъ противъ Москвы и не разбойничали въ любимой имъ Костромѣ.

Отвѣтныя любезности рус. кн. не удовлетворили Тохтамыша, поэтому онъ выступилъ противъ нихъ съ болѣе ясными уже предостереженіями. Поводомъ къ тому, онъ избралъ отказъ рус. гостей заклеить товары его тамгою и расплатиться въ Булгаріи съ его таможенниками. За подобный отказъ взыскивалась обычно только пеня, но теперь онъ велѣлъ избить и ограбить гостей, а суда, на которыхъ они пришли по р., доставить въ орду. Для лучшаго-же уразумѣнія его намѣреній, онъ снарядилъ въ Москву посольство изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, съ прямою обязанностию напомнить в. кн., чтобы онъ явился съ выходнымъ и съ просьбою о ярлыкѣ на княженіе. Начальникъ посольства долженъ былъ объяснить, что Русь, оставаясь попрежнему улусомъ З. орды, не должна забывать, подѣ страхомъ разоренія, о своемъ данническомъ положеніи.

Только теперь великокняжескіе совѣтники, если не просвѣтлѣли, то поняли, что передъ ними выросла новая сила, задавшаяся мыслію воскресить времена тяжелаго рабства. Въ поднявшейся суматохѣ, Москва не придумала однако ничего другого, какъ только повернуть посольство обратно въ орду. Посольство, не располагая достаточными средствами сопротивленія, возвратилось въ Сарай съ извѣщеніемъ объ оскорбленіи ханскаго величія. Послѣдовавшій такимъ образомъ разрывъ входилъ несомнѣнно въ планы честолюбиваго чингисида, испытываго, послѣ многихъ превратностей

судьбы, сладость обладанія привлекательнѣйшимъ удѣломъ своего великаго предка. При томъ же, его орда кормилась уже полтора столѣтій рус. данью и лишиться послѣдней—значило распасться, разсѣяться или-же обратиться къ трудовой жизни, къ чему она не имѣла ни малѣйшаго расположенія.

Москвѣ, вызвавшей столкновение съ сильнымъ врагомъ, слѣдовало-бы немедленно изготавиться къ оборонѣ, между тѣмъ москвичи продолжали обычное теченіе своего житейскаго обихода и—«премудрость строити ратныя дѣла . . . въ слабость женскую приложися». Москвичи не обезпокоились даже и при появленіи «на востокѣ, предъ раннею зарею, звѣзды, которая была хвостата и акы кошійнымъ образомъ» . . . Только впоследствии уже они поняли, что это небесное, непонятное имъ, явленіе предвѣщало злое нашествіе Тохтамыша на Русь и горькое «отъ поганныхъ татаръ нахоженіе на христіянъ».—До самыхъ же вѣстей объ этомъ пришествіи, Москва продолжала молиться, торговать и бражничать, какъ бы не подозрѣвая, что орда еще жива, близка и жестоко-сердна!

Тохтамышу не стоило большого труда призвать къ своему бунчуку нѣсколько туменей всадниковъ, обычно жаждавшихъ войны, какъ урочнаго времени для обогащенія и ханскихъ милостей. При переправѣ черезъ р. Волгу, Тохтамышъ распорядился перехватить всѣхъ людей, которые могли извѣстить в. кн. о предпринятомъ на него изгонѣ.—«Ведяше бо рать изневѣсти внезапу, съ умѣніемъ и тацѣмъ злохитріемъ не дающе вѣсти про себе» . . . Кромѣ того, въ помощь и на послуги ему явились изъ Рязани, Суздаля и Нижняго - Новгорода недовольные Москвою рус. кн. и княжичи. Прежде всѣхъ вышелъ къ нему кн. Олегъ Рязанскій, который, «бивъ ему челомъ», представилъ планъ не только взятія Москвы и в. кн., но и плѣненія всей рус. земли. Рязанцы, перенося всегда первыми удары ордынцевъ, разступались передъ ними, какъ передъ стихійною силою. Олегъ «хотяще добра своему княженію», задумалъ теперь провести вражьи войска мимо своей земли. Суздальскіе княжичи Василій и Семеонъ догнали ордынцевъ уже на дорогѣ къ Москвѣ. Выславъ ихъ, Суздаль продолжала только свою обычную политику сопротивленія Москвѣ и заботы объ удержаніи у себя великокняжескаго стола.

Продолжая задерживать каждаго доброхота Москвы, Тохтамышъ все таки пропустилъ нѣсколькихъ поборниковъ рус. земли,

успѣвшихъ извѣстить в. кн. о приближеніи врага. Москва собралась на совѣтъ, но онъ обнаружилъ сильную рознь между кн., позабывшими:—«коль добро и коль красно еже жити вкушѣ». На совѣтѣ, в. кн. увидѣлъ себя въ одиночествѣ и замѣтно палъ духомъ, такъ что оставилъ Москву на произволъ судьбы. Перебравшись въ Переяславль и потомъ въ Кострому, онъ оправдывалъ свой поступокъ намѣреніемъ собрать ратную силу и ударить ордынцамъ въ тылъ. Намѣреніе его однако не осуществилось. Митрополитъ Кипріанъ также удался въ Тверь. Владыко Герасимъ предпочелъ бѣжать въ Новгородъ. Москвѣ оставался выборъ между добровольною сдачею и сопротивленіемъ съ неизбѣжнымъ въ концѣ его погромомъ.

Послѣ бѣгства в. кн. и іерарховъ, участь Москвы попала въ руки поддонковъ населенія, поднявшихъ сумятицу, въ которой ближайшими совѣтниками были доставшіеся толпѣ боченки съ медомъ и брагою. На всѣхъ колокольныхъ загудѣли колокола, но ихъ усердный звонъ ничего не говорилъ ни разсудку, ни патріотизму, ни подъему духовныхъ силъ. Одна половина города пустилась въ бѣгство со всею своею рухлядью, а другая принялась грабить бѣжавшихъ, какъ недостойныхъ сыновъ отечества. Бояры оплачивали бѣгство цѣннымъ окупомъ. Не выпускали и митрополита, но у него нашлись богобоязливые почитатели, выпроводившіе его изъ города невредимымъ. Долгое время нельзя было затворить городскія ворота, такъ какъ напиравшая на нихъ толпа сельчанъ не внимала ни окрикамъ, ни сыпавшемуся на головы камнямъ и бревнамъ. По дорогамъ образовались встрѣчныя теченія изъ города и обратно, которыя распутывались кулачнымъ боемъ не разбиравшимъ ни пола ни возраста. Въ стѣнахъ Москвы задержались купцы, которымъ было очень трудно разстаться съ ихъ кладовыми, суконники, часть бѣлаго духовенства, чернецы и женщины; этою нестройною толпою верховодило вѣче безшабашниковъ, вошедшихъ, благодаря разливному морю напитковъ, въ воинственный ражъ.

Въ царившей сутолокѣ водворилось подобіе дисциплины только при появленіи въ городѣ Литовскаго кн. Остѣя, внука в. кн. Ольгерда. Кн. Остѣй пожелалъ доброю волею вступить въ борьбу съ ордою. Ему удалось наконецъ завалить ворота, разставить на стѣнахъ стрѣлковъ, наготовить кипятку, смолы и камней и обуздать сильными мѣрами безобразничавшую вольницу. Благодаря его рас-

порядительности, на бой изготовились люди всѣхъ состояній, такъ что архимандриты, наравнѣ съ суконниками и подростками, ретиво подносили булыжники и связки хвороста. Въ ту пору Москва была уже ограждена каменною стѣною, поэтому защитники ея могли смѣло бросать на головы ордынцамъ просмоленные и подожженные охапки сухой травы и сучьевъ.

Перейдя, по указаніямъ Олега, р. Оку въ бродъ, ордынцы взяли Серпуховъ и безпрепятственно подступили къ Москвѣ. Первоначально появились передъ нею малые карагулы, а потомъ и главные силы, которыми предводительствовалъ лично Тохтамышъ. Они пришли налегкѣ, безъ катапульти, съ одними штурмовыми лѣстницами, изготовленными, по всей вѣроятности, захваченными въ плѣнъ сельчанами и серпуховскими плотниками. Первый день осады прошелъ безъ боя, въ рекогносцировкѣ слабыхъ мѣстъ городской стѣны. Прежде приступа къ штурму, ордынцы завязали съ москвичами дружественные переговоры. Парламентеры ихъ освѣдомились прежде всего, въ городѣ-ли в. кн. Дмитрій и, получивъ отрицательный отвѣтъ, заявили, что ханъ пришелъ «показнiti своего холопа Дмитрія», а такъ какъ онъ убѣгъ, то и нѣтъ причины держать ворота на запорѣ. Но москвичи, отказываясь на этотъ разъ вѣрить татарамъ, пустили въ нихъ нѣсколько стрѣлъ; тогда въ роли парламентеровъ выступили суздальскіе кн.—«Царь васъ, своихъ людей, хочетъ жаловати, понеже неповинны есте. . . не на васъ бо воюя пришелъ, но на в. кн. ополчился. Онъ даруетъ вамъ миръ и любовь свою, а вы изыдѣте противу ему въ срътеніе съ честію и съ дары». Но и эти льстивыя рѣчи не поколебали москвичей, поэтому князя—сторонники орды не устыдились

прибавить: «имите намъ вѣры, мы бо ваши есмя князи христіаньстѣи. . . . и правду даемъ на томъ».

Едва-ли и такое увѣреніе склонило-бы кн. Остѣя къ сдачѣ Москвы, но защитники, которыми онъ располагалъ, были до крайности ненадежны. Лучшіе изъ нихъ люди занялись мыслями исключительно о спасеніи своихъ душъ и, въ ожиданіи смерти, предались молитвамъ, посту и покаянію. Въ храмахъ недоставало іереевъ для исповѣди и причастія.—«Нѣщїи же недобрїи чловѣци» занялись повальнымъ грабежомъ и особенно серебряныхъ и стеклянныхъ сосудовъ съ медами, возбуждавшими, не ко времени и обстоятельствамъ самохвалство. Шатаясь за городскими стѣнами, безшабашная, вольница раздражалась кичливостью и безстыднымъ ругательствомъ. Орда же, не приступая къ рѣшительному дѣлу, словно забавлялась:—«стрѣляху напередъ и назадъ, скоро и улучно, безъ прогрѣхи».

Осада длилась трое сутокъ. Нѣсколько приступовъ ордынцевъ были отбиты—каменьями, кипяткомъ, тюфяками, самострѣлами и даже «великими пушками». Одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ—суконникъ Адамъ, сторожившій фроловскія ворота, убилъ стрѣлою любимца Тохтамыша и «се же бѣ велика язва всѣмъ татаромъ». На четвертый день осады, выступили вновь парламентареры; на этотъ разъ они обошли кн. Остѣя и москвичей лживыми рѣчами.

Ворота Москвы распахнулись въ полуденное время. Изъ нихъ вышла торжественно настроенная процессія архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, бояръ и множества черныхъ людей. Духовенство вышло въ ризахъ, со крестами и иконами. Бояре несли почетные дары....

При появленіи процессіи ордынцы не замедлили обнаружить коварство, съ какимъ они вызывали Москву сдаться на милость ихъ вождя.—«И въ томъ часѣ татарове почали сѣчи напрасно».... Первымъ палъ подъ ихъ ударами кн. Остѣй. Рядомъ съ нимъ изрубили духовенство и бояръ, выпешдшихъ безъ оружія и безъ мысли о возможности—послѣ клятвы русскихъ кн.—подобной измѣны. Спустя нѣсколько минутъ, ордынскіе кони топтали уже, врываясь въ городскія ворота, трупы избѣченныхъ мечами людей, блестящія ризы, иконы, кресты и самые дары въ видѣ мѣховъ, серебряныхъ сосудовъ и мѣшковъ съ рублями. О сопротивленіи не могло быть и помысла. Кромѣ проникнувшихъ въ ворота всадниковъ, толпа спѣшенныхъ ордынцевъ взобралась по лѣстницамъ на

стѣны—и разметалась повсюду, гдѣ только можно было увидѣть цѣнную добычу.

Москвичи, обезумѣвшіе отъ бѣшеннаго вихря людской злобы, тщетно искали спасенія въ каменныхъ храмахъ, въ погребѣхъ и даже въ колодезяхъ. Дубины, мечи и конья багадуровъ преодолевали всѣ препятствія. Надъ Москвою царилъ хаосъ звуковъ изъ колокольнаго набата, воплей убиваемыхъ, побѣдоноснаго «уррр!» лязга оружія и паденія подожженныхъ зданій. То было дикое завыванье надъ истерзанною и угасавшею столицею, еще такъ недавно хвалившіеся своимъ великолѣніемъ. Москва представляла уже въ ту пору—«градъ великъ, градъ чуденъ, градъ многочисленъ.... и въ немъ же множество всякаго узорочья».—И вотъ, въ нѣсколько часовъ, отъ этого великолѣнія остались дымившіяся пожарница, горы труповъ, прахъ, пепелъ и остатки обезумѣваго случайно недобитаго народа!

Разумѣется никто и не вспомнилъ, въ чаду этого повального избіенія и погрома о ярлыкахъ, данныхъ чингисидами въ охрану духовенства и его собственности. Напротивъ, оклады на иконахъ, церковные сосуды, златокованныя покрывки на священныхъ книгахъ, шитыя золотомъ одежды, унизанныя жемчугомъ пелены—привлекали особое вниманіе ордынцевъ. Всѣми этими трофеями были полны ихъ мѣшки, запасливо приготовленные еще при самомъ вторженіи въ городъ. Всѣ подгородные монастыри, рассчитывая на безопасность Москвы, снесли заранѣе въ ея храмы свои драгоценности, поэтому добыча ордынцевъ превзошла ихъ ожиданія. Усилія-же ихъ въ избіеніи людей и въ грабежѣ были такъ велики, что даже у багадуровъ—«руки и плеча измолкоша, сила изнеможе и саблямъ ихъ острія притупишася». — Повидимому ордынцы оставили руины Москвы въ тотъ-же день и вышли на ночь въ поле, унося съ собою груды богатствъ и уводя въ полонъ громадную толпу безмолвно трепетавшихъ москвичей и москвичекъ.

Орда привела достаточно запасныхъ коней, чтобы навьючить на нихъ добычу и достаточно веревокъ, чтобы окружить ими полонъ. Наступала осень. Въ расчеты Тохтамыша не входило зимовать на Руси, поэтому онъ «понудився нача отступати отъ града Москвы». Но прежде онъ разослалъ своихъ темниковъ разорить и плѣнить все княжество. Разсыпавшіеся въ разныя стороны ордынцы быстро захватили Владиміръ, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ и Переяславль. Не требуя ихъ покорности, они

жгли и рубили, рубили и жгли. Вскорѣ полонъ ихъ увеличился до чудовищныхъ размѣровъ. Только у Волока кн. Владиміръ Андреевичъ устроилъ имъ засаду и уничтожилъ одинъ изъ отрядовъ. Но то былъ частичный успѣхъ, нисколько не поправившій разлившееся по русской землѣ бѣдствіе.

Проходя обратно по Рязанскому кн., Тохтамышъ отблагодарилъ кн. Олега тѣмъ, что землю его «поже, а людей посѣче». Полонъ и здѣсь получилъ сильный приростъ и, окруженный веревками и стражею, пошелъ на «поганскую работу въ татарской сторонѣ». Суздальцы тоже ничего не выиграли измѣною обще-рус. дѣлу, потому что и монголы и татары охотно пользовались услугами измѣнниковъ, но никогда не приближали ихъ къ себѣ, изъ опасенія встрѣтиться съ повтореніемъ измѣны.

По удаленіи грозы, в. кн. возвратился въ испепеленную Москву, со всѣми, бѣжавшими въ дни ея бѣдствія, боярами. Ему было отчего расплакаться «вельми слезно.» Прилежный къ молитвѣ и къ церковному благолѣпію, онъ нашелъ однѣ рушившіяся стѣны храмовъ, изрубленные иконостасы и совершенное отсутствіе богослужебныхъ книгъ и сосудовъ. Улицы, площади, р.р. и колодези Москвы были завалены разлагавшимися трупами. Распорядившись похоронами ихъ, в. кн. велѣлъ платить за уборку и погребеніе трупа по полукопѣйкѣ, на что казна его израсходовала триста рублей. Погребено было такимъ образомъ около шестидесяти тысячъ убитыхъ; кромѣ того, исчезло множество людей въ рѣкахъ и въ колодезяхъ, въ обрушившихся погребяхъ и на пожарахъ.

По очисткѣ отъ труповъ, Москва тотчасъ-же занялась домашними счетами. Поступокъ кн. Олега нельзя было оставить безнаказаннымъ, поэтому московская рать прошлась по его землѣ, такъ что и «до остатку пусту учиниша.» Олегъ скрылся. Встрѣча съ москвичами обѣщала ему нѣчто худшее ордынскаго пришествія.

Митрополитъ Кипріанъ, отсидѣвшись, во время ратнаго нахождения, въ Твери, чувствовалъ за собою эту вину и медлить возвратиться въ Москву, но в. кн. послалъ за нимъ бояръ съ настойчивымъ приглашеніемъ прибыть въ митрополию. Здѣсь онъ выслушалъ настолько сильныя укоризны за оставленіе паствы въ дни ея бѣдствія, что изъ опасенія ареста и пожалуй сорванія клобука, поспѣшно перебрался въ Кіевъ, откуда онъ принялся

поддерживать Тверь противъ Москвы. Въмѣсто него былъ вызванъ находившійся въ заточеніи Пимень, достигнувшій, путемъ подложнаго письма къ патріарху, посвященія въ митрополиты. Въ гнѣвъ своемъ на Кипріана, в. кн. какъ бы забылъ, что онъ тоже отсидѣлся въ Костромѣ, не подавъ своей отчинѣ ни малѣйшей помощи....

Возвратившись въ Сарай, Тохтамышъ отправилъ къ в. кн. посла Карача съ предложеніемъ, по сказаніямъ современниковъ, мира и любви, а въ дѣйствительности съ требованіемъ явиться въ орду за ярлыкомъ. Впрочемъ, и безъ этого напоминанія, князья не замедлили потянуться въ орду возобновить свои тяжбы. В. кн. послалъ своего сына Василія тягаться съ кн. Михаиломъ Тверскимъ, который лично отправился въ орду оспаривать свои права. Споръ этотъ окончился тѣмъ, что Тохтамышъ оставилъ у себя въ залогъ и его сына и сына в. кн., спасшагося впоследствии бѣгствомъ изъ Сарая.

Далеко охотнѣе и ретивѣе, нежели противъ ордынцевъ, собралась московская сила противъ Новгорода, когда этотъ, пользуясь временнымъ ослабленіемъ в. кн., взялъ разбоемъ Кострому и Нижній Новгородъ. Подъ стягъ в. кн. быстро собрались рати: московская, коломенская, звенигородская, можайская, ржевская, серпуховская, всего изъ тридцати городовъ и областей. Передъ этою силою Новгородъ почувствовалъ себя одинокимъ и немощнымъ. При томъ же взволновались и его вольные люди, выставившіе два вѣчевыхъ колокола: одинъ звалъ на Ярославовъ дворъ, а другой на Софійскую площадь. Въ добавокъ къ этой неурядицѣ, вольнолюбивый городъ отложился и отъ суда кн. и отъ суда митрополита, такъ что противъ него возстали и свои люди и чужія власти.

Новгороду, при одномъ слухѣ о походѣ на него в. кн., пришлось смириться. Примирителемъ явился владыко Алексій, который просилъ в. кн. учинить миръ, избѣгнуть кровопролитья, а за прощеніе вины получить въ даръ восемь тысячъ рублей. Но в. кн., не соглашаясь на миръ, пододвинулъ свои многотысячныя рати къ городу, который не зналъ уже ставить ли ему остроги или попытать счастья въ новыхъ переговорахъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ монастырями, Новгородъ принялся, стараясь затруднить къ нему подступъ, жечь монастыри и пригороды. Въ нѣсколько дней сожжено двадцать четыре монастыря и пять церквей, такъ

что, по справедливости, «бысть новгородцемъ и мнишьскому чину много убытка». Новая депутація новгородцевъ изъ духовенства и представителей городскихъ концовъ, была принята в. кн. ласковѣе прежней. Миръ состоялся по старинѣ: съ окупомъ въ восемь тысячъ рублей.

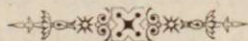
Вообще, неудачная борьба съ Тохтамышемъ завершилась повтореніемъ данническаго положенія Руси. В. кн. обязался платить по серебряной полтинѣ съ деревни о трехъ дворахъ, такъ что рус. людямъ пришлось повторять скорбизій вопль, раздававшійся во времена нашествія Батыя:

«Зачѣмъ мать сыра земля не погнется
«Зачѣмъ не раступится?....»

Руси пришлось выпускать монету съ именами хановъ и эта монета выбивалась въ продолженіи восьмидесяти лѣтъ. За время Тохтамыша, арабскія надписи на монетахъ говорили о немъ какъ о царѣ, у котораго в. к. считался только подданнымъ. Словомъ, при Тохтамышѣ наступили для Руси не менѣе тяжелыя времена, какъ и въ эпоху наибольшаго величія З. орды. Оратаю никакъ уже не приходилось хвалиться, что у него:

«Сошка красна дерева,
«Омѣшки серебряные,
«А присошечекъ красна золота...»

Орда, пронизируя надъ Русью, напоминала ей поговорку кочеваго міра: «быстро—де разсыпается подъ копытами коня песокъ пустыни, но еще быстрѣе уничтожается счастье людское подъ ударами судьбы!....»

ВОЙНЫ ТИМУРЪ - ЛЕНГА ВО ИМЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

(1385—1394 гг.)

П ишнвъ З. орду самостоятельности и полагаясь на вѣрность и благодарность своего ставленника, Тимуръ могъ безпрепятственно предаться расширенію своего могущества и истребленію своихъ противниковъ. Впрочемъ, вспоминая свое блистательное прошлое, онъ любилъ указывать потомъ, что въ управленіи подвластными ему народами онъ руководился исключительно возвышенными свойствами души—кротостію, человѣколюбіемъ и терпѣніемъ. Опорою-же его государственной мудрости были одни лишь заботы о распространеніи ислама.—«Я поддерживалъ исламъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ!»—Таково было его признаніе передъ судомъ потомства.—«Первое правило, которое возшло на востокъ моего сердца, клонилось къ утверженію кодекса Мухаммеда—избраннаго Богомъ сосуда.»—«Изъ кодекса, превосходнѣйшаго изъ смертныхъ, я сдѣлалъ украшеніе своей имперіи, состоявшей изъ двадцати семи покоренныхъ мною государствъ!»—Такъ онъ твердилъ и современникамъ и потомству съ очевидною цѣлью возвести исламъ въ лозунгъ для потрясенія земли. Развивая свои попеченія объ исламѣ, онъ избралъ изъ потомковъ Мухаммеда даровитаго человѣка и назначилъ его «садромъ»—министромъ духовныхъ дѣлъ и покровителемъ всѣхъ священныхъ мѣстъ. Въ

покоренныя страны онъ посылалъ крѣпкихъ въ исламѣ старцевъ для предостереженія вѣрующихъ и просвѣщенія колеблющихся. Въ каждомъ городѣ находился проповѣдникъ корана и хранитель могилъ святыхъ покойниковъ...».

Какъ-же однако случилось, что при такомъ религіозномъ настроеніи и преклоненіи передъ исламомъ, онъ извелъ мусульманской крови болѣе нежели пролили ее монголы, менѣе всего заботившіеся о покровительствѣ вѣрѣ Пророка? Вѣроятно, это противорѣчіе онъ объяснилъ-бы своимъ стремленіемъ къ высшей справедливости. Во имя ея, коранъ разрѣшаетъ войну и между своими послѣдователями, такъ что мусульмане-властители могутъ, не впадая въ противорѣчіе съ велѣніями Аллаха, воевать съ собратьями и уводить ихъ въ плѣнъ, на каторгу.

Разумѣется, противники Тимура объясняли его непрерывныя войны съ соплеменниками нѣсколько иначе. Они припоминали въ этомъ случаѣ поговорку: «если у тебя въ рукѣ имѣется хорошо отточенная сабля, то для чего тебѣ другой поводъ къ нападенію?» Въ рукѣ-же Тимура заключались тмы воиновъ, а съ ними и грозный вѣтеръ разрушенія.

Образчикомъ соображеній и поводовъ, по которымъ онъ такъ равнодушно проливалъ мусульманскую кровь, могутъ служить условія, вызвавшія вторженіе его въ Иранистанъ. Его шпіоны посовѣтывали народамъ Ираковъ обратиться къ нему съ мольбою на притѣсненія ихъ правителей мозаффаровъ и другихъ ненавистныхъ имъ маленькихъ тирановъ. Жалоба эта возбудила въ Тимурѣ цѣлый взрывъ справедливости, потребовавшей однако хорошо обдуманнаго приготовленія къ серьезной войнѣ. Забывъ, что народъ считалъ тиранами всего нѣсколько человѣкъ, онъ выступилъ въ походъ съ многими тумениями, рѣшивъ напередъ, что онъ будетъ сурово карать каждаго, кто окажетъ ему сопротивленіе. По его предположеніямъ, къ тиранамъ Ираковъ могли примкнуть цѣлыя царства—Гилянъ, Джарджанъ, Мазандеранъ, Азербайджанъ, Ширванъ и Фарсъ. Одного этого предположенія было уже достаточно, чтобы предпринять покореніе воображаемыхъ противниковъ и включить ихъ земли въ составъ своей имперіи. Но одного его появленія изъ-за р. Аму было достаточно, чтобы малосильные государи прислали ему гонцовъ съ подарками и съ выраженіемъ покорности. Правитель Мазандерана—первый взмолился о пощадѣ.—«Мы, потомки Али, всегда довольствовались этою областью»,

писалъ онъ надвигавшемуся потрясателю земли.—«Завладѣвъ нашею землею, вы выкажете свое могущество, но если вы пощадите насъ, то ваше поведеніе будетъ согласно съ милосердіемъ». Выказавъ великодушіе и не разоряя Мазандерана, Тимуръ двинулся далѣе, противъ Гиляна, Джарджана и Ираковъ.

Настоящій походъ повторилъ — по числу изведенныхъ со свѣта людей и по дикости военного ожесточенія—эпоху Чингисъ-хана и его сподвижниковъ. Земли Иранистана представлялись въ ту пору, послѣ измелъчавшей династіи гулагидовъ, выморочными, ожидавшими предприимчиваго завоевателя. Они состояли изъ двухъ областей—Иракъ-Араби и Иракъ-Аджеми и изъ серіи болѣе мелкихъ сатрапій. Нѣкоторыя изъ нихъ успѣли утвердить свою самостоятельность на столько, что деспоты ихъ претендовали на положеніе отдѣльныхъ государей.

Считая своимъ правиломъ начинать войну не ранѣе, какъ послѣ отвергнутаго непріятелемъ приглашенія признать его господиномъ, Тимуръ повѣлялъ однако вѣтромъ разрушенія на земли Ирана безъ предувѣдомленія ихъ властелиновъ. Ему было пріятно явиться въ обстановкѣ потрясателя земли, тогда какъ еще недавно онъ набѣгалъ сюда только съ толпою вольницы и не всегда счастливымъ авантюристомъ. Онъ не боялся болѣе, что туркмены посадятъ его подъ арестъ. Теперь ему не стоило-бы труда сравнять ихъ столицу съ ячменною нивою.

Еще во время осмотра войскъ, передъ выступленіемъ ихъ изъ Мавераннагра, одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ дервишей бросилъ ему въ голову грудинку барана. Этотъ поступокъ юродиваго былъ истолкованъ эмирами и багадурами за счастливѣйшее изъ предзнаменованій; оно предвѣщало обладаніе Ираномъ, считавшимся въ ту пору «грудью Азіи».

Туркменія, чувствуя свою вину передъ Тимуромъ, отдала ему теперь свои стада безпрекословно и повела его тумени—мѣстами, гдѣ можно было найти водоной,—частью на Герать, а частью къ Каспійскому морю. Герать, тоже неласково встрѣчавшій когда-то Тимура, немедленно заплатилъ не только накопленными сокровищами, но даже и желѣзными воротами, отправленными для городской стѣны Кеша. Нѣкоторыя персидскія крѣпости рѣшили сопротивляться. Первою изъ нихъ пала Кахкага или «смѣющаяся»—на этотъ разъ неудачно—«надъ усиліями врага». Пали Шабурканъ и Кабушанъ, послѣ чего, такимъ большимъ городомъ

какъ Нишабуръ, Себсеваръ и Тусъ, оставалось сдаваться на милость побѣдителя. Они торопились принести покорность, не ожидая появленія катапульта и парламентаровъ, такъ громко трубившихъ передъ воротами цитаделей!...

Поклоненіе могиламъ святыхъ и в. людей входило въ жизненный обиходъ Тимура. Въ наиболѣе торжественныхъ случаяхъ, онъ прочитывалъ передъ ними и несмѣтными толпами зрителей, первую главу корана, что вызывало у правовѣрныхъ слезы умиленія. Мешхедъ былъ уже и въ ту пору усыпальницею столбовъ ислама и его знаменитыхъ защитниковъ. Въ числѣ первыхъ, пользовалась особымъ уваженіемъ гробница—Абу-Мослима, истребившаго въ честь одного халифа до полумилліона людей.

Тимуръ не только поклонился ей, но и наградилъ ее вакуфомъ изъ садовъ и земель изгнанныхъ правителей Мешхеда. Но при этомъ, воспоминанія о подвигахъ Абу-Мослима въ честь ислама, возбудили въ немъ своего рода жажду соревнованія. По крайней мѣрѣ, дома, въ Мавераннагрѣ, онъ не рѣшался соорудить башни изъ человѣческихъ головъ, тогда какъ въ походѣ на Иранистанъ подобныя башни считались уже только монументами его побѣдоноснаго шествія.

Сдавшіеся на милость побѣдителя жители Себсевара имѣли неосторожность возмутиться противъ насилія, что и привело ихъ къ небывалому еще наказанію. Тѣнь Абу - Мослима подсказала Тимуру способъ устрашать непокорныхъ: онъ заключался въ сооруженіи башни изъ живыхъ людей, положенныхъ другъ на друга и залитыхъ известью! На сооруженіе этой башни уложили двѣ тысячи человѣкъ. Но то была только первая проба архитектурной затѣи; въ послѣдствіи, подобнаго рода башни доходили до гигантскихъ размѣровъ.

Управившись съ Гератомъ и сѣверо-восточными землями Ирана, Тимуръ разослалъ свои тумени приводить къ покорности Сеистанъ и Кабулистанъ, а самъ занялся спеціально обоими Ираками и ихъ вассалами. По временамъ, онъ возвращался налегкѣ въ Самаркандъ, гдѣ отдыхалъ въ кругу семьи, казнилъ, награждалъ и—вновь появлялся въ Иранѣ...

Вообще-же Иранистанъ, Кабулистанъ, Белуджистанъ, и Сеистанъ отняли у него, въ теченіе нѣсколькихъ возобновлявшихся походовъ, около восьми лѣтъ. Все это время исламитяне испытывали страшныя пораженія отъ руки человѣка, которому соединен-

ныя корпораціи тогдашнихъ ученыхъ и саидовъ поднесли титулъ возстановителя и распространителя вѣры. Восхищенные имъ богословы предоставляли ему даже въ поднесенномъ адресѣ «верховную власть во всемъ царствѣ Мухаммеда».

Владѣтель одного изъ Ираковъ шахъ Шедша отказался вступить въ борьбу съ Тимуромъ и выслать на встрѣчу ему посольство съ дарами изъ пурпуроваго балдахина, царственнаго зонтика и богатыхъ тканей. Тимуръ потребовалъ дополнить эти дары дочерью шаха, для своего внука, сына Джигангира—Пиръ-Магомета. Шахъ покорно исполнилъ и это требованіе, чѣмъ и оградилъ свой Иракъ отъ погрома.

Султанъ втораго Ирака—Ахмедъ, укрѣпился было въ Султаніи, но одного появленія парламентаровъ надвигавшейся силы было достаточно, чтобы онъ бѣжалъ въ Тавризъ, а потомъ и въ Багдадъ. Страна его досталась побѣдителю безъ содѣйствія катапульта и палицъ багадуровъ. Примѣру ея послѣдовали Гиланъ, Рей, Азербейджанъ, Фарсъ, такъ что всѣ земли, на которыя ступали нѣкогда кони Чингисъ-Хана, подпали подъ власть пріемника его славы и могущества. Отворилъ и Карсъ свои ворота. Пала и столица Грузіи....

Тимуръ отпраздновалъ свои побѣды большою охотою. Въ громадной облавѣ, на которую были высланы цѣлыя племена, сошлись львы, тигры, волки, дикія лошади и джайраны. На пирахъ, которыми всегда сопровождались парадныя охоты мусульманскихъ властителей, Тимуръ проявлялъ по истинѣ царственное величіе. Шахи, султаны, эмиры и ханы служили ему рабами, а женщины ихъ гаремовъ — рабынями, развѣвавшими въ шатрѣ пиршества прохладу вѣерами и ароматы мускуса. Два-три раза въ день Тимуръ мѣнялъ на своей головѣ короны, какъ трофеи плѣнныхъ царствъ....

Зиму онъ провелъ на равнинѣ Карабага, куда явились къ нему на поклонъ кн. Грузіи и Ширвана. Первый поднесъ ему панцырь работы все того-же царя Давида, а второй девять девятокъ рабовъ, вещей и животныхъ. Въ числѣ рабовъ кн. назвалъ и самого себя, чѣмъ и охранилъ отъ разоренія свою страну. Князья цѣловали землю передъ побѣдителемъ....

Противники-же Тимура испытали на себѣ всю тяжесть его гнѣва. Знаменитый Ванъ, надѣявшійся на свою неприступность,

пострадалъ сильнѣе другихъ городовъ и крѣпостей: его защитники были сброшены въ пропасти, а его верки скрыты до основанія!

Повернувъ къ югу, Тимуръ взялъ безъ труда Испагань, имѣвшую пять миль въ окружности и до милліона жителей. Украшенная въ свое время Александромъ В. и служа центромъ обширной торговли, она славилась тысячею караванъ-сараевъ и такимъ же числомъ большихъ мечетей. Великолѣпіе ея и богатство послужили однако и причиною ея слабаго сопротивленія воинственнымъ полчищамъ. Поставивъ ей намѣстника съ охранною стражею, Тимуръ двинулся далѣе, но неожиданное возстаніе испанцевъ призвало его обратно къ кровавой уже расправѣ. Нафанатизированный кузнецъ, пылкій какъ его горнъ, сумѣлъ поднять противъ гарнизона часть горожанъ, убить намѣстника, истребить его стражу и поднять общее ликованіе, которое однако продлилось всего нѣсколько сутокъ. Быстро подослѣвшіе тумени Тимура, овладѣвъ вновь Испаганью, принялись торжествовать свою побѣду со всѣми проявленіями вооруженной силы, утратившей образъ и подобіе человѣчества. Каждый воинъ обязанъ былъ представить своему десятнику опредѣленное число людскихъ головъ. Головы испанцевъ обратились поэтому въ мѣновые знаки, цѣнившіеся въ первый день всеобщаго истребленія по теньгѣ за штуку, а въ

слѣдующіе дни всего въ двѣ - три чеки. Финаль разрушенія Испогани выразился пирамидами головъ, снесенныхъ на площади въ числѣ семидесяти тысячъ штукъ. Возлѣ этихъ пирамидъ, оставшіеся въ живыхъ муллы и улемы должны были славить имя Тимура, какъ величайшаго изъ рыцарей ислама и

благодѣтели покоренныхъ народовъ. Надзирателями надъ этими проповѣдниками служили палицы багадуровъ....

Обративъ Персію и отложившіяся отъ нея сатрапіи въ свой улусъ, Тимуръ возвратился въ Самаркандъ, посѣтивъ по дорогѣ

многократно разоренный Хорезмъ. Послѣдній былъ заподозрѣнъ имъ, по донесеніямъ корреспондентовъ, въ двойной измѣнѣ—въ выраженіи сочувствія павшимъ прикаспійскимъ государствамъ и въ переговорахъ съ Тохтамышемъ, который ни разу не поздравилъ Тимура съ послѣдними его побѣдами. Хорезмъ заплатилъ и на этотъ разъ всею своимъ имуществомъ и лучшими людьми, уведенными въ Самаркандъ, въ качествѣ рабочихъ для сооруженій предпринятыхъ во славу Аллаха мавзолеевъ и мечетей. Только что возведенныя городскія стѣны были вновь сравнены съ окружающими ихъ пастбищами и нивами.

Поведеніе Тохтамыша крайне огорчало Тимура, котораго, казалось, нельзя было удивить ни тайною засадою, ни коварною измѣною. Онъ почувствовалъ затаенную ненависть своего золотоордынскаго ставленника еще во время праздниковъ на Карабагской равнинѣ; праздники были смущены тогда извѣстіями, что пришедшіе изъ Сарая эмиссары волнуютъ Мавераннагръ, распространяя слухи о томъ, что Тимуръ ложно именуется себя чингисидомъ. Тохтамышъ обѣщалъ даже прійти и отнять отъ него все земли, оставшіяся, по прекращеніи династіи джагатаидовъ, въ наслѣдство только истиннымъ чингисидамъ.

По поводу этихъ слуховъ, институтъ корреспондентовъ Тимура пришелъ въ величайшее волненіе. Находясь въ городахъ и при арміи, они обязаны были представлять донесенія о благонадежности намѣстниковъ, о поведеніи войскъ и о замыслахъ сосѣдей. Прибытіе иностранцевъ и каравановъ состояло подъ особымъ ихъ наблюденіемъ. Содержа вообще своихъ подданныхъ между страхомъ и надеждою, Тимуръ прилагалъ этотъ пунктъ государственной мудрости съ особымъ тщаніемъ къ корреспондентамъ. За всякое уклоненіе отъ истины, корреспонденту отсѣкали пальцы, за неправильный отчетъ отрубали руку, а за ложный доносъ—подвергали смерти. Корреспонденты обязаны были представлять отчеты ежемѣсячно, а въ важныхъ случаяхъ ежедневно. Гонцы ихъ снабжались паизе съ изображеніемъ кречетовъ, при видѣ которыхъ встрѣчные «ямы» выставляли немедленно, на дорогу, осѣдланыхъ верховыхъ коней.

Единогласное увѣреніе корреспондентовъ о томъ, что Тохтамышъ, усиливъ свою власть поработченіемъ рус. кн., замышляетъ выказать черную неблагодарность, не обезпokoило Тимура. Сохраня видъ, что ему неизвѣстно коварство его ставленника,

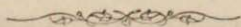
онъ распорядился заблаговременно приготовить многочисленные резервы. Персидскій улусъ онъ предоставилъ въ кормленіе своему сыну Миранъ-Шаху, а самъ занялся пирами и охотами. На этотъ разъ, его «абалай» захватила всю площадь Мавераннахра до Аральскаго моря и до предѣловъ З. орды. Каковы были трофеи охоты можно судить по тому, что ежедневно приходилъ въ Самаркандъ, отъ имени гуръ-хана—въ пользу эмировъ и багадуровъ—караванъ верблюдовъ съ лебедями и фазанами.

Не одна впрочемъ охота веселила сердце Тимура: онъ праздновалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свадьбу трехъ сыновей и дочери, отдавшей свое сердце одному изъ юныхъ багадуровъ. Слѣдовавшіе по этому поводу пиры, поражавшіе своимъ блескомъ и роскошью, не ослабляли однако осторожность, зоркость наблюденій и кипучую дѣятельность—«господина созвѣздій».

Оставаясь, какъ и всегда, подъ знаменемъ ислама, онъ побывалъ въ Кешѣ, гдѣ санды разостлали чалмы подъ копыта его коня. Привѣтствовавшіе его дервиши—составили ему почетную стражу. На могилѣ отца, онъ прочелъ громогласно, передъ народомъ, первую главу корана. Разумѣется, вѣрнымъ сынамъ ислама отраднo было слышать, какъ ихъ желѣзный повелитель взывалъ къ Аллаху пѣвучимъ голосомъ:

«Направь насъ на путь правый,
«На путь тѣхъ, которыхъ ты осыпалъ благодѣяніями,
«Но не тѣхъ, которые заслужили твой гнѣвъ...»

Подъ заслужившими гнѣвъ, Пророкъ подразумѣвалъ евреевъ, но въ душѣ Тимура сложилось, повидимому, нѣсколько иное мнѣніе: подъ заслужившими его гнѣвъ все окружающіе видѣли на этотъ разъ Тохтамыша и его сторонниковъ. Такъ поняли и тысячники, которымъ онъ предложилъ удвоить ихъ войска, не требуя для этого изъ казны ни одного динара. Они нажили въ войнѣ съ Иранистаномъ достаточныя средства, чтобы удвоить на нихъ полки. Вскорѣ неизбежность войны съ З. ордою не составляла болѣе секрета. Правда, Тохтамышъ какъ бы опомнился и прислалъ своему покровителю девять скакуновъ и кречета, но посланцы его выслушали отъ Тимура такіе горькіе упреки, что они поторопились возвратиться въ Сарай съ извѣстіемъ о совершенномъ разрывѣ дружественныхъ отношеній.

XXXIX.

РАЗОРЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.

(1395 г.).

ребромъ:—«Не изъ личныхъ-ли цѣлей помогъ Тимуръ Тохтамышу взойти на престолъ? Не видна-ли здѣсь коварная цѣль отнять, въ удобное время, поднесенный даръ? Не замѣтны - ли уже признаки подобнаго желанія? Обязанъ-ли при подобныхъ условіяхъ человекъ благодарить сдѣлавшаго ему добро?»—Вопросы эти трактовались съ разныхъ сторонъ, при чемъ партія недовольныхъ упрекала Тохтамыша въ недостатокъ доблестей Батия и Узбека и въ измѣнѣ славному имени монголовъ. Секретъ-же этого настроенія ордынцевъ заключался въ томъ, что, выжимая изъ Руси все, что можно, аглены принуждены были довольствоваться только знатностью своего положенія, безъ блеска и роскоши истинныхъ вельможъ. Покореніе-же джагатайскихъ странъ, куда стекались богатства Иранистана, Хорезма, Кабулистана, Грузіи и западнаго Китая, несомнѣнно усилило бы блескъ золотоордынскаго двора.

Впрочемъ и самъ Тохтамышъ, уничтоживъ остатки войскъ

Мамая, разоривъ Москву и приведя рус. кн. къ данничеству, находилъ, что ему, истинному чингисиду, не слѣдуетъ терпѣть рядомъ съ собою узурпатора, считающаго при томъ за собою право на благодарность. Въ этомъ случаѣ онъ былъ отличнымъ выразителемъ родной ему поговорки: «какъ огонь не насыщается—дровами, глаза—видѣннымъ, уши—слышаннымъ, волкъ—овцами, такъ побѣдители не насыщаются побѣдами».

Утвердившись въ сознаніи, что все наслѣдство Чингис-хана должно принадлежать ему и никому другому, онъ рѣшился напасть на Тимура съ двухъ сторонъ: въ Дагестанѣ и въ бассейнѣ р. Сыръ. Съ этою цѣлью, онъ отправилъ въ Дагестанъ армію съ двѣнадцатыя агленами въ сто тысячъ всадниковъ, а къ Мавераннагру—два туменя въ видѣ авангарда—до прибытія подъ его личнымъ начальствомъ главныхъ силъ.

Экспедиція агленовъ началась удачно.—Дагестанская армія явилась на сцену военныхъ дѣйствій ранѣе, чѣмъ Тимуръ могъ прибыть изъ Мавераннагра къ берегамъ р. Куры. Здѣсь онъ нашелъ въ своихъ туменяхъ замѣтный упадокъ духа, потому что непріятель ихъ оказался по численности вътрое сильнѣе, и кромѣ того, З. орда, располагая шестьюстами тысячъ войска, могла выставить въ короткое время сильныя резервы. Резервы-же Мавераннагра не могли подойти во время, а возможное безъ нихъ пораженіе угрожало поголовнымъ истребленіемъ.

Прибытіе Тимура ободрило войска. Непріятелей раздѣляла только р. Кура, при чемъ лагерь Тимура оставался неподвижнымъ на правомъ берегу, а золотоордынцы нервничали на лѣвомъ и своими постоянными передвиженіями вызывали врага на бой. Вызовъ былъ принятъ. Въ первыя минуты битвы, аглены имѣли случай порадоваться тому, что застрѣльщики противниковъ были смяты и обращены въ бѣгство. Но пока шло авангардное дѣло, сынъ Тимура Миранъ-шахъ и воинственный таджикъ Ходжи-Сейфуддинъ переправились незамѣтно черезъ р., зашли въ тылъ агленамъ и—разбили ихъ на голову!

Дагестанской арміи не существовало болѣе!

Покончивъ здѣсь счеты съ З. ордою, Тимуръ возвратился въ Мавераннагръ, возлѣ котораго выросъ подошедшій изъ-за Урала абалай въ сто тысячъ отборныхъ всадниковъ. Саганакъ находился уже въ рукахъ золотоордынцевъ, Коканъ—въ осадѣ, а Омаръ-шахъ успѣлъ проиграть полевое сраженіе возлѣ Отрара.

Теперь спѣшили на помощь Мавераннагру все побѣдители дагестанской арміи. Не смотря на глубокіе снѣга и холодъ, Тимуръ рѣшилъ изгнать абалай изъ своихъ предѣловъ. Появленіе его личнаго бунчука навело на золотоордынцевъ, занявшихся усиленнымъ грабежомъ, паническій страхъ. Сберегая свою добычу, они умчались обратно въ орду, смутивъ только Тохтамыша неожиданною вѣстью объ ихъ пораженіи.

Не довольствуясь изгнаніемъ непріятеля изъ своего государства, Тимуръ созвалъ курилтай, разсудившій вторгнуться въ орду и наказать ее достойнымъ образомъ за грабежъ и неблагодарность. Только сорокадневная болѣзнь Тимура пріостановила на время исполненіе этого плана, но едва онъ оправился какъ, по всему Мавераннагру и по всемъ его вассальнымъ землямъ, загремли боевые литавры.

Ташкентъ былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ, откуда войска двинулись къ Аральскому морю, съ тѣмъ, чтобы отсюда повернуть къ сѣверу, по западной сторонѣ горнаго хребта Улу-Тау. Нѣсколько сотъ верстъ песчанаго пути по одной изъ среднеазіатскихъ голодныхъ стеней не смущали всадниковъ, привыкшихъ уже проводить половину жизни на конѣ. На этотъ разъ, за арміями шель громадный обозъ съ запасами продовольствія, оружія и воды; впереди, въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ мѣсяцевъ хода, можно было разсчитывать только на охотничью добычу и на стада неосторожныхъ кочевниковъ. При четырехстахъ тысячахъ, вышедшихъ изъ Мавераннагра, людей и шестистахъ тысячахъ коней, требовался караванъ обозныхъ верблюдовъ, покрывавшій степь на сотни верстъ....

Все, что напоминало роскошь, было изгнано изъ арміи и даже походный гаремъ Тимура ограничивался одною фавориткою. Довольствіе людей и скота было доведено до минимума: при кускѣ мяса—пока оно было—отпускалось муки менѣе полуфунта на человѣка, при чемъ предоставлялось самому войску отыскивать добавочные раціоны въ видѣ кореньевъ, соли, птичьихъ яицъ.....

При проходѣ войскъ у подошвы Улу-Тау, Тимуръ произвелъ генеральный смотръ. Въ ознаменованіе его, каждый рядовой принесть на опредѣленное мѣсто по камню, изъ которыхъ составила громадная башня. На одномъ изъ монолитовъ ея были вырѣзаны день, мѣсяцъ и годъ событія. Все войска прошли мимо Тимура. На головѣ его былъ тюрбанъ со многими рубинами, а въ

рукахъ онъ держалъ—подобно персидскимъ шахамъ—воловою ляжку. Предводители туменей подъѣзжали къ возвышенію, съ котораго онъ обозрѣвалъ свою необъятную армію, и, сойдя съ коней, цѣловали передъ нимъ землю. Послѣ этого смотра, доставившаго вождю высокое наслажденіе и вызвавшаго многочисленныя награды, войскамъ былъ данъ отдыхъ, послѣ котораго слѣдовали усиленные переходы до р. Тобола....

Приготовившись встрѣтить непріятеля, Тохтамышъ устроилъ во многихъ мѣстахъ засады, но юртъ-джи и корреспонденты Тимура были слишкомъ опытны, чтобы вѣдаться въ обманъ и очутиться передъ скрытыми завалами. Къ тому-же пастухи-киргизы не затруднялись указывать на хорошо извѣстные имъ броды, такъ что войска Тимура подвигались съ увѣренностью, какъ у себя—въ Мавераннагрѣ. Подвинувшись къ границамъ орды, Тимуръ установилъ обычныя предосторожности: люди его не смѣли отлучаться отъ командъ, а останавливаясь для ночлега или отдыха, обязаны были окапываться и ограждать лагерь земляными насыпями. По ночамъ запрещалось держать огни. Отъ заката до восхода солнца циркулировали разъѣзды на разстояніи форсанта отъ лагеря. Урду и главный штабъ охраняли двѣнадцать тысячъ жандармовъ, называвшихся «калачами».

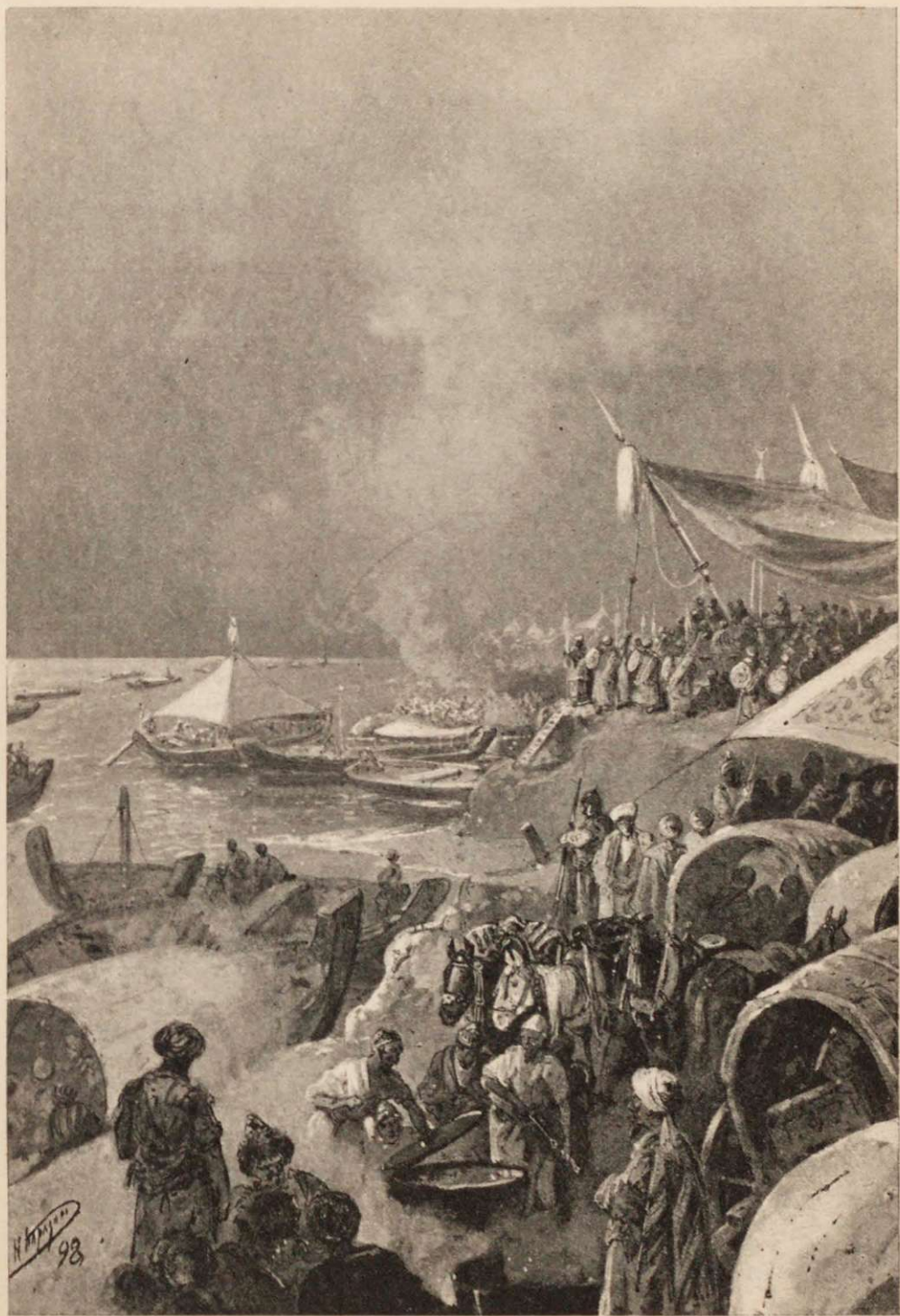
Обѣ непріятельскія арміи—почти равныя числомъ—встрѣтились возлѣ Ахтубы. Войска Тимура дѣлились, по обычаю, на семь частей, съ лѣвыми и правыми крыльями, главными корпусами и резервами....

Передъ началомъ боя, неизмѣнный Миръ-Сандъ-Берке произнесъ пламенную молитву и, въ виду всей арміи, бросилъ въ сторону непріятеля горсть черной земли. То было пожеланіемъ, чтобы лица враговъ уподобились этому праху. Загремѣли многочисленные трубы и—тучи стрѣлъ понеслись въ воздухѣ....

Тимуръ скрылъ передъ своими приближенными—и только признался уже въ автобіографіи—что онъ успѣлъ подкупить знаменосца противной стороны, который обязался за хорошую плату опустить въ самый разгаръ битвы знамя на землю.

Битву открыли Хаджи-Сайфутдинъ и Миранъ-Шахъ. Бѣшеная атака ихъ ручнымъ оружіемъ смяла одно изъ непріятельскихъ крыльевъ и внесла въ самую сердцевину непріятельской арміи большую смуту. Въ этотъ моментъ знамя Тохтамыша склонилось и—исчезло. Сила была сломана. Правда, сраженіе еще долго дли-

ДВѢ ВОЛНЫ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ТОРЖЕСТВО ТИМУРЪ-ЛЕНГА НА БЕРЕГУ ВОЛГИ.

лось и даже перешло въ отдѣльныхъ пунктахъ на другіе и третьи сутки, но то уже была агонія—безъ знамени, безъ начальства и безъ хана.

Тохтамышъ бѣжалъ!

Побѣдители преслѣдовали его до р. Волги, которая и поглотила многія тысячи обезумѣвшихъ отъ страха всадниковъ. Все громадное поле битвы было усыяно трупами. Побѣдители встали на ихъ костяхъ и собрали трофеи своихъ подвиговъ. Они состояли изъ огромнаго количества плѣнныхъ, въ томъ числѣ и семействъ золотоордынцевъ, коней, оружія, кибитокъ, запасовъ продовольствія и ханской казны....

По этому поводу Тимуръ велѣлъ устроить праздникъ побѣды. Праздникъ длился двадцать шесть сутокъ. Ликованій лагерь, занявъ возвышенный берегъ р. Волги съ необъятнымъ горизонтомъ, имѣлъ въ поперечникѣ болѣе трехъ форсанговъ, при чемъ вся эта площадь была обведена богатыми тканями. Возвышенную точку лагеря занимала урда, покрытая парчею и украшенная бунчуками разбитаго врага. Гаремъ побѣдителя былъ временно пополненъ женами и рабынями побѣжденнаго. Всѣ онѣ были, разумѣется, представительницами красоты своихъ земель и своего времени.

Смѣшно было багадурамъ принимать изъ ихъ нѣжныхъ рукъ пиришественныя чаши. Среднеазиатскіе Олоферны, украшенные рубцами и вообще признаками боевой тревожной жизни, паводили страхъ даже на золотоордынскихъ дамъ. Впрочемъ, Тимуръ и передъ чашею пиришества былъ серьезенъ, какъ вылитый изъ бронзы богъ войны. Пять тысячъ красивѣйшихъ юношей были выбраны изъ толпы на роли пажей. Всѣхъ ихъ одѣли въ богатые платья изъ трофеевъ побѣдителя. Музыканты и пѣвцы славили любовь и побѣды. Пиръ длился, не прерываясь. Тысячи бочекъ со смолою, разгоняя гигантскими огнями мракъ ночи, представляли фантастически роскошную панораму. На горизонтѣ пылали лѣса. Вопреки обычаю, Тимуръ допустилъ вино. Вообще, передъ суровыми багадурами находились теперь всѣ три предмета, изгоняющіе заботу изъ сердца человѣка: тихо катящаяся вода, изумрудная трава и прекрасныя лица женщинъ!

Въ программу праздника вошло данное въ первый разъ на рус. землѣ драматическое представленіе: «Побѣда надъ Кипча-

комъ».—Оно было разыграно войсками Тимура съ музыкой, хорами и повтореніемъ только что выигранныхъ битвъ.

Наконецъ, скрывшійся Тохтамышъ взмолился о пощадѣ съ клятвеннымъ обѣщаніемъ предать себя всеѣмъ мукамъ ада, если онъ еще разъ разбудитъ чудовище раздора. Тимуръ имѣлъ неосторожность принять его клятвенное обѣщаніе о вѣчномъ мирѣ и распорядился прекратить праздникъ и — возвратитъ орду свободу.

Походъ этотъ длился одиннадцать мѣсяцевъ.

Зиму Тимуръ провелъ въ Самаркандѣ, а весною возобновилъ походъ противъ обоихъ Ираковъ и ихъ вассаловъ. Тамоншее населеніе постоянно возставало противъ его намѣстниковъ, которые впрочемъ не отличались выдающимися способностями правителей. Одинъ изъ этихъ правителей — сынъ Тимура — имѣвшій на правахъ леннаго владѣтеля, оттискъ его руки, не нашелъ ничего болѣе достойнымъ своего имени, какъ заняться разрушеніемъ величественныхъ зданій намѣстничества.—«Ничего подобнаго я не создамъ, поэтому, чтобы прославиться, я разрушу созданное другими!»—Наконецъ, его манія дошла до такихъ предѣловъ, что одна изъ его женъ донесла Тимуру о душевномъ поврежденіи его сына. Намѣстникъ былъ отозванъ.

Вообще, какъ Персія, такъ и другимъ побѣжденнымъ странамъ, не за что было благодарить Тимура. Одинъ Мавераннагръ съ Самаркандомъ и Кешемъ возсылали за него искренно теплыя молитвы, такъ какъ сюда стекались все богатства покоренныхъ странъ. Послѣднія обязаны были только платить дани и славословить побѣдителя. Въ вознагражденіе за эти знаки подданничества, онѣ получали охранные гарнизоны, баскаковъ, численниковъ, таможниковъ и цѣлую іерархію фискаловъ и корреспондентовъ.

Обративъ на этотъ разъ въ вассальныя земли—Лористанъ, Хузистанъ и Фарсъ, Тимуръ вышелъ за волшебною долиною Шабеванъ, считавшеюся четвертымъ земнымъ раемъ, на встрѣчу Шахъ-Мансуру, неизвѣдавшему еще силы ударовъ его багадуровъ. Въ пылу сраженія, семнадцатилѣтній сынъ Тимура Шахъ-Рохъ-Мирза лично отрубилъ голову Шахъ-Мансуру и бросилъ ее передъ отцомъ съ привѣтствіемъ: — «Пусть головы всеѣхъ твоихъ враговъ покатыя такъ, какъ эта—подъ копыта твоей лошади!»—Входя послѣ этого эпизода побѣдителемъ въ Ширазъ, Тимуръ распоря-

дился запереть восемь городских воротъ и оставить только девятая открытыми для прохода его войскъ. Ширазцамъ пришлось выкупать свою жизнь всѣмъ своимъ достояніемъ. Лучшіе люди—ученые и художники—были и отсюда отправлены по обычаю въ Мавераннагръ.

Оставивъ югъ въ своемъ ленномъ владѣніи, Тимуръ двинулся на Багдадъ, которому книга очевидности предопредѣлила многократныя разоренія. Разсчитывая на прославленную любовь Тимура къ наукѣ и ея служителямъ, султанъ Багдада Ахметъ-Джелаиръ выслалъ для переговоровъ своего знаменитаго ученаго муфтія Нуреддина Исфарши, который и представилъ высокому гостю, кромѣ увѣреній въ дружбѣ, девять почтительныхъ даровъ — изъ арабскихъ лошадей съ золотыми сѣдлами, леопардовъ и другихъ интересныхъ предметовъ. Тимуръ очень обрадовался свиданію съ знаменитымъ ученымъ мужемъ, но нашелъ, что его полномочія не достаточно полны, поэтому, не теряя времени, онъ погнался за Джелаиромъ. Напрасно султанъ сломалъ за собою мостъ на р. Тигрѣ. Не спасло его и то, что онъ разбрасывалъ въ послѣднемъ бѣгствѣ по частямъ свой гаремъ, онъ былъ настигнутъ на р. Евфратѣ и разбитъ на голову. Величественный Багдадъ сдался безъ боя. Кромѣ тяжелой контрибуціи, онъ заплатился своими художественными произведеніями и учеными людьми, отправленными, какъ и всегда, въ Самаркандъ.

О каждой крупной побѣдѣ Тимуръ оповѣщалъ ближайшихъ властелиновъ съ напомниманіемъ, что провидѣніе послало его на землю возстановить царство Чингисъ-хана. Такъ онъ оповѣстилъ о новомъ покореніи обоихъ Ираковъ царя Египта и Сиріи, съ предложеніемъ ему дружбы и торговаго договора. Можно однако думать, что подобныя извѣщенія не всѣмъ были пріятны, потому что онѣ служили предвѣщеніемъ о дальнѣйшихъ не всегда миролюбивыхъ сношеніяхъ.

Нѣкоторыя крѣпости Месопотаміи выказали было сопротивленіе Тимуру, но его желѣзная настойчивость преодолѣвала всѣ препятствія. Вскорѣ ему сдалась неприступная Эдесса, построенная Нимвродомъ-Звѣроловомъ. Потомъ онъ взглянулъ и на то мѣсто, гдѣ была нѣкогда огненная печь Авраама. Его видѣли колѣнопреклоненнымъ у гробницы пророка Іоны, надъ которою устроили, по его приказу, богатый мавзолей....

Побѣдоносное шествіе его по южнымъ странамъ продолжа-

лось въ теченіе трехъ лѣтъ и завершилось новымъ посѣщеніемъ Грузіи и Арменіи. Здѣсь онъ также каралъ, миловалъ или дарилъ жемчужныя короны и дипломы съ красными оттисками своей руки. За это время умеръ его сынъ Омаръ-Шейхъ и родился извѣстный въ исторіи и особенно въ астрономіи—внукъ Улугъ-Бегъ, подарившій міру астрономическія таблицы.

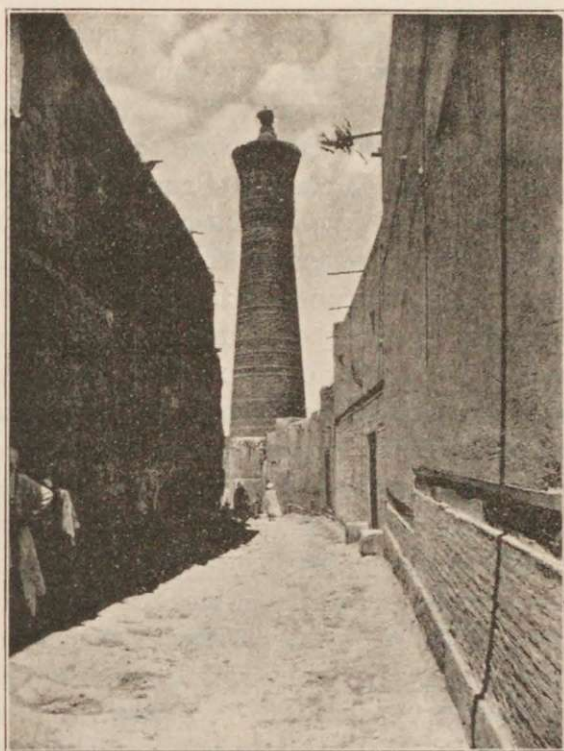
На альпахъ Кавказа онъ далъ праздникъ войскамъ и покореннымъ народамъ. Есть основаніе утверждать, что тронъ, на которомъ онъ принималъ владѣтельныхъ данниковъ, былъ поставленъ, для усиленія эффекта, у подошвы Казбека, потрясавшаго своими сѣдыми кудрями при восторженномъ «сюрюнь!» Тимуръ сидѣлъ въ коронѣ и съ скипетромъ въ рукахъ....

Еще идя въ Грузію, онъ получилъ отъ корреспондентовъ, находившихся въ З. ордѣ, извѣстіе, что Тохтамышъ снова собирается войною на Мавераннагръ; извѣстіе это подтвердили и изъ Ширвана, куда пришли безъ всякаго повода аглены съ войсками.—«Тохтамышъ хочетъ оправдать нашу поговорку: положи волченка въ шапку, а онъ все-таки не будетъ твоимъ товарищемъ!»—замѣтилъ Тимуръ, отдавая приближеннымъ приказаніе изготovitъ къ войнѣ.

Что же побудило Тохтамыша выступить вновь противъ Тимура? Замѣчательно, что, благодаря неумолимому предопредѣленію, мусульманскія страны скоро забываютъ наносимыя имъ пораженія. Объятыя на первое время ужасомъ, онѣ быстро переходятъ къ жаждѣ мщенія и къ желанію возвратить потерянное добро. Проигранное на р. Ахтубѣ дѣло требовало кроваваго возмездія. При томъ же, лично Тохтамышъ не жалѣлъ себя въ битвахъ и даже на р. Ахтубѣ прорвалъ было, съ одною своею охранною стражею, фронтъ тимуридовъ. Общественное мнѣніе орды винило тогда въ проигрышъ исключительно агленовъ и войска, такъ что агленамъ пришлось повиниться и принести клятву, что въ другой разъ они не оставятъ хана безъ помощи и заглаждать свою вину.

На помощь З. ордѣ явились между прочимъ и перебѣжчики изъ Мавераннагра. Тамъ набралось не мало обиденныхъ почестями и обиженныхъ дарами людей и бѣлой и черной кости, при чемъ этотъ контингентъ эмигрантовъ усилился и преступниками, которымъ мозолили глаза постоянно работавшія висѣлицы и башни правосудія, хорошо исполняющія свое назначеніе въ ср. Азіи и въ концѣ XIX-го вѣка.

Вліяніє мавереннагрських бѣглецовъ на золотоордынцевъ имѣло значительныя послѣдствія: они знали всѣ сокровенныя тайны своей страны и не затруднились обнаружить всѣ ея уязвимыя стороны.

Башня для сбрасыванія на землю осужденныхъ на смерть.
(въ Бухарѣ).

Тохтамышъ, твердившій, что аглены должны смыть лежавшій на нихъ позоръ, обратился въ идола эмигрантовъ, распускавшихъ слухи, что ихъ бывший повелитель—тиранъ и похититель достояній—только и ждетъ случая нанести вторичный и уже послѣдній ударъ всей З. орды. Тохтамышъ выказалъ при этихъ обстоятельствахъ необыкновенную быстроту: въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ собралъ армію въ восемьсотъ тысячъ человѣкъ, которую и рѣшилъ ввести въ бой одною плотною массою, не раздробляя силъ, какъ въ прошлый разъ, между Мавераннагромъ и Дагестаномъ.

Войска Тимура были въ эту пору разбросаны на громадной площади, отъ пустыни Гоби до Инда, съ одной стороны, и до Чернаго моря, съ другой. Но, проводя время въ Иракахъ, Грузіи и

Арменій и зная нравы соплеменниковъ, онъ былъ убѣжденъ, что Тохтамышъ попытается выказать еще разъ черную неблагодарность. Старые, испытанные бойцы были у него подъ рукою, а сыновья принялись ретиво формировать новые полки: Мирантъ-шахъ въ Иранистанѣ, а Пиръ-Магомедъ въ Кабулистанѣ. Кромѣ того, всѣ курды и черкесы предложили ему свои услуги....

Тохтамышъ, создавъ громадную армію, не сумѣлъ выработать хорошій планъ дѣйствій. Онъ долго колебался между нападеніемъ на Мавераннагръ или на Дагестанъ. Нападеніе на Мавераннагръ обѣщало ему вѣрную побѣду, но прежде чѣмъ она далась-бы въ руки, Тимуръ уже хозяйничалъ бы въ Сараѣ. Сознавая всѣ выгоды своего стратегическаго положенія, Тимуръ какъ-бы подсмѣивался надъ неопытнымъ противникомъ: не трогаясь изъ лагеря онъ давалъ пиры, разсуждалъ о своихъ будущихъ завоеваніяхъ и забавлялся дипломатическими переговорами. Выигрывая послѣдними время, онъ поручалъ своему послу переходить отъ уступчивости и миролюбія къ дипломатическому задору, пока гонцы не принесли ему извѣстіе, что всѣ его отряды стянуты и готовы къ бою.

При встрѣчѣ противниковъ на берегу р. Терека, золотоордынскіе аглены поняли, что недостаточно одной доброй воли и хорошей клятвы, чтобы побѣдить сильнаго врага. Осмотрѣвъ лично свою армію, Тимуръ убѣдился въ томъ, что каждый его рядовой принесъ съ собою семь оружій: мечъ, пику, лукъ, стрѣлы, панцырь, батикъ и лассо—для поимки живыхъ враговъ.

Подробности происшедшаго боя интересны только для специалистовъ, но результатъ его очень важенъ для Россіи и, пожалуй для всего просвѣщеннаго міра. Тимуръ, во главѣ двадцати семи ротъ—«кушунувъ», открылъ битву, заглушившую однимъ лязгомъ оружія вѣчный ропотъ р. Терека, заалѣвшаго кровью кинчаковъ....

Не много золотоордынцевъ вернулось въ Сарай, которому пришлось увидѣть вскорѣ незваныхъ гостей. Тохтамышъ бѣжалъ въ Литву. Остатки его войскъ разсѣялись по степямъ, такъ что и самая погоня за ними была-бы безцѣльною.

Пройдя земли З. орды, Тимуръ двинулся на Русь, какъ на данницу покореннаго имъ улуса. Разумѣется в. княжество Московское манило его къ себѣ главенствомъ надъ прочими рус. областями и богатствомъ, сильно преувеличеннымъ въ описаніяхъ корреспондентовъ.

В. кн. Василій Дмитріевичъ, получивъ безъ труда ярлыкъ

на в. к., открылъ собою эру наслѣдственности и, продолжая платить дань Ордѣ, — всего пять тысячъ рублей, — старался то бракомъ съ литовскою княжною, то казнями новгородцевъ и грамотами митрополита, укрѣпить за Москвою в. кн. столъ. Тохтамышъ, поглощенный заботами о своемъ положеніи, не видѣлъ, куда стремится его вассаль и поэтому не стѣснился даже подарить ему отъ себя Нижній-Новгородъ и Суздаль.

Суздальскіе кн. долго потомъ плакались объ утратѣ своей самостоятельности, по крайней мѣрѣ Симеонъ Димитріевичъ, растерявъ семейство и казну, постоянно печаловался на длинныя московскія руки: — «Многіе годы претерпѣвый, въ ордѣ и на Руси тружавыйся.... восемь лѣтъ служивый порядку въ ордѣ.... а все то на Московскаго.... и не обрѣтя покоя ногама своими, не успѣ ничто-же!»....

Однако, чтобы подчинить себѣ Новгородъ, в. кн. пришлось побывать во второй разъ въ ордѣ и встрѣтить у Тохтамыша тотъ-же радушный пріемъ. Но и ханская грамота на подчиненіе ему Новгорода — не убѣдила новгородцевъ въ томъ, что они должны представить ему черный боръ и явиться къ митрополиту на поклонъ. Въ послѣднемъ послушаніи новгородцевъ поддерживалъ составленный ими приговоръ, чтобы не зависѣть имъ отъ суда митрополитовъ. — «Господине!» отвѣчали они на предложеніе митрополита относиться къ нему въ судныхъ дѣлахъ. — «Мы есмь крестъ цѣловали и грамоту списали промежи себя крестную, что къ митрополиту не зватися». Но митрополитъ отвѣчалъ имъ просто: — «Дайте мнѣ грамоту, язъ печать урву, а цѣлованіе съ васъ снимаю, а мнѣ судъ дайте, какъ доселѣ при иныхъ митрополитѣхъ было». — Новгородцы не согласились, послѣ чего вступили къ нимъ московскія дружины и быстро подвели ихъ подъ высокую руку в. кн. Замутился было и Торжокъ, но когда на московскихъ площадяхъ заалѣла кровь его гражданъ, у которыхъ ампутировали по порядку — руки, ноги и головы, то спокойствіе было восстановлено, при чемъ московскіе бояре пользовались и дарами, служившими залогомъ мира, любви и согласія.

Событія эти были домашнимъ дѣломъ рус. князей Орда не вмѣшивалась въ нихъ. Москва-же, крѣпко занятая поглощеніемъ сосѣднихъ княжествъ и уничтоженіемъ крупныхъ домашнихъ недруговъ, не давала себѣ труда справляться, что дѣлается за предѣлами ея вождѣленій. Неудивительно, поэтому, что лѣтописецъ от-

несся къ вѣсти о готовившемся нашествіи Тимура, какъ о появленіи чуть не библейскаго звѣря:—«Пріиде нѣкій безбожный царь, именемъ Темиръ-Аксакъ, съ восточныя страны, отъ Синяа орды, отъ Шамахѣйска земли, и велику брань створи и многъ мятежъ въздвиже въ Ордѣ и на Руси приходомъ своимъ».—Изумленный лѣтописецъ не поспешилъ на эпитеты Тимуру, котораго онъ, считая «хищникомъ, ябедникомъ и грабежникомъ», называть по ремеслу кузнецомъ, сковавшимъ себѣ ногу, послѣ перелома ее во время кражи. Темиръ, по свѣдѣніямъ того-же лѣтописца, толмачилъ половецкимъ языкомъ и къ нему, какъ къ лютому разбойнику, приложились «юноши немилостивые, мужи соровіи и вси зліи челоѣци».... Вообще все лѣтописцы согласно обвиняли Тимура въ намѣреніи: «христіанъ томити, гонити и мучити, нещи и жеци и мечи сѣци».—Названія его Іуліаномъ, Діоклитіаномъ, Максимиліаномъ, Декиемъ и Ликиніемъ—были только слабыми выразителями гнѣва Москвы на нежданнаго посѣтителя.

Разгромивъ «кочевнище» Тохтамыша и отдохнувъ на берегахъ рр. Дона и Волги, Тимуръ направился къ Москвѣ. Рязанскому кн. опять пришлось принять недобраго гостя. Прежде всего поплатился Елецъ, въ которомъ однако едва-ли залеживались большіе капиталы, такъ какъ онъ долго плакался потомъ объ ограбленныхъ у него полотнахъ.

Москва не умѣла обороняться. Она и теперь, когда чуть не у ея воротъ стоялъ уже «нежалостливый, зѣло немилостивый и лютый мучитель», засуетилась и опять познала, что надежда на ея защитниковъ крайне слаба. Митрополитъ открылъ церкви для неустаннаго общаго моленія, а совѣтъ собравшихся кн., возложивъ упованіе на помощь свыше, озаботился принести изъ Владиміра чудотворную икону Божіей Матери. Москва, чувствующая уже татарскій арканъ на своей шеѣ, взмолилась всенародно: митрополитъ и княгини, всякъ возраста и полъ, непрестанно возсылали мольбу къ небу объ избавленіи отъ напрасныя смерти.

Если вспомнить, что Тимуръ шелъ изъ Мавераннагра первоначально голодными, песчаными степями, а потомъ черезъ уходившій въ небо каменный поясъ и, наконецъ, по трупамъ золотоордынцевъ, то легко предположить, что и закаленный духъ его багадуровъ пріутомился, а кони ихъ прямо таки обезножили. Къ тому-же, они вошли въ болотистыя и лѣсистыя мѣста, гдѣ росли слишкомъ сочныя и жирныя травы, въ сравненіи съ привычнымъ

имъ степнымъ кормомъ. Открылись болѣзни. Осень наступила дождливая, холодная, а сопутствовавшіе арміи ученые и корреспонденты докладывали, что съвернѣе пойдетъ уже одна безпроглядная ночь. Снѣга угрожали въ будущемъ безкормицею.

Не рискуя встрѣтиться съ рус. зимою, Тимуръ повернулъ свои утомленные тумени обратно на югъ. Разумѣется, внезапную рѣшимость его оставить Москву и Русь безъ погрома, народная молва отнесла къ чудеснымъ явленіямъ: одни связали это рѣшеніе грознаго врага съ помощью, оказанною чудотворною иконою, другіе объяснили вѣщимъ сномъ, побудившимъ его возвратиться въ свой улусъ. Во снѣ онъ увидѣлъ-де высокую гору, съ которой сходили святители съ жезлами въ рукахъ, а надъ ними витала Жена въ багряныхъ ризахъ, окруженная свѣтлыми воинами, грозившими лютоту мучителю огненными мечами.

На возвратномъ пути онъ остановился на берегахъ р. Дона, возлѣ Азова, гдѣ приволье пастбищъ всегда ласкало монгольскаго коня. Торговый Азовъ вышелъ съ привѣтствіемъ и съ просьбой не вѣять на него вѣтромъ разрушенія. Представители Венеціи, Генуи, Египта и Испаніи, всегда пребывавшіе въ этомъ международномъ портѣ, вышли съ дарами, которые онъ принялъ благосклонно и объявилъ, что возьметъ изъ городскихъ запасовъ только хлѣбъ и фуражъ, такъ какъ въ товарахъ и деньгахъ онъ не нуждается.

Можетъ быть и въ дѣйствительности было таково намѣреніе Тимура, но исполнители его воли пожелали исправить ошибку своего повелителя. Не довольствуясь ячменемъ и мукою, они приписали къ казнѣ его и парчу золотокованную, и пояса съ ладами и всѣ монеты, какія нашлись въ купеческихъ карманахъ. Азовцы вздумали протестовать. Тогда разразился надъ ними, какъ-то, самъ собою, вѣтеръ разрушенія. То было уже проявленіе разнузданности въ войскахъ Тимура. Той же участи подверглась вскорѣ и Астрахань, огорожившаяся было стѣнами изъ выпавшаго въ обиліи снѣга.

По уходѣ Тимура на золотоордынскомъ тронѣ оказалось три хана:—Тохтамышъ, бѣжавшій къ Витовту Литовскому, Койричакъ-Агленъ, сынъ Урусъ-хана и Темиръ-Кутлуй, темникъ, неожиданно предъявившій свое право на престолъ во имя того, что Батый былъ его предкомъ.

Темиръ-Кутлуй былъ выходцемъ 3. орды, служившимъ въ

войскахъ Тимура. Теперь, когда Сарай потерпѣлъ крушеніе, ему представился удобный случай объявить себя претендентомъ на престолъ. Койричакъ принужденъ былъ посторониться передъ потомкомъ Батыя. Орда, жившая воспоминаніями о своемъ в. основателѣ, согласилась признать ханомъ Кутлуя.

Кутлуй потребовалъ у Витовта выдачи Тохтамыша.—«Измѣничива жизнь наша»—писалъ онъ Витовту въ нѣсколько философскомъ тонѣ—«нынѣ я ханъ, а завтра—бѣглець, нынѣ богатъ, а завтра—нищій, нынѣ много друзей, а завтра столько же враговъ. Ханъ Тохтамышъ чужой намъ обонимъ человекъ и мой злой врагъ. Выдай мнѣ его, а что около его ни есть, а то тобѣ». Витовтъ—разумѣется не изъ любви къ Тохтамышу—отвѣтилъ отказомъ,—«Язъ царя Тохтамыша не выдамъ, а съ царемъ Темиръ-Кутлуемъ хочу ся видѣти».—Честолюбіе давно уже грызло литовскую душу Витовта и ему очень хотѣлось посидѣть на московскомъ столѣ. Помощь орды въ такомъ предпріятіи была болѣе нежели желательна.—«Пойдемъ и побѣдимъ царя Кутлуя», обратился Витовтъ къ своимъ литовцамъ, «вземъ царство его, посадимъ на него царя Тохтамыша».—«Азъ ты посяжю въ ордѣ на царство», обратился онъ къ Тохтамышу съ уговоромъ,—«ты меня посади на Москвѣ, на великомъ княженіи, на всей русской землѣ».

Витовтъ Кестутовичъ сварядился довольно основательно. Къ нему подошли до пятидесяти князей. Литвѣ, нѣмцамъ, ляхамъ, татарамъ, волохамъ, подолыанамъ—всѣмъ хотѣлось покорыстоваться на счетъ золотоордынцевъ и на счетъ крупницъ, которыя должны были упасть со стола в. княжества.

Встрѣча Витовта съ Темиръ-Кутлуемъ произошла на р. Ворсклѣ. Но, не доходя до битвы, соперники вошли въ мирные переговоры. Ордынецъ хитрилъ. Въ ожиданіи помощи, которую велъ уже къ нему давнишній его помощникъ Едигей, онъ прикармливалъ пословъ Витовта, обѣщалъ признавать его чуть не отцомъ и даже соглашался, чтобы на ордынскихъ монетахъ выбивалось имя литовскаго кн. какъ сюзерена орды.

Но съ приходомъ Едигея картина перемѣнилась: послы Витовта возвратились въ свой станъ съ предупрежденіемъ о готовившейся битвѣ. На этотъ разъ лѣтописецъ замѣтилъ съ большимъ удовольствіемъ, что «поможе Богъ татарамъ». Ударъ Темиръ-Кутлуя въ тылъ литовцамъ сломилъ ихъ силы; бой длился до глубокой ночи и окончился бѣгствомъ Витовта и Тохтамыша.

На полѣ битвы легли семьдесятъ четыре именитыхъ князей—Полоцкій, Брянскій, Кіевскій, Смоленскій, Рылскій, Бѣльскій—и множество бояръ и воеводъ. Погибли двѣ трети ихъ армій.

Погнавшись за остатками литовцевъ, Темиръ-Кутлуй побывалъ въ Кіевѣ, который и представилъ ему контрибуцію въ три тысячи литовскихъ рублей, не считая тридцати рублей окупы, взятого съ Печерскаго монастыря.

Москва не знала, радоваться ей или печалиться литовскому избіенію, но что касается до Твери, то ея молодой кн. «узнавъ о торжествѣ хана» и несчастьи своего шурина, отправился въ орду за ярлыкомъ на Тверское княженіе.

Изгнанный изъ орды Тохтамышъ пытался было вступить въ новую борьбу за утраченный тронъ, но эта попытка была уже послѣднею въ его жизни. Онъ былъ захваченъ Едигеемъ на р. Иртышѣ и умерщвленъ вблизи нынѣшней Тюмени. Такъ окончилъ жизнь ордынецъ, который, въ эпоху своего цвѣтущаго положенія, владѣлъ громадными пространствами; монету съ его именемъ били въ семнадцать городахъ—и въ числѣ ихъ—въ нынѣшнихъ Царевѣ, Астрахани, Азовѣ, въ Крыму, за Ураломъ, въ Хорезмѣ, Дербентѣ, Шемахѣ и Баку.

Еще при жизни Тохтамыша, Едигей, прибравшій орду въ руки, возвелъ на ея престолъ Чадибека, но послѣдній чувствовалъ на столько свое безсиліе, что оставлялъ нѣсколько лѣтъ въ покоѣ рус. кн., пока наконецъ рѣшился послать своего казначея за данью. Въмѣсто дани, казначей привезъ только дружескій подарокъ, да извѣщеніе, нѣсколько насмѣшливаго характера, что Русь оскудѣла серебромъ. При этомъ в. кн. Василій Димитріевичъ отказался даже побывать въ ордѣ—за недосугомъ.

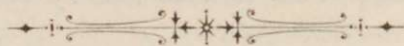
Въ борьбѣ съ З. ордою, Тимуръ какъ-бы утратилъ нить своей политической дальнорзости. Ему обязательно было сломить Тохтамыша, иначе послѣдній обратилъ-бы его владѣнія въ улусъ своей орды. Но, преодолевъ соперника, онъ воспользовался нерасчетливо плодами побѣды и въ конечномъ результатѣ, привелъ татаро-монгольскій элементъ, такъ зорко сторожившій Европу, къ разложенію и самоистребленію.

Послѣ изгнанія и убійства Тохтамыша, З. орда видѣла еще на своемъ серебряномъ престолѣ пятнадцать хановъ и, въ числѣ ихъ, четырехъ сыновей Тохтамыша, но ни одному изъ нихъ не суждено было возстановить силу и блескъ престола. Между ними

не выискивалось ни Батыя, ни Узбека. Смѣняя быстро одинъ другого и, не стѣняясь при томъ никакими путями и средствами, они не посмѣли воспрепятствовать выдѣленію изъ ихъ владѣній самостоятельныхъ ханствъ и улусовъ и довели наконецъ орду до расчлененія и распаденія.

Музыкантъ и сказатель былинъ.
(изъ монгольской жизни).

XL.

ВОЙНА ТИМУРЪ-ЛЕНГА ВО ИМЯ ИСЛАМА.

(1398 г.).

акъ и почему случилось, что Тимуръ не занялъ лично золотоордынской тронъ и не объявилъ Русь своей данницей? Вопросы эти такъ исторически законны, что нельзя разсчитаться съ ними простымъ способомъ умолчанія.

Изгнавъ Тохтамыша, словивъ упорство агленовъ и овладѣвъ Сараемъ, онъ могъ безъ труда сплотить свои тумени съ золотоордынцами и образовать изъ нихъ непреодолимую армію. Тѣни Батыя и Узбека взглянули - бы съ величайшею радостью на миллионъ вооруженныхъ тюрко-монголовъ, способныхъ раздробить копытами своихъ коней всю Европу. Къ счастью, гроза эта миновала и даже, уходя въ про-

странство, прорѣдила за собою тяжело нависшія надъ христіанствомъ тучи.

Русь не понравилась Тимуру.

Перейдя за р. Волгу, онъ не встрѣтилъ ни одной степи, которая могла бы прокормить конницу въ нѣсколько сотенъ тысячъ головъ. Здѣсь, зимою, когда по словамъ развѣдчиковъ, должны были проявиться неизбежно снѣжные сугробы выше конского хребта, онъ встрѣтился бы съ голодомъ и засадами. Послѣднихъ онъ могъ ожидать изъ каждаго мрачнаго чернолѣся и за каждымъ подозрительнымъ торфянымъ болотомъ.

Кромѣ того, его смутило и упорство рус. населенія: повсюду—въ Иранистанѣ, Кабулистанѣ, въ Грузіи и Арменіи—послѣ погрома одного города или одной крѣпости, его встрѣчали уже на колѣняхъ цѣлыя страны и племена. На Руси-же оказались совсѣмъ иные обычаи: города защищались рѣдко, а сельское населеніе бѣжало въ лѣса, такъ что не надъ кѣмъ было и показать силу багатуровъ.

Въ смыслѣ добычи и корысти Русь того времени не представляла челоуку, разорившему Багдадъ, Тавризъ и Испагань, ничего привлекательнаго. Съ одной стороны, суровая природа съ ея хвойными лѣсами и безбрежными болотами, лишала монгольскаго коня корма и раздолья, а съ другой и самая обстановка жителей представлялась довольно мизерною. Страна могла дать завоевателю горы громоздкой, но мало цѣнной добычи. Безпрерывные раздоры кн., охотно топтавшихъ своими дружинами нивы противной стороны, крайне угнетали экономическій бытъ не однихъ городовъ, но и черныхъ людей. Если у кого изъ нихъ и заводился алтынъ, то ему мѣсто было подъ корнями стародавней сосны или въ подпольѣ, но не въ поясѣ или въ карманѣ челоука. Въ карманъ такъ часто заглядывали тогда и свои и чужіе охотники до легкой наживы! По неволѣ, приходилось держать на виду одни потеряныя шубейки, лыковую обувь, да коробки для сбора грибовъ и лѣсной ягоды, а скотинку, и особенно лошадей—припрятывать въ ямы и буераки, съ ходами по заболотьямъ или черезъ лѣсную чащу.

Правда, на Руси не трудно было добывать толпы плѣнниковъ, но этими мѣновыми знаками ордынцы разбогатѣли уже на столько, что въ голодную пору расчетливѣе было прирѣзать плѣнника, нежели кормить его, хотя бы кашею изъ просяной шелухи. Спросъ на рабовъ изъ-за Чернаго и Каспійскаго морей затихалъ иногда на цѣлые десятки лѣтъ, особенно послѣ тамошнихъ междоусобицъ, когда сунниты пополняли свою каторгу шіитами.

Вообще, пройдя часть рус. областей, Тимуръ увидѣлъ, что ему нечѣмъ будетъ расплатиться съ своими войсками. Ограбленные, правда, увѣряли, что обозы этого агарянина тяготились рус. добромъ, но такъ какъ слышался при этомъ плачь и о кускахъ полотна, доставшагося завоевателю, то можно думать, что въ его обозѣ было достаточно кадей съ медомъ, связокъ съ бѣличьими шугаями, но камней самоцвѣтныхъ или жемчуга было немного. Даже въ церквахъ не имѣлось тогда драгоценныхъ украшеній: ризы священнослужителей готовились изъ крапешины, а причастныя чаши изъ липоваго дерева. Въ монастыряхъ встрѣчалась еще цѣнная утварь, но рѣдкій изъ нихъ не былъ уже ограбленъ Батыемъ, Мамаемъ или Тохтамышемъ и ихъ темниками.

Къ тому же, развѣдчики сообщали, что далѣе, на сѣверъ, лежитъ страна съ необыкновенно длинными ночами и непрерывнымъ холодомъ. Въ такой странѣ войска, собранныя въ Мавераннахрѣ, Хорасанѣ, Иранистанѣ или Гюржистанѣ изъ народовъ, привыкшихъ къ голубому небу—могли только хворать и гибнуть, не принося исламу ни малѣйшей радости.

Наконецъ и вся совокупность этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ не остановила бы Тимура зачислить Русь въ число своихъ данницъ, если бы онъ могъ выбрать изъ сыновей благонадежныхъ намѣстниковъ. Но увы, отличаясь храбростью, они не обладали государственными способностями. Миранъ-Шихъ натворилъ не мало бѣдъ въ короткое управленіе Ираками. Омаръ-Шейхъ и Пиръ-Магомедъ превосходно рубили головы врагамъ, но можно ли одною этою способностью управлять государствомъ, которое и само растопало еще такъ недавно арміи Мамаю? Отдать - же Русь намѣстникамъ изъ постороннихъ людей не значило - ли нажить втораго Тохтамыша?

Далеко не такія мрачныя вѣсти шли изъ дальняго юга. По сказаніямъ ученыхъ людей и особенно по наблюденіямъ шіоновъ, азіатскій югъ представлялся такимъ богачемъ, который могъ насытить самый алчный аппетитъ. Еще ханы изъ чингисидовъ получали оттуда цѣлые караваны съ благовоніями, пряностями и жемчугомъ. Тамъ каждому покойнику, хотя бы парю, клали въ ротъ—такъ говорили развѣдчики—по жемчужинѣ необыкновенной величины. Тамъ крыши королевскихъ дворцовъ покрывали золотыми дощечками. Тамъ каждый нищій утолялъ жажду молокомъ кокосоваго орѣха. Острова-же Индіи изобиловали драгоценными камнями

такой необыкновенной красоты и цѣны, что одинъ изъ чингисидовъ расплатился за рубинъ цѣлою провинціею.

Наконецъ, тамъ, на одномъ изъ острововъ, хранились мощи прародителя человѣчества Адама. В. ханъ Кубилай получилъ даже оттуда два коренныхъ зуба и нѣсколько волосъ прародителя и кружку, служившую ему при жизни.

Не могли не заинтересовать Тимура и рассказы объ обезьянахъ, совершенно похожихъ на людей, о соколахъ необыкновенной величины и о птицѣ Рухъ на столько сильной, что она поднимала слона на воздухъ. Одно перо этого гиганта равнялось двумъ взрослымъ пальмамъ.

И въ такой благодатной странѣ люди кланялись идоламъ, коровамъ и цаплямъ! Даже болѣе того: на дальнихъ островахъ люди питались человѣческимъ мясомъ, а въ жертву богамъ приносили красивыхъ дѣвушекъ. Можно было думать, что именно населеніе этой страны и было указано Пророку въ той пѣснѣ Корана, которая повелѣваетъ вести войну съ «небрежными и беззаконными».

Въ средѣ своихъ приближенныхъ эмировъ и багадуровъ Тимуръ не разъ признавался, что походъ въ Индію составляетъ его душевную потребность. Признанный всѣмъ мусульманскимъ духовенствомъ за перваго воина Пророка, онъ не долженъ былъ терпѣть существованіе на землѣ людей, поклонявшихся множеству боговъ, богинь и неразумнымъ тварямъ. Онъ могъ бы еще помириться съ поклоненіемъ Брамѣ, Вишну и Сивѣ—создателю, охранителю и разрушителю міровъ, но поклоненіе обезьянамъ или змѣямъ требовало отъ него войны и истребленія язычниковъ. Особенно его интересовала р. Гангъ, на берегахъ которой побывалъ в. Чингисъ-ханъ. Объ этой р. было извѣстно, что она изливается изъ пасти коровы и служитъ тремъ мірамъ: небу, землѣ и преисподней. Люди той земли считали величайшимъ счастьемъ утонуть въ ней, а въ крайнемъ случаѣ, завѣщали бросить въ ея волны пепелъ по сожженіи ихъ труповъ. Чтобы пройти по ея берегу, отъ начала до конца, нужно было употребить шесть лѣтъ. Всѣ-же берега ея были усѣяны жертвенниками и толпами молельщиковъ...

Развѣдчики доложили также Тимуру, что въ Индіи, вспоминавшей не безъ трепета о первомъ нашествіи монголовъ, господствовала въ ту пору анархія: знатные люди противились султану Махмуду и не выпускали его изъ гарема, гдѣ впрочемъ его также презирали.

Безпокойный Мултанъ объявилъ себя независимымъ и избралъ отдѣльнаго правителя. Богатый Лагоръ образовалъ и выставилъ собственную армію. Вообще Индію раздирала на части претенденты на престолъ послѣдняго властелина Фирузъ-Шаха.

Тимуръ не слѣдовалъ уже болѣе обычаю чингисидовъ принимать войны только по рѣшенію курилтае. Народное представительство онъ замѣнялъ въ этихъ случаяхъ своимъ тайнымъ совѣтомъ, который открывался иногда подъ открытыя небомъ, на площади, окруженной шалерами изъ разставленной въ почтительномъ отдаленіи стражи. Тронъ, окруженный сыновьями, внуками и родственниками гуръ-хана, былъ непремѣнною принадлежностью совѣта. Правое крыло предоставлялось потомкамъ Пророка, судьямъ, улемамъ, вельможамъ и людямъ святой жизни. Лѣвая сторона принадлежала военному элементу: главнокомандующему, начальникамъ туменей, шейхамъ воинственныхъ общинъ, эмирамъ и низшимъ чинамъ до унбани включительно. Противъ трона имѣли мѣста диванбеги и визири. Церемоніймейстеры наблюдали за безопасностью и соблюденіемъ должнаго порядка.

Засѣданіе совѣта открывалось раздачею карагулу тысячи хлѣбовъ и—кушаній, назначаемыхъ поименно эмирамъ. Члены совѣта получали также обильную трапезу.

Но прежде чѣмъ открыть совѣтъ, по вопросу о походѣ въ Индію, Тимуръ обратился по секрету къ гаданію, по способу шамановъ, оставляя какъ бы въ запасъ гаданіе по корану.—«Человѣкъ ошибается, а лопатка никогда не ошибется», говорятъ еще и теперь всѣ ламы и шаманы, требующіе однако строгаго соблюденія обрядностей, безъ котораго гаданіе по кости лопатки—ничтожно.

Не смотря на то, что этотъ способъ гаданія пришелъ изъ страны буддистовъ, мусульмане охотно приняли его, такъ что при дворѣ Эмировъ состояли присяжные гадалычики. Они только, не смѣя начинать гаданіе по тибетскому обряду, не могли восклицать:—«Омъ-а-хонъ! Поклоняюсь Ламѣ, поклоняюсь Буддѣ, поклоняюсь Всесовершеннѣйшему и... отыскиваю истину по книгамъ тибетскимъ и тангутскимъ».—Они должны были, призвавъ благословеніе Аллаха, поступать далѣе по измѣненному въ мусульманскомъ стилѣ обряду.

Придворный гадалычикъ Тимура, не ограничившись одною лопаткою бѣлаго барана, пережегъ пять лопатокъ пяти барановъ,

съ пятью разными признаками. Одна изъ нихъ была темно-черная и маслянистая, другая бѣлая безъ масла, третья узкая съ красными жилками, четвертая похожая на пыль и пятая—безъ примѣтъ. То было трудное гаданіе, доступное только средствамъ богатаго человѣка. По обряду слѣдовало, чтобы всѣ пять лопатокъ дали отвѣтъ тождественный и рѣшили: будетъ ли успѣшна задуманная война? По первой серіи лопатокъ, получились крайне разнорѣчивые отвѣты. Три лопатки говорили, что война будетъ неудачна, а двѣ предвѣщали удачу. Во второй серіи, четыре лопатки говорили, что война будетъ удачна, а пятая оповѣщала, условно расположившимися трещинами и дорожками, что къ хозяину дома придетъ вдовая женщина съ истрепанными волосами и съ изодраннымъ подоломъ. То было предвѣщаніе болѣзни хозяину дома. Умный гадащикъ, впрочемъ, вылѣпилъ тотчасъ же изъ глины фигурку этой вдовой женщины и выбросилъ ее въ воду, чѣмъ и предохранилъ гуръ-хана отъ тяжелой болѣзни.

Послѣ неудачи на пяти бараньихъ лопаткахъ, гадащикъ увидѣлъ наконецъ на лопаткѣ сайги—бѣлый путь къ точкѣ, которая мысленно изображала собою непріятельскій станъ. Путь шелъ стрѣлою изъ середины лопатки, гдѣ предполагалось пребываніе Тимура; предвѣщаніе это говорило о несомнѣнной побѣдѣ.

Ободренный этимъ результатомъ гаданія, Тимуръ открылъ засѣданіе совѣта. Передъ началомъ засѣданія, придворный мулла произнесъ рѣчь, въ которой онъ призывалъ Аллаха на помощь противъ язычниковъ. Нужно думать, что рѣчь была внушена самимъ Тимуромъ, по крайней мѣрѣ она отвѣчала вполнѣ его намѣреніямъ. Она звала его туда, на дальній югъ, за каменный поясъ, къ истребленію народовъ, поклонявшихся огню, коровѣ и идоламъ. Одно-де существованіе подобныхъ народовъ омрачало и за гробомъ взоры Пророка.

Отъ членовъ совѣта требовалась полная откровенность, приправленная, разумѣется, церемоніальною учтивостью. Теперь, въ числѣ членовъ, нашелся какой-то несчастный ученый, замѣтившій, что государи странъ, лежащихъ за каменнымъ поясомъ, тоже исповѣдываютъ, и даже въ продолженіи трехъ вѣковъ уже, священныя истины ислама и что поэтому война съ ними незаконна. Но тутъ саиды разбили соображенія ученаго. Они сообщили, что столица Индін—Дели дѣйствительно управляется султанами, исповѣдующими вѣру Пророка, но султаны эти такъ слабы въ вѣрѣ, что терпятъ

у себя цѣлые классы людей, поклоняющихся и живымъ тварямъ и изваяніямъ изъ глины, дерева и металловъ.

Ученый былъ посрамленъ.

Собратъ его подѣлился своими свѣдѣніями о дорогѣ въ Индію. По дорогѣ къ каменному поясу должны были встрѣтиться женщины, похожія на мужчинъ и мужчины, похожіе на собакъ. Они были огромны, косматы и молчаливы. Они ловили звѣрей, которыми кормили своихъ женъ. Но ужасы эти встрѣтили только насмѣшки со стороны багадуровъ, замѣтившихъ, что если и есть такія твари на землѣ, то ихъ уже давно пора истребить всѣхъ до одного.

Хотя ученые и были посрамлены, но въ совѣтѣ чувствовалось нерасположеніе къ походу въ Индію. Нашлись даже юртъджи, рѣшившіеся на такую откровенность.—«Людей еще можно переправить черезъ каменный поясъ на веревкахъ, но лошадей трудно. Онѣ не понимаютъ гдѣ и когда слѣдуетъ жертвовать жизнью».—Не выдержало критики и это замѣчаніе. Въ совѣтѣ отыскался другой юртъ-джи, развѣдавшій путь, по которому проходили и Александръ Македонскій и Махмудъ Газнійскій и Махмудъ Гурійскій. Здѣсь слышалось со стороны мало знакомыхъ съ науками багадуровъ и такое мнѣніе, что колонновожатому простительно не найти дорогу на седьмое небо, но на землѣ ему должны - бы быть извѣстны всѣ пути....

Какой-то почтенный, но разслабленный визирь забормоталъ и при томъ внезапно, какъ бы очутившись передъ страшнымъ чудовищемъ:—«О, Тимуръ, впереди много рѣкъ и недоступныхъ горъ.... а за ними слоны... и люди, у которыхъ слишкомъ много огня въ рукахъ, чтобы можно было брать ихъ въ плѣнъ».—Тимуръ подаль знакъ замолчать. Нашелся еще возражатель.—«Тамъ солнце такъ жарко, что мы изнеможемъ и не вернемся на родину. Нашъ народъ породнится тогда съ идолопоклонниками и что станетъ съ чистотою мусульманской крови»?—Тимуръ махнулъ и этому рукой. Засѣданіе не обошлось и безъ совѣтника съ двойнымъ языкомъ:—«О Тимуръ, Индостанъ самъ просится подъ стремя твоей ноги и его непременно слѣдуетъ завоевать, но моя преданность велитъ тебѣ сказать, что тамъ съ одной стороны горы, а съ другой моря. Тамошніе войны идутъ въ битву на слонахъ, которыми давятъ людей, какъ ничтожныхъ муравьевъ. Намъ слоны страшны. О, Сагибъ-уль-кыранъ, прости мою откровенность»!

Когда всѣ возраженія были исчерпаны, Тимуръ разрѣшилъ говорить сыновьямъ и внукамъ.—«Когда ты завоюешь Индію, то одно ея золото сдѣлаетъ тебя повелителемъ всего міра!»—сказалъ Пиръ-Магометъ.—«Завоеваніе Индіи отдастъ тебѣ пятый климатъ, которымъ ты еще не владѣешь», добавилъ Миранъ - Шахъ.—«И тогда тѣнь Пророка успокоится!» заключилъ Шахъ-Рохъ, знакомый съ тюркскими лѣтописями, что онъ и не замедлилъ обнаружить.—«Я читалъ», добавилъ онъ, «что отъ сотворенія міра было только пять царей Дари, Кисеръ, Фагфуръ, Каканъ, Шахин-шахъ и что ты, отецъ, будешь шестымъ и послѣднимъ!»

Выслушавъ съ явнымъ одобреніемъ своихъ сыновей, Тимуръ приказалъ подать себѣ коранъ и открылъ его, вѣроятно случайно, на сурѣ, которую и прочелъ громко, во всеуслышаніе:—«Пророкъ, веди войну съ небрежными и беззаконными».

Эмиры и багадуры, услышавъ это велѣніе судьбы, издали радостное восклицаніе, а улемы принялись тотчасъ-же толковать, что стихъ корана повелѣваетъ непремѣнно обратить оружіе противъ Индіи. Придворный мулла произнесъ что-то мистическое, непонятное, но очень возвышенное. Вообще, въ залѣ совѣта повѣяло духомъ единства и трусоватость исчезла. Каменный поясъ, который только что подпиралъ небеса своими остроконечными пиками, представлялся уже не болѣе какъ песочною горбушкою, а рѣки сузились въ ручейки. Отъ горячаго же солнца такъ легко было защититься войлочнымъ малахаемъ!

Война была рѣшена.

Совѣщаніе окончилось тѣмъ, что церемоніймейстеръ поднесъ глупымъ совѣтникамъ, по приказу Тимура, одному—вѣеръ, другому—женское покрывало, третьему—браслетъ. То были знаки опалы и разжалованія: ученый обратился въ подметальщика улицъ, а визирь могъ отправиться на свой огородъ гонять зайцевъ, падкихъ грызть молодыя дыни.

Народамъ Мавераннагра и вассальныхъ областей было немедленно объявлено въ «тузукатѣ»—приказѣ Тимура,—что онъ не можетъ терпѣть далѣе слабости мусульманскихъ правителей Индіи и что, во имя ислама, онъ долженъ уничтожить въ этихъ государствахъ идолопоклонство. Отвѣтомъ ему служили посольства изъ Кипчака, Аравіи, Кашмира и даже отъ идолопоклонниковъ-калмыковъ, съ пожеланіемъ удачи въ святомъ дѣлѣ распространенія ислама.

Тимуръ никогда не медлилъ. Впрочемъ, планъ похода на Индію давно уже созрѣлъ въ его умѣ. Прелесть соловьиного пѣнія въ садахъ Самарканда и созерцаніе красоты Биби-ханымъ, въ зеркальной комнатѣ гарема, не мѣшали ему создавать военные маршруты и опутывать мысленно враговъ дипломатическими сѣтями и щетиною пикъ.

Гонцы его отправились въ крупные центры монархіи съ приказаніями о поставкѣ людей, коней, оружія и запасовъ. Кандагару онъ повелѣлъ выставить тридцать тысячъ конницы для праваго крыла, а Кабулу такую же армію для лѣваго крыла. Центръ и резервы остались въ числѣ тридцати двухъ тысячъ человекъ подъ личнымъ его начальствомъ. Такимъ образомъ составила соединенная армія въ девяносто двѣ тысячи всадниковъ, ровно по тысячѣ человекъ на каждое изъ благословенныхъ именъ Пророка. Разумѣется это было не совпаденіе, а расчетъ завоевателя, поднявшаго свое знамя во имя ислама!

Кандагарская армія, подъ начальствомъ эмира Рустема, находилась неподалеку отъ каменнаго пояса. Она поднялась съ такою внезапностью, что на Аттокѣ и въ Дели узнали о ея движеніи, когда она уже появилась у подошвы горъ. Кабульская армія направилась также къ горамъ Солимана и должна была вторгнуться въ Лагоръ.

Перевалы черезъ горы, остававшіеся и въ срединѣ лѣта подъ снѣгомъ, не были тогда извѣстны, какъ теперь, поэтому движеніе большой арміи представляло не мало затрудненій. Армія Тимура, благодаря присоединенію къ ней встрѣчныхъ племенъ, выросла въ триста тысячъ всадниковъ, остановившихся въ недоумѣніи передъ крутыми, уходившими въ небо, горными массивами. Авангарду пришлось бросить коней по эту сторону неодолимой преграды и взобраться на вершины посредствомъ веревокъ. Этимъ же способомъ подняли и самого Тимура и его лошадь.

Въ то-же время летучія колонны рассыпались вдоль хребта для отысканія удобнаго прохода. Такимъ оказался Хайберскій проходъ, находившійся во власти воинственныхъ горцевъ—родоначальниковъ выѣзжавшихъ афридіевъ, оруксаевъ, юзуфсаевъ, визирей и множества колѣнъ потанцевъ. Царившее тогда въ проходѣ, богатомъ водою и растительностью, племя сіагнушей преградило было дорогу развѣдчикамъ сѣверныхъ пришельцевъ, но узнавъ, что они явились съ одною цѣлю обратить южные народы въ исламъ, они

ни мало не задумались принять вѣру Пророка. Послѣ того уже, въ качествѣ единовѣрцевъ, они указали доступные проходы, но какъ только колонны втянулись въ горныя разсѣлины, они бросились въ тылъ припелцамъ и произвели большое побоище. Уцѣлѣвшіе всадники Тимура дали однако знать слѣдовавшимъ позади ихъ войскамъ о встрѣченной ими измѣнѣ, послѣ чего отъ всего племени сіапушей остался только холмъ череповъ, на которомъ потомъ отдыхали хищныя птицы.

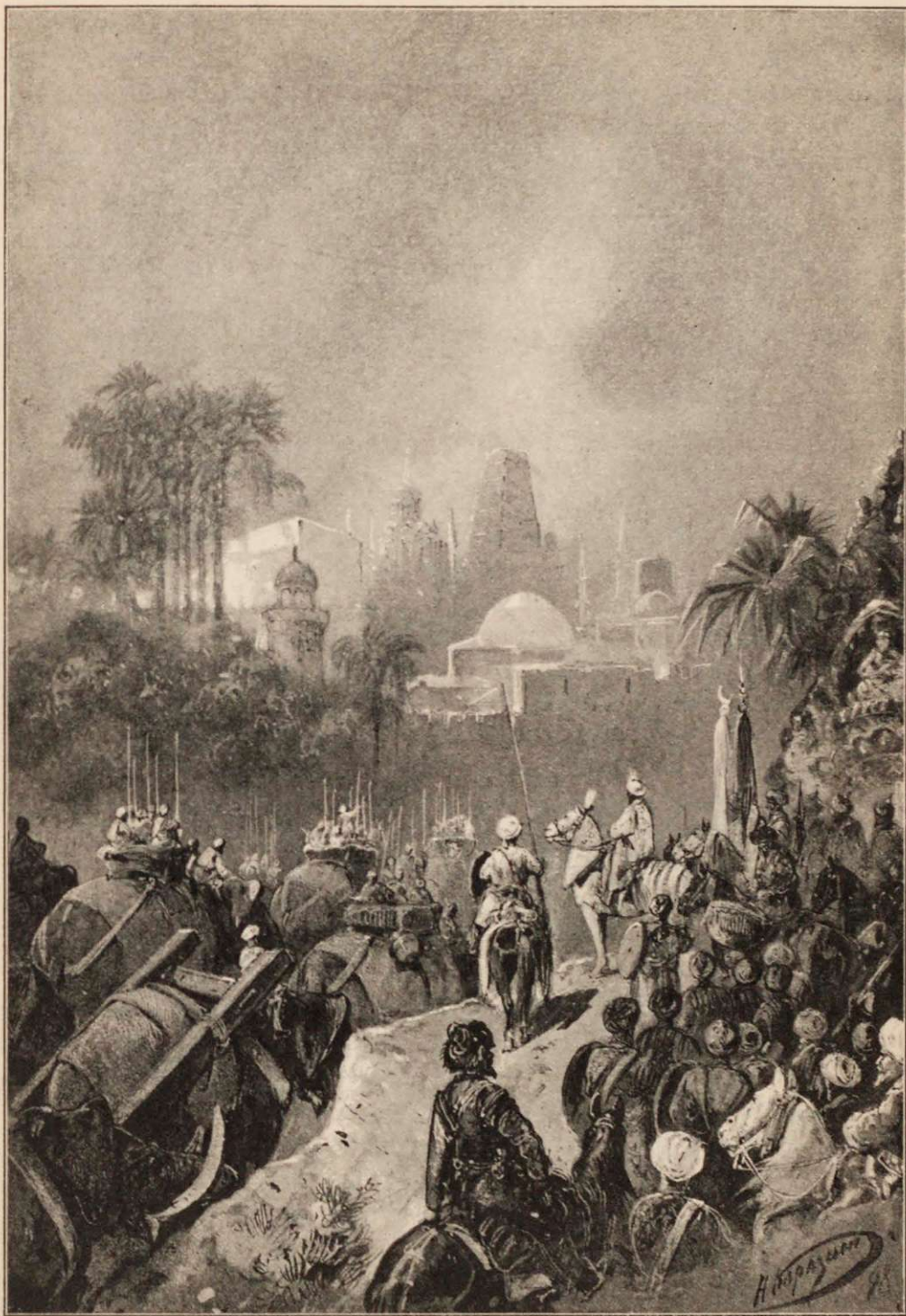
Открывъ проходъ, Тимуръ справился у своихъ ученыхъ, гдѣ переправился черезъ р. Индъ в. Александръ. Ему указали мѣсто у Аттока. Сюда онъ приказалъ стянуть все свои отряды. Отсюда же онъ отправилъ и гонцовъ въ Мавераннагръ и сосѣднія страны съ извѣщеніемъ о благополучномъ прибытіи въ страну язычниковъ. Впрочемъ, сосѣднія области уже поторопились, не ожидая его извѣщенія, выслать къ нему депутатовъ съ изъявленіемъ радости и покорности. Кашмиръ выступилъ первый на дорогу повиновенія и представилъ дары, свидѣтельствовавшіе объ его искреннемъ миролюбіи.

Затѣмъ началось побѣдоносное шествіе Тимура въ странѣ язычниковъ, которымъ однако рѣже предлагали принять исламъ, нежели цѣловать землю передъ побѣдителемъ. Попутно, летучія колонны пополняли его казну мѣстными произведеніями: золотомъ, камнями, жемчугомъ и слоновою костью. Оказавшій сопротивление Мултанъ былъ вскорѣ взятъ сыномъ Тимура, такъ что движеніе къ Дели замедлилось только сборами дани и рабовъ. Вразумленіе же невѣрующихъ и незаконныхъ истинами корана было отложено до болѣе удобнаго времени.

Въ концѣ Октября, Тимуръ стоялъ подъ Дели и выслушивалъ разсужденія своего военнаго совѣта о способахъ покоренія непріятельской столицы. Разумѣется, соображенія эмировъ и багадуровъ были только рамкою диспозиціи, начертанной умомъ полководца. Преподавъ своей арміи правила не только побѣдъ, но и отступленій, онъ озабочивался лично приготовленіями къ битвѣ. Не пренебрегая ни одною изъ предосторожностей, онъ потребовалъ присяги всего войска—умереть, если то понадобится въ честь ислама и во славу повелителя.

Не менѣе важною предосторожностью было его распоряженіе истребить поголовно девяносто тысячъ захваченныхъ гебровъ. Единственная вина этой людской толпы заключалась въ томъ, что,

ДВѢ ВОЛНЫ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ТИМУРЪ-ЛЕНГЪ ПЕРЕДЪ ДЕЛИ.

по наблюденіямъ А'ризъ-Лашкера, на лицахъ плѣнниковъ были замѣтны веселыя улыбки. Вѣроятно, подъ этими предательскими улыбками, подозрѣвалась надежда на скорое избавленіе отъ плѣна. И девяностъ тысячъ жизней не стало въ одинъ часъ! Каждый воинъ Тимура обязанъ былъ умертвить собственноручно своихъ плѣнниковъ. Находившіеся при войскахъ ученые и поэты также не были освобождены отъ обязанностей палача. Каждый, кто рѣшился бы нарушить это приказаніе, подлежалъ смертной казни и конфискаціи всего имущества въ пользу доносчика.

Чтобы ободрить непріятеля и вызвать его изъ-за стѣнъ, Тимуръ приказалъ войскамъ проявить мнимую слабость—окопаться и окружить себя переносными щитами. Султанъ Махмудъ, соблазнившись искусственно открывшеюся передъ нимъ картиною трусоватости, выступилъ изъ города съ большимъ эффектомъ въ открытое поле. Его окружала армія въ сорокъ тысячъ человекъ, въ сопровожденіи стрѣлковъ, помѣщенныхъ въ башняхъ на спинахъ слоновъ. Кромѣ арбалетчиковъ, на слонахъ же размѣстились и метатели греческаго огня. Клыки слоновъ были вооружены кинжалами, отравленными ядомъ.

Тимуръ предвидѣлъ эти средства войны въ Индіи и хитрости непріятеля. Не страшась ни стрѣлъ, ни длинныхъ копій, ни палицъ съ желѣзными шарами, онъ побаивался слоновъ, которые могли своимъ видомъ разстроить его конницу. Нужно было парализовать этотъ страхъ. Съ этою цѣлю, прежде чѣмъ величественный султанъ показался въ воротахъ своей столицы, весь предстоявшій ему путь былъ усыянъ заранѣе заготовленными желѣзными острыми рогулками. Кромѣ того, въ лагерьъ держали на готовѣ сотни буйволовъ, предназначенныхъ выполнить службу сухопутныхъ брандеровъ. Они были обвязаны пучками сухаго хвороста съ хорошо осмоленными фитилями...

Едва только горделивые слоны, напоенные передъ битвою рисовою водкою съ пряностями, грузно двинулись противъ непріятеля, какъ ихъ толстыя ступни наткнулись на острія безчисленныхъ рогулекъ. Гиганты взревѣли и припали на ноги. Сбросивъ съ себя башни и арбалетчиковъ, они обратились въ бѣгство. Но бѣгство не освободило ихъ отъ пронзительной боли, увеличивавшейся, напротивъ, новыми и новыми заостренными ершами, такъ что удары вожаковъ молотками въ голову только раздражали ихъ, но не приводили къ повиновенію. Въ это же время были выпущены

изъ лагеря буйволы съ зажженнымъ хворостомъ. Обезумѣвъ отъ боли и страха, они окончательно разстроили боевую силу слоновъ. Послѣдніе бросились на армію своего же султана, не ожидавшей подобной коварной хитрости и обратили ее въ бѣгство. Тимурѹ оставалось осыпать бѣжавшихъ тучами стрѣль.

Войдя побѣдителемъ въ Дели, Тимуръ приказалъ вынести изъ дворца тронъ султановъ на городскую площадь, гдѣ и принять присягу на подданство уцѣлѣвшихъ сановниковъ и судей. Даже неучаствовавшіе въ битвѣ слоны были подведены къ нему на поклонъ, къ чему ихъ приучилъ этикетъ султанскаго двора.

Три дня войска Тимура жгли и грабили Дели, нисколько не заботясь объ обращеніи кого бы то ни было въ исламъ. Послѣ паденія Дели и истребленія лучшихъ военныхъ силъ султана, сѣверная часть Индіи очутилась въ рукахъ побѣдителя. Укрѣпивъ свой тылъ дымившимися развалинами и полями, покрытыми трупами, онъ направился въ долину р. Ганга, куда стремились и гебры въ надеждѣ спастись на водѣ отъ неумолимаго преслѣдователя. Но то была напрасная надежда: войска Тимура догнали рѣчную флотилію и вступили съ нею въ битву. Послѣдняя окончилась плѣномъ всѣхъ женщинъ и избіеніемъ всѣхъ мужчинъ. Алтари гебровъ были опрокинуты и огни ихъ погашены. Рѣшаясь кое-гдѣ бросаться въ битвы, они обрекали себя заранѣе на вѣрную смерть. Долины, ущелья, нивы, берега р.р., все было обито кровью, нѣкъмъ не сосчитаннаго числа труновъ.

Правители отдѣльныхъ областей сѣверной Индіи спѣшили принять мусульманство, но и эта измѣна священному огню не оберегла ихъ отъ дани—лошадами и золотомъ. Кашмиръ спасся отъ погрома добровольнымъ подданствомъ, тогда какъ Лагоръ, которому высчитали какія-то обиды, былъ отданъ на разграбленіе.

Войска побѣдителя были обременены добычею какъ никогда и нигдѣ, такъ что самое движеніе ихъ было затруднено до крайности. И все таки Тимуръ—прервалъ свое побѣдоносное шествіе! Причиною этого неожиданнаго обстоятельства послужили донесенія корреспондентовъ, засыпавшихъ его извѣстіями о непріязненномъ положеніи султана Анатоли. Послѣдній началъ относиться крайне пренебрежительно къ дѣламъ Тимура и, рассылая повсюду шпіоновъ и посольства, стремился возстановить противъ него Египетъ, Сирію, Багдадъ, Тавризъ, Грузію, бывшій Хорезмъ и орды узбековъ.

Рѣшительный, какъ и всегда, Тимуръ оставилъ на время страну язычниковъ, нисколько не заботясь, сохранять ли они исламъ или воздвигнуть вновь алтари въ честь Зороастра. Но прежде чѣмъ уйти изъ Индіи, онъ справился у своихъ ученыхъ: гдѣ поставилъ Александръ - Двурогій знаки, въ видѣ монументовъ, своего въ ней пребыванія? Когда мѣста эти были найдены, онъ обвелъ вокругъ нихъ летучія колоны и потомъ отправился взглянуть на знаменитый утѣсъ, напоминавшій своею формою корову, изъ рта которой выбивалась струя священной рѣки, нисходящей, если вѣрить ей поклонникамъ, непосредственно съ неба. Святость ея такъ велика, что закоренѣлый грѣшникъ, оскверненный безчисленными злодѣйствами, можетъ возродиться для небесныхъ жилищъ однимъ произнесеніемъ ея названія. Впрочемъ, грѣшнику совѣтуется при этомъ пройти, отъ видимаго начала ея до видимаго конца, съ поклонами послѣ каждаго шага, для чего требуется не менѣе шести лѣтъ...

Увидѣвъ передъ утесомъ толпы молеельщиковъ и тысячи жертвенниковъ, обвитыхъ цвѣтами и знаками, Тимуръ подаль знакъ, по которому жертвенники были опрокинуты, а передъ коровою трубачи проиграли военную фонфару. Тѣмъ и окончился этотъ визитъ побѣдителя въ страну, которую впослѣдствіи правнукъ Тимура—Акбаръ укрѣпилъ за династіей исламитянъ.

Одаривъ щедро войска, Тимуръ двинулъ ихъ по южнымъ отрогамъ Гималая и выйдя къ Кабулу, отправился въ Мавераннагръ налегкѣ, подъ охраною всего нѣсколькихъ избранныхъ багадуровъ. Съ дороги онъ разослалъ гонцовъ съ подарками и вѣстями о своемъ скоромъ прибытіи въ столицу. Подарки вассаламъ были отправлены на слонахъ, покрытыхъ дорогими тканями. Онъ не поскунился и въ раздачѣ красивыхъ баядерокъ, способныхъ очаровательными танцами разогнать черты грусти на челѣ завоевателя.

Этотъ походъ доказалъ между прочимъ, что ни Гинду-Кушъ, ни Солимановы горы не могли остановить энергичнаго воеводы. Походъ длился менѣе года. Разумѣется, Самаркандъ устроилъ великолѣпную встрѣчу триумфатору, за которымъ слѣдовала обогащенная армія съ толпою рабовъ и рабынь. На двадцати слонахъ везли его личные трофеи, заключавшіеся въ ящикахъ съ рубинами, бирюзою, изумрудами, яхонтами и золотыми идолами, лишенными, въ честь ислама, мистическаго значенія. Нѣкоторые изъ нихъ были вставлены потомъ въ фундаменты стѣнъ знаменитой мечети Биби-ханымъ.

Исламъ торжествовалъ. Вслѣдъ за уничтоженіемъ язычниковъ изчезло и христіанство изъ ср. Азіи. Несторіане принуждены были бѣжать въ горы, гдѣ курды, въ продолженіи пяти уже столѣтій, продолжаютъ пробовать подъ ними арсеналы своего оружія. Полному торжеству ислама помѣшала только открывшаяся въ книгѣ очевидности страница, предвѣщающая наступленіе истребительной войны между самими исламитами и уже не ради торжества вѣры, а изъ личныхъ счетовъ самолюбивыхъ соперниковъ!

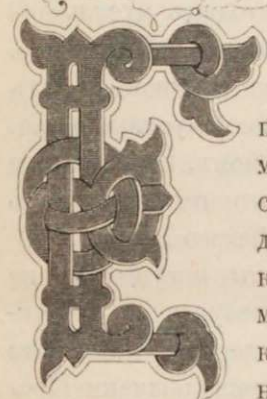
Генералъ кабульскихъ войскъ.
(XIX-го стол.).

ВОЙНЫ ТИМУРЪ-ЛЕНГА

ИЗЪ ЧЕСТОЛЮБІЯ.

(1400—1404 г.г.).

еще до похода въ Индію, Тимуръ узналъ о появленіи, на западѣ его Имперіи, султана Баязета, подъ ударами котораго рушилась уже независимость многихъ владѣній. Его развѣдчики видѣли своими глазами, что государство Румъ тѣсно для новаго завоевателя и что, покоривъ Никейскую имперію, онъ отправилъ войска, черезъ море, для осады столицы Византіи. Они намекали даже, что Баязетъ считаетъ Грузію, Арменію, Месопотамію и Багдадскій халифатъ не болѣе какъ своими владѣніями. Вообще же тамъ, на западѣ, происходила въ эту эпоху перетасовка въ отношеніяхъ государей и народовъ. Недовольные Тимуромъ бѣжали къ Баязету, а недовольные Баязетомъ къ Тимуру. Давнишній ненавистникъ послѣдняго, предводитель туркменскаго колѣна черныхъ барановъ, Кара-Юсуфъ нашелъ у Баязета дружескій пріемъ.

Возникновеніе Рума, какъ грознаго сосѣда и соперника, слѣдовало приписать слабости и раздорамъ чингисидовъ. Въ этомъ отношеніи упадокъ значенія монголовъ въ Азіи, выразившійся въ измелъчаніи гулагидовъ и джагатаидовъ, расчистилъ поле для появленія новой могущественной династіи. Родоначальникомъ ея былъ человѣкъ, занимавшій среднее положеніе между пастухомъ, разу-

мѣется всегда хорошо вооруженнымъ, и разбойникомъ или, если угодно, рыцаремъ временъ Аладина. То былъ Ортогрулъ, простой кочевникъ, сумѣвшій возвыситься надъ роднымъ ауломъ въ нѣсколько десятковъ палатокъ.

Сыну его, Оттоману, выпалъ болѣе высокій удѣлъ. Достигнувъ кровавымъ служеніемъ Пророку положенія халифа, онъ оставилъ свое имя могущественной имперіи и сотнямъ миллионовъ людей. Тѣ-же побѣдоносныя войны съ невѣрными проложили ему путь въ пантеонъ историческихъ личностей. Проведя въ нашествіяхъ и погромахъ почти тридцать лѣтъ, онъ развилъ свои боевыя силы до необыкновенныхъ размѣровъ, чему способствовали такіе притягательные элементы какъ надежда на хорошую добычу и почетное мѣсто въ раю. Войны Пророка не будутъ, какъ извѣстно, ощущать недостатка въ ручьяхъ сладкой воды и въ тѣнистыхъ деревьяхъ.

Христіане Прузы откупили свою жизнь передъ Оттоманомъ, но самый городъ ихъ обратился въ одну изъ столицъ мусульманства. Утративъ Прузу, христіане потеряли и Nikeю и Никомидію. Патріархамъ и императорамъ оставалось спасаться бѣгствомъ передъ захватывавшею цѣлыя страны и царства волною мусульманства. Императоръ Андроникъ Младшій заплатилъ трономъ. Императрица Ирина отдала свою дочь въ жены сыну бывшего пастуха. Паль Эфесъ. Христіанство уже слышало ревъ библейскаго звѣря.....

Не довольствуясь распространеніемъ своего могущества на сушѣ, оттоманы развили и морскія силы. Трапезундскій императоръ не посмѣлъ отказать ему въ своихъ галерахъ, такъ что Геллеспонтъ не остановилъ дальнѣйшаго движенія знамени Пророка. Западная Европа долго не придавала значенія этому явленію и только, несчастная для балканскихъ народовъ, битва на Коссовомъ полѣ пробудила папу, Кипрскаго короля, Венецію и орденъ Іоаннитовъ къ мысли о необходимости защиты противъ ислама.

Правнукъ Оттомана—Баязетъ блистательно поддержалъ славу воинственнаго предка. Своими выдающимися успѣхами онъ пріобрѣлъ у современниковъ названіе «гальдерамъ»—молніи, которая и дѣйствительно зажгла цѣлыя страны отъ Дуная до Евфрата. Въ дѣлѣ побѣдъ и истребленія людей, для него не существовало, какъ не существуетъ и для молніи, различія между христіанскими и мусульманскими землями. Всѣ онѣ должны были составлять одно царство, подъ одною властною рукою султана оттомановъ.

Всѣ четырнадцать лѣтъ своего царствованія Баязетъ искалъ враговъ, чтобы сдѣлать ихъ своими подданными, хотя все-же передняя Азія была главною ареною его боевой жизни. Тамъ признали его власть и сѣверная Анатолія съ знаменитою, впоследствии, въ лѣтописяхъ христіанства и человѣчества, Ангорою. Тамъ эмиры, одинъ за другимъ, цѣловали подножіе его трона. Наконецъ, когда флотилія галеръ перенесла его въ Европу, Греція первая испытала безпомощность своего положенія. Подвластныя ей Фракія и Македонія пали и отуречились. Нашелся даже епископъ, проводившій его войска черезъ Термопилы.

Халифъ поднесъ Баязету титулъ султана, чѣмъ абассиды признали его своимъ властелиномъ. Подвигаясь къ сердцевинѣ Европы, онъ уничтожилъ Молдо-Валахію и сталъ въ боевое положеніе передъ Сигизмундомъ, королемъ Венгріи. Здѣсь христіане выставили противъ него густой лѣсъ копій, похваляясь, что если-бы само небо пало на нихъ, то они поддержали-бы его своими древками. Но увы, ни лѣсъ копій, ни тысячи мечей германскихъ и французскихъ рыцарей не остановили стихійную силу. Битва на берегу р. Дуная, при Никополѣ, была погромомъ христіанскихъ силъ; графъ Наварскій и двадцать четыре принца попали въ плѣнъ и послѣдовали за побѣдителемъ въ качествѣ трофеевъ! Послѣ того Бургундія и Кипръ прислали богатые выкупы; за освобожденіе одного гр. Наварскаго было уплачено двѣсти тысячъ дукатовъ.

Вторгаясь въ сердцевину Европы, Баязетъ не могъ однако считать себя обезпеченнымъ, пока въ тылу его оставался Константинополь съ независимымъ монархомъ. Тамъ были даже два монарха, оспаривавшіе престолъ другъ у друга: Мануиль—человѣкъ слабый, побывавшій уже заложникомъ у Баязета, и—братъ его—Іоаннъ, человѣкъ, лишенный зрѣнія, но не желанія обладать трономъ.

Не приступая къ формальной осадѣ Константинополя, но окруживъ его съ моря и суши, Баязетъ потребовалъ десятилѣтняго перемирія. Мануиль съ радостью согласился на это предложеніе въ тайной надеждѣ возбудить новый крестовый походъ. Онъ согласился даже, чтобы выиграть время, платить дань и допустить у себя публичное исповѣданіе вѣры Пророка. Отчасти его надежда сбылась и Франція снарядила вспомогательный корпусъ, но всего въ шестьсотъ рыцарей, которые не рѣшились вступить въ бой съ оттоманами. Когда-же Франція отозвала ихъ обратно, Константинополю оставалось готовиться къ сдачѣ.

Вообще, ни одной Греческой имперіи грозило плѣненіе, но и всему христіанству грозила тяжелая истомѣ. Откликнувшіеся на это бѣдствіе рус. кн. и іерархи послали милостыню въ Царь-градъ, что и отмѣтили современникъ въ картинной страничкѣ своей лѣтописи:—«Злочестивый царь Турскій, именемъ Баазытъ, собра воя многы и пришедъ городъ остуши съ всѣ стороны... Тогда же сущія въ градѣ царь, и патріархъ и прочія люди бяху въ печали велицѣ, и въ истомѣ и въ оскудѣніи. Слышавъ же то князь Василій Димитріевичъ изжалися зѣло объ въмысливъ съ отцемъ своимъ митрополитомъ Кипріаномъ и съ братьею своею и съ прочими князьями русскими, и послаша въ Царь-городъ много сребро... а князь Михаило Тверской также послалъ протопопа своего съ милостынею».

Появленіе Тимура въ тылу Баязета отерочило паденіе Константинополя и затормозило оттоманамъ путь въ западную Европу.

Возвратившись изъ индійскаго похода триумфаторомъ, Тимуръ направилъ въ Самаркандѣ всѣ свои заботы на составленіе плана войны противъ Баязета и на организацію громадной арміи. Взвѣсивъ средства и силы врага, онъ видѣлъ, что война затянется на долго и что онъ будетъ имѣть противъ себя не только оттомановъ, но и поднявшихъ голову враговъ—Грузію, Арменію, Сирію, Египеть, не говоря уже о нѣкоторыхъ племенахъ туркменъ и узбековъ.

Передовую колонну онъ двинулъ немедленно по возвращеніи въ Мавераннагръ. Назначеніе ея было зайти въ тылъ Баязету, подъ предлогомъ усмиренія возставшей Грузіи. Затѣмъ, предстояло движеніе главныхъ силъ, для сбора которыхъ изъ дальнихъ странъ потребовалось болѣе года. Въ начавшейся глухой борьбѣ, Тимуръ поступалъ крайне осторожно, сознавая, что могущество его противника не уступаетъ его личному значенію въ мусульманскомъ мірѣ.

Баязетъ совмѣщалъ въ себѣ рыцаря и вельможу—эпикурейца. На западѣ знали, что онъ отомстил за смерть своего отца Амурата убійствомъ на поединкѣ графа Лазаро. Вообще не было ни лести, ни поэзіи, когда его называли молніей. Все, что можно было поставить ему, какъ воителю по профессіи, въ упрекъ—это самонадѣянность и презрѣніе къ врагу.

Личныя доблести его не исключали однако существованія въ его арміи слабыхъ сторонъ, которыми и воспользовался противникъ.

Армія его страдала разноплеменностью. Вмѣстѣ съ янычарами, ходившими въ бой по призванію, въ ея рядахъ выступали и наемные европейскіе кирасиры, требовавшіе хорошей платы. Спаги перемѣшивались въ ней съ ордынцами, бѣжавшими изъ вассальныхъ странъ Тимура, а мусульмане чистой крови шли съ людьми, принявшими только по насилію вѣру Пророка. Пользуясь этою слабою стороною, Тимуръ широко повелъ излюбленную имъ систему подкуповъ непріятеля. Индійскіе идолы съ ихъ украшеніями изъ драгоценныхъ камней сослужили въ этомъ случаѣ болѣе дѣйствительную службу, нежели когда передъ ними курили оміамъ.

Проведя зиму на берегу Каспійскаго моря, Тимуръ обрушился весною на Грузію и предложилъ ей ультиматумъ: принятіе ислама или истребленіе. О вѣротерпимости на этотъ разъ не было и рѣчи. Между грузинами наплись настолько крѣпкіе духомъ, что не устрашились и мученичества, но ихъ примѣръ усилилъ только поводъ къ безпощадному гоненію, которое дошло до сбрасыванія женъ и дѣтей въ бездонныя пропасти и до разрыванія на части непокорныхъ стойковъ. Ущелья и пещеры не спасали отъ преслѣдованія. Куда не достигали пики и стрѣлы, туда проникалъ удушающій дымъ подоженного хвороста. Христіанство пошатнулось. Многочисленныя церкви Грузіи опустѣли.

Вскорѣ сдался и Тифлисъ.

Овладевъ послѣднимъ, Тимуръ направилъ свои дипломатическія способности на сношенія съ Баязетомъ. Поводовъ къ взаимнымъ другъ на друга жалобамъ было достаточно, такъ какъ войска обѣихъ сторонъ не разъ нарушали границы владѣній, никогда впрочемъ и никѣмъ не размежеванныя. Возлѣ Эрзерума и у береговъ р. Евфрата столкновенія были не только часты, но и прямо таки вызывательнаго характера. День за днемъ и счетъ за счетомъ, видимо приближали столкновеніе двухъ высокоомѣрныхъ счастливцевъ. Тимуръ не признавалъ никого равнымъ себѣ, а Баязеть считалъ его узурпаторомъ изъ породы степныхъ авантюристовъ. Понятно, что при обоюдномъ самолюбіи, дипломатическія канцеляріи ихъ не нуждались въ утонченности слога. Окончательнымъ же поводомъ, къ обмѣну оскорбительными депешами, служилъ захватъ Кара-Юсуфомъ одного изъ боевыхъ эмировъ Тимура. Эмиръ остался въ тяжеломъ плѣну, а Юсуфъ остался подъ покровительствомъ Баязета.

— «Развѣ ты не знаешь, что монархи стоятъ на стражѣ

моихъ дверей и что я заставилъ фортуна охранять мою имперію?» спрашивалъ Тимуръ своего соперника, требуя выдачи Кара-Юсуфа. — «Будь же благоразуменъ и не думай, что козлиные рога dorостаютъ до неба.» — Баязетъ также зналъ, чѣмъ довести своего врага до бѣлаго каленія, поэтому и не затруднился упрекнуть его незнатностью происхожденія и придать ему титулъ степнаго разбойника. Кромѣ того, посланникъ былъ уполномоченъ упомянуть кое-что непріятное по части гарема съ пожеланіемъ, чтобы къ нему понавѣдались чужеземцы. Этотъ ядъ оскорбленія удвоился тѣмъ, что имя Баязета, выведенное золотомъ, стояло въ отвѣтномъ письмѣ выше имени Тимура, написаннаго простою тушью. Въ письмѣ-же Тимуру предстояло прочесть: — «Калѣка, тебѣ ли выставять впередъ ногу надменности?» — Наконецъ, хотя посланнику и была дарована жизнь, но съ сильнымъ укороченіемъ его борода, что являлось позорнѣйшею насмѣшкою надъ пославшимъ его властелиномъ.

Эти оскорбительные поступки противника вскипятили Тимура до того, что даже его багадуры вздрогнули, точно передъ неожиданнымъ прыжкомъ тигра изъ засады. Сивасъ былъ передовою крѣпостію османовъ и однимъ изъ густо населенныхъ городовъ Малой Азіи. На него-то и обрушился первый стихійный ударъ. Сто тысячъ жителей выступили на его защиту, но ни геройство ихъ, ни толстыя каменные стѣны не устояли противъ восьми тысячъ минеровъ. Стѣны рухнули — и началось беспощадное и своеобразное истребленіе людей. Башни изъ человѣческихъ череповъ не удовлетворяли болѣе фантазіи побѣдителя, поэтому плѣнные были связаны десятками, въ видѣ клубковъ, и въ этомъ состояніи брошены въ ямы съ жидкою глиною....

Истребленіе Сиваса служило сильнымъ предостереженіемъ Баязету, но Тимуръ рѣшилъ продолжать еще обезсиленіе его союзниковъ. Египетъ былъ на счету виноватыхъ передъ нимъ, потому что онъ держалъ у себя въ плѣну захваченнаго Кара-Юсуфомъ эмира. Не разсчитывая одержать верхъ надъ Тимуромъ, султанъ Египта подослалъ къ нему убійцъ. Обнаруживъ ихъ умыселъ и отрубивъ имъ носы и уши, Тимуръ возвратилъ ихъ обратно съ предложеніемъ признать его царемъ, чеканить монету съ его именемъ и установить общественныя за него молитвы.

Подвигаясь къ сердцу врага, Тимуръ осадилъ Алеппо, на защиту котораго выступили мамелюки. Они отнеслись къ его

нашествію съ высокоуміемъ: копья и мечи ихъ были такъ остры! Самоувѣренность ихъ повела къ тому, что они вышли изъ-за городскихъ стѣнъ и приняли бой на равнинѣ. Но еще въ началѣ боя произошло нѣчто неожиданное: часть эмировъ открыто перешла на сторону Тимура! Они были подкуплены! Бой длился поэтому не долго и цитадель сдалась на милость побѣдителя. Войска знали, что они должны падать каждаго, кто объявлялъ себя закономъ, саидомъ, архитекторомъ, каменщикомъ, мастеромъ кафельнаго дѣла и вообще художникомъ и ученымъ. Этихъ плѣнныхъ всегда представляли Тимуру тотчасъ же по взятіи города. Такъ было и при разореніи Алеппо.—«Я не кровавый турокъ!» пояснилъ онъ сонму трепетавшихъ передъ нимъ ученыхъ.—«Богъ свидѣтель тому, что мои враги всегда были виновниками своихъ несчастій.»—Тѣмъ не менѣе, во время этой душевной исповѣди, улицы Алеппо обогрѣлись уже потоками крови, а на главной его площади выростала башня изъ человѣческихъ головъ. Не далѣе какъ къ первому намазу слѣдующаго дня, она уже служила минаретомъ для мо'аззина, призывавшаго правовѣрныхъ къ молитвѣ.

Потерявъ Алеппо, юноша-султанъ Египетскій рассчитывалъ поправить свою неудачу битвою при Дамаскѣ, но Тимуру и здѣсь сослужилъ его лозунгъ: во имя ислама! Историки напомнили ему, какъ воину Пророка, что Дамаскъ обошелся когда-то дурно съ Али и Гусейномъ и что могилы покоящихся на его кладбищѣ двухъ женъ Пророка покрыты мусоромъ. Достаточно было и этихъ свѣдѣній, чтобы разогрѣть войска Тимура до высокаго фанатизма.

Дамаскъ внесъ миллионную контрибуцію.

И все-таки онъ былъ подожженъ со всѣхъ сторонъ и отданъ на разграбленіе. Одни оружейные мастера, законники и ученые избѣгнули смерти. За то могилы женъ пророка украсились мраморными гробницами. Истребленіемъ мирнаго Дамаска Тимуръ желалъ утѣшить мамелюковъ и всѣхъ, кто еще загоразивалъ ему дорогу къ Баязету.

Послѣ краткаго отдыха въ раю, между р.р. Тигромъ и Евфратомъ, онъ обратился къ халифату. Правитель Багдада джела-ридь Ахмедъ сопротивлялся какъ могъ и затѣмъ, въ отчаяніи, бросился вмѣстѣ съ дочерью въ р. Тигръ. Послѣ сорокадневной осады, Тимуръ воспользовался священнымъ днемъ мусульманина—днемъ жертвоприношеній,—и нагрянулъ на защитниковъ, слиш-

комъ положившихся на высокій исламизмъ врага. При разрушеніи Багдада, были пощажены только мечети и медресе. За исключеніемъ имамовъ, законниковъ и профессоровъ, вся остальная масса населенія принесла, вмѣсто жертвенныхъ овецъ, свои головы, изъ которыхъ образовался высокій монументъ въ честь побѣдителя. На эту пирамиду доставлено девяносто тысячъ головъ.

Слѣдующій годъ ушелъ на небольшія военныя экскурсіи, на смотры войскъ и на военные праздники. Проводя зиму въ теплой долинѣ и ожидая подкрѣпленій изъ Мавераннахра и Ираковъ, Тимуръ пировалъ и раздавалъ награды багадурамъ, отличившимся въ дѣлахъ съ непріятелемъ. Своего внука Мухаммедъ-Мирзу онъ наградилъ золотою короною и девятью девятками прекрасныхъ лошадей.

Здѣсь, въ одной изъ генеральныхъ охотничьихъ облавъ, А'ризъ-Лашкеръ насчиталъ четыреста тысячъ человекъ, но войска все еще продолжали подходить и при томъ въ строго регулярномъ порядкѣ. Каждый тумень имѣлъ уже свою опредѣленную форму, такъ что при бѣломъ знамени—и лошади и латы и колчаны были тоже бѣлаго цвѣта.

Весною придворные астрологи обратили вниманіе Сагибъ-уль-Кырана на появленіе кометы кроваваго цвѣта, затмѣвавшей по ночамъ все прочія свѣтила. Длинный хвостъ ея, обращенный на востокъ, появлялся при мѣсяцѣ и, по объясненіямъ истолкователей, предвѣщалъ наступленіе кровавой войны. Имя побѣдителя не оставалось для звѣздочетовъ тайною, такъ какъ въ сочетаніи лучей кометы легко было прочесть имя Тимура и—никого болѣе.

Послѣдній торжественный смотръ войскамъ Тимуръ произвелъ въ присутствіи пословъ соперника, которымъ разрѣшилъ остаться и при присягѣ по поводу предстоящаго важнаго дѣла. Все принцы-тимуриды и начальники туменей, представъ передъ своимъ вождемъ, цѣловали передъ нимъ землю съ воззваніемъ къ Аллаху о ниспосланіи ему непреодолимой силы.

Истомивъ, наконецъ, своего противника и уничтоживъ съ болѣзненнымъ ожесточеніемъ его окраинныхъ вассаловъ, Тимуръ двинулся съ береговъ р. Аракса по направленію къ Ангорѣ. При этомъ, его летучія колонны соблюдали всевозможныя военныя предосторожности: лѣса, горы и переправы подвергались тщательному обзору, а инженеры и саперы очищали путь и строили мосты на столько крѣпкіе, что по нимъ безопасно проходили слоны.

ДВѢ ВОЛНЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

БИТВА ВОЙСКЪ ТИМУРЪ-ЛЕНГА СЪ ГВАРДІЕЙ БАЯЗЕТА.

Баязеть тоже направился къ Ангорѣ.

Окруживъ его шпионами, Тимуръ понималъ, что и онъ въ свою очередь окруженъ шпионами противника. Слѣдя по этому полнѣйшее наружное спокойствіе, онъ предавался, въ дни отдохнута, съ своимъ походнымъ штатомъ законниковъ и богослововъ философскимъ размышленіямъ. На заданную имъ тему: «правъ ли завоеватель, кидая во время войны тысячи живыхъ людей въ ямы?» ученые, счастливо избѣгнувшіе этихъ ямъ, отвѣтили совершенно успокоительно: воинъ-де пророка обязанъ быть высокимъ какъ пальма и крѣпкимъ какъ сталь. Впрочемъ, желая смягчить наведенный имъ ужасъ, онъ посѣщалъ могилы—сегодня Ноя, завтра женъ Мухаммеда и его мю'ezzина. Но разумѣется это высокое душевное настроеніе не мѣшало ему зорко слѣдить за всѣми поступками непріятеля.

Пышный Баязеть велъ себя иначе. Чтобы выказать пренебреженіе къ противнику, онъ затѣялъ передъ его глазами генеральную охоту. Увы! проведя нѣсколько дней въ этой забавѣ, онъ доставилъ врагу величайшее наслажденіе. Его тысячи соколовъ и собакъ въ драгоцѣнныхъ ошейникахъ были великолѣпны, но увлеченіе ими не способствовало его успѣху. Пользуясь свободою, Тимуръ избралъ удобную позицію и разставилъ, по всѣмъ правиламъ стратегіи, свою полумилліонную армію. Передъ ея фронтомъ были вытянуты ряды слоновъ съ башнями для стрѣлковъ и метательнаго огня. Лагерь укрѣпили частоколомъ и рвомъ....

Наконецъ у горы, гдѣ Помпей разбилъ Митридата, оба войска стали въ боевой порядокъ. Войсками Тимура и его соперника командовали ихъ сыновья и внуки. Зять Баязета, сербъ Стефанъ Лазаревичъ начальствовалъ его гвардіей, составленной изъ европейскихъ рыцарей....

Бой начался ровно утромъ, при восклицаніяхъ со стороны Тимура «сюрюнь!» и «Алла!»—со стороны оттомановъ. Знакъ къ бою подалъ дервишъ, вышедшій изъ фронта войскъ Тимура и пропѣвшій громко воинственную молитву.

На этотъ разъ, Тимуръ отомстилъ противнику своего рода высокоомбіемъ: въ разгаръ боя, онъ сѣлъ играть въ шахматы съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто передъ нимъ совершалась повседневная картина.

Разумѣется, не онъ одинъ, но и сыновья его и довѣренныя эмиры знали уже, какія части войскъ Баязета были подкуплены и

золотомъ и обѣщаніями. Еще бой былъ вначалѣ, какъ войска Анатолиі перешли уже на сторону Тимура. Янычары и европейскіе кирасиры дались въ обманъ, погнавшись за притворно бѣжавшими эмирами и попали въ засаду. Одни сербы дрались какъ львы. Опытный глазъ Стефана видѣлъ, однако, что сраженіе проиграно и даже не вслѣдствіе однѣхъ измѣнъ, но и по превосходству непріятельской тактики. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, но Баязета, чело-вѣка упрямаго и нелюбимаго войскомъ, нельзя было спасти.

Въ битвѣ при Ангорѣ столкнулись—молніеносный побѣдитель странъ и народовъ съ желѣзнымъ потрясателемъ земли. Съ обѣихъ сторонъ участвовало болѣе милліона солдатъ. Оба вождя были окружены блестящими свитами изъ принцевъ и полководцевъ. Татары, персы, грузины, армяне, турки и сербы дрались то съ одной, то съ другой стороны; на этотъ разъ желѣзо остановило удары молніи.

Послѣ жаркаго боя, армія Баязета распалась на двѣ громадныя толпы бѣглецовъ, направившихся частью къ морю, частью къ горамъ. Вскорѣ Баязетъ, оставленный войсками и даже сыновьями, увидѣлъ себя только посреди десяти тысячъ, оставшихся ему вѣрными, янычаръ. Но нестерпимая жажда подкосила силы и этихъ бойцовъ, такъ что, къ наступленію ночи, отъ его громадной арміи остались одни бивуачные слѣды.

Кромѣ того, припадокъ сильной подагры и паденіе съ лошади не дали ему и возможности уйти отъ погони и онъ — еще недавній побѣдитель Византіи, а теперь изнеможенный и обезславленный плѣнникъ—очутился передъ лицомъ врага! Его поставили передъ Тимуромъ въ ту минуту, когда этотъ объявлялъ своему партнеру шахъ и матъ!

Гаремъ и сокровища эпикурейца—султана достались чело-вѣку, котораго онъ еще недавно называлъ калѣкою и степнымъ разбойникомъ. При видѣ цвѣтковъ гарема, побѣдитель впалъ въ глубокое раздумье. Пройдя всю Азію, онъ видѣлъ и красавицъ Ирана и баядерокъ Индіи, но онѣ не шли и въ сравненіе съ женами и рабынями Баязета. Вспомнивъ же о своихъ таджикскихъ дамахъ, онъ принужденъ былъ сознаться, что до сихъ поръ не видѣлъ истинной красоты. Тамъ, въ Мавераннахрѣ, кожа красавицъ нисколько не отличалась отъ выдѣланнаго сафьяна, а у этихъ была нѣжна, эластична.... Бюсты были достаточно открыты, чтобы сравнить ихъ съ бюстами самаркандскихъ дѣвъ и матронъ. Наконецъ, изъ широкихъ шелковыхъ шальваръ, скрѣпленныхъ у лодыжекъ золо-

тыми аграфами, выглядывали маленькія ножки, видимо щеголявшія высокимъ подъемомъ въ крошечныхъ туфляхъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, Тимуръ рѣшилъ, что гаремъ Баязета неудобенъ для его страны. Во первыхъ, его собственная семья взбунтовалась-бы при видѣ чудесныхъ соперницъ, а во вторыхъ, жены и дочери таджиковъ вздумали-бы подражать соблазнительнымъ пери. Плѣнному гарему была предоставлена поэтому полная свобода....

Побѣжденнаго соперника Тимуръ принялъ великодушно. Увидѣвъ его изнеможеннымъ отъ физической боли, неимоверной жары и нравственнаго угнетенія, онъ обласкалъ его и поклялся за сохраненіе его жизни.—«Неисповѣдимы вѣлія Вседержители!» замѣтилъ онъ недавнему гальдераму.—«Онъ даровать полміра мнѣ, калѣкѣ, а другую половину тебѣ, разслабленному, но какъ мы оба ничтожны въ глазахъ Господа!»—Даже отысканный въ числѣ плѣнниковъ, сынъ Баязета—Муса былъ доставленъ къ отцу, «чтобы утѣшиться взаимнымъ обществомъ», въ почетномъ платьѣ. Но все таки любезности побѣдителя не обошлись безъ серьезнаго почетнаго караула.

Битва при Ангорѣ принесла Европѣ и христіанству неоцѣнимую историческую услугу. Поставивъ на этотъ разъ высокомеріе выше интересовъ мусульманства, Тимуръ принудилъ Баязета снять осаду Константинополя и остановить наводненіе Европы слугами Пророка. Между тѣмъ, передъ соединенными силами этихъ двухъ геніевъ войны, вся Европа могла-бы очутиться въ рабскихъ цѣпяхъ!

Въ дни нахожденія Баязета подъ стражею, преданные ему люди повели было подземную мину къ его палаткѣ, но ихъ стараніе послужило только къ усиленію надзора за плѣнникомъ. Тимуръ распорядился доставить его въ Самаркандъ, въ качествѣ величайшаго изъ своихъ трофеевъ. Подагрику трудно было держаться на конѣ, поэтому устроенное для него сѣдло имѣло перильца, вызвавшія извѣстную сказку о клѣткѣ, въ которой будто-бы везли павшаго султана оттомановъ. Сказаніе это дошло и до рус. лѣтописца, который, говоря, о Тимурѣ, замѣтилъ, что онъ—«Царя Кресція Турскаго въ клѣтѣ желѣзной вожансе съ собою».

Но намѣреніе Тимура выставить трофей свой на показъ Мавераннагру не сбылось. Надломленный несчастіями и болѣзнями, Бая-

зеть умеръ отъ удара, не воспользовавшись и данною ему уже свободою. Передъ смертію, онъ просилъ Тимура не истреблять его семьи и не разорять Румъ,—прибѣжище ислама. Тимуръ разрѣшилъ похоронить его въ Бруссѣ и, въ знакъ уваженія къ покойному, разрѣшилъ полный трауръ, состоявшій въ то время изъ голубаго платья съ войлочными воротниками. Съ момента смерти до момента погребенія не переставали бить въ барабаны. Близкія-же къ покойному женщины невозбранно наполнили свои пазухи камнями и безпрерывно плакали и причитали.

Послѣ погрома Ангоры, изъ массы плѣнныхъ были выбраны знаменитые ученые и великій чтецъ корана, которые и отправлены въ Самаркандъ.

Историческое подѣ Ангорою событіе закончилось отправкою гонцовъ во все концы мусульманскаго міра съ извѣстіями о побѣдѣ и за одно, къ Византійскому императору, съ требованіемъ дани, которую тотъ платилъ Баязету.

Довершая завоеваніе малой Азіи, Тимуръ побывалъ въ Галатинѣ, Фракіи и Пафлагоніи и повсюду, съ приближеніемъ его багатуровъ, замирали и человѣческій голосъ и дѣтскій плачъ. Христіанство не существовало здѣсь уже болѣе столѣтія, о чемъ позаботились египтяне, сломившіе при Акрѣ послѣднія усилія крестоносцевъ. На Акру возлагались тогда серьезныя надежды. Цвѣтъ рыцарства вышелъ на ея стѣны и засѣлъ въ ея башняхъ, но египтяне обладали баллистами и катапультами страшной силы. Осажденные были забросаны массою камней и защита сдѣлалась невозможною. Король бѣжалъ на островъ Кипръ и христіанское владычество въ Палестинѣ пало съ того момента на многіе вѣка!

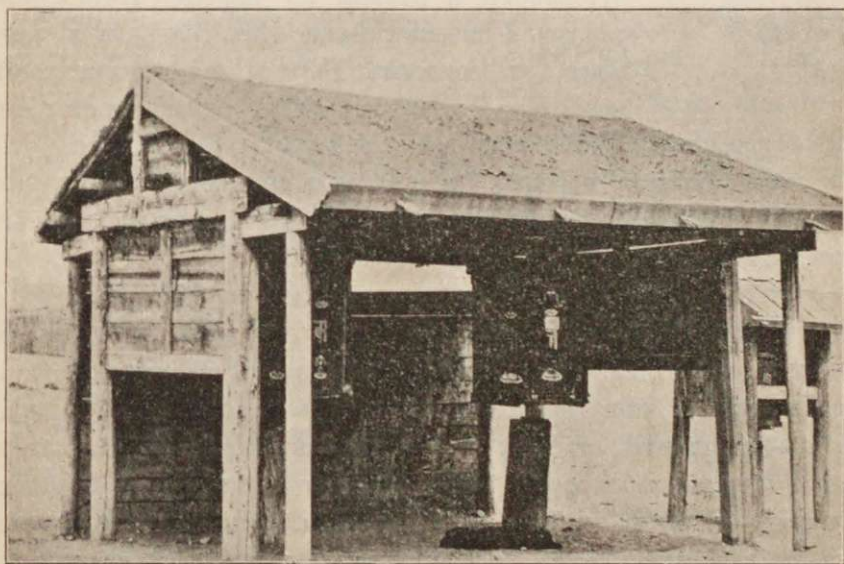
Тѣмъ не менѣе, Тимуръ успѣлъ еще помѣряться силами съ европейскими рыцарями при осадѣ Смирны. Раскинувъ свои тумены по всей имперіи оттомановъ, онъ не могъ оставить Смирну безъ осады и штурма. Смирну защищали рыцари Родоса, подѣ начальствомъ брата Вильгельма-де-Мине. Ему-то, прежде нежели приступить къ штурму цитадели, Тимуръ сдѣлалъ предложеніе явиться съ данью и выставить его знамя на стѣнахъ цитадели. Рыцарь отвергъ это предложеніе и—боевые литавры Тимура загремѣли.

Цитадель Смирны сообщалась съ моремъ, на которомъ стояли галеры родосцевъ. Вскорѣ осажденные увидѣли, какъ со стороны земли подвинулись къ нимъ башни, на высокихъ штурмовыхъ

лѣстницахъ, а со стороны моря выросла плотина, изъ набросанныхъ камней. Тогда цитадель оказалась окруженною со всѣхъ сторонъ. Родосцы сопротивлялись упорно, но ни горящія стрѣлы, ни снаряды съ греческимъ огнемъ не избавили ихъ отъ безпощаднаго натиска Тимура. Въ двѣ недѣли осады, средства осажденныхъ были истощены и рыцарямъ оставалось только бѣгство на подоспѣвшихъ темною, бурною ночью галерахъ, присланныхъ гроемейстеромъ ордена.

Все населеніе Смирны подверглось истребленію. Вслѣдъ удалившимся родосцамъ, войска Тимура стрѣляли отрубленными головами. Паденіе Смирны вызвало преклоненіе передъ Тимуромъ Лесбоса и Хіоса, а съ ними и генуэзцы посѣщили съ своими дарами.

Смирна была конечнымъ пунктомъ на западѣ, до котораго достигали войска Тимура. Геллеспонтъ задерживалъ дальнѣйшее ихъ шествіе. Распорядившись всѣми пройденными землями, какъ вассальными владѣніями, и посѣтивъ еще разъ съ огнемъ и мечемъ Арменію и Грузію, онъ предоставилъ ихъ намѣстникамъ на ленномъ правѣ и, послѣ четырехлѣтняго отсутствія изъ Мавераннагра, возвратился, уже въ девятый разъ, триумфаторомъ въ свою столицу.

Общественная молитвенная мельница.
(въ Монголіи).

ХІІІ.

ТИМУРЪ-ЛЕНГЪ ВЪ ЗЕНИТЪ СЛАВЫ.

(1404 г.).

умъ битвы при Ангорѣ не успѣлъ стихнуть, какъ три тумена всадниковъ уже гнались за старшимъ сыномъ Баязета, намѣреавшимся захватить въ Бруссѣ государственныя сокровища оттомановъ и бѣжать въ Европу. Пять сутокъ длилась бѣшеная погоня. Изъ тридцати т. чело-вѣкъ, къ воротамъ Бруссы прискакали только четыре т., которыхъ было однако достаточно, чтобы помѣшать Сулейману воспользоваться богатствами отца. Вся казна Баязета перешла въ руки его счастливаго противника, который поразился также и пріобрѣтенію знаменитыхъ ученыхъ Шамседина-Фенари и Мухаммеда-Джесери.

Никогда еще Тимуръ не возвращался въ Мавераннагръ съ такимъ торжествомъ, какимъ украсили его путь побѣдоносныя войска и намѣстники его земель. Мавераннагръ потерялся даже въ соображеніяхъ: чѣмъ приличнѣе обставить его дорогу на вершину «отца—пастуховъ», гдѣ ему приготовили царственный шатеръ. Саиды предлагали окропить дорогу кровью жертвенныхъ барановъ, а купцы—покрыть ее тканями и коврами. Кажется восторжествовалъ первый планъ, такъ что Тимуръ взошелъ на вершину холма путемъ небывалаго величія.

Прежде нежели вступить въ столицу, онъ пожелалъ вознаградить войска за перенесенные ими труды и совершенные ими подвиги. Поэтому церемоніймейстеры его доставили къ подножію холма все оружіе, какое мастера изготовили, во время его отсут-

ствія, множество почетныхъ одеждъ и великолѣпной сбруи. Серію этихъ подарковъ дополняли серебряные кушаки съ каменьями, кольца съ печатями, золоченыя стремяна, сѣдла съ инкрустаціями изъ слоновой кости и парадные панцыри изъ тигровыхъ шкуръ.

Вскорѣ долина р. Зеро покрылась необозримымъ военнымъ лагеремъ и подоспѣвшими караванами съ военными трофеями. Сотни слоновъ и тысячи верблюдовъ были навьючены царственными драгоценностями и именно царственными, такъ какъ въ ихъ числѣ находились короны Арменіи и Грузіи и чалмы самого Баязета. Число сундуковъ, наполненныхъ золотомъ и драгоценными камнями, было такъ велико, что ихъ достало бы на высокую стѣну для урды.

Когда Тимуръ доложили о приходѣ каравановъ съ трофеями, онъ назначилъ день военного праздника и раздачи наградъ. Въ этотъ день, онъ явился передъ народомъ и войсками на тронѣ, съ короною на головѣ. Его окружила свита изъ сыновей, внуковъ, визирей, эмировъ, багадуровъ, саидовъ и улемовъ. Берега долины р. Зеро были покрыты моремъ всадниковъ.

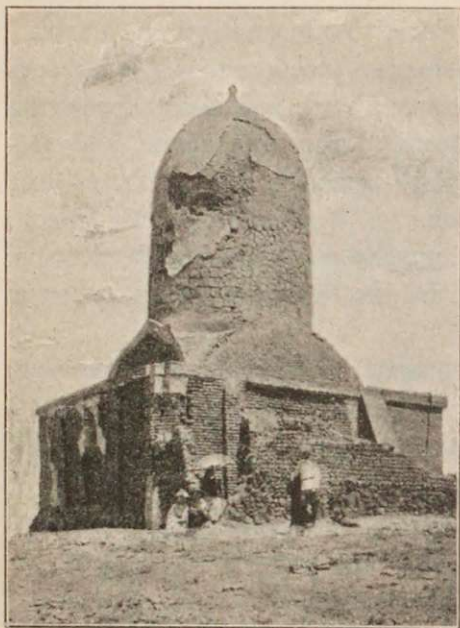
Дѣла докладывали визири.

Первыя награды онъ роздалъ своимъ сыновьямъ и внукамъ. Старшіе изъ нихъ получили области въ завоеванныхъ странахъ, на правахъ наместниковъ, а младшіе—лошадей, рабынь и верблюдовъ съ таинственными сундуками. Потомъ, послѣдовало поголовное повышеніе изъ одного класса въ другой эмировъ, а рядовыхъ—въ «храбрецы». Бунчуки, знамена и литавры раздавались также съ большою щедростью. Вообще, обойденныхъ наградами не было, такъ что отецъ—пастуховъ никогда еще не видѣлъ такого числа счастливыхъ людей, какъ въ день этого военного торжества.

За наградами послѣдовалъ раздѣлъ военной добычи. Соблюдая этикетъ, сыновья поднесли короны отцу, а онъ, подержавъ каждую на своей головѣ, передалъ ихъ церемоніи-мейстерамъ и потомъ онѣ оставались, до конца праздника, на подушкахъ у его ногъ. Ему же подвели и слона съ величественнымъ трономъ Баязета, которому нашлось мѣсто только позади скромнаго трона Джагатая, покрытаго бѣлымъ войлокомъ.

Прочіе трофеи онъ распредѣлилъ съ тактомъ человѣка, рожденнаго не въ бѣдной курганчѣ, возлѣ дымнаго очага, а подъ покровомъ шелковыхъ тканей съ золотыми травами. Мраморную подставку для корана—«роаль»—на столько массивную, что для

доставленія ея изъ Багдада понадобились сотни быковъ, онъ отдалъ въ главную мечеть Самарканда. Всадники, потерявшіе въ

Руины мавзолея, сооруженнаго Тимуръ-ленгомъ на вершинѣ «отца пастуховъ».

походѣ лошадей, получили ихъ по цѣлому десятку. Табуны буйволовъ ушли на работы въ многочисленныхъ садахъ и при постройкѣ грандіозныхъ мечетей и усыпальницъ. Драгоцѣнная сбруя на чистокровныхъ арабскихъ скакунахъ порадовала визирей, а сокола и собаки — эмировъ. Массы женскихъ украшеній перешли въ гаремы вельможъ. Ковры роздали ткачамъ, а клинки ятагановъ — оружейникамъ, на образцы. Рабыни промѣняли своихъ прежнихъ повелителей на новыхъ, безъ особыхъ сердечныхъ утратъ и сожалѣній.

Можно думать, что въ числѣ добычи заключалась и библиотека, захваченная въ Брюссѣ.

Даруя и въ пылу ожесточенной ярости пощаду ученымъ и оберегая ихъ отъ солдатъ, Тимуръ дорожилъ лѣтописями и книгами, какъ продуктами творчества излюбленныхъ людей. Разумѣется, въ то время, когда багадуры бросали людей съ утесовъ или разрывали ихъ на части, никому не приходило желаніе беречь книги. Но библиотеки Арменіи и Брюссы, если вѣрить сказаніямъ, уцѣлѣли и хранились потомъ въ башнѣ, въ которую допускались одни глубокоученые улемы. Время и погромы Ср. Азіи изгладили слѣды этого драгоцѣннаго книгохранилища.

Послѣ раздачи наградъ и раздѣла добычи слѣдовало совершить правосудіе и тогда уже предаться отдыху и угощенію. Разумѣется, невозможно было разрѣшить всѣ накопившіяся жалобы, поэтому Тимуръ выбралъ двѣ-три, чтобы никто не подумалъ объ отказѣ гуръ-хана въ правосудіи. Первая изъ нихъ поступила отъ жителей Самарканда на главнаго инспектора арыковъ за то, что онъ запиралъ воду на замокъ и отпускалъ ее за взятки. Обвиненіе

въ убійствѣ и грабежѣ не было-бы такъ тяжело, какъ обвиненіе въ притѣсненіи при отпускѣ воды. Тимуръ приказалъ вызвать благонамѣренныхъ людей, которые могли опровергнуть или подтвердить обвиненіе. Обвинителями явились непогрѣшимые люди—саиды. Разумѣется, обвиненный не могъ услышать ничего другаго какъ только: «алибѣ баринъ!» Соблюдавшійся въ подобныхъ случаяхъ этикетъ требовалъ, чтобы всѣ присутствовавшіе, при произнесеніи приговора, возблагодарили Создателя за внушеніе повелителю мудраго и справедливаго рѣшенія. Даже обвиненный не освобождался отъ обязанности призвать имя Аллаха во славу гурь-хана. Этикетъ былъ выполненъ на этотъ разъ съ удвоеннымъ усердіемъ, но только обвиненный не успѣлъ воскликнуть «Аллахъ-Экбаръ!», какъ бывший уже на готовѣ палачъ перерѣзалъ ему сонную артерію. Трупъ сбросили въ р. Зеро.

Наступила пора угощенія войскъ и народа. Нужно думать, что недостатка въ пищѣ не было, такъ какъ страны, лежавшія за р. Аму, совершенно обѣднѣли по проходѣ туменей, возвращавшихся изъ похода, лошадьми и скотомъ. За то, по берегамъ р. Зеро дымились теперь тысячи печей и суетился громаднѣйшій персоналъ пекарей и поваровъ, готовившихъ горы мяса, хлѣбныхъ лепешекъ, пилава и птицы, битой соколами.

Когда пища была роздана, Тимуръ, покрывшись боевымъ головнымъ уборомъ—войлочнымъ малахаемъ съ драгоценными рубинами,—обѣхалъ весь свой необъятный лагерь. Ему предшествовали музыканты. Въмѣсто-же фельдмаршальскаго жезла, онъ держалъ ту самую баранью лопатку, которую поднесли ему на курилтаѣ, при избраніи его въ Эмиры Мавераннагра. Во время его обѣзда проявлялись такія минуты общей восторженности, что саиды могли бы объявить его Пророкомъ и никто не вспомнилъ-бы о многихъ тысячахъ исламитянъ, такъ недавно еще сложенныхъ въ башни и пирамиды. . . .

Наполнивъ боевыя сердца эмировъ и багадуровъ благодарными чувствами, а ихъ карманы жалованьемъ, выданнымъ за все время похода противъ оттомановъ, Тимуръ вступилъ въ столицу, готовую уже принять достойнымъ образомъ своего державнаго хозяина.

Чингисиды, преклонявшіеся исключительно передъ стихійною силою огня, меча и стрѣлы, оставили Самаркандъ въ полуразоренномъ состояніи. Шедшій черезъ него торговый путь въ Индію

заглохъ. Оросительные каналы его заросли бурьяномъ. Мечети и медресе разрушились и сады зачахли и затаились паутиною чужаидныхъ растений. Но Тимуръ давно уже призвалъ свою столицу къ новой жизни и прежде всего возобновилъ запущенную ирригацію, безъ которой не могло существовать любимое имъ садоводство. Каждое выдававшееся событіе онъ ознаменовывалъ разведеніемъ новаго сада или сооруженіемъ грандіознаго зданія. Женитьбѣ его на Туманъ-Акѣ, Самаркандъ обязанъ устройствомъ «райскаго сада», поражаваго и европейскій вкусъ очаровательнымъ расположеніемъ и архитектурною прелестью. Ради его величія и красоты, были соединены двѣнадцать садовъ въ одинъ безконечный паркъ съ дворцами, прудами и фонтанами. Дворецъ былъ воздвигнутъ изъ бѣлаго мрамора, на искусственномъ холмѣ, покрытомъ коврами живыхъ цвѣтовъ. Фонтаны этого сада играли золочеными шариками, то взлетающими на воздухъ, то падавшими на вершину сильной струи.

По случаю женитьбы на Тукель-ханымъ, онъ подарилъ Самарканду «садъ, восхищающій сердца». Къ сооруженію его были призваны не только ремесленники и художники, но и астрологи, выбравшіе благополучный часъ для разбивки дорожекъ. Здѣсь опять красовались мраморныя колоннады, обвитыя виноградомъ, аллеи сикоморовъ и павильоны изъ фарфоровыхъ украшеній.

Въ честь одной изъ своихъ внучекъ, онъ приказалъ развести садъ, который служилъ-бы восхищеніемъ всему міру. За работами наблюдали нѣсколько эмировъ. Мраморы для его бассейновъ привезли изъ Тавриза, птицъ въ клѣткахъ—изъ Индіи; оттуда же и молодыхъ слоновъ. Роскошь и чарующіе виды «Шималя» вошли потомъ въ поговорку, когда рѣчь заходила о несравнимомъ великолѣпіи.

Парки изъ чинаровъ и тополей были также красою Самарканда. Замки ихъ, украшенные снаружи сирийскими рѣзчиками и росписанные внутри аль-фреско, напоминали сказочныя жилища съ золотыми столами, райскими птицами и восхитительнымъ ароматомъ.

Богатые граждане города пошли по слѣдамъ увлеченій гуръ-хана. Неудивительно поэтому, что посланникъ Короля Кастиліи увидѣлъ передъ собою одинъ сплошной, необозримый садъ и только посреди его—столицу міродержца—городъ. Ведя хронику своего путешествія въ «Тимурбекову» землю, де-Клавиго ни въ чемъ не

погрѣшилъ, написавши о Самаркандѣ, что земля его богата «хлѣбомъ, виномъ, плодами, и птицами» и что не только въ произведеніяхъ земли и климатѣ заключается его богатство, но и «въ шелковыхъ тканяхъ, атласѣ и тафтѣ». Къ этому времени, толпы плѣнныхъ мастеровъ и художниковъ развили въ Мавераннагрѣ златотканное, оружейное, стекольное и даже писчебумажное производство.

Въ Самаркандѣ Тимуръ имѣлъ удовольствіе прослѣдовать къ урду, подъ навѣсомъ созданнаго имъ караванъ-сарая, проходившаго прямою линіею изъ одного конца города въ другой. Постройка его была выполнена чрезвычайно просто: все встрѣчное сломано и, взявъ сломаннаго, построено крытый пассажъ. Распорядители получили за то новые почетные халаты, а владѣльцы разрушенныхъ домовъ—право благословлять мудрость Тимура. Строительная горячка обуревала его до того, что онъ лично наблюдалъ за работами и раздавалъ рабочимъ мясо и деньги.

Вообще же, придворные исторіографы сложили еще при его жизни поговорку, гласившую что:—«Самаркандъ—лицо земли, а Бухара—мозгъ ислама».—Они же записали на память, что отъ дней святаго Пророка никакая страна не производила столько имамовъ и богослововъ, какъ Мавераннагръ при Тимурѣ.

Въ составѣ населенія Мавераннагра преобладали уже въ ту пору сарты, названіе которыхъ вызвало у десяти солидныхъ историковъ десять солидныхъ монографій, съ совершенно различными выводами. Выводы каждаго изъ нихъ чрезвычайно убѣдительны. Не прибавляя къ нимъ одиннадцатаго трактата, достаточно сказать, не прибѣгая къ Птоломею или къ Марцеллину, что названіе это можно отнести съ одинаковымъ успѣхомъ и къ киргизскому слову «сары-атъ», обозначающему желтую сабаку и къ греческому названію нынѣшней р. Аму «Яксартъ». — Затѣмъ, ничѣмъ нестѣсняемые филологи нашли, что сартъ означаетъ и старьевщика, и труса, и нѣженку, а главное ростовщика съ безбожными процентами.

Несомнѣнно лишь то, что сарты—люди иранскаго происхожденія—очень представительны, смугловато-бронзовы, стройны, сухи по преимуществу, съ выразительными глазами и съ аристократическими конечностями. Въ бѣлой чалмѣ и въ халатѣ, сарты представляются въ старости образцами библейской красоты.

Бороды ихъ въ большомъ уваженіи; головы разумѣется выбриты и усы подстрижены.

Въ царственной столицѣ не могла сохраниться простота чингисидовъ, поэтому Тимуръ придалъ своему дворцу величіе, соответствовавшее его сану. Дворецъ его помѣщался въ цитадели и шелъ уступами, по склону горы, въ нѣсколько этажей. Съ вершины горы легко было защищаться не только стрѣлами, но и ручнымъ оружіемъ. Защита вѣрялась дворцовой стражѣ изъ двѣнадцати тысячъ жандармовъ. Старшіе эмиры и принцы жили также во дворцѣ, служа ему охраною и находясь сами подъ его надзоромъ.

Во дворцѣ достойны были вниманія—роскошь гарема и простота пріемной залы. О баснословной роскоши гарема шли, впрочемъ, неясные слухи; стѣны его, покрытыя венеціанскими зеркалами, представляли по тогдашнему времени сказочное богатство. Пріемный залъ могъ быть названъ пріемнымъ дворомъ. То была площадь удлиненнаго четырехугольника, окруженная со всѣхъ сторонъ деревяннымъ навѣсомъ незатѣйливой работы. Противъ входа, на противоположномъ концѣ двора, у стѣны, стоялъ—и стоитъ и теперь—тронъ Тимура, который принято называть «кокъ-ташемъ». Вопреки своему названію, глыба мрамора—не болѣе пяти четвертей въ вышину и четырехъ аршиновъ въ длину—сѣроватаго цвѣта съ незамысловатыми арабесками и рѣзными по угламъ колонками, не представляетъ ничего поражающаго воображеніе. Въ дни аудіенцій, тронъ покрывали бѣлымъ войлокомъ. Неподалеку отъ него, въ стѣнѣ, красовался—и красуется теперь—кусочъ желѣза, по всѣмъ признакамъ метеорнаго происхожденія—служившій талисманомъ, подареннымъ однимъ изъ халифовъ, должно быть очень бережливымъ человѣкомъ.

Не смотря на несомнѣнно умышленную простоту трона, онъ имѣлъ большое символическое значеніе во всей послѣдующей жизни тимуридовъ. Высота его не затрудняла гуръ-хана, такъ какъ предъ нимъ не было недостатка въ знатныхъ плѣнникахъ, готовыхъ замѣнить своими спинами необходимыя подставки. Своихъ эмировъ Тимуръ не употреблялъ для этой лѣсенки. Народу-же никто не мѣшалъ вѣрить, что кокъ-ташъ упалъ съ неба и былъ подаркомъ Пророка его вѣрному слугѣ.

Простота тронной залы была также плодомъ умышленнаго расчета. Народъ видѣлъ гуръ-хана въ одеждѣ ничтожной цѣны и

подъ навѣсомъ, какой не трудно встрѣтить и въ курганчѣ, между тѣмъ, передъ нимъ стигались до земли принцы, плѣнные фельд-маршалы, независимые кн., предводители ордъ и послы императоровъ и королей!...

Послѣ блистательной побѣды надъ оттоманами, послы ожидали возвращенія Тимура съ большимъ нетерпѣніемъ. Они торопились принести ему поздравленіе и вывѣдать, куда онъ намѣренъ направить своихъ багадуровъ. Въ числѣ пословъ можно было видѣть и Рюи-Гонзалеса-де-Клавиго, камергера короля Кастиліи и маленькаго смѣшнаго человѣчка съ длинною косою, рискнуваго отрекомендоваться посланникомъ китайскаго императора. Китай, вытѣснивъ изъ своихъ предѣловъ монгольскія войска, выступалъ вновь на поприще независимости и даже надменности.

Послы однако ошиблись, ожидая, что Тимуръ приметъ ихъ тотчасъ же по прибытіи въ Самаркандъ. Прежде ихъ, и даже прежде своихъ визирей, онъ принялъ архитекторовъ, инженеровъ, садоводовъ и мастеровъ каменнаго дѣла. Всѣ они явились къ нему съ рисунками, планами и образцами, способными плѣнить своимъ вкусомъ и разнообразіемъ самое изощренное требованіе. Но каково-бы ни было увлеченіе Тимура грандіознымъ строительствомъ, все таки интересы саидовъ, улемовъ и ауліе, стоявшихъ у вратъ ислама, оставались у него на первомъ планѣ.

Можно утверждать, что, говоря о своей набожности, Тимуръ былъ искрененъ и не фарисействовалъ, совѣщаясь съ людьми твердыхъ религіозныхъ убѣжденій. Въ возмужаломъ возрастѣ онъ постоянно сносился съ настоятелями орденовъ, съ шейхами и саидами; они, въ свою очередь, поддерживали въ немъ вѣру то различными знаменіями, то благопріятными истолкованіями его иллюзій и даже сновидѣній. Поэтому, первое правило, «которое возшло на востокъ его сердца», касалось возвеличенія корана, какъ кодекса превосходнѣйшаго изъ смертныхъ. Изъ саидовъ онъ избралъ министра духовныхъ дѣлъ, завѣдывавшаго совѣстью подвластныхъ ему исламитянъ. Власть его была обширна: онъ назначалъ попечителей мечетей, муфтій въ городахъ, инспекторовъ рынковъ и кази для народа.

Придерживаясь строгой почвы ислама, онъ не могъ оставить нравственную сторону жизни населенія безъ своего попеченія. Трудно теперь сказать, въ какомъ у него почетѣ была «дарра» — ременная плетъ, установленная шаріатомъ, для укрѣпленія мусуль-

манъ въ правилахъ вѣры и нравственности. Рисковано было-бы тоже сосчитать и «мухтасибовъ», этихъ эдиловъ, завѣдывавшихъ религіозными и нравственными обязанностями народа. Но то, что дарра была въ ходу, особенно на базарахъ и мухтасибы наставляли встрѣчавшихся на улицахъ женщинъ не носить украшеній, такъ какъ онѣ соблазняютъ мужчинъ, то въ этомъ служитъ порукою имя второго халифа Омара. Онъ первый замѣнилъ обычное наказаніе подошвами калошъ—плетью изъ бараньей кожи. Во время наказанія и «раисъ» и наказуемый обязаны были распѣвать стихи изъ корана. Впрочемъ, вся операція велась чрезвычайно законно: ремень вырѣзывался изъ кожъ верблюда, коровы и зайца, ручка изъ масличнаго дерева и, затѣмъ, законъ указывалъ, гдѣ и что прикрѣпить, закрутить и сшить. При этомъ точномъ регуляторѣ, надзирателямъ не трудно было дисциплинировать поднадзорный имъ міръ нравственности.

Плеть всегда несли за раисомъ его прислужники.

Саиды, хорошо одаренные Тимуромъ, почтили его титуломъ возстановителя вѣры. Мало того, сообщая съ улемами, они издали объ этомъ посланіе, разосланное во всѣ концы мусульманства. Оно говорило:—«Въ каждомъ вѣкѣ Аллахъ посылаетъ на землю в. защитника, возстановителя и распространителя вѣры. Въ первомъ вѣкѣ гиджры, народъ ислама дѣлился на партіи: одна изъ нихъ проклинала халифовъ, другая злословила Али. — Омаръ-Абдуль-Азисъ удержалъ ихъ отъ братоубійственной войны и сдѣлался опорой Пророка. Во второмъ вѣкѣ, появилось множество ложныхъ вѣроучителей. Халифъ-Мамунъ Справедливый осудилъ ихъ и направилъ вѣру на истинный путь. Въ третьемъ вѣкѣ, религія готова была исчезнуть. Священная Мекка находилась въ рукахъ караматовъ, не убоявшихся вырвать изъ Ке'абы Черный Камень. Они истребили тридцать тысячъ пилигримовъ. Но явился Моктадиръ Биляхъ и армія его возстановила религію. Въ четвертомъ вѣкѣ, появились противныя вѣрѣ новшества и испорченность нравовъ, но Азадоулетъ-Дилеми низвергъ виновнаго халифа и залѣчилъ язвы религіи....»

Перечисливъ всѣ восемь вѣковъ со дня гиджры и, найдя, въ каждомъ изъ нихъ, особо отличеннаго перстомъ Аллаха ревнителя вѣры, саиды и улемы заключили свой манифестъ такъ:

— «Въ восьмомъ вѣкѣ, эмиръ Тимуръ распространяетъ вѣру въ городахъ и между народами. Онъ почитаетъ потомковъ Пророка

и богослововъ. И теперь, да принадлежить ему верховная власть на всемъ пространствѣ царства Мухаммеда».

Посланіе это разошлось повсюду, гдѣ восхваляли имя Аллаха и гдѣ таилась хотя-бы слабая искра ислама. Правда, появились скептики и независимые умы, спрашивавшіе: — «Можно-ли молиться за благополучіе Тимура, когда душа его купается въ мусульманской крови?» — На подобный вопросъ могъ быть только одинъ отвѣтъ: «кисметъ!» При этомъ-же отвѣтѣ, скептикамъ приходилось идти въ мечеть и возсылать хотбу за благополучіе гуръ-хана.

Поддерживая дружественное общеніе съ потомками Пророка, Тимуръ устраивалъ нерѣдко паломничества къ могиламъ ауліа. И теперь, не успѣвъ отдохнуть отъ похода и, невзглянувъ на ожидавшихъ пріема пословъ европейскихъ и азіатскихъ государей, онъ объявилъ хаджъ къ могилѣ султана Ахметъ-Ясави. Призывъ этотъ быстро облетѣлъ Мавераннагръ, перешелъ черезъ пески и горы, проникъ за р.р. Сыръ и Аму и толпы средне-азіатскихъ паломниковъ потянулись со всѣхъ сторонъ въ Самаркандъ, объявленный сборнымъ пунктомъ. Здѣсь, сады добродѣтельныхъ людей были объявлены пріютами для странниковъ. Благодаря щедрости гуръ-хана, никто и ни въ чемъ не ощущалъ недостатка. Въ этомъ отношеніи онъ слѣдовалъ заповѣди Пророка: не ограничиваться одними поклонами на востокъ или западъ и не жалѣть имущества своего на пользу всѣмъ нуждающимся въ помощи.

Никогда еще въ Мавераннагрѣ не собирався такой большой караванъ пилигримовъ. На призывъ явились и старцы, носящіе при себѣ саваны на случай смерти и юноши, далекіе еще отъ мысли о загробной жизни.

Караванъ растянулся на два фарсанга. Ему предстояло пройти черезъ ущелье, извѣстное теперь подъ именемъ «Тамерлановыхъ» воротъ, потомъ черезъ безводную степь, переправиться черезъ р. Сыръ и отъ Ташкента повернуть къ Туркестану. Путь открывали дуваны. Глухія плиски ихъ не нравились серьезнымъ людямъ, но они такъ упорствовали, что пришлось помириться съ этими колонноважатыми. За дуванами шли софты, собравшіеся въ одну корпорацію изъ медресе Кеша, Самарканда, Бухары и даже Балха. Улемы и саиды шествовали чрезвычайно степенно, они бесѣдовали только съ однимъ небомъ. Даже ноги ихъ, наступая, то на ящерицъ, то на острія разбитыхъ кувшиновъ, не чувствовали ничего земнаго.

Тимуръ былъ центромъ каравана. Онъ шелъ съ величественной благосклонностью. По временамъ, онъ поддерживалъ своею мощною рукою одряхлѣвшихъ отцовъ вѣры, въ числѣ которыхъ находились его духовный совѣтникъ и пиръ дервишей. Всѣ, кому изъ каравана приходилось проходить мимо этой группы, чувствовали только трепетъ и свое душевное убожество.

За центральною группою шли маловѣрные люди—эмиры и багадуры, не осмѣливавшіеся, однако, пускаться въ оборотъ свои военныя замашки. Они съ удовольствіемъ поохотились-бы дорогою, но то было-бы преступленіемъ противъ правилъ, указанныхъ кораномъ для путешественниковъ къ святымъ мѣстамъ. Подавая примѣръ простому народу, они усердно выслушивали слова улемовъ и оберегали саидовъ отъ случайностей въ дорогѣ.

На время хаджа, Тимуръ выстригъ бороду и пересталъ брить голову, а вмѣсто обычнаго платья завернулся въ кусокъ шерстяной верблюжьей матеріи, сбросилъ сапоги и вооружился посохомъ изъ монсеева дерева. Паломники шли безъ запасовъ пищи и воды. Впереди шли караваны съ хлѣбными лепешками, дынями и турсуками кислаго молока. Пророкъ не запретилъ путешественникамъ обильную ѣду.

Тимура благословляли....

Заботы его объ удобствахъ пилигримовъ были такъ велики, что на ночлегахъ, когда всѣ предавались отдохновенію, онъ переходилъ отъ одной группы къ другой и вслушивался въ людской говоръ. Повсюду воздавали похвалу его высокому благочестію и неизмѣримой щедрости.—«О, подающій! О, питающій! Распространенный!» восклицали въ группѣ дервишей.—«Источникъ всякаго существованія! Владѣлецъ всякаго имуществва! О господинъ надъ почестями и властями! О Тимуръ!»—Одинъ изъ отцовъ вѣры, примкнувшій къ группѣ саидовъ, увѣрялъ своимъ старческимъ беззубымъ шепотомъ, что къ нему каждую ночь является птица Шахинъ, которую никто ни вообразить, ни описать не можетъ и каждый разъ, передъ восходомъ солнца, восклицаетъ: «Кто равенъ Тимуру?».—Багадуры, какъ люди преданные землѣ и ея радостямъ—разсуждали житейскимъ языкомъ: — «Онъ щедръ какъ мѣшокъ, въ которомъ не переводится ячмень, а съ такимъ вождемъ, кто не пойдетъ въ огонь и воду?»

Тимуръ не подходилъ къ группамъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, такъ какъ они не представляли политической силы.

Купцовъ-же въ караванѣ было немного; они послали Ахметъ-Ясави свои приношенія, а сами остались дома навестывать убытки. Коранъ разрѣшаетъ посылать, вмѣсто личнаго хаджа,—жертвы и только воспрещаетъ при этомъ брить голову, на время, необходимое для достиженія жертвы къ Ке'абѣ.

Караванъ былъ встрѣченъ хранителями гроба султана Ахметъ-Ясави со всевозможными знаками почестей. Торжественное чтеніе корана не прерывалось ни на минуту и жертвенный котелъ не оскудѣвалъ также ни на одно мгновеніе.—«Въ моемъ народѣ», думалъ Тимуръ, «живутъ двѣ великія задачи: ѣсть и молиться! Да, Коньо, хотя и женщина, но она была права, подавъ мнѣ совѣтъ—быть щедрымъ и богомольнымъ».

Много дней шло ликованіе въ старомъ Туркестанѣ, но вотъ хаджъ оконченъ и караванъ собрался въ обратный путь. Здѣсь картина измѣнилась. Пророкъ разрѣшилъ людямъ, при возвращеніи изъ святыхъ мѣстъ, всѣ радости жизни: и щегольство, и охоту, и все, что веселитъ духъ человѣка.

Тимуръ провожалъ обратно своихъ людей. Теперь онъ красовался на горячемъ аргамакѣ, съ мечомъ у бедра и съ колчаномъ полнымъ стрѣлъ, за нимъ едва поспѣвали сокольники съ сильными и остроглазыми соколами и сворами собакъ, которымъ и тигръ не казался страшнымъ врагомъ. Эмиры и багадуры также преобразились и вошли въ роль военныхъ людей. Все на нихъ было и грозно и красиво.

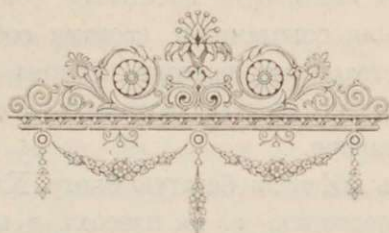
Берега р. Сыръ обѣщали богатую охоту. Хлѣбныя нивы были покрыты стаями перепеловъ, а въ плесахъ и протокахъ камышевыхъ зарослей шумѣло неумолчно пернатое царство. Сокола взвивались непрерывно и охотники едва успѣвали приторачивать къ сѣдламъ лебедей, гусей, утокъ, каменныхъ куронокъ, фазановъ и безчисленную мелочь. Вся добыча предназначалась на угощеніе каравана. Пилавъ вышелъ изумительный!

Для Тимура приберегли звѣря, достойнаго его смѣлости и удара. Для него былъ обложенъ тигръ въ камышахъ, давно уже разбойничавшій въ стадахъ прибрежныхъ пастуховъ. Тяжелое и мѣткое копье его образумило навсегда лютаго звѣря. При этомъ царственный охотникъ, поражая его, не забылъ воскликнуть: «Аллахъ-Экбаръ!»—Убитый тигръ былъ выставленъ на показъ всему каравану—и кто рѣшилъ, что сильнѣе привлекало къ Тимурѣ въ данную минуту сердца людей: попеченія-ли его о

людскомъ благѣ или мѣткій ударъ копья? Поздравленія слились въ одинъ общій гулъ.

По возвращеніи въ Самаркандъ, Тимуръ предался обычному теченію дѣлъ. Разумѣется, онъ побывалъ на семейной половинѣ, гдѣ лично роздалъ женамъ, внучкамъ и старшимъ рабынямъ драгоценныя украшенія, доставшіяся ему изъ гарема Баязета. Увеличилъ-ли онъ при этомъ свой гаремъ—неизвѣстно, такъ какъ садовъ и дворцовъ у него было достаточно для новыхъ обитательницъ, хотя-бы число ихъ и удвоилось и утроилось.

Впереди предстоялъ рядъ придворныхъ праздниковъ съ пріемомъ и угощеніемъ посланниковъ, что не мѣшало гурь-хану предаваться государственнымъ заботамъ и литературнымъ трудамъ, выразившимся въ «автобіографіи», въ «уложеніи» и въ «тузукатахъ». При этомъ, мысль его усиленно работала надъ планомъ войны съ Китаемъ, хотя и оставалась до времени государственнымъ секретомъ.

XLIII.

ДУШЕВНОЕ РАВНОВѢСІЕ ТИМУРЬ-ЛЕНГА.

апасъ энергій Тимура былъ не истощимъ. О томъ же, въ какой степени природа, опасности и «счастливое сочетаніе звѣздъ» выработали въ немъ качества грознаго властелина, удобнѣе всего прослѣдить, хотя-бы по одному дню его жизни, и при томъ въ обстановкѣ полного душевнаго равновѣсія.

Въ это время Тимуръ жилъ во дворцѣ, подаренномъ имъ молодѣющей внучкѣ, которую онъ любилъ со всею теплотою чувствъ добродушнаго дѣда. Неизбѣжная терраса дворца открывалась въ лучшую часть сада, съ прудами и птичьими садками. Въ Мавераннахрѣ стояла въ ту пору глубокая осень, которая, подъ небомъ теплаго юга, придаетъ садовой листвѣ картинную оранжево-пурпуровую окраску. При каждомъ легкомъ дуновеніи вѣтерка—чинары, тополи и карагачъ стряхивали свой уборъ, который рѣялъ въ воздухѣ тучами лепестковъ....

Рано утромъ, послѣ перваго намаза, Тимуръ вышелъ на террасу въ состояніи полного душевнаго равновѣсія, что замѣтили

эмиры Ику и Джакъ, исполнявшіе при немъ обязанности постоянныхъ тѣлохранителей. Комнаты ихъ, также какъ и келіи ученыхъ, секретарей и цензоровъ выходили на террасу.

На террасѣ Тимуръ отдался на нѣсколько минутъ вдумчивому размышленію. Для окружавшихъ его лицъ не было секретомъ, что онъ любилъ гадать по полету листьевъ, описывавшихъ въ воздухѣ разнообразныя зигзаги. Листъ, падавшій въ прудъ, предвѣщалъ смерть, на дорожку—жизнь, на верхушку другого дерева—побѣду. Вотъ и теперь, съ вершины вѣкового тополя сорвался пурпуровый листокъ и, сбѣлавши нѣсколько неожиданныхъ колѣнъ, опустился на тонкую вѣточку гранатоваго куста.—«Аллахъ-Экбаръ!» воскликнулъ гуръ-ханъ, съ облегченнымъ сердцемъ.—«Бисмилляхъ иль Рахимъ!».—Воскличаніе это открывало утренній къ нему доступъ всѣмъ, кто не боялся предстать передъ его, не всегда ласковымъ взглядомъ.

Прежде всѣхъ явилась въ это утро депутація изъ старцевъ библейскаго типа, въ зеленыхъ чалмахъ, съ высокими посохами и съ осанкою людей, не боящихся попирать землю ногами. Впереди выступалъ, Миръ-Сайдъ-Берке. Не доходя до террасы, онъ вознесъ приличное добрымъ мусульманамъ восхваленіе имени Аллаха. Оно было выполнено по всѣмъ правиламъ религіозной этики, съ поднятіемъ рукъ къ ушамъ и голосомъ внятнымъ, но безъ напѣва.—«Бисмилляхъ!» отвѣчалъ гуръ-ханъ. Обмѣнъ этими славословіями повторялся потомъ весь день, даже когда были приведены закоренѣлые преступники.

Миръ-Сайдъ-Берке произнесъ вдохновеннымъ голосомъ благодарственное слово повелителю.—«О, повелитель! Ты уничтожилъ башни невѣрія и воздвигъ на ихъ мѣстѣ знамя единого Бога. Ты вручилъ намъ лучшее изъ твореній міра—коранъ, писанный рукою халифа Османа! Всѣ мы, здѣсь стоящіе, только ничтожнѣйшія тѣни Пророка, благодаримъ тебя за спасеніе этой величайшей драгоценности и именемъ всего мусульманскаго міра восклицаемъ: Тимуръ! въ тебѣ заключено все зданіе истинной вѣры!» — Миръ-Сайдъ-Берке, признанный заживо святымъ, не могъ ни льстить, ни ошибаться: коранъ, за спасеніе котораго онъ воздавалъ такую благодарность повелителю, былъ теперь на виду всего Самарканда! Всѣмъ извѣстно, что подлинныя суры появлялись на бараньихъ лопаткахъ, оставшихся на храненіи у вдовы Мухаммеда. Послѣ его смерти, халифъ Абубекръ обнародовалъ первый списокъ корана,

но въ дальнѣйшихъ воспроизведеніяхъ его появились уже варианты переписчиковъ. Тогда, чтобы не исказить вѣроученіе, третій халифъ Османъ приказалъ собрать всѣ появившіяся рукописи и сжечь ихъ, а съ экземпляра Абубекра списалъ лично копію и приказалъ считать ее единственнымъ вѣрнымъ экземпляромъ. Это «Келями-Шерифъ» или «святое перо», изложенное куфическими письменами, безъ знаковъ препинавія и гласныхъ, было спасено Тимуромъ во время погрома царства Баязета и доставлено въ главную мечеть Самарканда. Ради почета, Келями-Шерифъ была перевезена на спинѣ слона, подъ золотымъ балдахиномъ, въ сопровожденіи саидовъ, шейховъ, муллъ и стражи. Тимуръ, разумѣется, не предвидѣлъ, что эта драгоценность достанется въ руки невѣрныхъ и займетъ почетное мѣсто на полкахъ Императорской рус. бібліотеки....

Принявъ благодарность саидовъ, Тимуръ приказалъ церемоніймейстеру подать связку почетныхъ халатовъ. Чтобы увеличить цѣнность подарка, каждый халатъ какъ-бы накидывали на плечи Тимура и потомъ уже передавали тому или другому саиду. Одного изъ нихъ, недавно возвратившагося изъ Мекки, Тимуръ спросилъ:—«Правда-ли, будто вы говорите народу, что священная Ке'аба виситъ силою особой благодати на воздухѣ и однажды въ году поднимается, на нѣкоторое время, къ седьмому небу?»—«О, гуръ-ханъ!»—не задумался отвѣчать нѣсколько плутоватый на видъ саидъ—«я говорю это съ цѣлью поддержать въ народѣ вѣру въ святыню». Тимуръ одобрительно кивнулъ головою.—«Вѣрить-ли намъ, что въ Индостанѣ люди боготворили корову?» спросилъ въ свою очередь быстроглазый саидъ.—«Да, пока эти люди были живы, они заблуждались!....»

Аудіенція саидовъ окончилась. Послѣ нихъ явился шейхъ-уль-исламъ съ отчетомъ обо всемъ, что онъ сдѣлалъ въ послѣднее время на пользу ислама. Въ этомъ отношеніи, онъ пользовался разрѣшеніемъ Тимуръ-ленга принять рядъ государственныхъ мѣръ для поднятія престижа мусульманства передъ идолопоклонниками, огнепоклонниками и людьми пятикнижія, псалмовъ и Евангелія.

Шейхъ-уль-исламъ принадлежалъ къ ученому сословію и поэтому не затруднился послѣдовать примѣру великихъ мусульманъ, заботившихся о поддержаніи ислама. Въ этомъ отношеніи, хорошимъ руководствомъ служилъ договоръ, заключенный Омаромъ, по завоеваніи Сиріи, съ христіанами. Послѣдніе обязались — брить

переднюю часть головы, снять кресты съ церквей, не возвышать голосъ при молитвѣ, не погребать своихъ мертвецовъ вблизи мусульманскихъ кладбищъ, ѣздить на ослахъ, безъ сѣделъ и спустивъ обѣ ноги въ одну сторону, не носить мечей, не надѣвать чалмъ, проходить мимо мусульманъ съ опущенными глазами и отмѣчать себя широкими, черными поясами....

Вислѣдствіи мусульманскій обиходъ усилилъ и эти строгости. Христіане должны были носить на шеѣ деревянные кресты въ пять ф. вѣсомъ, а въ бани ходить не иначе какъ съ бубенчиками на шеѣ. Возлѣ домовъ, они должны были выставять особые знаки, чтобы мусульмане не испрашивали на эти дома, по ошибкѣ, благословеній Аллаха.

Всѣ эти знаки приниженія совершенно исчезли при владычествѣ чингисидовъ, но теперь они были вновь введены во владѣніяхъ Тимура съ усиленною строгостью. Теперь, шейхъ-уль-исламу пришлось доложить повелителю, что вскорѣ всѣ проживавшіе въ его государствѣ христіане—исчезнуть, убѣгутъ въ горы, что могло только радовать истинныхъ слугъ Пророка.

Послѣ шейхъ-уль-ислама явились цензора поступковъ гуръхана. Послѣ обычныхъ привѣтствій, они скрылись въ келіи, откуда могли слышать все, что говорилось на аудіенціи. Цензора были установлены самимъ Тимуромъ. Нельзя отрицать, что многіе деспоты считали справедливость лучшимъ украшеніемъ своей власти. Тимуръ причислялъ ее даже къ двѣнадцати правиламъ государственной мудрости, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлилъ ее на нѣсколько видовъ: на справедливость во время войны и мира и на справедливость по отношенію къ своимъ и чужимъ.

Цензорамъ онъ прѣдоставилъ право все видѣть, что онъ дѣлаетъ и слышать, что онъ говоритъ. Они могли критиковать его поступки и слова и докладывать ему о совершенныхъ имъ несправедливостяхъ. Поводомъ къ учрежденію цензоровъ служилъ дошедшій до него пересказъ о томъ, какъ въ одной изъ дальнихъ странъ нашелся муфтіи, не принявшій въ свидѣтели самого султана за то, что послѣдній посѣщалъ неисправно мечеть. Цензорами Тимура были: Махмудъ-Шагабъ и Насръ-эд-динъ-уль-Арамиръ.

Махмудъ-Шагабъ—въ прошедшемъ багадуръ, утратившій съ годами силу мышцъ—былъ цензоромъ на время войны, а въ мирное время только въ дѣлахъ о бунтахъ, возстаніяхъ и рѣзнѣ.

Насръ-эд-динъ-уль-Арамиръ былъ, ранѣе возведенія въ санъ цензора, избранъ народнымъ, въ полномъ значеніи этого слова, судьей. Народъ призналъ его справедливымъ человѣкомъ и пошелъ къ нему съ своими жалобами на обидчиковъ. Приговоры его исполнялись добровольно и безапелляціонно. Слухъ о справедливости этого человѣка дошелъ до повелителя и онъ пожелалъ повидать лично народного мудреца. Передъ нимъ предсталъ старый таджикъ, въ бѣлой рубашкѣ—до пятъ, съ веревкою, вмѣсто пояса, и съ высокимъ посохомъ. При одномъ взглядѣ на этого отходившаго уже въ вѣчность человѣка, легко было понять, что онъ не убоится гнѣва гуръ-хана.—«Какъ нужно поступать, чтобы быть справедливымъ въ наказаніи?»—спросилъ его Тимуръ.—«У твоихъ судей, гуръ-ханъ, вѣсы имѣютъ только двѣ чашки, а вѣсы справедливости должны имѣть три. Твои судьи взвѣшиваютъ преступленіе и наказаніе. Прикажи имъ прибавить третью чашку и пусть они взвѣшиваютъ прежде преступника, потомъ его преступленіе и въ заключеніе наказаніе! И ты будешь справедливъ!»—Удовлетворившись отвѣтомъ народного Соломона, Тимуръ объявилъ его своимъ цензоромъ и тѣмъ открылъ ему двери въ свои дворцы и въ засѣданія тайнаго совѣта.

Послѣ приѣма сандовъ настала часть правосудія. Въ этотъ часъ долженъ былъ явиться верховный кази и, подъ стражею, наиболѣе серьезные преступники. О каждомъ преступникѣ кази излагалъ подробно вину его и приговоръ собранія судей.

Рѣшенія повелителя были кратки:—«Алибъ-баринъ!»—«Зинданъ!»—Первому несчастливцу предстояло немедленно лишиться головы, а второму—отправиться въ клоповникъ. Наконецъ, Тимуръ изрекъ милостивое: «Я не слышалъ!»—Это было рѣшеніе, которымъ обвиняемый освобождался отъ наказанія.—«Аллахъ - Экбаръ!»—и оправданный степенно удалялся изъ судилища.

Послѣ судебного разбора, явился придворный астрологъ Абдуллахъ—Лисонъ, положеніе котораго, въ ряду приближенныхъ къ Тимуру людей, было наиболѣе тяжелымъ. Благодаря его феноменальной памяти, Тимуръ поставилъ его во главѣ ученаго сословія своей столицы. То была высокая честь, съ которою не смѣли вступать въ споръ и лучшіе лавры багадуровъ и эмировъ. Но съ нею сопрягались и минуты горечи, такъ какъ ему приходилось отвѣчать, безъ раздумья, на самые разнообразные вопросы повелителя, а онъ не затруднялся спрашивать: гдѣ находятся тѣ горы,

въ которыя Александръ-Двурогій загналъ Гоговъ и Магоговъ? Если злые геніи будутъ мучить людей въ аду, то кто же будетъ мучить злыхъ геніевъ? Сколько имѣлъ крыльевъ аль-буракъ, доставившій такъ быстро Мухаммеда на небо?—Кромѣ отвѣтовъ на многіе изъ подобныхъ вопросовъ, ученому поручалось проводить оросительные каналы, строить мосты на р.р. и ванны для гарема, варить мыло, но главное наблюдать за сочетаніемъ звѣздъ. Ученый энциклопедистъ явился въ этотъ день по приказу Тимура.

—«Взгляни на плащъ Аллаха»—приказалъ ему повелитель — «и узнай: будетъ-ли благополучна моя война съ Китаемъ, царь котораго осмѣливается называть себя сыномъ неба? Собери своихъ помощниковъ и дай мнѣ отвѣтъ не позже завтрашняго утра.»

Ученый удалился.

До обѣда еще предстояло выслушать докладъ А'ризъ-лашкера о сборѣ войскъ къ новому походу и депутацію изъ Монголіи, явившуюся съ жалобами на притѣсненія со стороны Китая.

— «Твоихъ войскъ, о гуръ-ханъ, достанетъ, чтобы покорить и остальные два климата, не подошедшіе еще подъ твою власть!» докладывалъ А'ризъ-лашкеръ въ уединенной части сада. «Война не потребуетъ и половины твоего войска, но есть дѣла, которыя требуютъ хорошаго размышленія. Юртъ-джи видѣли въ рукахъ невѣрныхъ неизвѣстное нашимъ войскамъ оружіе. Мы знаемъ, какъ слѣдуетъ бросать горшки съ нефтью, но китайцы приспособились посылать въ челоуѣка неотвратимую смерть. Она вылетаетъ теперь изъ трубки, вмѣстѣ съ огнемъ и, на этотъ разъ, наши люди неохотно пойдутъ на войну. Я слышу, они уже спрашиваютъ другъ друга—можно-ли воевать противъ волшебниковъ одними пиками и стрѣлами?»—Откровенный докладъ А'ризъ-лашкера отравилъ весь остальной день Тимуру, такъ что депутацію изъ коренной Монголіи онъ принялъ нетерпѣливо, сухо, съ неудовольствіемъ.—«Не стыдно-ли было вамъ, монголамъ Кореннаго юрта, покинуть все, что пріобрѣлъ в. Чингистъ-ханъ и бѣжать постыдно изъ-за большой стѣны? Вы показали тамошнему народу свои спины, какъ мыши показываютъ свои хвосты кошкамъ. Гдѣ ваше мужество? Что васъ такъ испугало? Вы говорите, что руки вашихъ враговъ владѣютъ теперь огнемъ, убивающимъ людей и лошадей? И вы ничего другого не придумали какъ плакать о помощи, какъ плачетъ верблюдъ, сломившій себѣ переднія ноги! Стыдно! Прочь съ глазъ моихъ!»

Всѣмъ было ясно, что дѣла Монголи съ Китаемъ очень озабочиваютъ Тимура. Онѣ приводили его въ такое раздражительное состояніе, что только Миръ-Саиду-Берке удавалось возстанавливать его душевное равновѣсіе. На этотъ разъ, Тимуръ поддался просьбѣ своего святого друга осмотрѣть предпринятую въ честь Биби-ханымъ — величественную постройку.

Цари и покоренныя страны охотно пополняли гаремъ Тимура. Первые считали своихъ дочерей умиловительными жертвами грозному завоевателю, а вторыя, поставляя въ его гаремъ перлы красоты, считали ихъ дополнительною данью къ караванамъ серебра, тканей и риса. Множество дамъ его гарема не оставили по себѣ ни малѣйшихъ воспоминаній, но Аль-Джой, Каньо и Биби-ханымъ, не прошли безслѣдно для исторіи.

Биби-ханымъ была, по однимъ сказаніямъ, дочерью китайскаго императора, а по другимъ—сестрою одного изъ эмировъ. Настоящее ея имя: Сарай-Мулькъ-ханымъ. Въ честь ея, Тимуръ задумалъ построить мечеть, настолько высокую, чтобы ангеламъ не трудно было отдыхать на ея кровлѣ, при полетѣ ихъ между небомъ и землею, и настолько обширную, чтобы вся столица могла побывать въ пятницу, подъ ея куполомъ. Персія, Индія и Китай удѣлили, что было лучшаго у нихъ, для сооруженія этого монумента. Вѣроятно Индія прислала геніальнаго архитектора, Китай мастеровъ изразцоваго дѣла, Персія—художниковъ живописи, а прочія покоренныя страны—тѣмы рабовъ. Постройка подходила въ ту пору къ окончанію, хотя минареты еще не достигали предположенной высоты, а колонны изъ мраморныхъ монолитовъ и яшмы стояли вчернѣ, безъ капителей. Тимуръ не пожалѣлъ для ея украшенія трофеевъ, добытыхъ погромомъ Дели и областей, возлѣ р. Гангъ. По возвращенія въ Самаркандъ изъ Рума, онъ порадовался, увидѣвши, что его излюбленное дѣтище уже сверкало куполомъ, покрытымъ драгоцѣнною мозаикою. Работы велись снѣжно, день и ночь. Въ порогахъ зданія, подъ тяжелыми плитами, были положены изображенія Будды—во всѣхъ его превращеніяхъ, начиная отъ цапли и оканчивая коровою—украшенныя бирюзою, изумрудами, сапфирами и зелеными камнями...

Теперь, передъ его восхищеннымъ взоромъ, возвышалось зданіе, поражавшее богатствомъ и величественностью. Геніальное сочетаніе размѣровъ и линій, красокъ и золота, мраморовъ и бронзы, поражало самое смѣлое воображеніе. Съ той поры прошли вѣка,

пронеслись многія бури, а лазоревая краска облицовки стѣнъ остается свѣжею, точно эти изразцы вчера или сегодня вышли изъ горнила мастера! Вѣнецъ зданія былъ по истинѣ совершенствомъ. Онъ состоялъ изъ центрального купола оригинальнаго типа, окруженнаго повтореніями меньшей величины. По угламъ зданія выступали минареты для мю'еззиновъ. Наконецъ высокая стрѣльчатая арка дополняла зданіе.

Религія Пророка, опасаясь возвращенія къ идолопоклонству, не допускаетъ никакихъ изображеній, особенно въ мечетяхъ, кромѣ арабесокъ, геометрическихъ фигуръ и, въ видѣ послабленія, — цвѣтовъ и растений. Художнику было однако достаточно и этихъ скромныхъ границъ творчества, чтобы произвести строительное чудо. Мозаика, терракота и не благодарный въ художественномъ смыслѣ алебастръ — вотъ и все, чѣмъ располагала тогда техника. Въ цвѣтахъ преобладали — голубой, бѣлый и зеленый. Но и этого не-многого оказалась достаточно для гениальнаго творенія.

Минареты, купола и главныя архитектурныя линіи были обвиты, что видно и теперь, надписями, въ которыхъ каждая буква занимала мѣсто на отдѣльномъ изразцѣ. Въ этихъ надписяхъ воздвигалась хвала Богу, а за нимъ Тимуру. — «Царство Богу и постоянство ему!» возвѣщалось на внѣшней сторонѣ купола. — «Священная мечеть эмира Тимура, сына эмира Турагая, сына.....» значилось на внутреннемъ фронтонѣ. — «Мечеть величайшаго султана, столба міра и вѣры, эмира Тимура, сына.....» — Входъ въ мечеть шелъ черезъ бронзовыя двери, испещренныя арабесками дивной рѣзбы. Вѣроятно она была однимъ изъ трофеевъ гурь-хана.

Мечеть и медресе всегда сливались, по складу тогдашней жизни, въ одно сооруженіе. При Биби-ханымъ было несомнѣнно громадное медресе съ кельями для софтовъ, получавшихъ содержаніе изъ вакуфовъ мечети. Не даромъ красавица Сарай-Мулькъ пользовалась, кромѣ титула Биби-ханымъ, еще именемъ «Благотворительницы».

Насладившись въ сотый разъ красотою зданія, Тимуръ все-таки продолжалъ хранить нѣсколько меланхолическое настроеніе. Проклятый вопросъ о войнѣ съ Китаемъ не отпадалъ отъ его сердца.

Наступилъ часъ для приѣма посольствъ. Приѣмъ чужестранныхъ пословъ отличался особо торжественною обстановкою.

Неудивительно, что народы, побывавшіе подъ копытами монгольскихъ коней, прислушивались чутко къ каждой вѣсти о Тимурѣ. Вѣсти эти ловили и отдаленнѣйшія страны. По крайней мѣрѣ, донъ-Енрико III—король Кастиліи и Леона, посылалъ дважды разузнавать о силахъ и намѣреніяхъ Баязета и Тимура. Первое посольство, отправленное къ Баязету, явилось къ нему наканунѣ несчастной битвы подъ Ангорою. Узнавъ послѣ сраженія, что въ лагерѣ побѣжденнаго султана находятся послы, Тимуръ потребовалъ ихъ къ себѣ, приласкалъ ихъ и отправилъ обратно съ дарами къ королю Кастиліи. Отвѣтное посольство короля должно было закрѣпить дружбу съ Тимуромъ и вотъ, камергеръ Рюи-Гонзалесъ де-Клавиго отправился изъ Кадикса, чтобы прослѣдовать въ Тимурбекову землю. Посольство перезимовало въ Перѣ. Въ слѣдующемъ году ихъ встрѣтили почетные пристава Тимура, пользовавшіеся неограниченнымъ правомъ отбирать у попутнаго населенія все, что могло понадобится посольству. Появленіе шайтана было поэтому болѣе пріятно населенію, нежели появленіе посланника.

Пристава требовали обыкновенно столько всякаго продовольствія, точно съ ними шло цѣлое войско. При видѣ приставовъ, купцы закрывали даже лавки и съ крикомъ: «посланникъ!» пускались бѣжать «точно дьяволъ гнался за ними».—Такъ говорить самъ посланникъ де-Клавиго.

Впрочемъ и каждый гонецъ Тимура могъ ссадить перваго встрѣчнаго съ лошади, за исключеніемъ саида, чтобы привезти поскорѣе повелителю ту, или другую вѣсть. По дорогѣ къ Самарканду, посольству приходилось обмѣниваться подарками, любезностями и выслушивать совѣты ѣхать возможно быстрѣе.

Въ этотъ день Тимуръ должны были представляться, кромѣ де-Клавиго, послы изъ Вавилона и Китая. Посольства были приняты по тому же церемоніалу, какой практикуется и теперь у среднеазіатскихъ властителей, съ тою разницею, что послы не принижаются въ настоящее время до колѣнопреклоненій. Впереди посольствъ несли подарки и вѣрительныя письма. Посланниковъ вели подъ руки.

Камергеру могущественнаго короля пришлось трижды преклонять передъ Тимуромъ правое колѣно и почтительно складывать руки на груди. Наконецъ, церемоніймейстеры поставили его на оба колѣна. — «Какъ поживаетъ король, мой сынъ?» спросилъ Тимуръ посланника. — «Я радъ узнать о его здоровьи и даю ему свое благословеніе». Послѣ этой любезности, церемоній-

мейстеры посадили, по своимъ соображеніямъ, де-Клавиге ниже посланника изъ Китая, но Тимуръ тотчасъ-же исправилъ ихъ ошибку. Пересаживая пословъ, онъ замѣтилъ при этомъ довольно внушительно:—«Если Богу будетъ угодно, то я скоро повѣшу этого китайца, чтобы онъ не смѣлъ въ другой разъ являться съ нелѣпыми порученіями».

Пріемъ завершился угощеніемъ, въ которомъ видную долю составляли лошадиные окорока. Мясо было сварено на кухнѣ, но окончательно блюда готовились здѣсь же, въ залѣ, на виду всѣхъ. На золотыя и серебряныя блюда наложили много вкусныхъ вещей: лошадиныхъ почекъ, бараньихъ головъ, обложенныхъ ломтиками курдюковъ и еще мяса и еще мяса. Блюда были прикрыты хлѣбными лепешками. Десертъ состоялъ изъ превосходныхъ плодовъ.

Тимуръ оказалъ посланнику короля большую любезность. Онъ взглянулъ на его подарки въ этотъ же день, тогда какъ, по этикету, онъ могъ удостоить ихъ вниманія только на третьи сутки послѣ поднесенія. Подарки онъ роздалъ приближеннымъ, представивъ, впрочемъ, Каньо выбрать себѣ лучшіе изъ нихъ. Затѣмъ, посольство было милостиво отпущено домой съ приставникомъ изъ высшихъ придворныхъ чиновъ, обязанныхъ беречь покой дорогихъ гостей и заботиться объ ихъ продовольствіи.

Вечеромъ состоялся праздникъ, на который были приглашены родственники гуръ-хана, посланники и высшее общество Самарканда, не исключая и женщинъ, продолжавшихъ ходить съ открытыми лицами. Громадный садъ, окружавшій парадный павильонъ, былъ открытъ и для народа, которому позволялось цѣпентъ передъ стоимостью столовъ изъ золота и кувшиновъ для питья, украшенныхъ крупнымъ жемчугомъ, изумрудами и рубинами.

Послѣ параднаго обѣда появились церемоніймейстеры съ серебряными чашами, наполненными монетами. Осыпавъ ими гостей, Тимуръ бросилъ остатки ихъ посланникамъ въ подставленные ими полы одеждъ. Здѣсь-же посланники были надѣлены новымъ платьемъ, за что имъ пришлось становиться вновь на колѣни.

Подобныя праздники, особенно на открытомъ мѣстѣ, отличались иногда необыкновеннымъ многолюдствомъ. Цѣлыя орды собирались пировать въ честь своего государя. Тысячи палатокъ разбрасывались тогда по необозримому пространству, съ расчетомъ видѣть изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ центральную палатку гуръ-хана. То былъ скорѣе величественный замокъ, нежели шатерь.

Для него не жалѣли стеганыхъ золотыми нитками покрываль, предохранявшихъ отъ жгучаго солнца. Шелковые узоры, серебряныя бляхи, изразцовые полы, золоченые орлы и соколы—все это придавало праздничной урѣ сказочный видъ.

Хозяйкою такихъ праздниковъ была Каньо. Преклонный возрастъ не мѣшалъ ей сохранять положеніе первой жены перваго въ мірѣ человѣка. На праздникахъ въ честь пословъ, она являлась во всеоружіи своихъ уборовъ и драгоценностей, при чемъ она была набѣлена до степени эмальировки. Туника ея изъ красной шелковой ткани, вышитая золотыми травами, имѣла шейфъ, достаточный для пятнадцати поддерживавшихъ его придворныхъ дамъ. На головѣ возвышался шлемъ—изъ ткани разумѣется—усѣянный жемчугами и бирюзою. Въ бесѣдкѣ шлема блестѣли дорогіе рубины; султанъ изъ перьевъ, перевитыхъ золотыми нитями, вѣнчалъ головной уборъ, который поддерживали три придворныхъ дамы. Надъ нею несли балдахинъ изъ бѣлой шелковой ткани, а впереди шла толпа евнуховъ...

Послѣ того какъ Каньо заняла мѣсто, началось шествіе второй жены, потомъ третьей и далѣе, и наконецъ восьмой. Каждая изъ нихъ занимала мѣсто по старшинству, но съ одинаковымъ церемоніаломъ.

Народъ не рисковалъ приближаться къ павильонамъ гарема. Особая стража наблюдала за благочиніемъ. Дерзкихъ, рѣшавшихся пробираться далѣе дозволенной черты, она могла пугать не только дубинами, но и стрѣлами.

Собственно увеселительная часть, не считая питья и ѣды была не разнообразна. Народъ тѣшили учеными слонами и обезьянами. Слоновъ заставляли бѣгать и раздавать хоботами удары направо и налево, что возбуждало общій смѣхъ, но не тѣхъ ротозѣевъ, которымъ доставались удары.

Павильонъ Каньо щеголялъ дверью, на одной половинкѣ которой былъ изображенъ Св. Петръ, а на другой Св. Павелъ; изображенія эти—въ золотыхъ ризахъ—ясно указывали происхожденіе ихъ изъ ограбленныхъ христіанскихъ храмовъ. Тѣмъ-же путемъ, какъ и двери, были вѣроятно пріобрѣтены и такіе предметы гордости Каньо, какъ шкафчики, поставцы и столики, осыпанные жемчугомъ и камнями. Но украшеніемъ, не имѣвшимъ подобнаго ни въ одной странѣ, слѣдовало считать дерево изъ литого золота съ вѣтвями и листьями какъ у дуба. Вышиною оно

было въ ростъ человѣка, съ ниспадавшими плодами изъ желтыхъ и красныхъ рубиновъ, отборныхъ жемчужинъ и другихъ рѣдкостей. Золотыя птички клевали эти плоды фантазіи.

По временамъ, на Тимура нападалъ бѣсъ неудержимаго правосудія. По крайней мѣрѣ, и въ этотъ вечеръ пріема пословъ и общаго ликованія, онъ приказалъ поставить посреди сада, на видномъ мѣстѣ, нѣсколько висѣлицъ.

«Хакимъ» Самарканда—важный человѣкъ въ Мавераннагрѣ—былъ заподозрѣнъ, во время отсутствія Тимура, во взяткахъ, за что его и повѣсили въ этотъ день при довольно парадной обстановкѣ. Другъ хакима, предлагавшій громадный выкупъ за его голову, занялъ мѣсто на сосѣдней висѣлицѣ. Потомъ досталась та-же участь разной мелочи—мясникамъ, баппачникамъ и сапожникамъ—за то только, что они продавали дорого свой товаръ. Все имущество ихъ шло, разумѣется, въ государственную казну.

Въ разгарѣ праздника, многіе приближенные Тимура удостоились получить по горсточкѣ драгоцѣнныхъ камней. При завоеваніи каждой страны, Тимуру докладывали, гдѣ именно и какіе добываются въ странѣ драгоцѣнные камни. Всѣ такія мѣста объявлялись его личною собственностью. Неудивительно поэтому, что въ торжественные дни приближенные его появлялись осыпанными драгоцѣнностями. Къ тому-же, камни и тогда, какъ и теперь, имѣли символическое значеніе. Былъ даже камень мудрости, котораго вѣчно искали и никогда не находили. Лунные камни и рубины пользовались особымъ почетомъ. Первые, благодаря своимъ жилкамъ, служили напоминаніемъ о волосахъ бороды пророка, а вторые приближались къ поэтическимъ устами красавицы....

Еще продолжали пылать смоляные бочки и факелы, искусно запрятанные въ густой листьѣ, какъ Тимуръ удалился незамѣтно изъ сада. Слѣдомъ за нимъ ушли Ику и Джакъ. Они знали, что за стѣною сада ихъ ожидаютъ лошади и что гуръ-ханъ посѣтитъ въ эту ночь отца-пастуховъ. Плащъ Аллаха освѣцалъ землю міриадами свѣтильниковъ.

На Чупанъ-Ата не было еще въ ту пору обсерваторій, передавшей впослѣдствіи имя Улугъ-Бега ученому міру всѣхъ странъ и вѣковъ. Всѣ же ученныя пособія звѣздочетовъ заключались пока въ хорошо отполированномъ металлическомъ листѣ, въ лоханяхъ съ водою, превосходно отражавшихъ небо, въ циркуляхъ, треугольникахъ, линейкахъ и въ принадлежностяхъ черченія.

Наблюденіе за движеніемъ свѣтилъ съ вершины Чунанъ-Ата доставляетъ въ тихую звѣздную ночь неизъяснимое наслажденіе. Въ этой части Азіи, воздушное пространство покрывается только въ немногіе мѣсяцы тучами, а въ большей части года, оно прозрачно до возможности отличить простымъ глазомъ звѣзду одного класса отъ другого. Миріады ихъ дарятъ землю чарующею картиною; переливы огней буквально гипнотизируютъ здѣсь чело-вѣка и погружаютъ его въ міръ безотчетнаго упоенія, въ міръ безпредѣльной загадки....

Но если смотрѣть и на звѣздное небо каждую ночь, и при томъ по долгу службы, то не трудно, погружаясь въ міръ безпредѣльности, уснуть обыкновеннымъ человѣческимъ сномъ. Уснуть на Чунанъ-Ата было тѣмъ легче и пріятнѣе, что вѣтерокъ, пришедшій вмѣстѣ съ волнами р. Зеро, изъ-за горныхъ хребтовъ, наводилъ истому и сладкія грезы. Звѣзды, къ тому-же, не конфузились, когда звѣздочеты сбрасывали халаты и, свернувъ ихъ подъ головы, утопали въ гармоніи прохлады ласкающаго свѣта и тишины, прерываемой изрѣдка полетомъ испуганной перепелки.

Много было помощниковъ у Абдуль-лахъ-Лисона, но когда наступила полночь, всѣ они, не оскорбляя горнія пространства, оставили звѣзды въ покоѣ, зная, что каждая изъ нихъ пойдетъ своею дорогою. Вскорѣ хранъ ихъ съ высоты обсервационной вышки вступилъ даже въ споръ съ рокомъ р. Зеро.

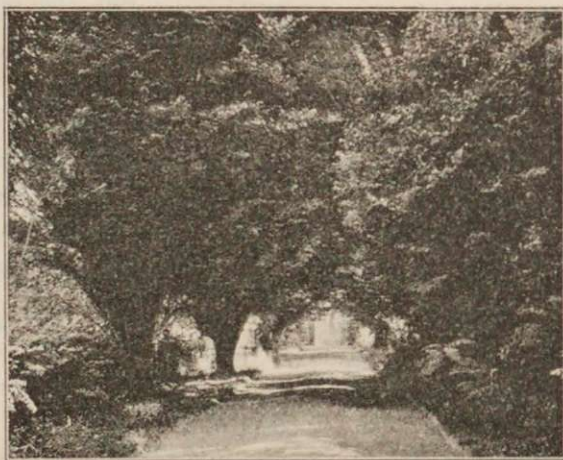
Одинъ Абдуль-лахъ-Лисонъ продолжалъ сидѣть надъ металлическою доскою и жадно вглядываться въ мерцавшія по отливу металла яркія точки. Онѣ хлопотали о чѣмъ-то небѣ, уходили—одна быстрѣе, другая медленнѣе. Начертивъ мысленно дорогу въ Китай, астрологъ закрѣпилъ по ея направленію сотни точекъ; нѣкоторыя изъ нихъ отсвѣчивали яркою кровью, другія дымилась, или убѣгали, точно съ испугомъ, въ ту или другую сторону. Звѣзда Тимура—крупная, яркая, грозная—вела за собою плеяду крошечныхъ звѣздочекъ, которыя двигались за нею покорною толпою.—«О, Тимуръ ты побѣдишь!» произнесъ звѣздочетъ, невольно поддаваясь теченію своихъ мыслей.—«Твои враги бѣгутъ отъ тебя какъ лани отъ тигра!»

Вѣроятно астрономъ намѣревался скомбинировать окончательно предсказаніе неба, потому что онъ сошелъ съ вышки за сумочкой, въ которой хранились тушь и кисти. Каково-же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ подъ вышкою—самого Тимура! Неподалеку

стояли Ику и Джакъ. Явленіе это показалось ученому ночнымъ призракомъ, а можетъ быть и злымъ духомъ, желавшимъ помѣшать правильному теченію небесныхъ свѣтилъ. Однако онъ не успѣлъ произнести имя того, кто создалъ свѣтила, какъ властная рука заградила ему ротъ.—«А тѣ, что такъ глупо хранить тоже совѣщаются съ свѣтилами?» спросилъ гуръ-ханъ придавленнымъ шепотомъ.—«Они усыплены величіемъ плаща Аллаха!» едва нашелся отвѣтить испуганный ученый.—«А доступны-ли имъ плащъ Аллаха?»—«Нѣтъ, повелитель, онъ еще не вполне развернулся передъ ними».

О, если бы хранѣвшіе астрологи предвидѣли свою участь, они давно проснулись-бы. Теперь-же, по знаку Тимура, Ику и Джакъ взойшли на вышку и—астрологи очутились въ волнахъ р. Зеро!

Такъ окончился этотъ день Тимура, который не пожелалъ и взглянуть на карту звѣздочета. Очевидно, душевное равновѣсіе его было нарушено заботами о возраставшемъ могуществѣ Китая. Сама по себѣ, коренная Монголія нисколько не интересовала его, но производя себя отъ Чингисъ-хана, онъ не могъ оставить дерзкіе поступки застѣннаго царства безъ серьезнаго возмездія.

Въ оазисѣ Ср. Азіи.

СМЕРТЬ ТИМУРЪ-ЛЕНГА.

(1405 г.).

опреки обычаю, гостившіе у гуръ-хана послы не получили на этотъ разъ не только отвѣтныхъ писемъ къ ихъ государямъ, но и прощальной аудіенціи, что огорчило европейца и напугало китаица.

Китаецъ исчезъ, не попытавшись даже вступить въ объясненіе съ церемоніймейстеромъ, а де-Клавиго замѣтилъ своему приставу, что онъ возвратится домой только по личному приказанію Тимура. Тѣмъ не менѣе, приставъ настойчиво потребовали, чтобы всѣ послы выѣхали изъ Самарканда на другое же утро, съ угрозою выпроводить ослушниковъ силою. Мало того, послы увидѣли себя подѣ стражею, что и убѣдило ихъ въ необходимости покориться внезапному капризу, если то былъ капризъ, непреклоннаго гуръ-хана. Каждому послу дали по одной лошади и они выѣхали изъ Самарканда. Де-Клавиго объяснилъ впослѣдствіи этотъ поступокъ—аноплексіей, которая лишила будто-бы Тимура возможности вести устную рѣчь. Слухъ этотъ однако не подтвердился, потому что Тимуръ, спустя короткое время, принималъ уже въ Кешѣ новаго китайскаго посла.

— «Мы узнали», писалъ ему китайскій императоръ, «что ты, Тимуръ, идешь противъ насъ войною. Это ты напрасно дѣлаешь. Для того, чтобы дойти до Китая, надобно побѣдить много прешт-

ствій и пройти безграничныя, безводныя степи. Въ Китаѣ, какъ ты знаешь, двѣнадцать тысячъ городовъ и въ каждомъ изъ нихъ по двѣнадцати тысячъ войска. Мы уже не тѣ, чѣмъ были при Чингисъ-ханѣ, и поэтому даемъ тебѣ хорошій совѣтъ: не становись на опасный путь. Повѣрь, ты погибнешь со стыдомъ, прежде нежели достигнешь нашей страны».

Тимуръ прочелъ это письмо, принимая китайскаго посланника на утесѣ, высотой въ сорокъ саженой. Какъ-бы въ отвѣтъ на полудружественныя, саркастическія намеки письма, онъ бросилъ свой платокъ съ утеса и—тотчасъ-же сотни челоѣкъ не задумались сбѣгать съ опасностью жизни, по ребру утеса, въ долину, чтобы только поднять этотъ платокъ.—«Ты видишь», обратился тогда онъ къ посланнику,—«какова преданность ко мнѣ народа и войска. Передай-же объ этомъ, по возвращеніи въ свою страну, челоѣку, который имѣетъ смѣлость называть себя Сыномъ-Неба и скажи ему, что весною я побываю въ Пекинѣ—взглянуть на самоотверженіе его подданныхъ. Другого отвѣта не будетъ, прощай».

Ошибочно было-бы однако думать, что рѣшеніе идти войною на Китай явилось внезапно, безъ зрѣло обдуманнаго плана—напротивъ, война эта была рѣшена Тимуромъ еще во время нахождения его въ Индіи. Онъ намѣревался проникнуть оттуда въ Тибетъ и выйти на встрѣчу арміи, которая должна была двинуться изъ Мавераннагра, черезъ Кашгаръ, во внутрь Китая. Только появленіе на міровой сценѣ султана оттомановъ и его кичливыя угрозы помѣшали осуществленію этого плана. Поспѣшая встрѣтиться съ Баязетомъ, Тимуръ прервалъ индійскій походъ и отдалилъ планъ похода въ Китай, выславъ сюда множество развѣдчиковъ и согладатаевъ. Одни изъ нихъ должны были изыскать удобнѣйшіе пути, другіе описать пастбища и колодцы, третьи узнать силы крѣпостей и войскъ и, наконецъ, сообразить кого и чѣмъ подкупить.

Теперь юртъ-джи возвращались одинъ за другимъ и не проходило дня, чтобы Тимуръ и его визирь военныхъ дѣлъ не имѣли съ ними тайнаго совѣщанія. Явились вѣстовики и изъ Монголіи, которая, хотя и очень ослабѣла, но все-же могла выдвинуть вспомогательныя силы, по издавна проторенному пути, къ большой стѣнѣ. Такимъ образомъ, Китай былъ-бы охваченъ съ трехъ сторонъ и очутился бы въ тискахъ болѣе крѣпкихъ, чѣмъ то было при Чингисъ-ханѣ.

Но вѣстовики доставили изъ Монголіи неотрадныя вѣсти;

тамъ шелъ расколъ, который служилъ скорѣе помощію нежели угрозою Китаю. Расколъ затѣяли ойраты. Они считали себя, старѣйшимъ монгольскимъ племенемъ, хотя въ дѣйствительности были только рабами коренныхъ монголовъ. Послѣднихъ они ненавидѣли какъ притѣснителей и вели втайнѣ сношенія съ Китаемъ. Всѣ четыре колѣна ихъ—по числу четырехъ пастбищъ: для верблюдовъ, лошадей, коровъ и овецъ—считали себя консервативною частию Монголіи и отрекались отъ всякихъ новшествъ. Они стояли за степные порядки и не признавали чарующаго значенія новыхъ обычаевъ государственной жизни. Достигавшія къ нимъ вѣсти изъ Самарканда о томъ, что во дворцѣ Тимура есть комнаты съ зеркальными потолками, или что шлейфы его женъ носятъ десятки придворныхъ дамъ, были только горючимъ матеріаломъ въ разгоравшейся борьбѣ старомонголовъ съ сородичами, переживавшими понятія и обычаи сѣдой старины.

Ойраты задумали даже избрать собственнаго хана и образовать независимое государство. Обрадовавшись этому плану, Пекинъ осыпалъ ойратовъ и нефритовыми шариками на шляпы и титулами вановъ всѣхъ степеней. Поддерживая ихъ замыселъ, онъ, возставши изъ пепла и развалинъ, потѣснилъ удержавшіеся за большою стѣною остатки монголовъ. Этимъ пришлось ретироваться и постыдно до того, что коренной Монголіи предстоялъ переходъ изъ господствующаго положенія въ вассальное, что не было-бы первымъ примѣромъ. Преслѣдуя эту цѣль, Китай выдвинулъ за большую стѣну значительныя команды каторжниковъ, что равнялось авангарду, обязанному расчистить дороги, засѣять поля, наполнить водоемы и подготовить путь для основательнаго занятія страны.

Могъ-ли Тимуръ снести этотъ позоръ чингисидовъ? Объявивъ себя отпрыскомъ крови Чингисъ-хана и считаясь, по праву, преемникомъ его славы, онъ не простилъ-бы себѣ подавленіе Монголіи Китаемъ. При томъ же послѣдній, укѣпившись до Байкала и Амура, могъ-бы тревожить его владѣнія со стороны Кашгара и Дзунгаріи.

Не разрѣшивъ распустить по домамъ войска, возвратившіяся изъ Рума, и даже наградивъ ихъ выдачею впередъ жалованья, онъ устроилъ лагерь въ Міанкальской долинѣ, но только для отдыха и поправки коней и оружія. Видимо, онъ рѣшился на зимній походъ, съ цѣлью избѣжать разливовъ рѣкъ и образованія топей изъ солончаковъ. Вообще же, онъ обнаруживалъ сильное нетерпѣніе и отвергалъ совѣты обождать подножнаго корма.

Народъ, впрочемъ, и особенно торговый классъ, не желать войны съ Китаемъ и только эмиры и багадуры были не прочь взглянуть на золотыхъ и серебряныхъ китайскихъ идоловъ. Мавераннагръ опасался за свое экономическое благополучіе. Никто не сомнѣвался въ томъ, что Тимуръ возстановитъ блескъ чингисидовъ и подновитъ бывшую столицу коренного юрта—Хара-Харумъ, но въ послѣднемъ случаѣ умалилось-бы значеніе Самарканда и сократились бы его торговые обороты, питавшіеся военными трофеями.

Это опасеніе породило множество предвѣщаній, указывавшихъ на предстоящую неудачу задуманнаго предпріятія. На базарахъ передавали съ умышленною таинственностію о прорицаніяхъ и видѣніяхъ благочестивыхъ мужей, прозрѣвавшихъ въ предстоящемъ походѣ—«конецъ всему».

Конецъ всему былъ видѣнъ въ многоразличныхъ образахъ и таинственныхъ явленіяхъ. Проѣзжая мимо одной пещеры, Тимуръ увидѣлъ незнакомца, который не могъ дать отвѣта, кто живетъ въ пещерѣ или кто тамъ скрывается. По строгому приказу Тимура, онъ побывалъ въ пещерѣ и, выйдя обратно на Божій свѣтъ, объявилъ, что онъ былъ въ раю. Тамъ, на берегу прекраснаго пруда и подъ тѣною чинаровыхъ вѣтвей, онъ видѣлъ 12 мулъ въ бѣлыхъ чалмахъ и бѣлыхъ одеждахъ, а посреди ихъ—балдахинъ, на которомъ возсѣдалъ прекрасный юноша, также въ бѣлоснѣжной одеждѣ. Этотъ юноша подалъ посланцу ларчикъ съ приказаніемъ представить его Тимуру. Такъ и поступилъ посланецъ. Открывъ ларчикъ, Тимуръ увидѣлъ всего три буквы, изъ которыхъ вышли слова: конецъ всему. Тогда благочестивые люди разъяснили ему, что прекрасный юноша предупреждаетъ его не ходить войною на Китай, иначе будетъ—конецъ всему!

Это быстро распространившееся въ народѣ сказаніе достигло слуха Тимура, но онъ замѣтилъ кратко и внушительно:—кисметъ!

Народъ однако не терялъ надежды переупрямить Тимура. Существовало предсказаніе, что онъ не умретъ ранѣе, чѣмъ родится мальчикъ, который при самомъ рожденіи прокричитъ три раза: Аллахъ-эббаръ! Но вотъ пронесся слухъ, что такой мальчикъ родился и что, родившись, онъ прокричалъ тотчасъ-же трижды Аллахъ - эббаръ! Когда этотъ слухъ достигъ Тимура, онъ приказалъ произвести разслѣдованіе, которое подтвердило достоверность слуха. Узнавъ объ этомъ, Тимуръ все таки не отмѣнилъ походъ и ограничился неизмѣннымъ—кисметъ!

Возобновивъ старинный обычай, онъ созвалъ курилтай изъ эмировъ и багадуровъ и открылъ его рѣчью, искусно направлявшею умы къ желанному имъ рѣшенію. — «Минуло много уже лѣтъ, какъ я вступилъ на царство. За это время, на моей душѣ накопилось не мало грѣховъ. Не мало я пролилъ вмѣстѣ съ вами и мусульманской крови; но того требовала высшая справедливость. Теперь я чувствую необходимость смыть эту кровь — кровью язычниковъ, и поэтому объявляю вамъ походъ противъ Китая».

Выслушавъ властное слово, курилтай рѣшилъ, что, для угоднаго Аллаху дѣла, слѣдуетъ посадить на коней двѣсти тысячъ чело-вѣкъ и послать ихъ съ разныхъ сторонъ противъ Китая.

Вскорѣ, на пространствѣ между Міанкальской долиною и Туркестаномъ, сосредоточились двадцать туменей съ обозомъ, въ которомъ запасливые темники вели не только порціонный скотъ, но и дойныхъ верблюдицъ. Произведя генеральный смотръ А'ризь-лашкеръ доложилъ съ чистой совѣстью гуръ-хану, что войска его такъ бодры и веселы, точно они и не блуждали послѣднія десять лѣтъ между берегами р. р. Аму, Ганга, Куры, Аракса, Тигра и Евфрата. Наиболѣе запасливые люди везли съ собою сѣмена средне-азіатскихъ растеній, предполагая, что обстоятельства заставятъ ихъ основаться гдѣ нибудь, на продолжительное время.

Не менѣе осторожно поступилъ и Тимуръ. Покидая Мавераннагръ на неопредѣленное время, онъ объявилъ тайному совѣту, что ему долженъ наследовать внукъ Мирза-Пиръ-Мухаммедъ съ правомъ назначить намѣстника въ Индостанъ. Тайный совѣтъ принесть клятву на коранѣ содержать это рѣшеніе въ секретѣ и, прежде всего, отъ устраненныхъ отъ наследства сыновей гуръ-хана. Впрочемъ, изъ послѣднихъ только Шахъ-Рухъ пользовался такою популярностью, что могъ-бы образовать сильную партію и пойти на перекоръ волѣ отца.

Въ Декабрѣ, когда стали рѣки и отвердѣли солончаки, войска направились на сѣверъ, съ расчетомъ миновать горныя дороги и затруднительные снѣжные перевалы. Маршрутъ лежалъ черезъ Отаръ и степи, съ первыми привалами у Теплаго озера.

Отъ Міанкальской долины до Тимуровыхъ воротъ, движеніе войскъ представляло высокую отраду: кони чувствовали себя необычайно бодро, а поэтому и люди скорѣе джигитовали, нежели шли длиннымъ и скучнымъ походомъ. Котлы на бивуакахъ были полны, а костры по ночамъ, изъ заранѣе заготовленнаго можжевель-

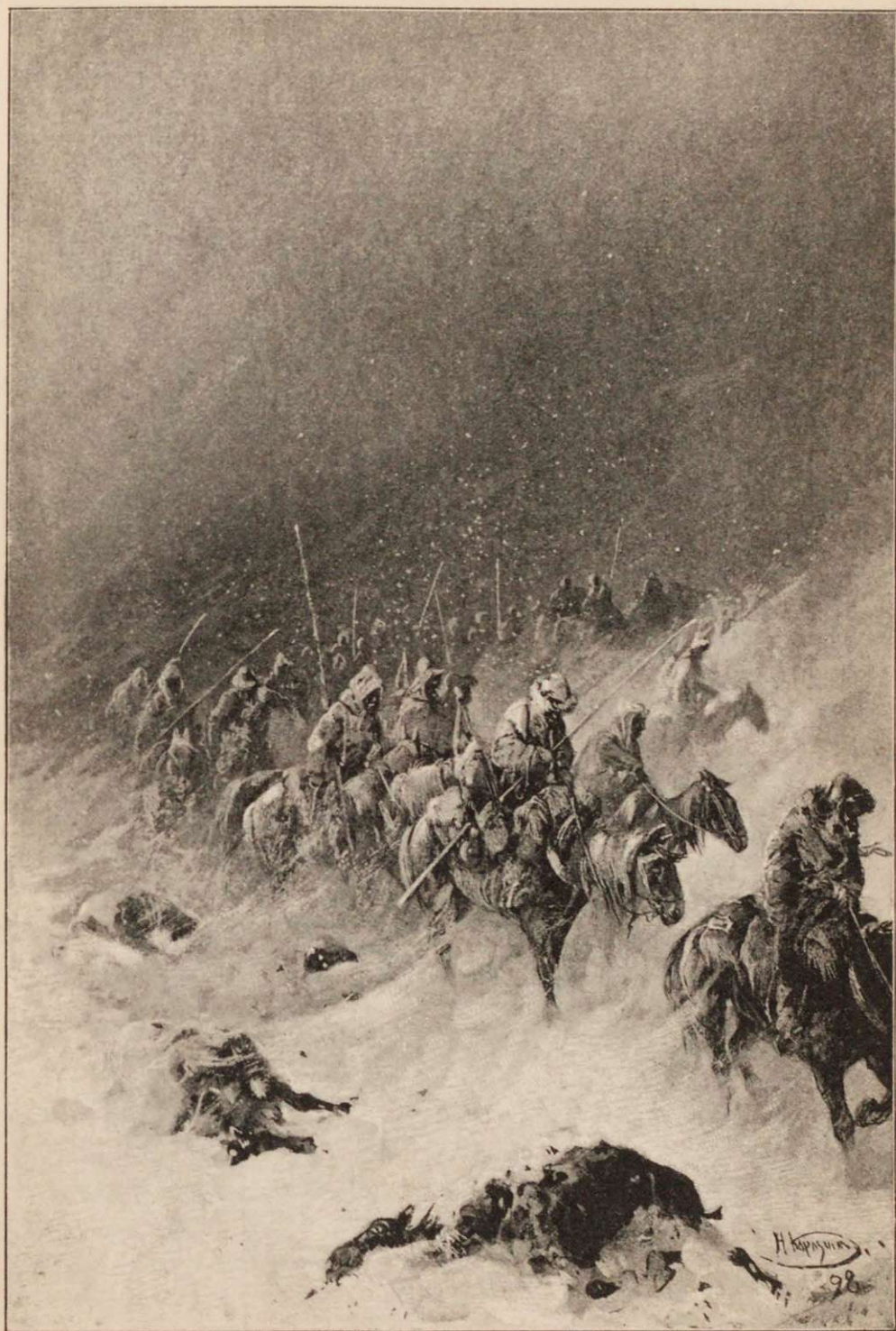
ника, горѣли необыкновенно весело. Днемъ грѣло солнышко, не распуская дороги, такъ что войска прошли всю голодную степь, точно сдѣлали пріятнѣйшую изъ прогулокъ.

Но сѣвернѣе Ташкента выналь снѣгъ; еще немного сѣвернѣе и появились серьезные морозы, точно духи киргизской степи протестовали противъ нарушителей ихъ покоя. Впрочемъ и морозы не имѣли значенія, такъ какъ у каждаго всадника были въ запасѣ шаровары и бешметы изъ длинношерстныхъ бараньихъ шкуръ; даже и лошади шли подъ мягкими, настеганными войлоками.

Объ одномъ только была общая затаенная мольба—это, чтобы Аллахъ благословилъ избѣжать степныхъ бурановъ. Продолжительный буранъ въ голой, открытой степи, и особенно при сильномъ морозѣ, не уступаетъ по своимъ ужасамъ, ни песчаной бурѣ, ни удушающему «гармсиду». Если-же выпадаетъ при этомъ толстый покровъ снѣга надъ обледенѣлою корою, то путнику нечего и пробовать вступать въ борьбу съ мертвящею стихіей. Буранъ начинается своего рода заигрываніемъ снѣжныхъ пылинокъ съ встрѣчными препятствіями. Тонкая, бѣлая пелена быстро вздымается кверху, и въ какой нибудь часъ, наполняетъ собою, какъ кажется напуганному путнику, весь Божій міръ. Повсюду является одинъ бѣлый, но безпроглядный мракъ, отнимающій отъ человѣка всю нить соображеній о времени и пространствѣ. Стороны восхода и заката солнца дѣлаются безразличными. Штормъ въ океанѣ и буранъ въ степи—порожденіе одной и той-же безпокойной и безпощадно мятущейся силы.

По мѣрѣ приближенія къ киргизской степи, войска Тимура начали встрѣчаться съ буранами, заметавшими людей, юрты и высокія деревья. Но какъ только вздымалась пушистая вьюга, препятствовавшая ходу коней, тумени останавливались и сплачивались въ компактную массу. Каждый десятокъ долженъ былъ спѣшиться и образовать кольцо съ людьми посрединѣ и съ лошадьми, обращенными внутрь кольца мордами. Два—три часа такой стоянки не составляли еще большого лишенія, но бураны становились все продолжительнѣе, а морозы крѣпче, между тѣмъ о кострахъ и теплой пищѣ нечего было и думать. Благодаря то сильному морозу, то нервному проявленію, одинъ изъ десятка коней неожиданно отпрядывалъ и, вырвавъ поводъ изъ рукъ полуокоченѣвшаго хозяина, бросался въ трепетномъ испугѣ—по направленію, куда мчался буранъ. Слѣдомъ за нимъ, вырывался тогда и весь десятокъ,

ДВѢ ВОЛНЫ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ПОСЛѢДНІЙ ПОХОДЪ ТИМУРЪ-ЛЕНГА.

который вносилъ такую тревогу въ сосѣднія группы, что эти также топтали копытами сидѣвшихъ на корточкахъ всадниковъ и неслись за бураномъ на неизбежную гибель...

Выпадали такіе тяжелые дни, что мингбаши, повѣривши послѣ бурана свои тысячи, не досчитывались множества коней и всадниковъ, исчезавшихъ совершенно безслѣдно. Безполезно было-бы допрашивать буранъ, гдѣ онъ схоронилъ лошадь или человѣка—это ужъ обыкновенно его секретъ, по крайней мѣрѣ до появленія весны, когда волки и птицы являются въ степь пользоваться плодами его преступленія. Въ одинъ изъ такихъ бурановъ, погибъ визирь. Онъ вздумалъ отдохнуть подѣ деревомъ, одиноко стоявшимъ на дорогѣ, но, отягченная ледянымъ наростомъ, вѣтвь его откололась—и визиря не стало. — Кисметъ! замѣтилъ Тимуръ, узнавъ объ этомъ происшествіи.

А'ризъ-лашкеръ докладывалъ ежедневно о печальныхъ результатахъ борьбы его войскъ съ пагубною силою бурановъ. Не было ни одного туменя, который не заплатилъ-бы обозами, людьми или запаснымъ скотомъ. Мысль объ остановкѣ движенія не приходила однако въ голову Тимуру, такъ какъ возвращеніе обратно, за горную цѣпь, охраняющую Самаркандъ отъ сѣверной стужи, было-бы униженіемъ его военныхъ талантовъ, да къ тому-же движеніе это не уберегло-бы его войска отъ бурановъ и за Ташкентомъ, въ голодной степи.

Но вотъ, изъ туменя въ тумень проникла вѣсть, что самъ гуръ-ханъ, переправляясь черезъ р. Сыръ, принялъ нечаянно ледяную ванну и опасно заболѣлъ. Говорили, будто его голова горитъ какъ въ огнѣ и онъ не узнаетъ, ни А'ризъ-лашкера, ни Ику, ни Джака. По слухамъ слѣдующаго дня, онъ не могъ даже доѣхать верхомъ до Отрара и его отнесли туда на войлокѣ, причемъ онъ, въ горячечномъ забытѣи, приказывалъ подать ему лошадь и боевые доспѣхи....

Пораженные этою вѣстью, которая вполнѣ подтвердилась присланными изъ главной квартиры гонцами, все двадцать туменей остановились, не зная идти-ли далѣе или выждать чѣмъ разрѣшится болѣзнь гуръ-хана? Она-же разгоралась все сильнѣе и сильнѣе и придворный врачъ Фацуллахъ безплодно истощалъ свои медицинскія познанія и средства.

Больной вспоминалъ въ бреду многія изъ событій своей тревожной жизни и обнаруживалъ мысли и планы, составлявшіе его

глубоко-затаенную тайну. Онъ повторилъ даже дословно памфлетъ, ходившій въ Самаркандѣ, передъ началомъ похода.—«Слышишь, какъ бушуетъ мой ураганъ?» шепталъ онъ стихъ нерасположенного къ нему скорбнаго поэта.—«Слышишь какъ реветъ и воетъ злое порожденіе пустыни? Знай-же, о Тимуръ, что это пока передовые полки моихъ злыхъ геніевъ. За ними примчатся еще леіоны послушныхъ мнѣ слугъ—изъ пустынь дальняго сѣвера и изъ горныхъ ущелій. Я пошлю ихъ къ тебѣ на встрѣчу и посмотрю, какъ ты будешь ничтоженъ въ ихъ объятіяхъ.... и тогда, прислушайся, не раздастся-ли смѣхъ демона? то будетъ мой смѣхъ надъ твоею душою....»—Воспаленный мозгъ Тимура очевидно работалъ надъ этимъ предвѣщаніемъ, потому что онъ срывался съ постели и бессмысленно повторялъ, уткнувшись въ уголъ комнаты: — Алибъ-баринъ, алибъ-баринъ! То былъ приговоръ памфлетисту, осмѣлившемуся смѣяться надъ душою гуръ-хана.

Въ минуту просвѣтлѣнія, онъ повторилъ передачу наслѣдства Мирзѣ Пиръ-Мухаммеду, говоря, что Шахъ-Рухъ-Мирза не управится съ обширною имперіей.

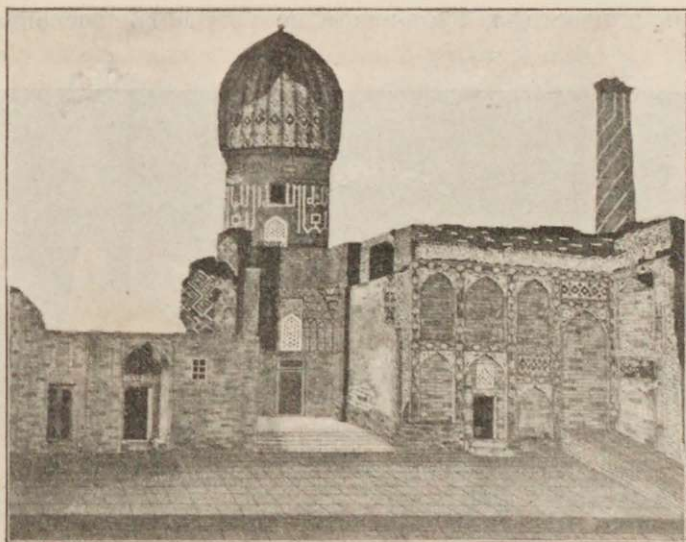
Вскорѣ Фацуллахъ убѣдился, что его искусство безсильно противъ болѣзни гуръ-хана, противостоявшей самымъ сильнымъ изъ извѣстныхъ ему средствъ. Ни рвотный камень, ни корень жизни изъ Тибета не смягчали бредъ больного. Мысль его обращалась съ быстротою молніи. Сію минуту онъ приказывалъ воображаемой передовой цѣпи стрѣлять стоя на колѣняхъ, а спустя мгновеніе, требовалъ загородить дороги башнямъ изъ людскихъ череповъ, двигавшимся на него изъ Испагани и Тавриза. Однажды онъ вообразилъ себя христіанскимъ священникомъ, летѣвшимъ въ пропасть, куда его бросили по приказанію какого-то злодѣя Тимура. Его посѣщали и тѣни Аль-Джой и Биби-ханымъ, причемъ одна упрекала его за мечеть, выстроенную имъ въ честь другой. Наконецъ, онъ протянулъ руку за подаваніемъ, но при этомъ, вмѣсто стиховъ странствующаго дервиша, заплѣлъ стихи брошеннаго ему упрека:—«Слышишь-ли ты, какъ бушуетъ ураганъ и какъ мчатся на встрѣчу къ тебѣ полки моихъ злыхъ геніевъ?....»

Наступила наконецъ минута, когда Фацуллахъ уступилъ изголовье больного придворному имаму Гаибъ-Уллаху. Этому, превосходнѣйшему изъ чтецовъ корана, оставалось уловить мгновеніе, когда явится ангелъ Израфилъ и отдѣлитъ душу Сагибъ-уль-кырана отъ его брэнной оболочки. Но ранѣе того, слѣдовало

употребить все усилия, чтобы умиравшій прочелъ, на сколько возможно ясно, основныя начала ислама и хотя-бы одну суру корана—«Эльсафать». Напрасно, однако, имамъ возглашалъ молитву, исходившую, по выраженію самого Мухаммеда, изъ сердца корана; умиравшій уже не постигалъ всей возвышенности стиховъ:—«Труба прогремитъ и они встанутъ изъ могилъ».—Взамѣнъ этого спасительнаго стиха, умиравшій прошепталъ еще разъ:—«Слышите-ли какъ бушуетъ ураганъ?»

То было его послѣднее слово въ царствѣ живыхъ и почтенный Гаибъ-Уллахъ увидѣлъ, какъ ангелъ Израфилъ принялъ на свои крылья душу Тимура и скрылся въ пространствѣ. — Ля иляга-илли-лагу! раздалось у изголовья умершаго восклицаніе имама, возвѣстившее, что послѣдняя искра жизни угасла въ оболочкѣ повелителя.

Окружавшіе покойнаго муллы, эмиры и темники удержались отъ слезъ только изъ опасенія, чтобы не обезпokoить полетъ ангела Израфила. Приближенные люди приступили тотчасъ-же къ предписаннымъ обрядамъ: эмиръ Ику и Джакъ омыли тѣло своего вoждя и, надѣвъ на него саванъ, изъ простой бумажной ткани, положили его лицомъ къ Ке'абѣ. Въ то-же время, совѣтъ изъ важнѣйшихъ лицъ арміи—имама и темниковъ—рѣшилъ доставить по-

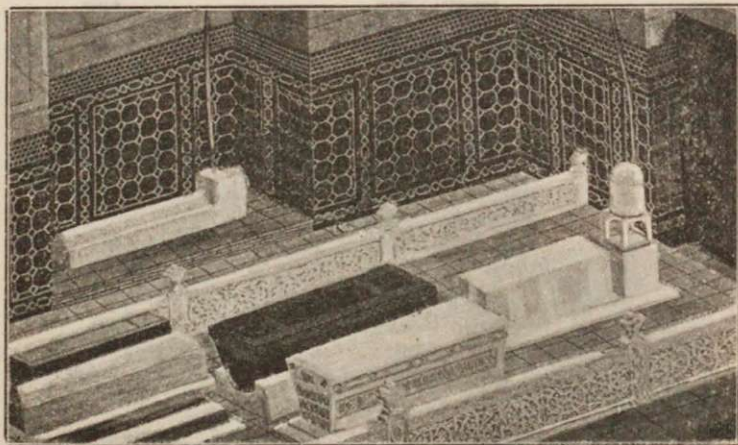

Мавзолей-мечеть Тимуръ-ленга.
(въ Самаркандѣ).

койника въ столицу и тамъ уже поступить, какъ признають диванъ и родные. Покойника засыпали комфорой и зашили въ кожу....

Въ этомъ видѣ онъ возвратился — на хребтѣ своего боевого коня—изъ послѣдняго похода въ Самаркандъ. Здѣсь его ожидалъ склепъ, приготовленный по его плану, для успокоенія его самого, и его духовника Миръ-Саида-Берке. Теперь, надъ склепомъ возвышается мавзолей, извѣстный подъ названіемъ Гуръ-эмира, свидѣтельствующій уже много вѣковъ о томъ, что «ничтожный рабъ Мухаммедъ, сынъ Мухаммеда изъ Испагани», достоинъ въ свою очередь мавзолея, какъ величайшій изъ архитекторовъ. «Ничтожный рабъ», скромно помѣстившій свое имя въ надписи вокругъ двери, открывающей входъ въ мавзолей, произвелъ нѣчто вдохновенно-возвышенное.

Центральная, осмигранная часть мавзолея покрыта куполомъ, обведеннымъ нѣсколькими поясами синяго, бѣлаго, голубого и зеленого цвѣтовъ. Куполъ завершается сводомъ, напоминающимъ приподнятый тюрбанъ изъ ткани небеснаго цвѣта. По сторонамъ мавзолея возвышались стройные минареты—каедры мю'еззиновъ—для призыва правовѣрныхъ къ намазамъ. Стихи корана, обвивая весь куполъ, представляли въ техническомъ отношеніи верхъ совершенства; по красотѣ же кувической каллиграфіи и по достоинству эмали, блистательно выдержавшій цѣлыя вѣка бурь и непогоды, Гуръ-эмиръ не уступаетъ роскоши Биби-

Саркофаги
надъ могилами Тимуръ-ленга и его приближенныхъ.
(въ Самаркандѣ).

ханымъ. Да, «ничтожный рабъ», стѣсненный узкою рамкою мусульманской этики въ дѣлѣ строительства, перешедшей въ Ср. Азію вмѣстѣ съ аравитянами, распорядился арабесками, звѣздочками, треугольниками и мозаикою съ силою творчества, недостигаемого для подражанія.

Внутренность мавзолея состоитъ изъ верхняго надгробнаго этажа и склепа, въ которомъ хранятся и по нынѣ остатки Тимура и девяти близкихъ ему людей. Нужно думать, что «ничтожный рабъ» не успѣлъ окончить внутреннюю отдѣлку склепа, такъ какъ онъ болѣе чѣмъ простъ. Впрочемъ, эта простота находится въ гармоніи съ взглядомъ мусульманина на тлѣнность и ничтожество останковъ человѣка.

Тимуръ всегда выражалъ желаніе быть похороненнымъ рядомъ съ благочестивымъ наставникомъ его Миръ-Сайдомъ-Берке.— «При воскресеніи, въ день страшнаго суда, онъ рассчитывалъ ухватиться за халатъ святаго человѣка, чтобы хотя такимъ путемъ очутиться въ раю.»—Такъ говорили люди, не одобрявшіе Тимура за его избіеніе правовѣрныхъ.

Воля его была исполнена.

Впереди недавняго господина созвѣздій несли его мечъ и копье, какъ эмблемы распространенія ислама, а затѣмъ шли тумены спѣшившихся всадниковъ. Молитву надъ нимъ долженъ былъ совершить человѣкъ, лучше и почтеннѣе котораго нельзя было - бы найти во всемъ населеніи Самарканда. Но и лучшіе люди боялись принять на себя эту святую обязанность изъ опасенія, чтобы пятна, хотя-бы и незамѣтныя на совѣсти чтеца, не обезпокоили умершаго.

Передъ могилою, тѣло покойнаго, освободивъ отъ дорожной оболочки, положили лицомъ къ Меккѣ, куда и обратились взоры всего предстоявшаго народа. Читавшій молитву окончилъ ее воззваніемъ:—«Боже нашъ, если умершій былъ добродѣтеленъ—умножь его добродѣтели, а если грѣшенъ—прости его грѣхи!» И Тимуръ-ленга опустили въ могилу!

На первое время, у его могилы были водружены только бунчукъ и бѣлое знамя и уже потомъ его знаменитый потомокъ Улугъ-бекъ покрылъ его могилу великолѣпнымъ нефритовымъ монолитомъ. На память же потомству, искусный рѣзчикъ и знатокъ арабской каллиграфіи вырѣзалъ на немъ:—«Это гробница великаго султана, милостиваго хакана-эмира Тимура—Курагана»....

Далѣ надпись гласить въ угоду покойному:—«Чингисъ ханъ происходить изъ того же рода, отъ котораго происходятъ дѣды достохвальнаго султана, погребеннаго въ этой священной гробницѣ».

Пройдутъ вѣка, а Тимуръ не сойдетъ со страницъ исторіи и не исчезнетъ изъ сказаній и балладъ центральной Азіи. Прошли пять вѣковъ со времени его смерти, а степной бардъ и теперь еще поетъ:—«О, божественный Тимуръ! Когда ты жилъ подъ нашими шатрами, мы были воинственны и грозны. Когда ты трогался съ мѣста—дрожала земля. Передъ твоимъ взглядомъ цѣпенѣли цѣлыя страны, освѣщаемыя солнцемъ.»—«О, божественный Тимуръ! Скоро - ли возродится великая душа твоя? Вернись къ намъ, вернись, мы ждемъ тебя, о Тимуръ!»—«О, божественный Тимуръ! На нашихъ обширныхъ степяхъ мы живемъ спокойно, но сердца наши полны огня. Вспоминая славные дни, мы спрашиваемъ: гдѣ тотъ вождь, который возбудитъ въ насъ воинственный духъ?»—«О, божественный Тимуръ! . . . »

Общественная молитва исламитянъ передъ мавзолеемъ Тимуръ-лента.

Можно сомнѣваться, что на это поэтическое воззваніе откликнется когда нибудь возрожденный духъ Тимура, но ему все-таки отрадно прислушиваться изъ загробнаго міра къ балладамъ

кочевниковъ. Не такъ отнеслись къ нему горожане. Потомки благоговѣвшихъ передъ нимъ исламитянъ привели его мавзолей въ оскорбительное запустѣніе, которое крайне удивило пришедшихъ въ Ср. Азію кяфировъ. Но кяфиры еще болѣе удивились, когда увидѣли, что хранители мавзолея протягиваютъ къ нимъ руки за подачками: на чай для себя и на сальныя свѣчи для усыпальницы. Бросивъ монетку на саркофагъ Сагибъ-уль-кырана и выйдя на свѣтъ изъ подъ нештукатуреннаго и закоптѣлаго свода, кяфиръ невольно разражается классическимъ восклицаніемъ:—«Такъ проходитъ слава міра сего!»—и идетъ осматривать не менѣе печальныя руины, нѣкогда величественныхъ мечетей и медресе Самарканда: Ходжи-охаръ, Тилля-кари, Биби-ханымъ, Шахъ-зінде....

ПАДЕНІЕ ИМПЕРІИ ТИМУРИДОВЪ.

(XV стол.).

читая, что «написанное живетъ въ потомствѣ долѣе чѣмъ сдѣланное», Тимуръ оставилъ своимъ дѣтямъ и внукамъ—«счастливымъ завоевателямъ государствъ и вели-

кимъ повелителямъ міра»—два большой важности литературныхъ памятника: «Автобіографію» и «Уложеніе». По однимъ сказаніямъ, оба эти творенія вышли непосредственно изъ-подъ его пера, чему легко повѣрить, такъ какъ онъ хорошо зналъ не только турецкій, но и персидскій языки; по другимъ-же сказаніямъ—надъ редакціей ихъ трудились ученые секретари, хорошо сберегавшіе тайны своего повелителя. Переходя изъ одной рукописи въ другую, изъ столѣтія въ столѣтіе, изъ страны въ страну, оба произведенія, видимо, укорачивались и удлиннялись съ уклоненіями отъ первоначальнаго текста. Подлинныя свитки ихъ утрачены. Извѣстно, что царственный авторъ не разставался съ ними, даже и въ походахъ, поэтому можно думать, что они были выкрадены—вмѣстѣ съ драгоценнымъ футляромъ—въ Отрарѣ, вслѣдъ за его неожиданною смертію. Въ сущности, его автобіографія является передъ судомъ потомства не столько описаніемъ прожитого, сдѣланнаго и продуманнаго, сколько политическимъ манифестомъ и программой для династіи тимуридовъ. Во многихъ случаяхъ, она явно противорѣчитъ сказаніямъ безпристрастныхъ современниковъ и даже

расходится сама съ собою, не говоря уже о нѣкоторой страстности тона, направленной противъ памфлетовъ, обращавшихся въ народной средѣ и въ стихахъ и въ прозѣ.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, Автобіографія и Уложеніе служатъ превосходнымъ подспорьемъ для уясненія, какими путями мощный геній Тимура создалъ такую величественную имперію. Оставаясь вѣрнымъ своей эпохѣ, онъ не могъ не считаться съ кабалистическими цифрами. Мусульманство относилось тогда съ особымъ почтеніемъ къ цифрѣ—девять, но онъ предпочиталъ, по числу зодіакальных знаковъ—двѣнадцать. Его государственная мудрость покоилась, поэтому, на двѣнадцати принципахъ; его народы состояли изъ двѣнадцати классовъ и его военные чины имѣли двѣнадцать ранговъ.

Вотъ тѣ двѣнадцать правилъ мудрости, которыя помогли ему—по увѣренію автобіографіи—сдѣлаться достойнымъ многочисленныхъ троновъ.

Онъ заботился о распространеніи религіи Аллаха и законовъ Мухаммеда и тѣмъ поддерживалъ исламъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Чтобы укрѣпить замокъ своего счастья, онъ дѣлилъ людей на двѣнадцать классовъ, сообразно съ значеніемъ ихъ подвиговъ и важною ихъ совѣтовъ.

Онъ былъ одинаково благосклоненъ къ врагамъ и друзьямъ, а въ управленіи народами руководствовался только кротостью, челоуколюбіемъ и терпѣніемъ. При этомъ, предусмотрительность и бдительность были его неизмѣнными спутниками.

Такою-же опорой служила преданность ему воиновъ и эмировъ. Для воодушевленія ихъ, онъ не щадилъ золота и драгоценныхъ камней и допускалъ ихъ къ своему столу, за что они жертвовали своею жизнью.

Любовь созданій Божіихъ, т. е. простого народа, онъ пріобрѣталъ безпристрастіемъ. Одна справедливость управляла его рѣшеніями и хотя войны награждались въ большей мѣрѣ, чѣмъ ремесленники, но и тѣ и другіе видѣли одинаково надъ собою руку великодушія.

Всѣ благородныя души имѣли къ нему свободный доступъ, но его дверь открывалась шире передъ саидами, дервишами, факирами, философами и историками. Онъ избѣгалъ причинять имъ печали и ни въ чемъ имъ не отказывалъ.

Будучи настойчивымъ въ предпріятіяхъ, онъ старался подражать людямъ и пророкамъ, начиная отъ Адама до Мухаммеда. Впрочемъ, онъ избиралъ для подражанія однѣ лишь похвальные качества ихъ и старался избѣгать сдѣланныхъ ими ошибокъ.

Изученіе покоренныхъ имъ народовъ входило въ его политическую программу. Съ этою цѣлью, онъ содержалъ въ каждомъ покоренномъ государствѣ челоѣка испытанной честности, обязаннаго доводить до его свѣдѣнія обо всѣхъ неблагонадежныхъ явленіяхъ. Знатныхъ людей онъ считалъ своими братьями, а простыхъ людей—дѣтьми.

Всѣхъ, кто искалъ его покровительства и «его соли», онъ принималъ съ открытыми объятіями. Никто изъ заключившихъ съ нимъ дружескій союзъ не раскаявался въ своемъ поступкѣ.

Блескъ его счастья не затмѣвалъ его взоры и каждый получалъ должное. Опытъ, вынесенный имъ изъ превратностей судьбы, научилъ его какъ слѣдуетъ поступать съ друзьями и съ врагами.

Послѣднее правило мудрости его заключалось въ презрѣніи къ измѣнникамъ, оставлявшимъ въ моментъ сраженія своего полководца.

Такимъ образомъ, каждое изъ двѣнадцати правилъ государственной мудрости Тимура отличалось возвышенностью и прекраснодоушіемъ. Весь-же его кодексъ могъ быть одинаково пріятенъ и рыцарю безъ страха и упрека и патріарху съ возвышенною душою...

Соблюдая двѣнадцать правилъ мудрости, онъ раздѣлялъ и всѣ подвластные ему народы на двѣнадцать классовъ, съ представленіемъ каждому изъ нихъ справедливыхъ границъ. Въ этомъ случаѣ онъ слѣдовалъ дополнительному принципу, перешедшему за число зодіакальных знаковъ, это принципу содержанія народа и войска «между страхомъ и надеждою».—«Слѣди строго» внушалъ ему духовникъ, «за своими эмирами и слугами, иначе между ними появятся крамолы и возмущенія».

Въ первый классъ онъ зачислилъ потомковъ Али, шейховъ и лучшихъ знатоковъ корана. Этому классу суждено было украшать его дворъ и разрѣшать богословскіе вопросы о томъ, что воспрещено и что разрѣшено книгою Пророка.

За богословами слѣдовалъ совѣтъ изъ старцевъ и ученыхъ, одаренныхъ мудростью, твердостью характера и глубокимъ опытомъ жизни.

Избранные благочестивцы слѣдовали за нимъ повсюду, даже и на войну, выпрашивая ему у Аллаха побѣды и благословенія. Строгость жизни и аскетизмъ были обязательными качествами этого третьяго класса установленной іерархіи.

Эмиры и шейхи находились въ дружественныхъ отношеніяхъ къ повелителю. Но такъ какъ измѣна въ мусульманскихъ войскахъ была явленіемъ зауриднымъ, то офицерскій корпусъ состоялъ подъ усиленнымъ надзоромъ А'ризъ—лашкера.

Рядовые воины и народъ состояли въ одномъ классѣ и пользовались равною долею его вниманія. Ни одна сторона не смѣла тѣснить другую.

Тайный совѣтъ избирался изъ немногихъ лицъ, которымъ онъ повѣрялъ свои сокровенныя мысли. Совѣтъ всегда оставался только совѣтомъ и ничѣмъ болѣе.

Диванъ его состоялъ изъ четырехъ визирей, диванбеги и секретарей. Диванбеги завѣдывалъ общимъ теченіемъ государственныхъ дѣлъ, не распространяя свое вліяніе на духовныя дѣла. Визирь провинцій заботился о государственной казнѣ и объ удержаніи народа на положеніи благоденствующихъ гражданъ. Военный визирь заботился о комплектованіи войскъ и объ удержаніи ихъ на положеніи довольныхъ своею судьбою воиновъ. Онъ не всегда имѣлъ средства выплачивать жалованье исправно, но, при обильной добычѣ, его первая обязанность заключалась въ расплатѣ за прежнее время. Визирь путешествующихъ охранялъ интересы странниковъ и особенно сандовъ, дервишей и хаджей. Визирь двора наблюдалъ за личною казною Тимура и за придворнымъ этикетомъ.

Врачи, астрологи и геометры, они-же и архитекторы, были почтены особымъ классомъ, обязаннымъ помогать своимъ искусствомъ больнымъ, распознавать счастливыя сочетанія звѣздъ и составлять планы садовъ и зданій.

Историки и лѣтописцы составляли также особый классъ. На обязанности ихъ лежало посвященіе его въ жизнь пророковъ и святыхъ людей, а главное въ причины возвышенія и паденія ихъ счастья.

Мистики и факиры объясняли ему величіе будущей жизни и, по собственному его признанію, сообщали ему удивительныя вещи.

Оружейники пользовались особымъ почетомъ. Заботы ихъ

объ исправномъ содержаніи оружія арміи оставались всегда у него на виду.

Купцы и караванъ - баши, подъ которыми слѣдуетъ подразумевать шпионовъ и развѣдчиковъ, замыкали собою зодіакальную цѣпь населенія. Они проникали въ Китай, Индостанъ, Египетъ, Аравію, Сирію и даже «на островъ франковъ». Рѣдкія вещи они представляли ко двору. Къ этому же классу принадлежали и странники всѣхъ націй, которыхъ приглашали къ его столу съ обязанностью дѣлиться свѣдѣніями о государяхъ и обычаяхъ дальнихъ странъ.

Кромѣ состоявшихъ на жалованьи служилыхъ людей—саиды, улемы, дервиши и доктора получали также казенное содержаніе и пенсіи.

Преподавая потомкамъ правила укрѣпленія и расширенія ихъ могущества, Тимуръ отмѣтилъ съ особою заботою качества, которыми должны обладать визиря. По его идеалу, визирь долженъ былъ отличаться душевною возвышенностью, проницательностью ума, опытомъ и способностью примирять враждующія стороны. Онъ признавался недостойнымъ сана, если ему были доступны клевета и злословіе и если онъ покровительствовалъ людямъ, искавшимъ въ жизни только мірскихъ благъ. Будучи «кавалеромъ шпаги» и «кавалеромъ пера», визирь не долженъ былъ выслуживаться передъ повелителемъ однимъ только смиреніемъ. «Визирь-же съ наклонностями разбойника»—замѣтилъ категорически Тимуръ—«открываетъ своему государству путь къ вѣрной гибели».

Регламентируя весь соціальный строй своего государства, Тимуръ озабочивался, понятно, и обще - гражданскими интересами, нашедшими охрану въ его постановленіи объ управленіи государствомъ. На большихъ дорогахъ была разставлена стража, обязанная конвоировать купцовъ и путешественниковъ; стража отвѣчала за каждую пропавшую вещь въ караванѣ. Для наказанія грабителей и разбойниковъ онъ сохранилъ всѣ строія постановленія Чингисъ-хана. Въ городахъ безопасность обезпечивалась полицейскою стражею. Нищихъ кормили на государственный счетъ, но за то ихъ клеймили особыми знаками, а повторявшихъ нищенскую профессію отдавали въ рабство.

Государственные подати не превышали тридцати трехъ процентовъ урожая. Оживленіе водою мертвыхъ земель освобождало предпринимателя отъ податей на первый годъ и только на третій

онъ платилъ полный окладъ хераджа. Если подати платили исправно, то дѣло обходилось безъ серкера, въ противномъ случаѣ появлялся выжиматель, который однако не смѣлъ прибѣгать ни къ палкѣ, ни къ кнуту, ни къ цѣпи. Зброшенные земли раздавались для обработки, при чемъ бѣдные земледѣльцы получали въ ссуду земледѣльческія орудія. Засоренные арыки вновь оживлялись бѣгучею водою. Наконецъ, выморочныя имущества обращались на богоугодныя дѣла или отсылались въ Мекку. Онѣ-же служили ресурсами для содержанія гробницъ святыхъ поборниковъ вѣры. Впрочемъ, на содержаніе гробницъ назначались нерѣдко богатые вакуфы; пожертвованія-же народа на это дѣло распределялись пропорціонально заслугамъ святыхъ. Гробницы каждаго святого получали ковры, освѣщеніе и опредѣленное количество—для пилигримовъ и слугителей—свѣстныхъ припасовъ.

Каждый городъ обязанъ былъ содержать школу, мечеть и богадѣльню, зданія суда и городскаго управленія. Города же содержали смотрителей при караванъ-сараяхъ и главныхъ ирригаторовъ.

Самаркандъ сдѣлался не только сосредоточіемъ власти, но и главнымъ центромъ экономической и промышленной жизни всей громадной имперіи Тимура. Его ткачи и оружейники не уступали мастерамъ Дамаска, ювелиры—художникамъ Грузіи, архитекторы и каменщики—геометрамъ Индіи, а хлопчато-бумажные фабрикаты—знаменитымъ тканямъ Алеппо.

При такой стройной и величественной гармоніи государственныхъ порядковъ, Тимуръ могъ разсчитывать, что его пріемникамъ останется продолжать и совершенствовать дѣло его творческихъ силъ. Но здѣсь повторилась легенда о высокомъ минаретѣ, сложенномъ безъ цемента. Онъ развалился отъ дуновенія вѣтра, ранѣе чѣмъ мю'аззинъ провозгласилъ въ первый разъ имя Аллаха. Этого необходимаго цемента не оказалось и въ имперіи Тимура, что обнаружилось тотчасъ-же послѣ его смерти и открытія оставшагося послѣ него наслѣдства.

Большое наслѣдство порождаетъ обычно большую вражду.

Наслѣдство Тимура возбудило—и даже ранѣе нежели опустилась надъ нимъ плита въ склепѣ—раздоры во всемъ Мавераннахрѣ. Саиды и улемы объявили себя сторонниками исполненія воли покойнаго, но народъ подыскалъ другого кандидата на обладаніе кокъ-ташомъ. Наконецъ выяснилось образованіе двухъ

партіи за внуковъ Тимура и одной за сына его Шахъ-Руха. Каждая партія, забывъ и о курилтаѣ и о томъ, что воля покойниковъ должна считаться священною, принялась работать изо всѣхъ силъ въ пользу своего кандидата, не безъ надежды, разумѣется, напомнить ему въ свое время о своей преданности.

Ближе всѣхъ къ кокъ-ташу находился въ ту пору внукъ Тимура—поэтъ Халиль, проводившій все время у ногъ красавицы Шадъ-и-Мулькъ. Любовь эта сердила еще Тимура и до того, что онъ распорядился разлучить влюбленныхъ, но Халиль продолжалъ и въ разлукѣ изливать свои пламенные чувства въ поэтическихъ газеляхъ.

Заоблачныя думы не помѣшали однако Халилю воспользоваться предложеніемъ образовавшейся въ пользу его партіи и захватить, тотчасъ послѣ смерти дѣда, урду Самарканда со всѣми ея несмѣтными богатствами. Благодаря послѣднимъ, быстро увеличилось число его сторонниковъ, такъ что вскорѣ образовалась армія, достаточно сильная, чтобы вступить въ борьбу съ войсками противниковъ. Противники тоже не дремали и, какъ только войска одного изъ нихъ появились изъ-за р. Аму, въ средѣ тимуридовъ проявилось междоусобіе, съ губительнымъ для династіи ожесточеніемъ.

Назначенный покойнымъ Тимуромъ наслѣдникъ Пиръ-Магометъ—правитель Кабулистана и Индостана—находился, во время его смерти въ Кабулѣ, гдѣ, не зная чему отдать предпочтеніе: вину или женщинамъ—утрачивалъ постепенно пріобрѣтенную имъ въ молодости славу храбрѣйшаго изъ тимуридовъ. Это качество беззавѣтной храбрости подкупало Тимура, находившаго, что пріобрѣтенное мечемъ нельзя сберечь, какъ полагалъ его сынъ Шахъ-Рухъ, спокойнымъ и ласковымъ образомъ правленія. Разставшись съ военными доблестями и утонувъ въ радостяхъ гарема и вина, Пиръ-Магометъ не успѣлъ предупредить Халиля и, не обладая казною дѣда, не могъ привлечь на свою сторону избранныхъ темниковъ и ихъ тумени. Бросивъ Кабуль, бывшій для него Капудей, онъ быстро двинулся къ Самарканду, гдѣ однако не удалось ему и взглянуть на кокъ-ташъ. Приверженцы Халиля разбили его въ двухъ сраженіяхъ. Наконецъ его слуга, возведенный, быть можетъ, въ минуту невмѣняемости, въ визири, умертвилъ его съ цѣлью занять мѣсто эмира въ Кабулѣ.

Послѣдовавшіе послѣ того мятежи въ Мавераннагрѣ и вообще

въ земляхъ Тимура, обратились въ своего рода хроническое явленіе, что испыталъ на себѣ и Халиль, разбитый, благодаря измѣнѣ своихъ войскъ, возставшими противъ него эмирами. Неудача его была такъ велика, что онъ лишился и кокъ-таша и Шади-и-Мулькъ, отданной побѣдителями на поруганіе черни.

Такимъ образомъ, династіи тимуридовъ угрожало, вслѣдъ за смертью ея родоначальника, совершенное паденіе и при томъ съ быстротою, не часто повторявшеюся и въ средніе вѣка. Спасая династію, Шахъ-Рухъ оставилъ милый ему Иранистанъ и направился въ столицу покойнаго отца. Походъ его былъ триумфальнымъ шествіемъ, по крайней мѣрѣ народъ отшатнулся отъ мятежныхъ эмировъ и охотно отворялъ передъ нимъ безъ боя городскія ворота. Такъ поступилъ и Самаркандъ. Находившійся въ заточеніи Халиль былъ возвращенъ и обрадованъ, получивъ опять возможность сочинять газели у ногъ Шади-и-Мулькъ. Кокъ-таша, однако онъ болѣе не увидѣлъ, потому что Шахъ-Рухъ объявилъ себя наслѣдникомъ всѣхъ странъ, покоренныхъ его отцомъ. Впрочемъ, Сирія и Арабистанъ были уже утрачены безповоротно.

Погасивъ мятежи, Шахъ-Рухъ возвратился въ Иранистанъ, оставивъ намѣстникомъ въ Трансоксаніи старшаго сына своего двадцатилѣтняго молодого человѣка Улугъ-Бега. Этотъ тимуридъ оказался, въ качествѣ воина — олицетвореніемъ неспособности, такъ что узбеки, разбивая его на голову, не разъ грозили Самарканду своими дубинами. Только помощь отца и народная любовь спасали его отъ внѣшнихъ погромовъ и домашнихъ заговорщиковъ.

Правленіе Улугъ-Бега считается тѣмъ не менѣе золотымъ вѣкомъ Трансоксаніи. Не считая указанія корана о войнѣ съ невѣрными — божественными откровеніями, онъ нашелъ неизсякаемый запасъ духовной пищи въ наукахъ, искусствѣ и образованіи. Съ этой стороны, онъ дорогъ человѣчеству постройкой обсерваторіи, для которой призвалъ ученыхъ изъ многихъ извѣстныхъ тогда центровъ умственной жизни. Въ числѣ строителей находились и халдеи и израильтяне; на это любимое дѣло онъ не пожалѣлъ ни трудовъ, ни средствъ. За то, въ оконченномъ видѣ, обсерваторія его явилась однимъ изъ чудесъ свѣта. Ея глобусы, измѣрители и инструменты, показывавшіе движеніе и разстоянія свѣтилъ поражали просвѣщеннѣйшіе умы того времени. И не одни современники гордились дѣломъ рукъ своего повелителя; таблицы

его, указывающія положеніе неподвижныхъ звѣздъ и теченіе планетъ, служатъ и теперь предметомъ размышленія звѣздочетовъ.

Дѣятельность Улугъ-Бега не ограничилась областью астрономіи. Созидая мечети, медресе и монастыри, онъ не остановился и передъ устройствомъ картинной галлерей. Коранъ и саиды не одобрили это предпріятіе. Впрочемъ фанатики были удовлетворены, когда узбеки, при одномъ изъ набѣговъ на Самаркандъ, пустили въ ходъ противъ китайской эмали и художественной мозаики, всѣ извѣстныя имъ средства разрушенія.

Смерть Шахъ-Руха вызвала и Улугъ-Бега на ненавистное ему поле битвъ. Считая себя по праву наслѣдникомъ отца, онъ поспѣшилъ въ Иранистанъ, но уже на дорогѣ онъ встрѣтился съ войсками своего племянника, успѣвшаго овладѣть Гератомъ. Племянникъ захватилъ въ плѣнъ сына его Абдуль-Латифа и угрожалъ, въ случаѣ дальнѣйшаго спора за наслѣдство, лишить его жизни. Улугъ-Бегъ, подчиняясь родительскому чувству, отступился отъ своихъ правъ, но эта уступка повела къ чудовищному послѣдствію.

Получивъ свободу, а съ нею и намѣстничество въ Балхѣ, Абдуль-Латифъ возсталъ противъ отца, который для усмиренія его долженъ былъ выступить во главѣ вооруженной силы. Силы его оказались слабыми и въ первой-же стычкѣ сынъ не отказался отъ удовольствія взять въ плѣнъ отца и найти раба персіяннина, не задумавшагося лишить жизни знаменитаго Улугъ-Бега! Абдуль-Латифъ не долго однако возсѣдалъ на кокъ-ташѣ. Преданный покойному Улугъ-Бегу слуга отрубилъ ему голову и безпрепятственно повѣсилъ ее на перекладинѣ городскихъ воротъ.

Съ той поры имперія Тимура понеслась къ раздробленію на мелкія части съ стихійною силою. Къ тому-же, на тимуридовъ надвинулась какая-то манія величія и господства, такъ что самый неосмысленный правнукъ в. человѣка считалъ за собою право хотя - бы на одну ступеньку къ кокъ-ташу. Безъ малѣйшихъ доблестей предка, каждый изъ нихъ помнилъ только, что путь жизни его былъ возвеличенъ служеніемъ исламу и благоговѣніемъ передъ кораномъ. Этотъ же путь избирали и они, съ тою разницею, что насажденные Шахъ-Рухомъ и Улугъ-Бегомъ свѣтскія науки были преданы остракизму и замѣнены догматами изуѣрства. Герать и Самаркандъ вошли въ непримиримое соперничество, оросившее вновь Трансоксанію потоками крови. Если въ этомъ году дрались на берегахъ р. Аму, то, въ слѣдующемъ, жатва

смерти происходила на берегахъ р. Сыръ. Внукъ Тимура сторожилъ правнука, а племянникъ дядю. Нескончаемые раздоры ихъ дали возможность окрѣпнуть туркменамъ на югѣ и узбекамъ на

Артиллерія и артиллеристы.
(въ Ср. Азіи, XIX-го стол.).

сѣверѣ. Не рѣдко, иранская армія, усиленная туркменами, хозяйничала на берегахъ р. Аму и пряталась въ безграничныхъ пескахъ, заслышавъ топотъ самаркандскихъ войскъ, братавшихся изъ расчетовъ съ ненавистными узбеками. Сегодня Эбусаидъ казнилъ любимую жену покойнаго Шахъ-Руха, а завтра этого же Эбусаида вели на веревкѣ къ мѣсту отсѣченія головъ.

Благодаря взаимоистребленію тимуридовъ, степи сѣвернѣе р. Сыръ подпали подъ власть узбековъ, выдѣлившись изъ орды и усилившихся населеніемъ многократно раззореннаго Хорезма. Первоначально, явились оттуда отщепенцы отъ родныхъ ауловъ, а затѣмъ пришли и родовичи. Тимуриды, нуждаясь по временамъ въ ихъ помощи, не подумали отгнать непрошенныхъ сосѣдей,

напротивъ, они приняли храбрѣйшихъ изъ нихъ въ свои багадуры и даже въ свою охранную стражу. Нѣкоторое время степной сбродъ не имѣлъ, ни хана, ни бека, ни гражданскаго устройства, пока не выдѣлился изъ ихъ среды своего рода счастливецъ, извѣстный подъ именемъ Шейбани.

Человѣкъ недюжиннаго ума и съ большими организаторскими способностями, онъ сумѣлъ придать своимъ послѣдователямъ нѣчто цѣльное. Первоначально, онъ служилъ тимуридамъ изъ жалованья, но, отложившись отъ нихъ, объявилъ своихъ приверженцевъ независимою узбекскою ордою. Туркестанъ съ его святымъ патрономъ обратился въ столицу новой орды. Тимуриды не протестовали противъ этого своеволия. Тогда узбеки заняли по бассейну р. лучшія мѣста и между прочимъ историческій Отраръ и Сауранъ и продолжали двигаться по направленію къ Ташкенту, къ благодатнымъ долинамъ р.р. Ангrena и Чирчика.

Тимуриды опомнились, когда узбеки появились уже возлѣ Самарканда и когда не легко было противостоять натиску ихъ боевой, образовавшейся въ степи, силѣ. Кромѣ того, Шейбани разослалъ прокламаціи ко всѣмъ народностямъ, которымъ пріятно было-бы низвергнуть тимуридовъ. Хорезмцы, составлявшіе нѣкогда ядро узбековъ, откликнулись первые на его призывъ.

Самаркандъ, обладая въ это время цитаделью, сооруженною по правиламъ инженернаго искусства, выдержалъ девятимѣсячную осаду полудикихъ степняковъ и сдался только послѣ блокады, прекратившей доступъ въ многолюдный городъ припасовъ. Отворивъ свои ворота, самаркандцы не ожидали пощады и, дѣйствительно, все, что дала ему культура, все пало подъ ударами узбековъ, не признававшихъ въ разгарѣ страстей ни роскоши фонтановъ, ни прелести поэзіи, ни очарованія на диво устроенныхъ садовъ.

Готовые задохнуться подъ натискомъ дикихъ степняковъ, самаркандцы вспомнили о пра-правнукѣ Тимура мирзѣ Баберѣ, проявлявшемъ уже не разъ военныя способности. Баберъ охотно вошелъ съ ними въ тайное соглашеніе и, набравъ достаточную силу изъ багадуровъ стараго времени, подступилъ къ Самарканду. Шейбани ретировался и засѣлъ въ Бухарѣ въ ожиданіи подкрѣпленій и прилива новыхъ силъ изъ степи и изъ отлагавшихся отъ тимуридовъ провинцій.

Мирза Баберъ не выдержалъ новаго натиска узбековъ и,

потерпѣвъ, послѣ небольшого успѣха, серьезное пораженіе, принужденъ былъ обратиться въ авантюриста-скитальца, которому улыбнулась возможность воспользоваться безначаліемъ въ Кабулѣ и накинута на него во главѣ немногочисленной вольницы. Кабульское предпріятіе вышло удачнымъ. Тогда онъ проникъ въ Индію, гдѣ удачи смѣнялись пораженіями, но и пораженія не мѣшали ему объявить себя падишахомъ.

Окончательно счастливый поворотъ въ судьбѣ Бабера установился съ того времени, когда ему удалось сжечь Лагоръ и осадить Дели. Подъ стѣнами послѣдняго вольница Бабера, численностью всего въ тринадцать тысячъ человекъ, обратила въ бѣгство армію султана Ибрагима въ сто тысячъ всадниковъ, располагавшихъ къ тому же тысячею слоновъ. Съ этого времени, счастье не оставляло Бабера и хотя правители отдѣльныхъ владѣній безпрерывно возставали противъ него, но веселый, ласковый обходительный, умный и щедрый—онъ преодолевалъ своихъ соперниковъ и старался завязать повсюду торговыя и политическія сношенія. Даже и Москва согласилась съ нимъ на торговлю и только повременила заключить съ нимъ дружественный союзъ, такъ какъ в. кн. Василій Ивановичъ не зналъ: «къмъ состоитъ Бабури-паша въ Индійскомъ государствѣ—государемъ или только урядникомъ»?

Послѣднему изъ тимуридовъ суждено было основать династію, извѣстную подъ именемъ «Великихъ Моголовъ». Три столѣтія она владѣла лучшими странами Индіи, пока вторженіе Надира, а потомъ захваты Англіи не низвели Великихъ Моголовъ до положенія скромныхъ пенсіонеровъ англійскаго казначейства.

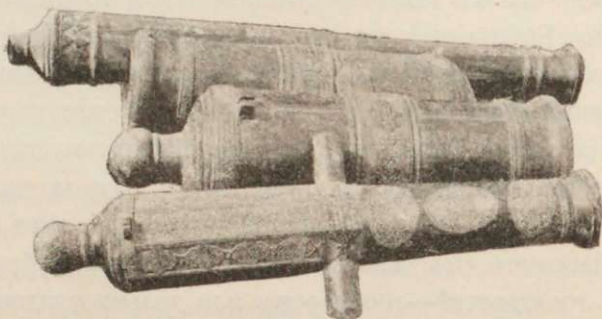
Занявъ кокъ-ташъ, Шейбани повелъ своихъ узбековъ, къ которымъ примкнули силою естественныхъ вещей и остатки разбитыхъ имъ войскъ, громить провинціи тимуридовъ. Сопротивленіе Иранистана и Кабулистана было сломано въ рѣшительныхъ битвахъ, такъ что Герать поднесъ шейбанидамъ крупную контрибуцію. Вскорѣ и всѣ главнѣйшіе пункты Трансоксаніи, Хорезма и Хоросана признали его власть.

Такимъ образомъ династія Тимура, просуществовавъ около столѣтія, пала навсегда, наполнивъ исторію немногими, послѣ своего родоначальника, громкими именами.

Шітамъ однако удалось организовать оборону противъ узбековъ, черезъ-чуръ уже полагавшихся на грозное имя своего предводителя и на счастливо сложившіяся обстоятельства. Въ нынѣш-

ней Туркменіи, на р. Мургабѣ, произошла рѣшительная битва между утомленною арміею узбековъ и значительными силами Ирана. Шейбаниды потерпѣли полное пораженіе. Шейбани былъ убитъ, доставивъ при томъ побѣдителямъ радость увидѣть его черепъ обдѣланнымъ въ золото для пиршественной чаши.

Трагическая смерть Шейбани не воспрепятствовала шейбанидамъ править кореннымъ наслѣдіемъ Тимура почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія, пока на смѣну имъ не явилась изъ обломковъ орды династія аштарханидовъ. Но появленіе и этой династии и ея мусульманскихъ преемницъ только запечатлѣло рѣшимость историческаго рока не возвращаться болѣе къ возобновленію мірового значенія Тимура и его угасшей навсегда имперіи.

Среднеазиатскія пушки.
(XIX-го стол.).

ДУХОВНАЯ ІЕРАРХІЯ ВЪ БОРЬБѢ РОССІИ СЪ ЧИНГИСИДАМИ.

(XIII—XV стол.).

ктивная дѣятельность Тимура, по отношенію къ Россіи, ограничилась походомъ, предпринятымъ имъ послѣ вторичнаго пораженія Тохтамыша и оставшемся безъ результата. Тѣмъ не менѣе, косвенное значеніе Тимура въ историческомъ развитіи Россіи чрезвычайно велико. Ослабленіе З. орды ускорило собираніе земли рус., выступавшей медленно, съ тяжелыми усилиями и нравственными пожертвованіями на путь сопротивленія приволжскому царству исламитянъ и его улусамъ. Медленность эта объясняется, отчасти, кромѣ кн. неурядицы и моральнымъ значеніемъ рус. духовенства того времени, имѣвшаго несчастье пользоваться золотоордынскими милостями. При переходѣ изъ язычества въ исламъ, ордынцы сохранили монгольскую политику наружнаго доброжелательства къ рус. духовенству, чѣмъ, разумѣется, еще болѣе усилили существовавшую и безъ того, въ средѣ духовныхъ пастырей, деморализацію.

Нестроеніе въ этой средѣ обнимало въ ту пору всѣ ступени іерархіи, не исключая епископовъ и даже митрополитовъ. Россія видѣла—по крайней мѣрѣ въ періодъ до ослабленія З. орды—и соперниковъ на одну и ту же кафедру, и исповѣдника жидовской ереси, и не малое число грековъ, поставленныхъ патріархами «по мзѣ», а не по личному ихъ достоинству. Если таковы были составъ іерарховъ церкви, то легко понять изъ какихъ

убогихъ элементовъ группировалась тогда среда ближайшихъ духовныхъ наставниковъ народа.

Къ счастію, на этомъ мрачномъ фонѣ, выдѣлились такія свѣтила церкви и подвижники распространенія и укрѣпленія христіанства, какъ митрополиты Петръ, Алексій, Іона и такіе крупные дѣятели, какъ Сергій Радонежскій, Кирилль Бѣлозерскій, Діонисій Глушинскій и наконецъ, еще въ борьбѣ съ монголами, почтенный старецъ Вассіанъ. Разумѣется и второстепенные дѣятели служили опорой христіанства, но все таки, въ борьбѣ съ чингисидами, только немногіе духовные мужи и витіи проявили свою силу и то исключительно въ критическихъ случаяхъ. Въ жизни же обыденной, духовенство ограничивалось посылкою по адресу золотоордынцевъ эпитетовъ, въ родѣ «треклятыхъ и безбожныхъ агарянь».

Причиною этого крупнаго недостатка энергіи служило крайне неустойчивое положеніе духовенства, создавшееся подъ тройнымъ давленіемъ: мѣстнаго кн., греческаго патріарха и хана З. орды. Неблаговоленіе одной изъ этихъ сторонъ парализовало расположеніе другой и бѣлый клубокъ, надѣтый въ Царь-градѣ, не обезпечивалъ еще отъ тюрмы въ Кіевѣ или во Владимірѣ. Каждой сторонѣ хотѣлось располагать духовною іерархіею, какъ орудіемъ своей личной политики, поэтому кн. и патріархи, никогда не упускали изъ виду политическія склонности своихъ ставленниковъ.—«Священные и божественные каноны повелѣваютъ архіереямъ приходить сюда дважды въ годъ»,—писалъ патріархъ митрополиту Алексію,—«потомъ, нѣкоторые изъ святыхъ архіереевъ приняли за правило, по отдаленности мѣста и по болѣзни, приходить только однажды въ годъ... Приходи и ты, когда найдешь удобнымъ; въ противномъ случаѣ—пиши, присылай и проси, въ чемъ нуждаешься: о церковныхъ потребностяхъ, о политическихъ дѣлахъ и обо всемъ, о чемъ хочешь знать. Пиши сперва о своемъ, а потомъ обо всемъ здѣшнемъ, какія здѣсь бываютъ дѣла церковныя, политическія и царскія...» Словомъ патріархъ стремился располагать изъ Царь-града рус. митрополіею не менѣе властно, какъ и кн. и сидѣвшій въ Сараѣ чингисидъ.

Князья, а въ вольныхъ городахъ замѣнявшее ихъ вѣче, участвовали непосредственно въ избраніи кандидатовъ въ епископы. Кн. предлагалъ въ этомъ случаѣ своимъ подданнымъ: «поискать себѣ такого мужа въ попѣхъ-ли, въ игуменѣхъ-ли, въ черницѣхъ-ли». Избранный кандидатъ долженъ былъ побывать у митрополита за

рукоположеніемъ. Иногда, впрочемъ, митрополиты присылали своихъ ставленниковъ, но, при нежеланіи принять ихъ, кн. отвѣчали: «не избраша сего людѣ земли нашей»—и ставленникъ оставался не у дѣлъ.

Избраніе митрополита сопровождалось болѣе сложнымъ процессомъ, въ которомъ принимали живое участіе патріархъ и окружавшій его дворъ. Послѣдній, по склонности своей къ взяточничеству, выставялъ нерѣдко на одну и ту же каѳедру одновременно двухъ и даже трехъ митрополитовъ, какъ напримѣръ Кипріана, Пимена и Діонисія. При томъ же, Кипріанъ былъ назначенъ еще при жизни митрополита Алексія, при которомъ явился и никому не вѣдомый въ Россіи митрополитъ Романъ. Этотъ незнакомецъ потребовалъ также присылки церковной дани, которая понадобилась ему для расплаты съ патріархатомъ. Вообще, патріархъ Филофей не стѣснялся поставлять Россіи митрополитовъ болѣе, чѣмъ ей было нужно. Въ свою очередь и в. кн. Дмитрій Іоанновичъ не затруднился устранить Кипріана, терпѣливо выжидавшего смерти Алексія и противопоставить ему простаго священника Митяя.

Митяй поступилъ въ свою очередь довольно рѣшительно: онъ самолично надѣлъ бѣлый клобукъ и только, когда противъ этого самовластия возроптали епископы, отправился въ Царь-градъ за инвеститурою. Отправляясь туда, онъ выпросилъ у благоволившаго къ нему в. кн. бланкъ хартіи: «дай ми хартію не написану, за своею печатю, на запасть; еже ми будетъ надобѣ, то напишу на ней». Въмѣсто Царь-града онъ попалъ въ З. орду, гдѣ успѣлъ заручиться ярлыкомъ, именовавшимъ его архимандритомъ.

По дорогѣ изъ Сарая въ Царь-градъ, Митяй умеръ, чѣмъ воспользовалась его свита и избрала въ митрополиты одного изъ своихъ товарищей—Пимена. Этотъ не стѣснился написать на бланкѣ, данномъ Митяю, какъ бы отъ в. кн. къ патріарху: «избрахъ на Русь сего Пимена и паче того иного не обрѣтохомъ». Патріархъ объявилъ Пимена митрополитомъ. Но в. кн. встрѣтилъ его какъ наглаго обманщика и по возвращеніи его въ Россію сорвалъ съ него бѣлый клобукъ. Митрополія перешла къ терпѣливому Кипріану. Не долго впрочемъ и Кипріанъ правилъ митрополіей; ему было поставлено въ вину равнодушіе, съ какимъ онъ отнесся къ разоренію Москвы ордынцами. Въ наказаніе за это равнодушіе, в. кн. предложилъ ему оставить митрополію, которую и вручилъ

недавно оскорбленному Пимену. Но Пиментъ вновь не удовлетворилъ в. кн., который послалъ въ Царь-градъ за инвеститурою новаго избранника Діонисія. Послѣдній при возвращеніи въ Москву былъ арестованъ по наущенію проживавшаго въ Кіевѣ Кипріана и умеръ подъ арестомъ.....

При в. кн. Василичѣ Димитріевичѣ, Кипріанъ снова явился во главѣ митрополіи. Послѣ его смерти, патріархъ прислалъ грека Фотія, противъ котораго возстало южно-русское духовенство, избравшее въ свои митрополиты Григорія. Послѣдній, участвуя въ соединеніи греческой церкви съ латинскою, подвергнулся за то проклятію въ московскихъ соборахъ. По смерти Фотія, митрополія лишилась главы надолго, а когда в. кн. избралъ епископа рязанскаго Іону—патріархъ отказалъ въ инвеститурѣ и прислалъ своего ставленника Исидора. Послѣдній явилъ себя прямымъ измѣнникомъ православію. Побывавъ на флорентинскомъ соборѣ, онъ возвратился въ Россію уже легатомъ отъ ребра апостольскаго.

В. кн. посадилъ его подъ стражу.

Такое печальное состояніе митрополіи, въ связи съ невѣжествомъ низшей іерархіи, беззаботно сплетавшей во едино свѣтлые завѣты христіанства съ дикими проявленіями суевѣрія, накопило множество вопросовъ, которыми пришлось заняться—по разрушеніи уже З. орды—Стоглавому собору. Но явившіеся на соборъ отцы церкви впали въ новыя погрѣшности «по простотѣ и невѣжеству», какъ выразился повторный въ Москвѣ соборъ, и внесли въ народную жизнь такія постановленія, какъ о небритіи бороды и усовъ и двуперстномъ знаменіи. Впрочемъ, брандобрейный вопросъ былъ разрѣшенъ еще при владычествѣ монголовъ, въ угоду которымъ русскіе бояре разстались съ природнымъ украшеніемъ, а потомъ возвратили его, чтобы вновь утратить подъ бритвою уже Петра Великаго.

Этотъ низкій уровень нравственныхъ и умственныхъ силъ іерархіи, могъ только веселить сидѣвшихъ въ Сарай чингисидовъ. Послѣдніе сочли для себя выгоднымъ не вмѣшиваться въ избраніе и назначеніе рус. іерарховъ и только требовали, чтобы они являлись къ нимъ въ Сарай свидѣтельствовать о признаніи своего вассальнаго положенія. Признаніе это чингисиды награждали ярлыками, которые менѣе всего могли способствовать возрожденію или обновленію—съ христіанской точки зрѣнія—рус. духовенства. Изъ ста восьмидесяти монастырей монгольской эпохи, всѣ первоклассные, числомъ до пятидесяти, пользовались ярлычными правами.

Подъ названіемъ ярлыка исходила каждая бумага отъ имени хана, удостовѣренная его именною тамгою. Во второстепенныхъ случаяхъ, не касавшихся общаго государственнаго механизма орды, ярлыки исходили отъ вліятельныхъ ханскихъ женъ.

Чингисиды прибѣгали, до принятія мусульманства и тюркскихъ обычаевъ, къ уйгурской грамотѣ, совершенно неизвѣстной тогда рус. востокѣдамъ. Послѣдніе сознавались, что иныхъ документовъ они «не возмогахомъ перевести, зане неудобопознаваемо рѣчью писаны быша». Дѣло перевода пошло бойчѣе, когда Узбекъ «предался иѣрѣ срачинской» и перемѣнилъ своихъ монгольскихъ секретарей на знатокѣвъ арабскихъ письменъ.

«Вѣра срачинская» не освобождаетъ—и по корану и по шаріату—духовенство иныхъ исповѣданій отъ даней и пошлинъ. Хань же З. орды и по принятіи мусульманства не облагали рус. іерарховъ, монастыри, церкви и клиръ сборами въ свою пользу. Разумѣется, они поступали такъ не изъ уваженія къ служителямъ другихъ религіозныхъ исповѣданій, а единственно изъ стремленія замыкать духовныя уста, которыя, по самому ихъ назначенію, должны были воспитывать и даже поднимать народныя массы противъ ненавистныхъ притѣснителей.

Предоставляя рус. духовенству широкія льготы, ханы раздавали ихъ, въ видѣ особыхъ милостей, за которыми іерархи церкви должны были лично являться въ орду. Извѣстны впрочемъ случаи, когда ярлыки были доставляемы ордынскими чиновниками. Значеніе ордынскихъ милостей имѣло особую цѣну и потому еще, что монастыри и церкви не располагали въ ту пору избыткомъ благъ земныхъ.—«Овогда-же не достояше вина, имже обѣдня служити и фиміяна, имже кадити, овогда-же воску, имже свѣщи скати».—Свѣчи приходилось замѣнять по нуждѣ березовыми лучинами; такова была бѣдность монастырскихъ кассъ. На помощь имъ выступали нерѣдко кн. «своего ради спасенія» или «на память преставльшимся» или «за въ здоровіе пребывающими въ житіи», но они жаловали преимущественно пустоши, не приносящія никакого дохода. И только наиболѣе прилежныя къ церкви и наиболѣе заботливыя о своемъ спасеніи, жаловали села, рыбныя ловли и другія доходныя статьи.

Въ ордѣ, послѣ поклоновъ вельможамъ и взятокъ ханскимъ канцеляріямъ, іерархи получали, быть можетъ при торжественной обстановкѣ, изъ рукъ хановъ ярлыки. Къ величайшему сожалѣнію,

нѣтъ возможности сличить эти ярлыки съ ярлыками, данными кн. на отчій и дѣдичій столы. Гдѣ же ярлыки на княженіе? Почему ни одинъ изъ нихъ не проявился ни въ подлинникѣ, ни въ спискѣ? Разумѣется они были слишкомъ дороги владѣльцамъ для того, чтобы хранить ихъ въ писцовыхъ коробахъ и сундукахъ. Кромѣ того, неизбѣжное въ нихъ указаніе на подданничество и дани дѣлали ихъ крайне непріятными документами. Можно утверждать поѣтому, что кн. припрятывали ихъ въ укромныхъ мѣстахъ, въ потаенныхъ ларчикахъ, а потомъ Москва, скупая маленькіе удѣлы и разоряя большіе, собрала ихъ и уничтожила, какъ патенты, утратившіе значеніе.

На пропитаніе историковъ, время сохранило только семь золотоордынскихъ ярлыковъ Менгу-Тимура, Узбека, Берди-Бека, Атиюлка и щедрой на ярлыки жены Джани-Бека Тайдулы, данные представителямъ рус. духовенства. Между ярлыками хановъ и Тайдулы замѣтна существенная разница. Первые исходили во имя «Безсмертнаго Бога силою», «Безсмертнаго Бога силою и величества» и «Вышняго и Безсмертнаго Бога силою и величества и милостію его многою»; вторые же титуловались значительно скромнѣе: «Тайдулино слово» и «по Зенибекову ярлыку Тайдулино слово». Первые и по величавости и по властной рѣчи служили грамотами на широчайшія льготы, а Тайдула, благодаря русскаго іерарха за ея исцѣленіе, какъ бы передавала только приказанія мужа или дополняла его великія милости.

Ярлыкъ Узбека на льготы Петру митрополиту представляется образцомъ слова старшаго къ младшимъ. Усвоивъ величественный тонъ передъ вассалами, секретари Узбека подыскивали въ его администраціи: «князей великихъ, среднихъ и нижнихъ, сильныхъ воеводъ и вельможъ, удѣльныхъ князей, славныхъ дарогъ книжниковъ, уставодержальниковъ, учителей, повѣстниковъ, собирателей и баскаковъ, пословъ и гонцовъ»...Самое-же слово было адресовано всѣмъ жителямъ улусовъ, гдѣ только оно могло быть услышано.

Возможно, что рус. переводчики приукрашивали, въ цѣляхъ уже внутренней политики, содержаніе ярлыковъ, но, оставляя въ сторонѣ витіеватость ихъ слога, все таки ясно, что ханъ запрещалъ довольно строго обижать соборную церковь, митрополита Петра и его людей. Митрополиту онъ предоставлялъ судить—безъ вмѣшательства кн. и чиновниковъ хана—

своихъ людей и разбирать ихъ тяжбы. Вельможамъ ханства и служилымъ его людямъ, онъ воспретилъ вступать въ церковныя и митрополичьи села, борти, лѣса, ограды, мельницы, зимовища и во всякія иныя стяжанія. Обычаи допускали изъ этой льготы изъятіе только въ пользу свободной охоты хана и его людей. Баскакамъ, таможникамъ, данщикамъ и поборщикамъ также воспрещалось обижать архимандритовъ и причты. Никто изъ нихъ не имѣлъ права требовать отъ монастырей и клира ни поплужнаго, ни почтоваго, ни мытнаго, ни мостоваго сборовъ.—«А мы Божія бережемъ и даннаго Богу не взимаемъ», оповѣщалъ ханъ въ своей охранной грамотѣ,—«а кто взимаетъ Божія... будетъ казненъ смертною казнью; за то видя и иныя въ боязни будутъ». Церкви, монастыри и часовни и самая вѣра были неприкосновенны: «Кто учнетъ вѣру хулити или осуждати и тотъ человекъ не извинится ни чѣмъ же и умретъ злою смертію».—Въ воздаяніе этихъ льготъ, Узбекъ поручалъ духовенству молиться за него, за его женъ, дѣтей и за все его племя «правымъ сердцемъ и правою мыслію». Ярлыкъ заключенъ пожеланіями митрополиту пребывать безъ скорби и печали.

Ханъ свидѣтельствовалъ въ ярлыкѣ, что онъ повторяетъ только льготы, данныя уже имъ самимъ и его предшественниками. Изъ его предшественниковъ, Менгу-Тимуръ снабдилъ ярлыкомъ безъимянно всѣхъ рус. митрополитовъ и церковныхъ людей. Достоинно вниманія, что онъ упоминаетъ о грамотахъ еще Чингисъ-хана, завѣщавшаго—«чтобы есте и послѣдніе цари, по томужъ пути, пожаловали поповъ и чернцовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей, да правымъ сердцемъ молятъ Бога и за наше племя, безъ печали и благословляютъ насъ».—«Да не кланутъ насъ» прибавилъ Менгу, заботившійся, разумѣется, чтобы даруемыя имъ льготы не пропали втуне и чтобы христіанское духовенство позаботилось, въ отплату за льготы, предстательствомъ за него передъ Вседержителемъ.

Ярлыки Атюляка и Берди-Бека митрополитамъ Михаилу и Алексію ссылаются также на ранѣ дарованныя льготы и только, перечисляя ихъ, варьируютъ добавленіями. Въ ярлыкѣ Атюляка явственно сказывается характеръ инвеституры.—«И онъ, митрополитъ Михаилъ—какъ сядетъ на своемъ столѣ, молитъ Бога за насъ и за наше племя въ родъ и родъ и молитву воздастъ». За это ханъ повелѣлъ: «не надобъ ему, ни его людямъ...

попамъ и черницамъ... ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары... ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное, ни становое, ни выѣздное, ни мимоходное»...

Берди-Бекъ, удостовѣривъ, что онъ не «изыначиваетъ» прежніе ярлыки, объявилъ, что будетъ казнить злою смертію каждаго, кто дерзнетъ занимать церкви постоемъ или рушить ихъ. Въ подобныхъ случаяхъ, митрополитъ или поповскій чинъ должны были возмолвить: «есте пожалованы церковнымъ домомъ, землемъ и водамъ, огородомъ и виноградомъ».

Нѣсколько инымъ характеромъ отличаются ярлыки жены Джани-Бека Тайдулы, питавшей къ христіанскому духовенству высокое уваженіе. Страдая долгое время болѣзнію глазъ, она устранила своихъ придворныхъ знахарей и положила исключительна на молитвы митрополита Алексія, пользовавшагося уваженіемъ не только патріархата и рус. духовенства, но и орды. Митрополитъ Алексій не затруднился даже отлучить отъ церкви Смоленскаго кн. Святослава за союзъ его съ Ольгердомъ—и патріархъ одобрилъ безусловно это отлученіе—«И наша мѣрность считаетъ тебя», писалъ патріархъ отлученному, «поступившимъ дурно. Ты получишь отъ насъ прощеніе тогда только... когда попросишь у митрополита прощенія».

Тайдула видѣла сонъ, въ которомъ митрополитъ явился къ ней въ полномъ облаченіи съ сонмомъ священниковъ. Сонъ былъ на столько яснымъ, что она распорядилась даже приготовить, по видѣннымъ образцамъ все церковное облаченіе. Джани-Бекъ вызвалъ по ея просьбѣ митрополита въ орду, не забывъ пригрозить ему за ослушаніе своею немилостію. Сонъ оказался вѣщимъ. Тайдула, благодаря молитвѣ христіанина, прозрѣла и, питая къ своему избавителю благодарныя чувства, снабдила его охранною грамотою на предположенную имъ поѣздку въ Царь-градъ. Ярлыкъ этотъ можно считать своего рода подорожной, въ которой царица обращалась къ темнымъ и къ тысячнымъ князьямъ... и ко всѣмъ приказникамъ, чтобы они, если случится Алексію митрополиту пойти къ Царь-граду «не замали его, ни силы-бъ надъ нимъ не учинили ни какія; или гдѣ ему случится постояти, чтобы его никто не двинулъ»... и опять таки въ вознагражденіе за то, что онъ творитъ молитву за Джани-Бека и за его дѣтей.

Вообще Тайдула, пользовавшаяся въ ордѣ высокимъ положе-

ніемъ, охотно награждала ярлыками іерарховъ. На имя митрополита Іоны «Тайдулино слово» было таково: «гдѣ Іона молебникъ за насъ молится... и инія церковныя молебницы... не емлютъ у нихъ ничего, за неже они молитву за насъ творятъ Богу».—Того же свойства попеченіе Тайдула проявила и въ ярлыкѣ митрополиту Θεогносту.—«А земли его, и воды, ни огородовъ, ни мельницъ и что нибудь церковное кто ни будетъ нашихъ—не занимають».

За получкой ярлыковъ побывали въ ордѣ митрополиты Максимъ, Петръ, Θεогностъ и Алексій и епископы Кирилъ, Игнатій, Тарасій.

Ярлыки служили духовенству охраною не только противъ ордынскихъ сборщиковъ податей и всякой мимохожей и домоѣзжей вольницы, но и противъ своихъ же властолюбцевъ и корыстниковъ.—«Кто наше слово преслушаетъ, тотъ есть Богу повиненъ и гнѣвъ на себя отъ него пріемлетъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная.»—Угроза эта относилась одинаково и къ ордынцамъ и къ христіанамъ, которые вздумали бы нарушить дарованныя ханомъ вольности.

Разумѣется, значеніе слова «старшаго къ младшему» измѣнялось по времени и обстоятельствамъ; такъ, ярлыки, крѣпкіе въ рус. предѣлахъ, не охраняли въ ордѣ отъ взятокъ и подарковъ. Митрополитъ Θεогностъ, на котораго впрочемъ и новгородцы жаловались патріарху за чрезмѣрное вымогательство даней, былъ обвиненъ передъ ханомъ въ томъ, что, собирая много дани съ духовенства, обходитъ ханскую казну безъ всякаго вниманія. Это обвиненіе обошлось въ шестьсотъ рублей, розданныхъ митрополитомъ во взятки, благодаря которымъ онъ не остался безъ ярлыка.

Обидная для христіанскаго чувства сторона ярлыковъ заключалась въ ихъ значеніи грамотъ ставленническаго характера.—«Слезы мя одержать», говоритъ по этому поводу современникъ, «понеже убо милость получи святая соборная апостольская церковь... отъ невѣрныхъ и поганныхъ агарянскихъ дѣтей!»—Отсюда вытекало то прискорбное положеніе, при которомъ іерархамъ церкви приходилось, въ одно и то-же время, молиться о здравіи и спасеніи агарянскихъ дѣтей и служить панихиды по тысячамъ убитыхъ этими дѣтьми православныхъ христіанъ. Извиненіемъ этой двойственности служило опасеніе за то, что орда, встрѣтивъ сопротивленіе духовенства, могла-бы поступить и въ мирное время,

какъ поступала въ военное, т. е. истреблять не только людей, но и ихъ храмы и монастыри. Монгольская книга запретовъ отживала свое время, а замѣнившая ее книга пророка разнесла повсюду, изъ знойной Аравіи, жажду къ порабощенію не признающихъ ислама, народовъ.

Говоря о чингисидахъ и ярлыкахъ, нельзя миновать ярлыки, которые были выдаваемы ханами природнымъ подданнымъ, заслужившимъ особаго почета и вольностей. Еще Чингисъ-ханъ установилъ сословіе тархановъ-вельможъ свободныхъ отъ податей. Ярлыкъ крымскаго чингисиды Саадетъ-Гирея можетъ служить нѣкоторымъ образцомъ тарханскихъ грамотъ. Молодое, по времени самостоятельности, крымское ханство не могло не покичиться титуломъ и обширностью своей администраціи. Слово хана шло какъ бы изъ В. улуса, что указывало на желаніе крымцевъ узурпировать главенство З. орды.—«Великаго улуса, праваго крыла, лѣваго крыла, тьмой, тысячу... угланамъ и бекамъ... даругамъ... законовѣдцамъ».—Словомъ, приказаніе адресовалось на имя цѣлыхъ десятковъ властей и наконецъ—«многому народу».—«Пусть они будутъ вольными тарханами!» объявилъ Саадетъ Гирей какого-то заслуженнаго человека и его семью.—«Да не требуютъ и не берутъ съ нихъ оброкъ, называемый ясакъ, да не хватаютъ для гоньбы подводъ, лошадей изъ подъ подводы, овецъ и ягнятъ, да не ѣдятъ кормовъ ихъ»... Вообще ярлыкъ освобождалъ счастливца отъ подушнаго сбора, отъ рабства, отъ постоя и всякихъ обидъ и притѣсненій. Но и тутъ ханъ обязывалъ тархана, какъ и христіанское духовенство, обильно возсылать утромъ, и вечеромъ молитвы за него и за весь его родъ. Отъ службы-же хану ярлыкъ не освобождалъ и даже угрожалъ нѣтчику лишеніемъ тарханскихъ льготъ.

Данныя ханами льготы рус. духовенству несомнѣнно сдерживали послѣднее отъ возбужденія національныхъ чувствъ противъ пришельцевъ. По крайней мѣрѣ, нѣтъ и слѣдовъ о воззваніяхъ противъ агарянъ въ теченіи всего перваго блистательнаго періода существованія орды. Напротивъ, считая ихъ потихоньку и бесерменами и злоязычниками и нечестивцами, духовенство вело себя съ чрезмѣрною скромностью. По раззореніи Кіева, митрополія перешла во Владиміръ. Патріархъ благословилъ этотъ переходъ съ тѣмъ, чтобы Кіевъ оставался всетаки первою каедрою, а Владиміръ второю. Не успѣла впрочемъ митрополія оставить разва-

лины Кіева, какъ въ немъ проявился самозванный митрополитъ Теодоритъ, не нашедшій однако въ патріархатѣ поддержки.

Духовная Монголія XIX-го столѣтія.

Богдо-гегенъ.

Настоятель монастыря.

Воплощенное божество.

Ученый наставникъ.

Кіевъ на время умалился и примолкъ, такъ что кн. не въ силахъ былъ возобновить силу и значеніе столицы своихъ предковъ. Владимірская кафедра тоже безмолствовала противъ ордынскаго гнета. Только съ переходомъ въ Москву, митрополія начала стряхивать съ себя кошмаръ, наведенный первоначально кровавыми расправами, а потомъ ханскими щедротами. Къ сожалѣнію, смуты въ іерархіи и взяточничество патріархата повели къ расчлененію единой митрополіи на три: Московскую, Кіевскую и Литовскую, а впослѣдствіи на восточно-рус. и западно-рус. Это разъединеніе служило такимъ же тормазомъ къ освобожденію Россіи отъ монгольской опеки, какъ и междоусобія удѣльныхъ кн. и ссоры ихъ съ Москвою.

Можно думать, что хожденіе іерарховъ въ орду прекратилось

ранѣе того, какъ в. кн. отказался отъ ярлыка Тохтамыша. По крайней мѣрѣ, съ этой эпохи восточно-рус. духовныя силы какъ будто воспрянули, такъ что имъ не приходилось уже двоить свои души и помыслы передъ Сердцевѣдцемъ.

Преподобный Сергій первый благословилъ открыто в. кн. Дмитрія Іоанновича и его воеводъ на войну противъ правившаго ордою темника Мамай. Войска выступили тогда изъ Москвы при громогласномъ и общемъ напутствіи духовенства. Далѣе и коломенскій епископъ Герасимъ вышелъ на встрѣчу войскамъ, съ испрошеніемъ у Господа дарованія имъ побѣды. Кромѣ того, на берегахъ р. Дона в. кн. получилъ ободрительное посланіе Сергія, призывавшаго христіанъ къ битвѣ за свободу Россіи.

Не мало употребилъ и митрополитъ Іона усилій, чтобы сплотить удѣльных кн. ради борьбы съ ордою. Онъ разсылалъ повсюду грамоты съ призывомъ къ единенію и къ помощи в. кн. Онъ-же просилъ и тверскаго епископа Исаію, чтобы этотъ: — «Тверскому кн. Борису Александровичу говорилъ и билъ челомъ и докучалъ твердо, чтобы кн. Борисъ къ в. кн. своихъ воеводъ послалъ на тѣхъ безбожныхъ татаръ съ своими со многими людьми». Епископы должны были уже возсылать моленія, чтобы Богъ даровалъ в. кн. «дерзость великую и помощь на поганныхъ».

Митрополитъ Геронтій напомнилъ в. кн. Іоанну Васильевичу, нерѣшительно собиравшему войска противъ наступающаго врага, что онъ не наемникъ, а прямой оберегатель государства. На берегахъ р. Угры цѣлый соборъ духовенства вновь обратился съ представленіемъ къ кн., чтобы онъ отложилъ страхъ и противостоялъ врагу. В. кн. продолжалъ медлить даже, когда Ростовскій архіепископъ Вассіанъ обѣщалъ, что «ангелы снидутъ съ небесъ и, что Господь пошлетъ отъ Сіона жезлъ силы». . . . Вообще, побуждая кн. броситься на татаръ, Вассіанъ, не смотря на свои преклонные годы, явился достойнѣйшимъ изъ духовныхъ учителей. Любовь къ родинѣ и идея христіанства придали ему и жгучее краснорѣчіе и презрѣніе къ ненависти, какую онъ могъ вызвать не только со стороны ордынцевъ, но и въ свитѣ окружавшихъ кн. вельможъ. — «Не слушай твоихъ развратниковъ, хотящихъ твою честь въ безчестіе и твою славу въ безславіе приложить» увѣщевалъ онъ кн., а предвидя, что послѣдній будетъ оправдываться присягою, данною на вѣрность хану, онъ разрѣшилъ его отъ присяги, какъ отъ дѣла подневольнаго, вынужденнаго, а потому и не

обязательнаго для совѣсти.—«Когда клятва по нуждѣ бываетъ, то намъ повелѣно разрѣшать отъ нея и прощать, и мы прощаемъ и разрѣшаемъ и благословляемъ тебя—не какъ на царя, но какъ на разбойника и хищника и богоборца». . . . Величественное посланіе Вассіана говорить о томъ, что ханскіе ярлыки и льготы встрѣчали порою—увы, не часто,—въ кругу іерарховъ крѣпкихъ духомъ противниковъ.

Но видно, страхъ передъ ордынцами былъ еще такъ великъ, что и посланіе Вассіана не остановило кн. отъ побѣга съ береговъ р. Угры.

Исторія считаетъ это историческое бѣгство за первоначальный моментъ освобожденія Россіи отъ татаро-монгольскаго ига. Такого момента въ дѣйствительности никогда не существовало, потому что освобожденіе приближалось путемъ сдѣленія разнородныхъ обстоятельствъ и, прежде всего, подчиненія удѣльныхъ интересовъ единойдержавной Москвѣ.

Вообще же, значеніе духовенства въ разгорѣвшейся борьбѣ Россіи съ чингисидами было не велико. Нѣсколько краснорѣчивыхъ посланій и воззваній способствовали несомнѣнно частнымъ успѣхамъ рус. силы, но ни монастыри, ни церкви не прилагали выдающихся заботъ къ устраненію ордынской опеки. Есть основаніе утверждать, что ханскіе ярлыки вполнѣ достигали цѣлей татарской политики: они, вмѣстѣ съ кн. дарами и вкладами опасливыхъ богачей, вывели и черноризцевъ и бѣлое духовенство изъ нищенства и повели ихъ по дорогѣ, далеко уклонившейся отъ христіанскихъ завѣтовъ.

Монастыри, особенно въ періодъ наступившаго ослабленія чингисидовъ, начали возникать буквально десятками, съ строгими отшельническими уставами, которые однако не помѣшали многимъ нежелательнымъ явленіямъ. Основатели монастырей и подвижники, оставившіе на память о себѣ и добрую славу и тяжелыя вериги, хранили и «ризу спасенія и шлемъ нелицепріятія чистыми и не порочными», но не малое число братіи состояло изъ простыхъ бродягъ, скитавшихся изъ монастыря въ монастырь съ вопросомъ, гдѣ лучше жить? Не съ того ли времени ведется и поговорка: «дожила голова до чернаго клобука», приписываемая обычно опустившемуся человѣку при поступленіи его въ монастырскую братію? Даже въ самой Москвѣ, на глазахъ митрополіи, состояніе духовенства было, по признанію высоко-ученаго архіепископа-

историка, крайне печально.—«Многіе поступали во священники потому только, что не хотѣли работать своими руками.... Другіе, особенно вдовы священники и діаконы, вели зазорную и соблазнительную жизнь». Митрополитъ Θεодосій рѣшился наконецъ «нуждою навести ихъ на Божій путь». Но его усилія возбудили въ духовенствѣ такой ропотъ, что на его голову посыпались проклятія и онъ, чувствуя полное безсиліе свое исправить распустившуюся іерархію, удалился для подвижничества въ Чудовъ монастырь.

Распущенность эта длилась впрочемъ многіе годы и по сверженіи золотоордынской опеки. Такъ «Государь царь и в. кн. Иванъ Васильевичъ свель съ Новагорода архіепископа Θεодосія и поставилъ на Великій Новгородъ архіепископомъ Сергѣевского игумена Серапіона».—«Серапіонъ отставилъ священниковъ и діаконѡвъ, что патрахиль держали, а велѣлъ тѣмъ священникамъ и діаконамъ въ крылосѣ стоять»....

Не смотря на это разложеніе нравовъ духовенства, крѣпкій въ вѣрѣ народъ подвигалъ нечувствительно свою землю къ освобожденію изъ власти агарянскихъ дѣтей. Для борьбы съ ними, землѣ рус. предстояло еще собраться въ одно политическое тѣло, чему и положилъ начало первый собиратель земли рус. в. кн. Іоаннъ Даниловичъ, прозванный Калитою.

XLVII.

СОБИРАНИЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.

(1328—1480 г.г.).

равственные основы, распатанные въ средѣ высшихъ чиновъ іерархіи и невѣжество клира способствовали во многомъ къ удержанію рус. земли въ слѣпномъ повиновеніи З. ордѣ. Тому-же помогали раздоры кн. и разъединеніе ихъ ратной силы. Наконецъ и вся Русь того времени дѣлилась на сѣверную—воинственную—половину и южную—болѣе культурную, нежели приспособленную къ кровопролитію. Совокупность этихъ условій предоставила ордѣ возможность занять положеніе, угрожавшее ни одной Россіи, но и Западной Европѣ. Къ счастью, совершавшееся въ теченіе долгаго періода, хотя и не безъ кровавыхъ жертвъ, объединеніе удѣльныхъ кн. подъ длинною и цѣпкою рукою Москвы, остановило этотъ ростъ орды и пресѣкло ея губительное на христіанство и культуру давленіе.

Объединенію удѣловъ препятствовали, цѣлые вѣка, личные интересы кн., умножившихся до того, что младшимъ отраслямъ не доставало помѣстій на безбѣдный прокормъ. Еще Ярославъ I

заповѣдалъ нераздѣльность рода, но не отчины, между тѣмъ непрерывное дробленіе послѣдней привело къ насиліямъ и захватамъ, обратившимся въ обычное явленіе. Татаро-монгольское нашествіе не улучшило духовную связь между князьями, напротивъ, при этой непрошенной опеѣ, рознь дошла между многими изъ нихъ до полного забвенія родства, интересовъ отчины и даже завѣтовъ христіанства. Особою страстностью отличалась погоня за велико-княжескимъ столомъ. Она довела дѣтей и внуковъ Ярослава Тверскаго и Александра Невскаго до обращенія за помощью къ ордынцамъ. Справедливость однако требуетъ замѣтить, что призывъ ордынцевъ на помощь, хотя-бы даже и противъ Литвы, никогда не встрѣчалъ сочувствія въ степенныхъ представителяхъ народа.—«Не добра душа бояръ нашихъ» брюзжали старики, интересовавшіеся болѣе христіанскою вѣрою, нежели боярскою политикою.—«Зачѣмъ они приводятъ къ себѣ татаръ? или они забыли какія бѣды приключались встарину Чернигову и Кіеву, при призывѣ половцевъ однимъ кн. противъ другого?».

Пользуясь боярскими раздорами З. орда открыла своего рода торговлю ярлыками на княженіе. Нерѣдко ханы выхватывали обратно данные ими ярлыки и снабжали ими конкурентовъ, предлагавшихъ болѣе щедрую «алафу». Бывали случаи, когда в. кн., возвращаясь изъ Сарая съ грамотою, потаенно припрятанною, попадалъ въ засаду, устроенную соперникомъ и неожиданно лишался добытаго съ немалыми издержками лестнаго ордынскаго ставленичества....

Только съ восшествіемъ на велико-княженіе Іоанна Даниловича наступило для сѣверной Россіи затишье—впрочемъ, со стороны орды, а не въ средѣ кн. и княжествъ. Со стороны орды наступила: «тишина велика на сорокъ лѣтъ и престаша поганьи воевати русскую землю и закалати христіанъ и отдохнуша и упочинуша христіане отъ великія истомы».—Тому помогъ практическій умъ в. кн., хорошо изучившаго силу и значеніе туго набитаго кошелька. Тяготясь неудобствами содержанія арміи писчиковъ, счетчиковъ, мытниковъ, побережниковъ и таможниковъ, орда отдавала дань на откупъ; откупщиками являлись по преимуществу узбеки, сильно обшчитывавшіе и народъ и ханскую казну. Ордѣ приходилось охранять ихъ вооруженною силою отъ взрывовъ народнаго негодованія, проявлявшагося нерѣдко съ стихійною жестокостію. Ростовъ, Владиміръ, Суздаль, Ярославль—всегда покорные данники—безпо-

щадно истребляли откупщиковъ, когда эти переходили обычные границы корыстолюбія. Но возстававшіе города наводнялись тотчасъ-же тугменами орды и платились имуществомъ и семьями. Отыскивая выходъ изъ этого положенія, орда обрадовалась предложенію в. кн. передать ему одному сборъ всего «выходного» и держать его одного въ отвѣтъ за всѣ сѣверныя кн. Такое рѣшеніе оказывалось выгоднымъ для обѣихъ сторонъ. В. кн. явился исправнѣйшимъ плательщикомъ, а рус. города и села избавились отъ несносныхъ писчиковъ, данщиковъ и ихъ собратій. Въ Россіи остался только главный баскакъ, завѣдывавшій скорѣе дипломатическою частью, нежели фискомъ и неизбѣжными съ нимъ прижимками.

Доставшаяся в. кн. Іоанну Даниловичу по наслѣдству отъ кн. Данилы «калита» сослужила Россіи большую службу. Она достойна даже подробнаго описанія: «сафьянъ ея былъ червленъ, по ней шито серебромъ волочаннымъ птицы и звѣри; у калиты-жъ на закрышкѣ личинка золота, прорѣзная, а съ исподи плащъ рѣзной».—Впрочемъ, изъ нея получала мзду только нищія братія, но она служила эмблемою свойствъ самого кн., котораго не удавалось обсчитывать и новгородцамъ. Они вздумали было прислать меньше, чѣмъ слѣдовало выходного, но онъ не согласился съ ихъ расчетомъ и отвѣтилъ послу: «аще дайте ми запросъ царевъ, чего запрошалъ у мене».—Новгородцы возроптали: «того де изъ начала не бывало, а цѣловалъ еси, господине крестъ къ Нову-Городу по старой пошлинѣ новгородской, по грамотамъ прадѣда своего в. кн. Ярослава Володиміровича».—В. кн. не убѣдился этимъ доводомъ и въ свое время наверстать новгородскіе долги.

Великокняжеская калита, какъ эмблема фискальной силы, притягивала къ себѣ выходцевъ изъ другихъ областей и не только дружинниковъ, но и бояръ съ громкими именами, успѣвшими заручиться на бранномъ полѣ честию и славою. Одинъ Родіонъ Нестеровичъ привелъ въ Москву тысячу дружинниковъ и семьсотъ княжатъ и боярскихъ дѣтей. Выходецъ съ юга Россіи, онъ открылъ путь и другимъ выходцамъ, старавшимся только миновать Тверь, которая долго не могла помириться съ быстро возрастающимъ могуществомъ Москвы.

Могущество Москвы особенно подвинулось впередъ, когда митрополитъ Петръ перенесъ митрополию въ ея стѣны.—«Инымъ-же княземъ многимъ»—замѣтилъ по этому поводу лѣтописецъ—«не много сладости бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше».—

При томъ-же, Москвѣ посчастливилось видѣть у себя такихъ митрополитовъ, какъ Петръ, Алексій, онъ-же и московскій бояринъ Плещеевъ,—и Іона. Въ ту пору святители стояли нерѣдко въ народномъ сознаніи впереди в. кн., хотя бы потому, что патріархъ поставлялъ первоначально одного митрополита на всю Русь, тогда какъ кн. было множество.

Не легка была служба в. кн. Московскаго, принявшаго на себя миссію собиранія рус. земли. Ему приходилось лавировать между ордою и удѣльными кн., видѣвшими въ немъ посягателя на ихъ отчины. При томъ же, орда требовала денегъ и денегъ. Не разъ и не два онъ отправлялъ въ Сарай своихъ сыновей, ради засвидѣтельствованія его вѣрности и преданности хану. Польщенный ханъ отпускалъ ихъ домой «съ пожалованіемъ и съ любовію». Но это подневольное ухаживаніе менѣе смущало душу в. кн., нежели необходимость ходить, иногда вмѣстѣ съ ордынцами, противъ своихъ-же кн. и разорять христіанскія земли огнемъ и мечемъ.

Въ болѣе важныхъ случаяхъ, в. кн. не лѣнился и самъ ѣздить въ орду, гдѣ одаривалъ ханскихъ женъ, властныхъ людей и всякаго протягивавшаго къ его калитѣ руку. При каждомъ его возвращеніи изъ орды, нужно было ожидать какой нибудь крупной новости, поэтому на встрѣчу ему выходили не только москвичи, но и подосланные люди изъ Твери, Новгорода и другихъ сѣверныхъ кн.

Не безынтересно взглянуть хотя-бы на возвращеніе его изъ шестого путешествія въ орду, гдѣ онъ, то выходною данью, то подарками, освѣжалъ у ханскихъ вельможъ добрую о себѣ память. Ранѣе другихъ, его встрѣтили тіуны, но впереди всѣхъ ихъ—полоняникъ Столбуша. За два ночлега отъ Москвы, его привѣтствовали бояре съ отроками, а въ воротахъ младшее духовенство съ кадилами и святою водою. Въ церквахъ шель перезвонъ, въ которомъ участвовали колоколни недостроенныхъ еще въ ту пору храмовъ Успенскаго и Архангельскаго.

Митрополитъ-же Феогностъ готовился выйти на соборную паперть Іонна Лѣствичника, мимо которой шла дорога въ «кремникъ».

Передъ заходомъ солнца, ясно обозначилась по дорогѣ, прозванной «Болвайскою», группа всадниковъ: изъ в. кн. двухъ его сыновей Симеона и Іоанна, ближнихъ бояръ и дружинниковъ. По мѣрѣ движенія, кортежъ быстро увеличивался людьми разнаго чина

и особенно голытьбою, взглядывавшего съ нѣкоторымъ уныніемъ на висѣвшую у княжескаго пояса пустую калиту.

Приблизившись къ своему стольному городу, в. кн. взглянулъ не безъ чувства самодовольствія на новую дубовую городскую стѣну. На нее онъ затратилъ не мало закамскаго серебра, скрытаго отъ завистливыхъ ордынскихъ глазъ. Не меньшая радость освѣтила его и при видѣ Успенскаго храма, еще не увѣнчаннаго куполами, но уже хранившаго останки перваго московскаго митрополита св. Петра, придавшаго Москвѣ духовное главенство надъ соперниками. Приложившись ко кресту и получивъ на паперти благословеніе митрополита, в. кн. прослѣдовалъ далѣе, сказавъ ожидавшему его духовенству, что на немъ «много насѣло татарской пыли и поѣтому онъ не достоенъ войти во святой храмъ, не побывавъ прежде того, какъ слѣдуетъ доброму христіанину, въ мыльнѣ».

Въ кремникѣ, передъ великокняжескими хоромами, полоняникъ Столбуша первый подставилъ плечо и колѣно для подмоги. Столбуша, судя по его дубоватому складу, былъ человѣкомъ не знатнаго рода, но такой испытанной вѣрности, что в. кн. не сомнѣвался оставлять подъ его ключемъ всѣ клѣти Большой Казны. Находясь въ плѣну, онъ, не смотря на свою замѣчательную силу, шелушилъ изо дня въ день ордынское просо, изъ котораго правовѣрные выгоняли пьяную бузу. По выкупѣ же изъ полона, онъ обратился не то въ княжяго постельничьяго, не то въ казначея, готоваго распластаться у княжяго сундука.

Подставляя свое богатырское плечо, Столбуша доложилъ, что новая мыльная готова, съ липовымъ духомъ и съ паромъ изъ ячменнаго пива. Обрадовавшись скорой возможности освободиться отъ толстаго налета татарской пыли, в. кн. отпустилъ всю свиту однимъ поклономъ и, направился въ мыльную. Княжичи пошли въ женскій теремокъ. Тогда еще великокняжескія дѣти жили на людяхъ, а не въ запретѣ и не боялись порчи отъ лихихъ бабъ. Старшій изъ княжичей Симеонъ Іоанновичъ общался—и поступью и поведкою—оправдать прозваніе «гордаго». Оно пристало къ нему еще съ колыбели.

Мыльная превосходила все, что могъ ожидать, хотя-бы и знатный путникъ. Отъ всей ея новой утвари—кадей, шакъ, ушатовъ, водоносныхъ изварей и березовыхъ вѣшниковъ—несло свѣжестью, бальзамомъ, успокоеніемъ. На готовѣ былъ и каменный кувшинъ съ янтарнымъ пивомъ.

В. кн. признался своему вѣрному слугѣ, что онъ не побывалъ въ храмѣ не столько по причинѣ татарской пыли, сколько по сильной усталости. Путь на конѣ, изо дня въ день, отъ Сарая до Москвы, былъ не малый, да кромѣ того и въ ордѣ приходилось охотничать въ угоду Узбеку и по цѣлымъ недѣлямъ не слѣзать съ коня.

Одаривъ Столбушу добрымъ словомъ, онъ направился въ крестовую, гдѣ лично затеплилъ всѣ лампы и потомъ уже отправился въ постельную.—Здѣсь, тотъ-же Столбуша покрылъ его мѣховымъ одѣяломъ и—на правахъ безсмѣннаго тѣлохранителя—скрылся въ маленькую боковушу. Постельная была не такова, какъ у кн. и царей послѣдующихъ вѣковъ, и отличалась очень скромною обстановкою. Кровать ея была на простыхъ столпахъ, безъ кровли и короны, а постельникъ изъ крашенины и уже разумѣется безъ бахромы и галуновъ. «Червчатый атласъ» былъ слишкомъ дорогъ для экономнаго кн. Вообще-же, украшеніе постельной состояло изъ одѣяла на соболѣ, позлащеннаго шандала и изъ картины не рус. письма: «Соломонъ, подающій златницы».

Тяжеловатъ былъ сонъ в. кн. Можетъ быть онъ угорѣлъ отъ сильного духа новой бани, а можетъ быть ордынскіе вѣдуны—«отъ нихъ это станется»—навели на него немочь. Въ тяжеломъ снѣ, онъ сильно разметался, такъ что Столбуша подумывалъ уже въ своей боковушѣ: не слишкомъ-ли неможется кн.? Не оповѣститъ-ли теремъ? Не позвать-ли поповъ?

Утомленному человѣку мерещилось теперь многое изъ пережитого и далеко не такого отраднаго, чтобы онъ могъ забыться въ сладкой грезѣ. Въ полузабытій и тяжелой дремѣ, его посѣтилъ Тверской кн. Александръ Михайловичъ, котораго онъ умышленно подвелъ подъ немилость Узбека. Ни время, ни молитвы не могли погасить воспоминанія объ этомъ событіи, окончившемся, какъ извѣстно тѣмъ, что орда розняла и кн. и его сына Феодора на мелкія части....

«А могъ ли кн. Александръ, блюдя христіанство и отчину, повести себя не согласно съ народною волею?»—Вопросъ этотъ впадалъ не разъ въ умъ и сердце Іоанна Даниловича. Теперь, въ его разгоряченной головѣ, ничто не прикрашивало и не сдерживало прямизну отвѣта.—«Нѣтъ не могъ!» слышился откликъ изъ душевнаго тайника.—«Вѣдь тогда ханскій посолъ грозился сѣсть на Тверской столъ и истребить въ Твери христіанъ до грудного

младенца. Развѣ тверичи не должны были вступиться за вѣру и за кн.? Правда, они жестоко поступили съ посольствомъ и загнали его за высокій плетень, гдѣ и забросали его горящими бревнами. Узнавши объ этомъ, ханъ пообѣщалъ испелить всю Тверь, а кн. Александру Михайловичу отрубить голову.... Правда, и то, что можно было-бы посторониться въ этомъ дѣлѣ, но Узбекъ требовалъ услуги. Онъ требовалъ, чтобы московскій кн. принялъ подъ свое начало пять туменей его ордынцевъ и привелъ Тверь подъ его ханскую руку. Тогда кн. Александръ Михайловичъ бѣжалъ въ Псковъ. Тверь готова была смириться, но монголы уже разметались какъ бѣшеные волки и не давали пощады ни черносозищику, ни черноризцу, ни старухѣ безпомощной, ни монастырской крылошанкѣ. Кровь ихъ полилась безпощадно. Въ полонѣ угнали тогда столько народу, что не доставало веревокъ для опутыванія. И на все это онъ, в. кн., соизволилъ и даже указывалъ, гдѣ пустить огонь, а гдѣ застигнуть спрятавшихся толстосумовъ. Тверь, Кашинъ и Торжокъ запылали со всѣми пригородами. Отъ дыма глаза не смотрѣли на Божій міръ. За это-то избіеніе православныхъ Узбекъ наградилъ его тогда ярлыкомъ на великое княженіе!...»

Правда, онъ поступилъ такъ не ради личной корысти, а съ цѣлью поднять Москву выше Владиміра, Рязани и Новгорода. Москва представлялась уже тогда не одному Іоанну Даниловичу, а многимъ прозорливымъ умамъ—ядромъ земли рус., которое одно могло сбить рога бѣсовской гордыни. За ярлыкъ на велико-княженіе онъ побывалъ въ ордѣ съ алафой изъ рублей, мѣховъ и поясовъ кованнаго золота. Узбекъ принялъ его милостиво, жена его также не отказалась отъ соболей, а темники похвалили и уздечки и пояса. Ханъ однако потребовалъ доставки въ Сарай самого кн. Тверского.

Іоанну Даниловичу пришлось, по возвращеніи изъ орды, искать Александра Михайловича, бѣжавшаго на этотъ разъ въ Литву. Оправившаяся Тверь вновь увидѣла у себя в. кн. Московскаго, но уже не съ монголами, а съ митрополитомъ—греческимъ ставленникомъ, который не остановился и передъ проклятіемъ, наложеннымъ имъ на христіанскаго кн. за нежеланіе его идти добровольно на ордынскую плаху. Даже теперь, во снѣ, это проклятіе бредило душу Іоанна Даниловича. Тяжелое это было дѣло. Ни въ какой мыльнѣ его не смоешь....

Дальше было не лучше. Тверь вовсе отказывалась давать вы-

ходное, а Новгородъ прислалъ всего пятьсотъ рублей, тогда какъ этихъ рублей требовалось тысячи, безъ которыхъ баскаки распустили бы вновь своихъ скуластыхъ писчиковъ и данщиковъ, по всему сѣверу Россіи. Новгородцы, торгуя чуть-ли не со всѣмъ свѣтомъ, богатѣли, не желая однако дѣлиться закамскимъ серебромъ съ в. кн. Псковъ тоже не расплачивался. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, Іоанну Даниловичу приходилось ѣздить въ орду съ жалобами на непокорныхъ кн. Жалобы эти не оставались безъ тяжелыхъ послѣдствій: ханъ требовалъ строптивыхъ къ себѣ на расправу, которая оканчивалась нерѣдко пролитіемъ крови....

Теперь онъ побывалъ въ Сараѣ съ цѣлю показать хану сыновей, какъ будущихъ вѣрныхъ слугъ его милости и укрѣпить на всякій случай велико-княженіе за Симеономъ. Узбекъ принялъ его благосклонно и даже не требовалъ, чтобы онъ пилъ вмѣстѣ съ нимъ кобылье молоко. Московскій столъ онъ разрѣшилъ передать по смерти Симеону Іоанновичу съ надбавкою только выходной дани.

Всѣ эти картины и воспоминанія переплетались теперь въ встревоженномъ мозгу усталого человѣка жестокими укоризнами и только къ утру онъ уснулъ спокойнымъ, здоровымъ сномъ. Солнце застало его въ постелѣ. День призвалъ его къ заботамъ о дѣлахъ московскаго правленія. Ему предстояло осмотрѣть казну, обойти новыя постройки, роздать милостыню, побесѣдовать съ митрополитомъ, а можетъ быть и съ собакою-баскакомъ. Интересно было также узнать, не продаетъ-ли какойнибудь захудалый кн. обнищавшую волость или самый городъ, что не было уже рѣдкостью. По крайней мѣрѣ, Галичъ, Бѣлозерскъ и Угличъ были уже вотчинами Московскаго кн., прикупившаго ихъ за дешевую цѣну. Москва рублемъ цѣну знала!

Помолившись въ крестовой, Іоаннъ Даниловичъ приказалъ Столбушѣ вести его въ подвалъ, гдѣ хранилась Большая Казна. То было строеніе изъ крѣпкаго дуба, наглухо покрытое толстымъ слоемъ дерна. Въ этой клѣтѣ, у исправнаго хозяина, содержался строгій порядокъ. Кромѣ казны, здѣсь-же хранилась въ ларцѣ—съ узорчатымъ теремкомъ и громкимъ звономъ—душевная грамота, содержавшая послѣднюю волю кн. Обычно, отъѣзжая въ орду, онъ оставлялъ духовную, такъ какъ по ордынскимъ порядкамъ никто не могъ предвидѣть, возвратится ли домой съ милостью или останется тамъ безъ головы. Не располагая наслѣдственнымо

властью, онъ могъ завѣщать только принадлежавшіе ему лично города и села, умолчивая о великокняжескомъ достояніи, которымъ распоряжался Золотоордынскій ханъ. Душевная грамота поименовывала подробно, что должно было отойти княгинѣ съ меньшими дѣтьми, безъ поименованія ихъ, и что старшимъ сыновьямъ и дочери Фетинѣ. Грамота обязывала наслѣдниковъ уравнивать удѣлы, если татары отнимутъ у когонибудь изъ нихъ волость или село. Далѣе, перечислялось въ грамотѣ кому и какая предназначена «чепь», ковшъ или блюдо, кому шуба съ наплечками, низанными жемчугомъ, а кому портище съ бармами. Симеону, какъ старшему, завѣщалось быть главнымъ защитникомъ меньшихъ братьевъ и княгини съ дочерью.

Все было цѣло, все на мѣстѣ.

Главная, впрочемъ, казна состояла изъ запаса выходной дани. Въ рундукъ съ нею хранились и счеты: сколько шло главному баскаку и сколько на подарки въ ордѣ, а также сколько должны были присылать Владиміръ, Рязань, Псковъ, Тверь и Новгородъ.—По правдѣ говоря, они посылали больше, чѣмъ требовалось для расплаты съ ордою, но Москвѣ нужны были деньги и на расходы по поѣздкамъ въ Сарай и на взятки ордынцамъ и, наконецъ, на прикупъ городовъ и волостей.

Іоаннъ Даниловичъ остался видимо доволенъ полнотою своего казнохранилища, которое теперь было пополнено привезеннымъ изъ Сарая подаркомъ Узбека. То была своего рода корона, извѣстная и теперь подъ названіемъ «шапки Мономаха». Она, какъ можно думать, досталась золотоордынцу въ видѣ подарка отъ халифа Багдадскаго.

Выбравъ изъ утвари новый поясъ — взаимѣ дружески снятаго съ него въ ордѣ,—онъ наполнилъ свою калиту мелочью, для обычной раздачи голытьбѣ и юродивымъ и уже готовился выйти, чтобы побывать на достройкѣ храмовъ, какъ ему доложили о приходѣ главнаго баскака. Послѣдній только что переѣхалъ, изъ опустѣвшаго и терявшаго стольный характеръ Владиміра, на постоянное житіе въ Москву. Давъ знакъ Столбушѣ запереть казну, чтобы татарское око не успѣло вскинуться на соблазнительные рундучки, онъ возвратился въ хоромы, гдѣ встрѣтилъ въ передней сѣни дорогого гостя. Въ передней сѣни онъ не всегда встрѣчалъ и митрополита, но у Москвы руки были еще не такъ длинны и крѣпки, чтобы обходиться попросту съ баскакомъ.

Размѣнявшисъ любезностями, при чемъ толмачилъ все тотъ-же Столбуша, в. кн. и его гость повели немедленно счеты о выходномъ. Баскакъ показалъ таблички, указывавшія, что за Коломну недоплачено столько-то рублей, а за Торжокъ столько-то, но и в. кн. не хуже его помнилъ всѣ невыплаты и наддачи. Въ «дефтеряхъ» онъ сразу указалъ на ошибки, пропуски и припомнилъ сколько и когда уплачено не только серебромъ и золотомъ, но и липовымъ медомъ и собольими шкурками. Пока они спорили, Столбуша принесъ на подушкѣ алафу, въ видѣ златокованнаго кушака и тяжелой чепи, съ увѣсистою гривенкою. Такой подарокъ годился бы и самому Узбеку, поэтому ордынецъ не разъ и не два погладилъ бороду, прежде чѣмъ оставить великокняжескіе хоромы.

Но Іоанну Даниловичу все таки не пришлось выйти на обзорѣніе Москвы. Дежурные отроки дали знать, что къ нему жалуетъ митрополитъ съ черноризцами и со крестами отъ Успенія. Узнавъ, что в. князь не оправился отъ дороги, митрополитъ пришелъ помолиться о его здравіи. Встрѣтивъ владыку въ первыхъ сѣняхъ и принявъ благословеніе, Іоаннъ Даниловичъ ввелъ его подъ руку въ крестовую, гдѣ и выслушалъ краткій молебенъ о благополучномъ возвращеніи изъ орды.

Во внутреннихъ же хорамахъ, безъ свидѣтелей и даже безъ Столбуши, в. кн. перемѣнилъ обращеніе съ митрополитомъ и обошелся съ нимъ довольно сурово. Онъ упрекнулъ святителя за изданное имъ посланіе: «Ко всѣмъ христіанамъ о даніи церковной помощи». Изъ этого посланія выходило, что кн. не грѣхъ обойти пошлюною и нести бы ее только въ монастыри, да казначею митрополичьего двора.—«Чѣмъ же платить выходное?» печаловался Іоаннъ Даниловичъ.—«Въ ордѣ не ждутъ и если я не заплачу во время, то темники наведутъ на Русь силу не сосвѣтиму! Этого-ли хочешь Владыко?»—Митрополитъ со своей стороны жаловался, что и ему обошлась не дешево побывка въ ордѣ. Но в. кн. зналъ, что святитель заплатилъ въ ордѣ всего шестьсотъ рублей—сумму, по его владычнымъ достаткамъ, совсѣмъ небольшую. Оеогность замѣтилъ тогда, что онъ готовится идти въ Царьградъ, а туда не пускаютъ и святителей съ пустыми руками. Чѣмъ далѣе шло объясненіе, тѣмъ оно дѣлалось непріятнѣе. В. кн. замѣтилъ даже, что если такъ пойдутъ дѣла, то монголы подорвутъ значеніе на Руси духовенства. Данныя ими широкія

льготы успѣли уже обозначиться дурными послѣдствіями: монастыри переполнены, но кѣмъ? тунеядцами и татями. Всѣ лѣтѣи потянулись въ церковный клиръ. Половина его неграмотна и править службу Божію по наслышкѣ, какъ тѣ птицы, что разводятъ голосомъ подъ человѣческій говоръ.

Митрополитъ не могъ не признавать въ душѣ всю справедливость кн. замѣчаній и только отстаивалъ свое положеніе тѣмъ, что за свое духовенство онъ дастъ отвѣтъ одному Высшему, Праведному Судіи. Посчитавшись безъ свидѣтелей, в. кн. и митрополитъ разстались, подъ наружною сѣнію, при свитѣ обѣихъ сторонъ, съ большимъ взаимнымъ почтеніемъ. Но у одного изъ нихъ мелькнуло въ душѣ не лестное прозвище: «грекъ!» а у другого, тоже не особенно нѣжное—«калита!»

Проводивъ митрополита, в. кн. остался подкрѣпиться силами. День былъ постный. Въ такіе дни подавалась въ его столовую простая ѣда: рѣдька, квасъ, толокно, коноплянное масло....

Послѣ завтрака Іоаннъ Даниловичъ вышелъ полюбоваться Москвою, ради которой онъ принялъ уже не мало грѣховъ на душу. Давно уже онъ не одѣлялъ своими достатками нищюю братію, почему толпы юродивыхъ, калѣкъ и голытьбы встрѣтили его теперь у самыхъ дворцовыхъ воротъ. Опустошивъ калиту, онъ тронулся пѣшкомъ обозрѣвать Москву. Впереди его пошли было земскіе ярышки подметать улицы, но онъ устранилъ ихъ, давая понять, что на этотъ разъ онъ идетъ какъ хозяинъ Москвы, а не какъ в. кн. «всеа Руси».

Теперь онъ выглядѣлъ бодрѣ нежели вчера, на «Болваньей дорогѣ». Крапешный равдушный кожанъ, свидѣтельствовавшій въ ордѣ о его малыхъ недостаткахъ, былъ замѣненъ байберековымъ кафтаномъ съ кляпышами и петлицами для застѣжки. Поверхъ кафтана красовалось корзно съ богатою запоною на плечѣ.

В. кн. намѣревался посвятить этотъ день осмотру новой, вокругъ Москвы, дубовой стѣны, которую потомъ уже замѣнили болѣе надежною и нарядною—изъ бѣлаго камня. Осматривая стѣну, онъ повидалъ и ордынскія подворья: Арбатецъ на Крутицахъ, Болвановку за Москвою р., Болвановку за Яузой, Таганку, слободу толмачей и Ярлычій дворъ. Рус. кн. было не особенно лестно проѣхаться по Болвановкѣ, на которой останавливались ордынскіе послы, привозившіе изъ орды «басму лица ханова». Здѣсь послы вычитывали, стоя на соболѣмъ мѣху,

ханскіе ярлыки, а кн. слушали ихъ, преклонивъ колѣна. Басма считалась въ ту пору за болвана, хотя, въ дѣйствительности, это былъ отпечатокъ или оттискъ руки или ступни хана на восковой доскѣ. Въ народѣ говорили даже, что кн. подносили басмѣ чашу кобыльаго молока. Впрочемъ, подѣ басмою можно считать и ярлыкъ съ печатью, выставленный для общаго обозрѣнія, въ видѣ патента на инвеституру кн.

Изъ обхода стѣны в. кн. возвратился только къ обѣденному времени. Обѣденный столъ его также не отличался излишней роскошью. Послѣ обѣда же, онъ направился въ постельную, слѣдуя въ этомъ случаѣ обычаю отъ временъ Мономахъ: «спанье отъ Бога присуждено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птица и человекъ».—Послѣобѣденный сонъ окончательно возстановилъ его силы, такъ что, понѣживаясь еще подѣ одѣяломъ, онъ призвалъ къ себѣ Столбушу и повелѣлъ съ нимъ разговоры по душѣ: не продается-ли какая волость подѣ Рязанью? Не перебить-ли у новгородцевъ торговлю за Камою? Крѣпка-ли по народному слуху дружба съ Тверью?

Одинъ только вопросъ таился и отъ Столбуши въ душевномъ тайникѣ в. кн. это—разростется-ли Москва до того, чтобы отѣснить орду за каменный поясъ и за Синее море? По этому вопросу онъ опасался говорить даже съ наслѣдникомъ своимъ Симеономъ Иоанновичемъ, потому что у баскака были повсюду послухи—передатчики.

Сила укorenившихся удѣльныхъ порядковъ была однако такъ сильна, что и первый собиратель рус. земли не избѣгнулъ отдачи, еще при своей жизни, городовъ и областей въ кормленіе сыновьямъ. Мало того и самую Москву онъ раздѣлилъ на три части, которыя и переходили потомъ къ его потомству на вотчинномъ правѣ. Въ каждой трети стольнаго города имѣлись свои мытныя избы, конскія площади и судебни. Пошлины за судъ и расправу и за торгъ шли въ пользу каждаго вотчинника отдѣльно. По духовному же завѣщанію, онъ выдѣлилъ старшему сыну Симеону и княгинѣ съ младшими сыновьями по двадцати шести городовъ и селеній, а сыновьямъ Ивану и Андрею по двадцати и, такимъ образомъ, Московское кн., собранное съ такимъ трудомъ, перешло къ новому дробленію. Къ счастью для единоподержавія Москвы, многіе изъ потомковъ Іоанна Даниловича умерли бездѣтными.

Послѣ его смерти немедленно возобновился споръ за в. кн.,

поэтому кн. Тверской и Суздальскій встрѣтились въ Сараѣ съ Симеономъ Иоанновичемъ, которому отцовская калита оказала большую услугу. Его щедрая алафа привела къ тому, что Узбекъ утвердилъ за нимъ в. кн., не стѣсняясь никакими доводами его соперниковъ. На зависть послѣднимъ, Симеонъ Иоанновичъ наименовалъ себя, по возвращеніи изъ орды, в. кн. «всеа Русіи».

Видимый ростъ Москвы и ея успѣхи поселяли большую тревогу и въ Новгородѣ и въ Псковѣ и въ Твери. Новгородъ не прочь былъ даже сговориться съ Псковомъ для общаго противостоянія Москвѣ, но измѣнилъ этому намѣренію—и притихъ, чтобы не утратить остатки своихъ вольностей. Волненія и заботы къ удержанію независимыхъ столовъ продолжались и потомъ еще многіе годы и даже послѣ Дмитрія Константиновича, при которомъ Московское в. кн. вошло уже въ колено наслѣдственнаго права. Наконецъ Куликовская битва придала Москвѣ обаяніе главы, готовой постоять за Русь не одною практическою сметкою, но и умѣніемъ сосредоточить всю рус. силу и распорядиться ею въ общегосударственныхъ интересахъ.

Такой нравственный и государственный обликъ Москвы окончательно проявился при в. кн. Иоаннѣ III Васильевичѣ, который повелъ политику Собирателя Россіи на широкихъ и прочныхъ началахъ. Велико-княженіе онъ принималъ при существованіи пяти главныхъ удѣловъ сѣверо-восточной Россіи: Московскаго государства съ помѣстными княжествами — Дмитревскимъ, Углицкимъ, Волоцкимъ, Вологодскимъ, Ростовскимъ и Ярославскимъ, в. кн. Тверского и Рязанскаго, кн. Псковского и вольнолюбиваго Новгорода. Послѣдній имѣлъ основаніе опасаться совершенной утраты своего вѣче. Ради сохраненія послѣдняго, онъ готовъ былъ даже передаться на сторону Польскаго короля. Намѣреніе это побудило митрополита Филиппа послать ему увѣщательную грамоту.—«Слышу, оповѣщаль онъ новгородцевъ, что у васъ многіе стремятся къ мятежу и расколу.... но вы тѣхъ лихихъ людей всчюнитѣ отъ злого ихъ начинанія, памятуя.... что вы поручены Богомъ подъ крѣпкую руку Великаго князя.... вашего отчича и дѣдича.... смиритесь и Богъ мира да будетъ съ вами».—Послѣ этой грамоты минуло ровно десять лѣтъ и—новгородскаго вѣче не стало! Отдаваясь въ цѣпкія руки Москвы, Новгородъ умолялъ только не посылать къ нему податныхъ сборщиковъ и просилъ вѣрить новгородской

чести, ручавшейся за исправность въ податяхъ и повинностяхъ. Новгородскую клятвенную грамоту утвердили печатями Владыко и всѣ пять городскихъ концовъ.

Вообще Іоаннъ III занялся собираніемъ земли рус. необыкновенно удачно. Если и не вѣрить, что онъ растопталъ ханскую басму, то всетаки онъ обошелся безъ ярлыка на престолонаслѣдіе. Подручные кн. очутились въ тискахъ предприимчиваго государя. Удѣлы ихъ исчезали какими-то невидимками и отходили къ Москвѣ: одни—за деньги, другіе—по духовнымъ завѣщаніямъ бездѣтныхъ кн., а третьи — изъ страха испытать тяжелую руку в. кн.

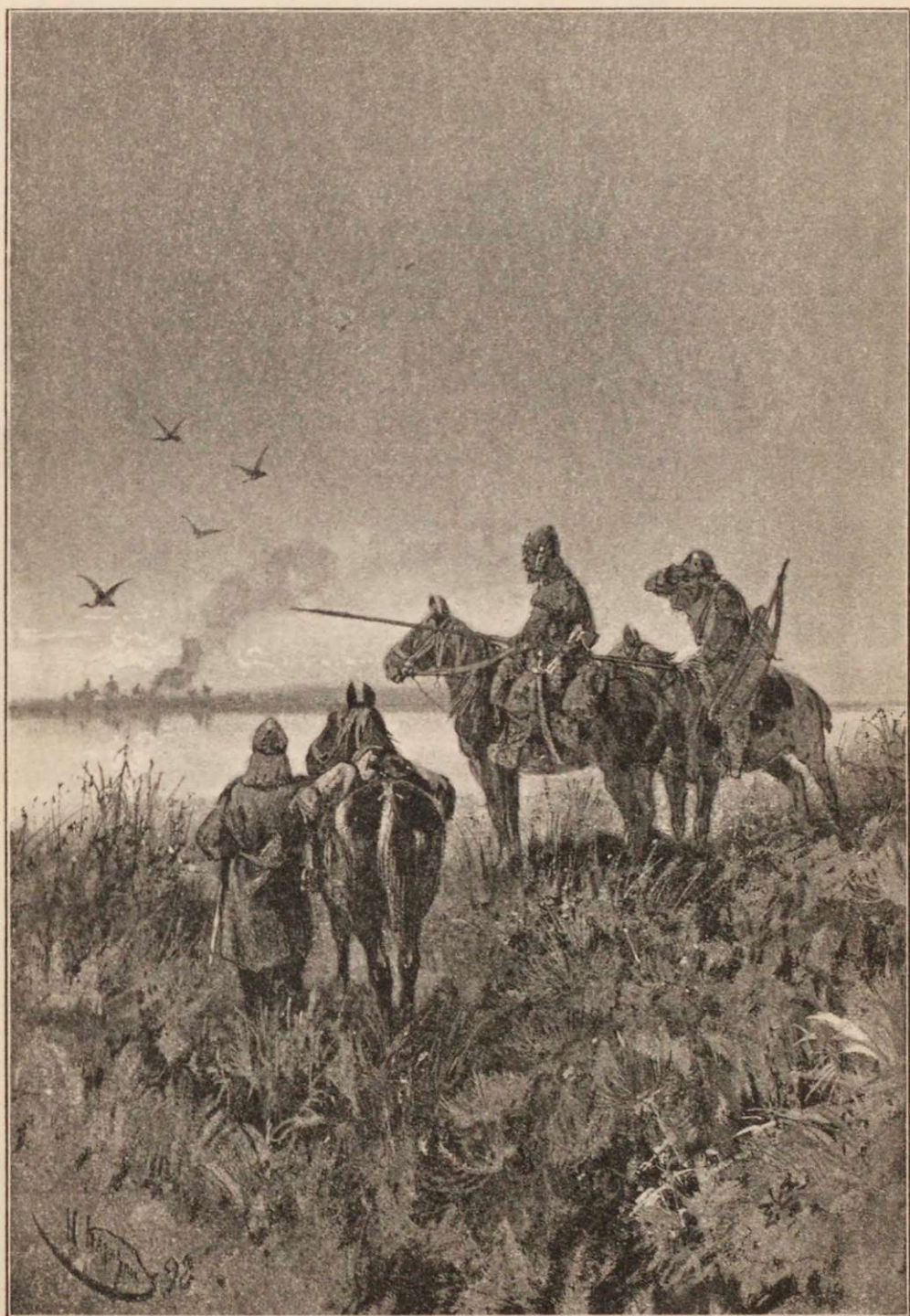
Но какъ ни важенъ былъ для Москвы Новгородъ, все же в. кн. Тверское было крупнѣйшею помѣхою для ея единодержавія. Окруженное со всѣхъ сторонъ московскими областями, оно признало наконецъ, что борьба дѣлается невозможною. Въ видѣ послѣдней попытки, Михаилъ Тверской вступилъ было въ тайный союзъ съ Литвою, но этотъ шагъ побудилъ только Московскаго кн. повести лично свои дружины противъ Твери. Дружины его были уже снабжены и тюфяками и пищалями. Тверь не выдержала и перваго пожара, пущеннаго по ея окраинамъ и, въ лицѣ своихъ бояръ, явилась на поклонъ въ станъ в. князя. Бояре-же и отворили ему городскія ворота.—«Взя градъ Тверь»,—записалъ по этому поводу лѣтописецъ,—«и все в. княжество Тверское в. кн. Московскій Иванъ Васильевичъ подъ в. кн. Михаиломъ Борисовичемъ Тверскимъ израдою своихъ ему бояръ».

Псковъ также снялъ свой вѣчевой колоколъ и попроцался съ независимымъ столomъ.—«Прилетѣлъ на тебя орелъ многокрылый»—плакался лѣтописецъ по поводу уведенныхъ въ Москву трехсотъ семействъ въ видѣ заложниковъ, — «и вырвалъ изъ гнѣздъ твоихъ красоту, богатство и гражданъ»...

Изъ восточныхъ областей — Рязань, пропускавшая нерѣдко золотоордынцевъ въ московскіе предѣлы, присоединилась послѣднею къ Московскому кн. Присоединеніе это было не изъ добровольныхъ: юноша Іоаннъ Рязанскій задумалъ поверховодить и заключилъ тайный союзъ съ Крымомъ, но эта авантюра окончилась присоединеніемъ его удѣла къ Москвѣ.

Москва округлилась. Правда, ей предстояли еще многія разоренія и долгіе счеты съ отпрысками З. орды—царствами Казанскимъ и Астраханскимъ, съ Крымскимъ ханствомъ и Ногай-

ДВѢ ВОЛНЫ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

НА СТОРОЖѢ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

скою ордою — но всетаки баскаки не смѣли уже показываться въ ея предѣлахъ. Прекратился и выпускъ монеты съ именами ордынскихъ хановъ. Брюхатые сребролюбцы прибили подковы къ порогамъ своихъ лавокъ, какъ символическое поправленіе луны, отягощавшей торговлю поборами. За одно уже, заважничали и московскіе франты и соорудили себѣ сапоги, у которыхъ были:

«Шиломъ пяты, носы остры

«Подъ пята—пята воробей пролетитъ....»

Съ другой стороны, платежныя силы собиравшейся Россіи были еще крайне худощавы. Нерѣдко, для уплаты дани, кн. входили въ долги, которые носили специальное названіе «бесерменскихъ долговъ». Звенигородскій кн. Юрій Дмитріевичъ уговорился со своимъ племянникомъ, чтобы онъ снялъ съ него долъ въ шестьсотъ рублей, занятыхъ у суконниковъ для уплаты ордынцамъ.

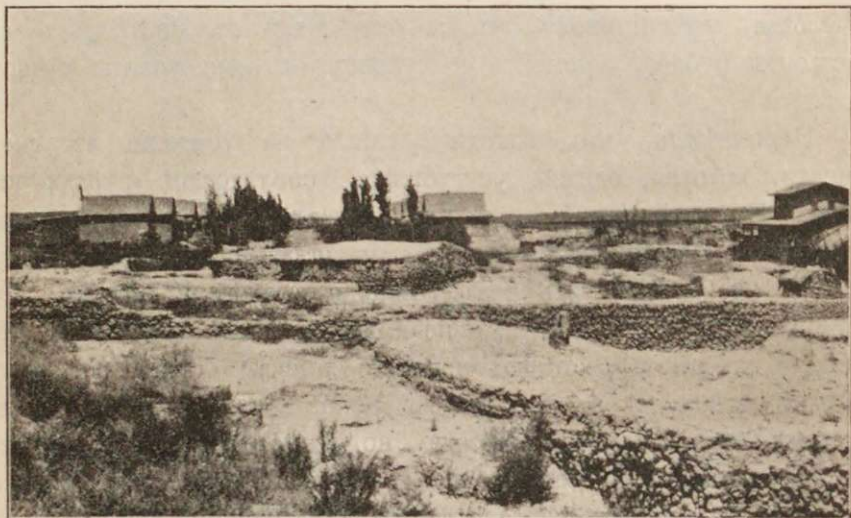
Несомнѣнно, что выходное влияло на усиленіе податной тяжести, которая, однако, усугубилась въ послѣдствіи и ради кн. нуждъ. По крайней мѣрѣ, в. кн. собирали дань и тогда, когда не было на нее запроса изъ орды, или когда они были достаточно сильны, чтобы оставлять безъ вниманія требованія хановъ. Въ подобныхъ случаяхъ, податные излишки шли въ великокняжескую кассу, благоденствіе которой помогало Москвѣ обращаться безъ особыхъ стѣсненій съ кн. третьей руки. Прямая подать дошла наконецъ до рубля съ двухъ сохъ, но и этого рубля недоставало по временамъ для поддержанія великокняжескаго достоинства, не допускавшаго, чтобы ордынскій вельможа затмевалъ кн.—конемъ, поясомъ или кречетомъ.

Въ эпоху ордынскаго надзора, Россія несла уже сложную податную систему. Ея торговые, судные и земельные налоги обратились въ основные оклады, за которыми выдвинулись мытные, крайне излюбленные тогдашними финансистами, выбиравшими съ воза—деньгу и столько же заповѣди, съ лады—два алтына, со струга—алтынъ. За тамгу требовали алтынъ съ рубля.

Чѣмъ болѣе разрастались взятки ордынскимъ вельможамъ и чѣмъ пышнѣе становился великокняжескій дворъ, тѣмъ быстрѣе росли налоги на населеніе «по силѣ его животовъ и промысловъ». Одно перечисленіе ихъ представляетъ довольно занимательную роспись. Въ ней вспоминаются: гостинное, вѣсчее, пудовое,

рѣзанка, шестьдесятъ, побережное, пятно, сторожевое, медовое, рыбное, закосъ, поватажное, портное. Судныя пошлины разбились на татинъ рубль, пересудъ, вину и поличное. Отъ налога не ушли даже и новожены, платившіе новоженную кунцу, напоминавшую татарскую пошлину—«никохъ».

Никакая однако податная тяжесть не въ силахъ была омрачить радужное настроеніе народа, отстоявшаго независимость свою отъ З. орды. Правда и впереди предстояли еще несносныя выходки такихъ сосѣдей какъ Казань, Астрахань и Крымъ, но и этимъ оставалось только ожидать очереди для борьбы съ объединенною Россіею и обращенія въ ея обще-государственную границу.

Русскій посёлокъ.
(Въ Среднеазиатской степи).

КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО.

(1487—1552 гг.).

ближайшимъ къ Россіи изъ отложившихся отъ З. орды царствъ было Казанское. Оно возникло, разрослось и обратилось въ крупный центръ мусульманства изъ ничтожнаго поселка, отысканнаго по приказу царя Саина. — «Посла царь Саинъ по мѣстомъ, проходя, искавъ и обрѣтъ мѣсто на Волзѣ рѣцѣ, на самой украинѣ Русскія земли, на сей странѣ Камы рѣки». — Подъ именемъ царя Саина не встрѣчается ни одного хана въ спискахъ чингисидовъ, поэтому возможно видѣть въ Саинѣ только титулъ Батия или одного изъ его ближайшихъ потомковъ. Найденное на болгарской землѣ мѣсто представляло котловину, которая придала Саинову юрту названіе Казани. Изобильное кормами и водою оно было и «пчелисто и пажисто» и вообще представляло все удобства, въ которыхъ нуждался золотоордынецъ.

Саиновъ юртъ былъ необходимъ ордѣ по многимъ причинамъ и, прежде всего, для наблюденія за кн. Рязанскимъ, Владимирскимъ и Московскимъ. Юрту предстояла служба опорнаго

базиса, на случай внезапнаго нападенія, какъ бы притаившейся за дремучими лѣсами и топиями, русской силы. Здѣсь же пришлось устроить ямъ для подставы лошадей баскакамъ, данщикамъ, писчикамъ, прохожимъ и проѣзжимъ посламъ, суетливо бѣгавшимъ, въ интересахъ орды, между Сараемъ и русскими стольными городами. Отсюда могъ распространяться также надзоръ надъ чувашами, черемисами, мещерью, мордвою и башкирами и вообще надъ людьми переметнаго характера, населявшими горный берегъ р. Волги. Общій кругозоръ Казани, какъ выяснилось въ эпоху ея расцвѣта, могъ распространяться на западъ—до Нижняго-Новгорода, на сѣверъ—до земель Вятской и Пермской и на югъ—до бывшихъ половецкихъ предѣловъ. Кромѣ того, ордѣ, никогда не любившей военныхъ операцій на водѣ, слѣдовало озаботиться устройствомъ оплота противъ рѣчныхъ пиратовъ—новгородскихъ ушкуйниковъ, къ которымъ охотно присоединялась всякая прибрежная вольница, безнаказанно посѣщавшая золотоордынскія прирѣчныя земли. Въ минуты опасности, они искусно прятались въ береговыя пещеры и плавни, такъ что преслѣдованіе ихъ было бесполезною тратою труда и времени.

Такое выгодное положеніе юрта обратило его вскорѣ въ выселокъ орды, куда направились всѣ, такъ называемые, піонеры, рыскающіе на окраинахъ за прибыльною наживою. Въ этомъ отношеніи ордынцы могли рассчитывать на пушнину, которою изобиловали приволжскія земли. За піонерами потянулись вообще чингисиды, не рассчитывавшіе получить въ Сараѣ видныя должности, но считавшіе за собою право кормиться безъ труда и заботъ—концомъ копья или тугою тетивою и перистыми стрѣлами.

Первые десятки лѣтъ протекли, со времени основанія Саинова юрта, въ мирной обстановкѣ, такъ какъ русскіе князья не смѣли и думать о демонстраціи противъ порубежнаго этапа орды. Тишина эта была нарушена впервые, когда в. кн. Василій Дмитріевичъ задумалъ показать ордѣ свое неудовольствіе за ея нападеніе на Нижній-Новгородъ. Считая Булгарію виновницею нападенія, онъ вторгнулся въ ея предѣлы, какъ въ страну совершенно независимую отъ Сарая. Казань перенесла молча эту обиду; очевидно, она была еще въ ту пору ничтожною и малосильною окраиною орды.

Самая орда, впрочемъ, уже задумывала нанести Москвѣ

такой-же сильный ударъ, какой она нанесла Литвѣ на берегахъ р. Ворсклы. Для этого нападенія пригодился хитроумный монгольскій Улиссъ-Эдигей. Обладая военными и дипломатическими способностями, онъ служилъ одинаково усердно и тимуридамъ и чингисидамъ, противъ Литвы и противъ Москвы и вообще повсюду, гдѣ дымилась кровь человѣка. Слишкомъ понадѣявшійся на свое огнестрѣльное оружіе, Витовтъ уступилъ Эдигею, сражавшемуся подъ бунчукомъ Темиръ-Кутлуга, славу гордой Литвы. Его же союзнику, Тохтамышу, пришлось бѣжать въ Сибирь, гдѣ шибанская орда, дѣйствовавшая по приказу изъ Шери-Сарая, не только отказалась дать ему помощь, но и распорядилась подвести его подъ свои ножи. Можно думать, что, спасаясь бѣгствомъ послѣ пораженія на р. Ворсклѣ, онъ поручилъ своихъ дѣтей великодушнѣе Москвы; такъ, по крайней мѣрѣ, думали въ ордѣ и поэтому Эдигей отправилъ в. князю довольно кичливое посланіе:—«Вы царевыхъ пословъ на смѣхъ поднимаете.... а прежде сего улусъ... царевыхъ пословъ чтить и гостей держалъ.... и ты спросилъ бы старцевъ како ся дѣяло прея сего?»

Эдигей повелъ эту вызывательную политику уже отъ имени сидѣвшаго въ Сараѣ «царя Булата» или вѣрнѣе Пулада сына Чадибека. Ордынскій Улиссъ, въ рукахъ котораго царь Булатъ былъ простою пѣшкой, не забылъ пригласить въ помощь себѣ Тверского князя, которому и предложилъ явиться,—«съ тыфяки и съ самострѣлы и съ всѣми съсуды городобійственными». Но на этотъ разъ Тверь отказала въ прямой помощи ордынцамъ и, хотя кн. Іоаннъ Михайловичъ побывалъ въ гостяхъ у Эдигея, но безъ воинскаго припаса и только съ легкими поминками. Собиравшаяся надъ Москвою гроза могла губительно разразиться надъ всею Россією.

Ради обычнаго усыпленія Москвы, Эдигей извѣстилъ московскаго государя, что онъ идетъ еще разъ противъ Литвы, но эта ложь никого не ввела въ обманъ, такъ какъ, при всей быстротѣ ордынскихъ набѣговъ, трудно было скрыть движеніе стотысячной арміи. При приближеніи силъ Эдигея, в. кн. Василій Дмитріевичъ оставилъ, точно по обычаю, столицу, чтобы организовать внѣ ея защитную рать. Стольный городъ перешелъ подъ охрану дяди кн. и пріобрѣвшаго уже славу героя Владимира Андреевича Храбраго. Москва всполошилась. Посадскіе люди подожгли дома и побѣжали прятаться за городскую стѣну, но не всѣмъ имъ удалось ворваться

въ ворота. Горожане, изъ опасенія голода, заперлись накрѣпко въ своей твердынѣ. Общее смятеніе увеличилось вышедшими на грабежъ городскими поддонками.

Подступивъ къ Москвѣ, Эдигей не рѣшился штурмовать ея стѣну, изъ-за которой вылетали губительные снаряды. Пока было безопаснѣе заняться ограбленіемъ Ростова, Дмитрова, Серпухова, Нижняго и ожидать помощи Тверского князя. Но помощь не приходила, а съ однимъ холоднымъ оружіемъ было рисковано идти на приступъ. При такихъ обстоятельствахъ, оставалось повести долговременную осаду, что и предпринялъ Эдигей, устроивъ свою главную квартиру въ с. Коломенскомъ и прекративъ доступъ къ Москвѣ продовольственныхъ припасовъ. Москвѣ не было спасенія. Въ ея стѣнахъ долженъ былъ обнаружиться голодъ со всѣми грозными послѣдствіями: тифомъ, упадкомъ нравственныхъ и физическихъ силъ и смутами горожанъ. Враги уже готовили веревки для плѣнниковъ и мѣшки для церковной утвари, такъ что москвичи, въ предвидѣніи неизбѣжной смерти, принялись каяться въ грѣхахъ и обѣщать передъ небомъ подѣлиться съ голодною бѣднотою своими достатками. Сильные обѣщали не тѣснить слабыхъ, а судін—не выжимать соки изъ подсудимыхъ. Обѣщанія эти сдерживали до времени гольтѣбу, готовившуюся ограбить брюхатыхъ сребролюбцевъ, ранѣе чѣмъ это сдѣлають татары.

Какова же была радость москвичей, когда передъ ними неожиданно предстали парламентары Эдигея съ предложеніемъ: дать ему окупъ, всего въ три тысячи рублей, съ тѣмъ, что онъ сниметъ осаду и уйдетъ изъ русской земли. Москва возликовала и откупилась. Причиною этого внезапнаго рѣшенія Эдигея были, пришедшія къ нему изъ орды, вѣсти о возгорѣвшихся тамъ смутахъ изъ-за обладанія престоломъ. Царь Булатъ прислалъ къ нему «скоропосольника» съ требованіемъ бросить русскія земли и спѣшить на выручку къ нему, въ орду. Оставляя Русь, Эдигей повелъ за собою громадный полонъ.—«Единъ татаринъ до четырехдесяти христіанъ ведоше.... и бысть тогда на всей Русской земли туга велика».—Царь Булатъ не напрасно билъ тревогу: одинъ изъ сыновей Тохтамыша успѣлъ укрѣпиться въ такой степени, что ему пришлось оставить орду и бѣжать безъ оглядки. Эдигей также не могъ ожидать пощады отъ тохтамышевца, поэтому, не доходя до Сарая, онъ повернулъ налегкѣ въ черноморскія степи. Здѣсь, благодаря своей извѣстности, онъ образовалъ изъ выселковъ,

отпрысковъ и обломковъ 3. орды скромный, но независимый улусъ, поглощенный впоследствии Крымскимъ ханствомъ. ✓

Междоусобія 3. орды привели вновь тохтамыевцевъ къ власти, но они не въ силахъ уже были превозмочь ея распаденіе. Послѣ Чадибека и его сына Пулада, четыре сына Тохтамыша занимали, одинъ послѣ другого, тронъ въ Шери-Сараѣ, но блескъ и могущество ихъ отчины были уже подорваны въ корнѣ и они не сумѣли остановить отпаденіе отъ нея такихъ окраинъ, какъ Казань и Крымъ.

Казанью овладѣлъ выходецъ изъ орды Улу-Мухаммедъ, чело- вѣкъ съ сильною волею, способною обновить память о наиболѣе гроз- ныхъ чингисидахъ. Изъ орды онъ бѣжалъ съ тремя тысячами приверженцевъ, которые помогли ему засѣсть въ гор. Бѣлевѣ. Отсюда онъ послалъ дружественное предложеніе в. кн. Василию Васильевичу о взаимной дружбѣ, въ залогъ которой отдавалъ своего сына Мамутека. Но на этотъ разъ московская дальновид- ность находилась въ умаленіи. Вмѣсто того, чтобы обратить эми- гранта въ орудіе своихъ отношеній къ ордѣ, в. кн. послалъ вое- 22 водъ осадить его въ Бѣлевѣ и привести къ покорности не друж- бою, а силою. Обманувшись въ надеждѣ на русскую помощь, Улу-Мухаммедъ напалъ на воеводъ и не только принудилъ снять осаду, но и обратилъ ихъ въ паническое бѣгство.

Оставивъ негостепріимный Бѣлевъ, Улу-Мухаммедъ перебрался на окраину орды, въ Казань, гдѣ быстро подчинилъ своему влія- нію мелкіе приволжскіе народцы и усилившись приливомъ выход- цевъ, объявилъ занятія земли независимымъ улусомъ. Этому улусу, принявшему названіе Казанскаго царства, цѣлое столѣтіе не измѣняло военное счастье, которое ставило сильную преграду обнаружившемуся уже движенію Россіи на востокъ.

Улу-Мухаммедъ привлекъ къ себѣ толпы ордынцевъ обща- ніемъ замѣнить одряхлѣвшую орду и напомнить Россіи времена Узбека. Для возбужденія же ревности и привлеченія сторонниковъ, онъ, съ первыхъ же дней своего воцаренія, принялся высылать въ набѣгъ на пограничныя земли мелкія развѣдочныя партіи. Всегда богатая добыча ихъ вызывала изъ орды толпы перебѣжчи- ковъ, питавшихся уже одними воспоминаніями о русскомъ полонѣ, объ алафѣ и о кормленіи на русской землѣ.

Образовавъ большую военную силу, Улу-Мухаммедъ повелъ ее лично на русскія земли и осадилъ Нижній Новгородъ. При-

вѣсти объ этомъ нашествіи татаръ, Москва какъ-то лѣниво подняла свои знамена и принялась скликать на отпоръ врагу и дьяка Шемяку и ближайшихъ князей Верейскаго, Можайскаго и другихъ. Первое столкновеніе съ казанцами предоставило московскимъ воеводамъ верхъ, но затѣмъ они обрадовались и распустились до прискорбнаго повторенія эпизода на р. Пьяной.

Расположившись станомъ неподалеку отъ Суздаля, воеводы не обезопасили себя ни развѣдчиками, ни секретами и принялись пировать и высыпаться и опять пировать. Повидимому и находившійся въ станѣ в. кн. Василій Васильевичъ тоже прилежалъ къ сладкому питью и къ пріятнымъ сновидѣніямъ, потому что онъ пробудился только ради заутрени и вновь отправился на покой. Послѣдній былъ прерванъ гуломъ быстро приблизившейся многочисленной конницы, нагрянувшей внезапно на предававшееся мирному покою полусонное войско. Исходъ завязавшейся битвы, былъ печаленъ и даже печальнѣе катастрофы на р. Пьяной. Въ рукахъ казанцевъ очутились и бояре и князья Верейскій и Можайскій. Израненный в. кн. также отдался въ плѣнъ. Въ видѣ извѣщенія о гибели русской силы казанцы отослали его тѣльный крестъ въ Москву на показъ матери и народу....

Москва еще разъ затрепетала. Чернь зашумѣла. Пользуясь случаемъ, Тверской кн. выслалъ вновь своихъ воеводъ попользоваться товарами и капиталами московскихъ купцовъ. Казанцы, были повидимому болѣе высокаго мнѣнія о москвичахъ, такъ какъ, опасаясь нападенія послѣднихъ, они удовольствовались полономъ и отступили въ свою сторону, выпустивъ даже изъ плѣна в. кн. Повидимому, Улу-Мухаммедъ опасался, вслѣдствіе возникшихъ въ Казани неурядицъ, что ему придется воевать на два фронта, поэтому онъ стремился обезпечить себя, на время, со стороны Россіи.

Еще во время нахождения в. кн. въ плѣну, дьякъ Шемяка, отказавшійся стать подъ московское знамя, устроилъ заговоръ, въ который вовлекъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ, кн. Можайскаго и москвичей, повѣрившихъ, что в. кн. получилъ свободу за уступку Казани—своего стольнаго города. Заговоръ разросся и удался во всѣхъ подробностяхъ. Возвратившійся изъ плѣна в. кн. былъ захваченъ передъ ракою св. Сергія и доставленъ въ Москву къ Шемякѣ, который обвинилъ его въ отдачѣ городовъ въ кормленіе татарамъ и распорядился, будто бы по приговору князей и

боярь—ослѣпить его. Послѣ того Шемяка объявилъ себя в. кн. и потребовалъ отъ Москвы присяги на вѣрность службы и любви къ нему. Москва была ошеломлена такимъ неожиданнымъ поворотомъ своей судьбы, но присягу приняла и преклонилась передъ Шемякой.

Улу-Мухаммеду наследовалъ убійца его сынъ Мамутекъ, при которомъ усилились внутренніе раздоры Казани до того, что казанскій царевичъ Касимъ явился уже другомъ Россіи и грозою своихъ же соплеменниковъ. Получивъ отъ в. кн. въ удѣлъ мещерскій городокъ, Касимъ обратился въ рус. агента и вошелъ въ тайныя сношенія съ казанцами, приглашая ихъ перейти на рус. сторону.

Въ Казани сидѣлъ въ ту пору Ибрагимъ—до того слабый властитель, что его воинство подбѣгало подъ Москву безъ его согласія. Нерѣдко оно появлялось вечеромъ, чтобы убѣжать утромъ и удовольствоваться тѣмъ, что попадало подъ руки. Занявъ, по отношенію къ Россіи, такую корыстную, нѣсколько разбойничьяго характера, позицію, Казань чутко прислушивалась къ тому, что дѣлалось въ Москвѣ. Получивъ свѣдѣніе, что в. кн. Іоаннъ Васильевичъ потерпѣлъ въ столкновеніи съ новгородцами большой уронъ, царь Ибрагимъ принялся тотчасъ-же всевать пограничныя окраины.

Въ эту эпоху произошло не совсѣмъ обыкновенное событіе: Вятка, возмечтавъ о независимости, объявила своего рода нейтралитетъ и отказала въ помощи в. кн. противъ Казани. Въ этомъ нейтральномъ состояніи, она продержалась всего нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ надумалась и соединилась съ московскою ратью, вышедшею противъ Ибрагима, докучавшаго много лѣтъ партизанскою войною. Сильное войско Іоанна III подошло къ Казани одновременно—рѣкою и сухопутью и принудило Казанскаго царя заключить миръ на всей волѣ московскаго государя.

По смерти Ибрагима, въ средѣ казанцевъ образовались партіи, объявившія себя—одна за младшаго его сына Мухаммедъ-Аминя, сторонника Россіи, а другая за старшаго его сына Алегама, противника Россіи. Первый, не успѣвшій заручиться поддержкою ни ногаевъ, ни мелкихъ народцевъ приволжья, былъ изгнанъ, бѣжалъ въ Россію, откуда и пошелъ, разумѣется по желанію в. кн. и съ его дружинами, противъ брата, который, потерявъ сраженіе, явился въ Москву со всѣмъ семействомъ, въ качествѣ плѣнника. Объ освобожденіи его изъ плѣна заговорило впоследствии все мусуль-

манство, видѣвшее въ потерѣ одного изъ своихъ властелиновъ серьезное предостереженіе не одной Казани, но и прочимъ отпрыскамъ З. орды.

Замѣнивъ на казанскомъ престолѣ своего брата, Мухаммедъ-Аминъ обязанъ былъ содержать рус. надъ собою надсмотрщика, которымъ состоялъ одно время москвичъ Оедька Киселевъ. Москвичъ разсудилъ попользоваться Казанью, какъ даннымъ ему на прокормленіе царствомъ, что видно изъ поступившихъ на него жалобъ. Казань жаловалась, что О. Киселевъ не стѣсняется давить и вязать людей и брать лишніе поборы. Въ одномъ мѣстѣ, онъ взялъ силою: «три кади меду, да конь, да корову, да овцу, да семь куницъ, да три лисицы».... Въ другомъ мѣстѣ онъ попользовался и бобрishками-ярчиками и соболями и опять таки медомъ и коньми разной масти.

Мухаммедъ-Аминъ, какъ рус. ставленникъ былъ неугоденъ народу, такъ что ему приходилось часто опираться на помощь Москвы. Недовольные казанцы выставили противъ него совмѣстителя, который однако занялся, вмѣсто управленія царствомъ—грабежомъ своихъ подданныхъ. Народъ изгналъ и своего избранника, послѣ чего Мухаммедъ-Аминъ разорвалъ связь съ Москвою, разрѣшивъ своимъ властямъ ограбить московскихъ купцовъ. Не мало изъ награбленнаго поступило и въ его личную казну, что дало ему возможность надѣлать себѣ нѣсколько штукъ золотыхъ вѣнцовъ.

Для наказанія ослушника в. кн. выслалъ значительную силу, подъ начальствомъ брата своего Димитрія, но она потерпѣла подъ Казанью сильный уронъ. Послѣдній былъ исправленъ только свѣжими полками кн. Холмскаго. Но и побѣда Холмскаго обошлась дороже пораженія: побѣдители и на этотъ разъ возликовали выше мѣры и въ чадѣ изобильныхъ возліаній забыли, что врагъ можетъ опомниться во всякое время и выместить испытанный позоръ. Такъ и случилось: казанцы напали на полусонныя ватаги и—«лугъ Арскій взмокъ отъ ихъ крови»!

Тѣмъ не менѣе Мухаммедъ-Аминъ смирился и принеся повинную, благодаря которой онъ получилъ, взаменъ своего царства, на прокормъ, три города, возненавидѣвшихъ его всѣми ихъ помыслами. Царство его перешло къ брату его Абдуль-Латифу, который далъ «шертную» записку о томъ: «чтобъ находится ему во всякомъ послушаніи не только самому государю, но и дѣтямъ его,

а къ Польскому королю и другимъ непріятелямъ не приставать и съ ними не ссылаться».—По этой записи были поручителями Менгли-Гирей Крымскій и царица Нурсалтанъ. Вообще-же Абдулъ-Латифъ обязывался служить в. кн. безъ хитрости и обмана.

Нельзя сказать, чтобы Москва удачно выбирала своихъ ставленниковъ для Казани, которая не любила ихъ не только за защиту ими русскихъ интересовъ, но и безотносительно, за ихъ невысокія качества. Однимъ изъ такихъ ставленниковъ или, какъ говорилось въ ту эпоху—подручнымъ царемъ—былъ Шигъ-Алей, считавшій себя вскормленникомъ рус. государя. Шигъ-Алей постоянно нуждался въ помощи Москвы. Но не смотря и на эту помощь, крымскій чингисидъ Сафа-Гирей, получившій Казань послѣ своего дяди Сагибъ-Гирея, вытѣснилъ его и овладѣлъ всѣмъ Казанскимъ царствомъ. Впрочемъ и Сафа-Гирею приходилось три раза убѣгать изъ Казани и три раза возвращаться на царское мѣсто. Въ свою очередь и Шигъ-Алей царилъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ и, то отсиживался на русскихъ кормахъ—даже и въ тюрьмѣ, подъ арестомъ,—то предводительствовалъ рус. полками. Казанцы сердились на Шигъ-Алея за то, что онъ согласился на расчлененіе царства: луговая и Арская стороны остались за Казанью, но горная за Москвою. Здѣсь сооружался окраинный городъ Свіяжскъ, назначавшійся для надзора за приволжьемъ и для складовъ, необходимыхъ войску, хлѣбныхъ и другихъ припасовъ. При этомъ раздѣлѣ, Шигъ-Алей заявлялъ Алексѣю Адашеву, что ему нельзя жить въ Казани безъ горной стороны и что если государь не отдастъ ему эту сторону, то онъ бѣжитъ вновь на рус. землю.—«Если тебѣ бѣжать, то укрѣпи городъ рус. людьми»—совѣтовалъ ему Адашевъ.—«Я не могу и на свою вѣру наступить» объяснялъ Шигъ-Алей, соглашавшійся, впрочемъ, извести у себя лихихъ людей и перепортить, когда нужно будетъ, пушки, пищали и порохъ. Для поддержки его въ Казани пришлось оставить при немъ отрядъ стрѣльцовъ, въ качествѣ тѣлохранителей.

По смерти Сафа-Гирея, окончившаго свое бурное поприще внезапною смертью, судьба Казани пошла ускореннымъ шагомъ. Къ этому времени в. кн. Московское уже усилилось присоединеніемъ къ нему Твери, Пскова, Новгорода и Рязани. В. кн. наименовался царемъ. З. орда не существовала болѣе. Астраханское царство и ногайская орда никогда не представлялись Россіи опасными врагами. Одинъ Крымъ могъ доставлять ей серьезную заботу,

но всё его упорныя стремленія отвоевать отъ Россіи Астрахань и Казань оканчивались неудачами.

До рѣшительнаго удара, казанцы не хотѣли жить подъ государевою рукою. Царь посылалъ на нихъ воеводъ, но они сопротивлялись рати московской и побивали московскихъ людей, такъ что бояре и воеводы не могли ихъ усмирить. Наконецъ, по совѣту съ митрополитомъ, воеводами и казанскими выходцами, государь рѣшилъ нанести Казани окончательный ударъ. Первый, однако, предпринятый съ этою цѣлью походъ былъ разсчитанъ дурно, такъ что шестидесятитысячная армія, погромивъ безплодно городскія стѣны, принуждена была ретироваться; ея осадная артилерія, благодаря сырой погодѣ и неумѣлому приготовленію «зелья», бездѣйствовала. Кромѣ того и въ операціонномъ базисѣ, въ гор. Свияжскѣ обнаружались большіе беспорядки: войско предалось такимъ порокамъ, что митрополитъ Макарій принужденъ былъ послать укорительную грамоту, въ которой не заключалось ничего лестнаго для воевъ, поставленныхъ противъ безбожныхъ агарянъ и обязанныхъ подвизаться «храбръски и мужьски». Воинамъ пришлось выслушать даже упреки въ томъ, что они, не желая выглядѣть мужчинами, брили свои бороды...

Рѣшенный государемъ и одобренный боярскою думою новый походъ противъ Казани вызвалъ значительное напряженіе военныхъ силъ, со сборными пунктами въ Коломнѣ, Муромѣ и на берегахъ р. Камы. Государь принялъ личное начальство надъ полками. Въ ту пору войска имѣли уже правильную организацію и пополнялись на время войны по опредѣленному мобилизаціонному плану. Каждый пять тяглыхъ дворовъ обязаны были выставять по человѣку, на конѣ, съ кормомъ, оружіемъ и одеждою. Половина пищальниковъ шла на коняхъ, а половина пѣшкомъ. Каждый изъ нихъ снабжался ручною пищалю съ зельемъ, вѣсомъ въ двѣнадцать гривенокъ на пищаль. Одежда состояла изъ однорядокъ и форменнаго головного убора. Постоянныя-же войска получали и кормъ и жалованье изъ казны: пищальники, воротники, сторожа, кузнецы и плотники—по рублю въ годъ денегъ, по два пуда соли, по двѣнадцати коробей ржи и по столько же овса.

Съ другой стороны, не только Казань, но и всё отпрыски Э. орды видѣли наступленіе рѣшительной борьбы за дальнѣйшую независимость мусульманскаго востока Россіи. Правившему въ ту пору казанскимъ царствомъ Едигеру удалось, поэтому, привлечь на

свою сторону горное населеніе и ногаевъ. Крымъ также обрадовался случаю напасть въ тылъ рус. силы, но крымцы поторопились и испортили чрезвычайно выигрышное для нихъ дѣло. Не выждавъ удаленія коломенскихъ войскъ къ Казани, они явились подъ Тулою и принялись громить ее артиллеріей. Горожане зная, что къ нимъ спѣшать на помощь государевы полки, напрягли все свои слабыя средства, чтобы выдержать первое нападеніе врага. Усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ: первый штурмъ былъ отбитъ, а второго не послѣдовало, потому что полки, сдѣлавъ усиленный переходъ, явились вѣремя на выручку осажденнаго города. Крымцы отступили въ надеждѣ на вспомогательныя силы, но эти уже были разбиты Щенятевымъ и Курбскимъ. Трофеи, не исключая и верблюдовъ, были отправлены въ Москву.

Обезпечивъ такъ удачно тылъ и правый флангъ, государь направилъ ободренныя побѣдою войска къ Казани, частію на коняхъ и пѣшкомъ, частію на судахъ—по р. Волгѣ. При войскахъ слѣдовалъ и остававшійся не у дѣлъ Шигъ-Алей, правившій въ этомъ походѣ дѣлами дипломатической канцеляріи. На его обязанности лежала посылка въ противный лагерь увѣщательныхъ грамотъ. При войскахъ слѣдовала также «яртоульная» дружина—первоитишныишнинаго) понтоннаго батальона. Артиллерію представляли сто пятьдесятъ тяжелыхъ орудій. Войска не успѣли еще показаться у Алатыря, какъ горные жители принесли новую присягу о непротивленіи царю и его войску. Они пригодились въ качествѣ рабочей силы при проськахъ, очисткѣ дорогъ и новодѣлѣ мостовъ.

Войска шли безъ интендантскихъ запасовъ, отправленныхъ на судахъ по р. Волгѣ, и поэтому кормились на счетъ придорожнаго населенія. Наивный лѣтописецъ утверждаетъ, впрочемъ, что лоси сами являлись къ артельной кухнѣ и птицы невѣдомо откуда падали въ котлы...

Свѣяжскъ манилъ было къ отдыху пришедшія разными путями дружины, но государь поспѣшилъ выдвинуть ихъ на луговую сторону. Здѣсь собралась сила въ полтораста тысячъ человѣкъ. На призывъ къ покорности, Казань отвѣтила призывомъ на бой.

Если вѣрить лѣтописямъ и сказаніямъ, то въ самой Казани не было недостатка въ прорицаніяхъ о близкомъ ея паденіи.—«Нѣкій татаринъ» — говоритъ одна лѣтопись, «по граду ходя нага напрасно вопиши и непрестанно глаголити: не жити здѣсь татаромъ, не жити, но жити русскимъ людямъ».—Въ то же время

«родися отъ коровы дѣтище человѣческимъ образомъ, его-же видяше татарова вся... и внезапно дѣтище премѣнися въ совершенна мужа... и глаголаша зрящимъ на него—повиниться безъ лукавства московскому государю».—Пока казанцы собрались убить это дѣтище, оно не «видимо бысть отъ нихъ».

Но всѣ эти предвѣщанія нисколько не ослабили высоко поднятый духъ казанцевъ, оградившихъ себя глубокими рвами, топями, тыномъ и стѣнами съ высокими наблюдательными башнями. При самомъ началѣ осады, рус. войска испытали крупную неудачу: внезапно разразившаяся на р. Волгѣ буря потопила всю флотилію, доставившую продовольственные запасы. Въ этомъ случаѣ склады Свѣяжска принесли неоцѣненную пользу. Благодаря имъ, войска приступили къ осадѣ Казани безъ унынія и въ порядкѣ, какого еще не видывали дружины. Диспозиція осады поражаетъ и теперь стратегическіе умы своею ясностью и обдуманностью. Каждый полкъ зналъ напередъ свое мѣсто—на Арскомъ полѣ, на берегу Казанки, при устьѣ Булака, на кладбищѣ, или на Царевомъ лугу—и каждый бояринъ зналъ свое дѣло. Одни изъ нихъ строили батареи или рубили башни, а другіе готовили туры и лѣсины для мостовъ и загородей.

Первые подступы и вылазки служили только предвѣстниками приближавшагося штурма. Успѣхъ послѣдняго зависѣлъ, между прочимъ, отъ усердія и искусства «размысла», которымъ состоялъ «нѣмецъ, искусный въ разореніи городовъ». Въ его распоряженіи находились и пришедшіе съ нимъ—очевидно нанятые за хорошія деньги—ученики его, руководившіе минными работами.

Благодаря вышедшему изъ Казани храброму и даровитому Япанчѣ, осаднымъ войскамъ приходилось бодрствовать день и ночь, пока не прочистили лѣсъ, скрывавшій толпы его партизановъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ неосторожность вдаться въ стратегическій обманъ и, встрѣтившись съ облавою въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, покрылъ трупами своихъ людей десятиверстное разстояніе.

Явившіеся изъ Казани дезертиры навели государя на мысль лишить воды осажденныхъ, пользовавшихся ручьемъ, къ которому они пробирались подземною галлереей. Ученики искуснаго въ разореніи городовъ нѣмца изготовили подкопъ въ десять дней и взрывомъ его лишили Казань—воды, годной въ питье. Казанцамъ пришлось довольствоваться болотною, вызывавшею болѣзни, водою. Продолжая осаду, государь предлагалъ не однажды казанцамъ

сдаться на его милосердіе, но они не измѣнили своему рѣшенію отстоять мусульманство передъ рус. натискомъ. Они не поколебались ни передъ потерей отдѣльнаго вспомогательнаго острога за Арскимъ полемъ, ни передъ башнею, неожиданно выросшею передъ ихъ глазами. Эту башню, плотно сколоченную въ тылу лагеря, придвинули къ крѣпости въ одну ночь и вооружили ее сильною артиллеріей, стрѣлявшей поверхъ стѣны. Благодаря ея губительному огню, казанцамъ осталось закопаться въ землю и выходить на стѣны только для перестрѣлки съ лагеремъ осады.

Осадные-же туры подвигались все ближе и ближе.

Наступала осень со всѣми ея невзгодами. Обѣ стороны были уже порядочно утомлены полуторамѣсячною осадой, частыми вылазками и ежеминутнымъ ожиданіемъ рѣшительнаго приступа. Казанцы, потеряли наконецъ и Арскую башню, но продолжая дѣло защиты отклоняли всѣ предложенія о пощадѣ и прощеніи. Очевидно, ни одна изъ сторонъ не могла отойти отъ другой безъ послѣдняго слова войны. Снятіе осады равнялось-бы поражению, которое надолго, если не навсегда, закрыло-бы Россіи пути въ завожскія земли и на Дальній Востокъ, куда неудержимо увлекалъ Россію историческій рокъ. Успѣхъ-же Казани сгруппировалъ-бы вокругъ нея всѣ остатки З. орды и поставилъ-бы ее на высоту новаго центра всего восточнаго мусульманства.

Поэтому диспозиція обѣ общемъ штурмѣ Казани, была разработана необыкновенно вдумчиво, а самое отступленіе казанцевъ предусмѣтливо и отрѣзано на всѣ стороны. Городскія ворота были распределены между Воротынскимъ, Басмановымъ, Троекуровымъ, Шереметьевымъ, Курбскимъ — лицами, оставившими въ исторіи тѣ или другіе крупныя слѣды. Резервы остались въ рукахъ государя и воеводъ, назначенныхъ служить подкрѣпленіемъ штурмовыхъ колоннъ.

Размысль старательно повелъ подкопъ подъ городскую стѣну, что хотя и замѣтили казанцы, но не сумѣли повести контръ-мину. Наступалъ день штурма или «испитія общей чаши крови», что чувствовалось обѣими сторонами и даже людьми, не подготовленными къ этому апофеозу осады. Шумъ и стрѣльба притихли на время, точно для антракта къ переходу въ лучшій міръ. Когда минуты антракта миновали, тихоструйное состояніе противниковъ смѣнилось жестокою грозою. Первымъ знакомъ ея наступленія былъ взрывъ подкопа, начиненнаго десятками бочекъ порохового

зеля. За нимъ послѣдоваль взрывъ второго подкона и — обѣ стороны воззвали къ Творцу за всеильною помощію.

Штурмовыя колонны бросились частію въ проломъ, частію по лѣстницамъ на стѣны, откуда летѣли бревна и обливали приготовленнымъ кипяткомъ. Не отстоявъ перваго натиска, Едигерь принужденъ былъ отступить отъ стѣнъ и проломовъ и оставить богатый караванъ-сарай въ добычу вторгнувшимся войскамъ. Начавшійся — какъ и всегда обовною прислугою и маркитантами — грабежъ купеческихъ товаровъ, произвелъ нѣкоторое колебаніе въ ходѣ побѣды, но быстро двинутые резервы отбѣснили казанцевъ въ урду и въ мечети.

Никто изъ нихъ не сдавался живымъ. Казань запылала. Десять тысячъ ея защитниковъ, оставивъ своего Едигера въ рукахъ побѣдителей, вышли въ поле, гдѣ кн. Курбскіе никому уже не дали пощады...

Апофеозъ войны выразился въ томъ, что казанскому царю пришлось преклонить колѣна передъ рус. государемъ, что особенно порадовало десятки тысячъ полоняниковъ, торжествовавшихъ освобожденіе изъ тяжелаго рабства. Послѣ триумфальнаго вѣзда въ городъ, государь положилъ тотчасъ-же краеугольный камень на сооруженіе перваго въ Казани христіанскаго храма. Все достояніе горожанъ перешло въ руки побѣдителей; одни знаки царскаго достоинства — вѣнецъ, жезлъ и знамя — поступили въ сокровищницу государя. Казанское царство обратилось въ рус. провинцію, при чемъ намѣстникомъ ея былъ назначенъ князь Горбатый-Шуйскій, а его товарищемъ князь Серебряный.

Присоединивъ къ Россіи Казанское царство, историческій рокъ сдѣлалъ крупный шагъ не только по отношенію къ ея личной судьбѣ, но и въ дѣлѣ распространенія христіанства и культуры. Казань, стоя оплотомъ мусульманства, не допускала сближенія Европы съ Азіей или вѣрнѣе принимала на себя въ этомъ сближеніи роль комисіонера, поглощеннаго собственными интересами. Принявъ отъ болгаръ бойкую торговую и промышленную дѣятельность и связи съ дальними странами Азіи, Казань держала у себя шлагбаумъ противъ всего, что не исходило изъ корана и не согласовалось съ традиціями чингисидовъ. Въ этомъ легко убѣдиться, окинувъ мысленнымъ взоромъ миновавшіе со времени покоренія царства три съ половиною столѣтія. Ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ обычаяхъ, а тѣмъ менѣе въ области религіозныхъ и нрав-

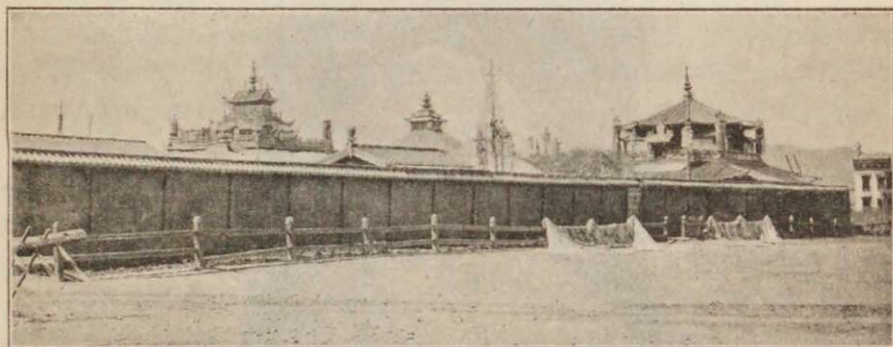
ственныхъ воззрѣній, казанцы ничѣмъ не поступились и ничего не приобрѣли. Со стороны наружнаго обихода казанскій татаринъ пребываетъ въ чингисидовой тюбетейкѣ и безрукавкѣ, въ неизбѣжныхъ калошахъ и цвѣтныхъ ичигахъ. Каждую субботу онъ подстригаетъ, какъ истый узбекъ, свою бороду и черезъ каждыя двѣ недѣли брѣетъ голову. Женщины, не приобщаясь къ міру внѣ ихъ гаремовъ, не отказываются носить запястья изъ золоченныхъ рублевиновъ, но съ тѣмъ, чтобы портреты не были обращены наружу, такъ какъ Пророкъ воспретилъ изображенія всего живого и одушевленнаго. Чулки признаются только дамами, уклоняющимися уже отъ традицій предковъ, зато туфли старательно вышиваются золотомъ. Вообще парча, позументы, кольца, камни и браслеты составляютъ признаки аристократизма татарской женщины, хотя лучшимъ ея украшеніемъ служить попрежнему перевязь съ карманомъ для маленькаго корана. На эту перевязь не жалѣютъ камней и жемчуга. Но если бы нескромный христіанинъ заглянулъ въ священный карманъ, то онъ увидѣлъ бы тамъ, нерѣдко, вмѣсто корана—деревяшку, которая подтверждаетъ лишній разъ, что фанатическая

обрядность продолжаетъ главенствовать въ оборотѣ всей жизни мусульманина.

Послѣ паденія Казанскаго царства, христіанство пріобрѣло нѣсколько тысячъ татарскихъ семействъ, но далѣе этого успѣха оно не двинулось, а со временемъ даже и утратило своихъ новообращенныхъ. Можно утверждать, что Казань обратилась, при рус. уже владычествѣ, въ крупный центръ исламизма, упорно отстаивающій знамя Пророка...

Однако устойчивость казанскихъ чингисидовъ не въ силахъ была воспрепятствовать движенію Россіи на востокъ и ея сближенію съ прочими отчинами чингисидовъ и тимуридовъ. Впрочемъ, казанская земля не сразу успокоилась. Населеніе ея не разъ поднимало бунты, отказывалось платить дань, вырѣзывало чиновниковъ и даже брало въ плѣнъ воеводъ, но то уже были обычныя вздрагиванія страны, лишившейся независимости. При этой агоніи, платились жизнью и имуществомъ неосторожные московскіе купцы или полусонныя боярскія дѣти. Но общее положеніе государства вполне оправдывало восклицаніе митрополита, по поводу побѣды надъ Казанью: «чѣмъ мы были и что мы есть?».

Дворецъ Богдо-Гегеновъ.
(въ Монголіи).

АСТРАХАНСКОЕ ЦАРСТВО И НОГАЙСКАЯ ОРДА.

(1260—1651 гг.).

страханское царство смиренно подчинилось господству Россіи, какъ только послѣдняя овладѣла, послѣ паденія Казани, нижнимъ теченіемъ р. Волги. Бокъ-о-бокъ съ Астраханью, кочевала самостоятельная ногайская орда, тоже доставлявшая по временамъ не только Россіи, но и Литвѣ и Польшѣ, не мало досады и огорченій.

Образованіе этой орды слѣдуетъ отнести къ тому, что ежегодныя перекочевки 3. орды съ лѣтенокъ на зимовки—въ прикавказскія земли и обратно—повели къ образованію выселковъ смѣшаннаго племени. Увеличиваясь кавказскими выходцами и отпавшими отъ орды юрта-

ми, община этихъ выселковъ облюбовала Кумыкскую площадь и расселилась, первоначально, между рр. Лабою и Кубанью. Одинъ

изъ потомковъ Джучи-хана, именемъ Ногай, сумѣлъ привести эту разношерстную вольницу къ единству и придалъ ей положеніе самостоятельной орды, которая и просуществовала, несмотря на всю свою ничтожность, около четырехъ столѣтій.

Первоначально, въ качествѣ золотоордынскаго старшаго темника, Ногай дѣйствовалъ въ войнахъ и союзахъ именемъ хана Береке. Его же именемъ онъ воевалъ противъ кавказскихъ ясовъ и въ Дунайской Болгаріи. Успѣхи его возрастали такъ быстро и значительно, что императоръ Михаилъ Палеологъ отдалъ ему въ замужество свою дочь. Въ свою очередь и онъ выдалъ дочь за Θεодора Ростиславовича Смоленскаго, давъ за нею въ приданое Кубанскую сторону и — вѣроятно, номинально — Крымъ. Смерть Береке развязала ему руки. Недовольствуясь независимостью, онъ потѣснилъ свою отчину и, взявъ ее, объявилъ себя сюзереномъ южно-рус. областей.

Южно-рус. кн., ослабленные въ ту пору взаимною враждою, потянулись къ Ногаю за поклонами и даями. Весьма возможно, что онъ выдавалъ и ярлыки на княженіе, по крайней мѣрѣ онъ возвелъ кн. Дмитрія Александровича, изгнаннаго братомъ его Андреемъ Городецкимъ, обратно на престолъ одною только повелительною грамотою.

Восходя къ своему зениту, Ногай мечталъ уже продолжать дѣло Батя и распространить свой улусъ на западную часть Европы. Но его познаній оказалось недостаточно даже для того, чтобы найти дорогу въ Венгрію, такъ что, потерявъ отъ недостатка продовольствія до ста тысячъ человекъ, онъ возвратился обратно въ улусъ. Попутно, онъ выместилъ свою неудачу на Польшу, допустившей увести въ плѣнъ десятки тысячъ женщинъ и дѣвицъ.

Пригрозивъ 3. ордѣ, выражавшей неудовольствіе на его самовольные поступки, онъ разграбилъ сѣверныя рус. области: Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Угличъ, Коломну и Можайскъ. Изъ Владимірскаго соборнаго храма его орда унесла къ себѣ даже мѣдный полъ, который представлялся ей необычайно драгоценностью. При немъ, орда чувствовала себя на высотѣ величія, но ему не посчастливилось основать династію. Онъ палъ въ сраженіи съ своимъ же темникомъ, желавшимъ тоже попытать счастья и свергнуть своего патрона. Сыну Ногая пришлось бѣжать въ Дунайскую Болгарію, гдѣ тестъ его, одинъ изъ Святославовъ, убилъ его вѣроломнымъ образомъ.

Послѣ Ногая начались междоусобія, повлекшія къ раздробле-

цію орды на Большую, Малую и Семидесятитысячную. Части эти раздробились на колѣна, которыми правили мурзы, разрушившіе политическую связь орды.

Порою нападала и на мурзъ манія кичливости; тогда они не стѣснялись требовать отъ рус. в. кн., чтобы онѣ именовалъ ихъ братьями и государями. Похваляясь поддержать свои претензіи силою, они высчитывали ее—исключительно на страхъ врагамъ—въ триста тысячъ всадниковъ, способныхъ поспорить въ быстротѣ набѣговъ съ полетомъ охотничьихъ кречетовъ. Впрочемъ, настойчивыя домогательства ихъ клонились преимущественно къ свободному торгу съ Россіей, къ чему побуждали избытки ордынскаго коневодства.

Кромѣ торговыхъ интересовъ нерѣдко и политика заставляла ногайцевъ просить Россію о дружбѣ и союзѣ. Такимъ просителемъ явился передъ в. кн. Іоанномъ III Васильевичемъ Ибрагимъ Ивакъ, братъ котораго Казанскій царь Алегамъ попалъ въ рус. плѣнъ.—«Братъ мой, Алегамъ царь, по случаю въ твоихъ рукахъ стоитъ»,—писалъ Ибрагимъ Ивакъ.—«Со мною въ прокъ захошь братомъ быть, брата моего ко мнѣ отпусти. Ко мнѣ его не въсхошь пустити и его на ево вотчину отпусти....»

Мурза Муса послалъ къ в. кн. своего богатыря съ легкими поминками и съ предложеніемъ союза противъ общихъ непріятелей.—«Кто тебѣ ратень будетъ, я рать пошлю»,—писалъ Муса,—«а кто мнѣ ратень будетъ и ты ко мнѣ рать пошли».—В. кн. отвѣтилъ Мусѣ согласіемъ быть съ нимъ за одно противъ общихъ недруговъ.—«И мы съ тобою хотимъ быть въ дружбѣ, а рать наша гдѣ будетъ тебѣ надобе и мы къ тебѣ свою рать пошлемъ, а гдѣ будетъ намъ надобе, ты бы къ намъ свою рать послалъ».

В. кн. явился даже сватомъ Мусы, желавшимъ породниться съ Казанскимъ царемъ Магметъ-Аминемъ.—«Ино нашъ Магметъ-Аминь и сынъ и братъ и мы того хотимъ чтобы еси съ Магметъ-Аминемъ былъ въ дружбѣ и дочи бы твоя у него была»... Кажется изъ потомства Мусы вышли впоследствии рус. кн. Юсуповы.

Вообще переговоры Россіи съ ногайскими мурзами велись довольно оживленно. Мурзы прислали шертную записъ, которою обязывались приводить ногайскихъ чиновъ на всякія добрыя дѣла и усовѣщевать ихъ, чтобы они помнили:—«Великихъ государей къ себѣ жалованье и... городовъ не воевали бы и селъ и деревень не жгли и всего крестьянскаго народа въ полонъ не брали».

Испытывая неудачи, ногайская орда не особенно печалилась

и тогда, когда съ ея послами обращались высококомѣрно, какъ съ людьми безъ роду и племени. Литва однажды задержала у себя ногайское посольство безъ всякаго повода, на что уже обратилъ вниманіе король Польскій и в. кн. Литовскій. Въ листѣ адресованномъ королевской литовской Радѣ, онъ замѣтилъ что—«и сами можете разумѣти, никъ пословъ нигдѣ на всемъ свѣтѣ не забавливаютъ....»—Предлагая отпустить съ миромъ ногайцовъ, король обратилъ вниманіе Рады и на то, что если удерживать далѣе пословъ, безъ надобности, то они—«все тое потравятъ и тую одежду подерутъ, што есмо имъ давали»—и что отъ этого произойдетъ одинъ лишь убытокъ кассѣ Литовской Рады.

Сосѣднимъ съ Ногайскою ордою отпрыскомъ З. орды явилась Астрахань, возросшая съ теченіемъ времени до положенія самостоятельнаго царства. Доходя по низовью р. Волги до моря, золотоордынцы не могли не замѣтить привольное мѣстечко у самой дельты, представлявшее всѣ удобства человѣку для сытой и безпечальной жизни. Подъ теплымъ небомъ катилась многоводная р. съ заливными лугами, богатою охотою и пригодными для зимовокъ камышевыми зарослями. Земля просила здѣсь только легкаго ухода, чтобы отблагодарить за него массою плодовъ. Сюда направились частью лѣнтяи и несчастливцы, гонимые или презираемые сородичами, а частью и піонеры съ ихъ безпокойнымъ запросомъ на привольную жизнь. Долгое время этотъ выселокъ не имѣлъ ни властей, ни названія. Но какой-то остроумецъ назвалъ его Ашь-Тарханомъ, что въ переводѣ могло обозначать «свободную фду»—и вотъ этому имени, обратившемуся въ Астрахань, суждено уже было остаться навсегда.

Безначаліе Ашь-Тархана соблазнило предприимчиваго ногайскаго мурзу Ямгурчя объявить себя царемъ этой вольной общины, что ему и удалось безъ всякаго протеста со стороны тогдашней дипломатіи. Въ этомъ новомъ для него положеніи, онъ не затруднился уже послать къ в. кн., какъ къ лицу равному себѣ, грамоту съ предложеніемъ прежняго, будто бы существовавшаго между ихъ предками, союза. Дѣти его находились въ рус. полонѣ, поэтому онъ просилъ пожаловать его дѣтьми, а для красоты слога писалъ:—«При нашихъ, при прежнихъ, при отцѣхъ и при дядяхъ съ вашими съ отцы и со дядями въ доброй дружбѣ и братствѣ будучи, добро ихъ межъ ихъ хаживало, а послѣ того межъ нами не такія ся дѣла стали»...

Ямгурчей стремился объединить ногайскую орду и Астрахань под одною своею властью, но кочевники отказались отъ него и продолжали свой независимый и свободный отъ податей и налоговъ образъ жизни. Чтобы имѣть защиту противъ входившаго въ силу Ямгурчая, обнаружившаго наклонности деспота, ногаи вступили даже въ рус. подданство, но случилось такъ, что объ этомъ позабыли какъ они сами, такъ и рус. власти. Россія, занятая борьбою съ Казанью, мало интересовалась южнымъ поволжьемъ. Впрочемъ, нѣкоторое время ногаи управлялись людьми, княжившими съ соизволенія и утвержденія рус. царей; такъ Іоаннъ IV далъ имъ Измаила, Феодоръ Іоанновичъ—Уртамбета, Борисъ Годуновъ—Игитерека... и даже былъ назначенъ «имя рекъ», какой-то незнакомецъ, который, однако обязался не имѣть никакихъ сношеній съ турками, крымцами и Бухарою.

Сама по себѣ ногайская орда не представляла въ военномъ отношеніи сколько нибудь серьезнаго значенія, но въ соединеніи съ Астраханью она играла роль виднаго придатка то къ Казани, то къ Крымскому ханству. Такъ она смотрѣла сама на себя, такъ смотрѣло на нее и рус. правительство, такъ наконецъ смотрѣлъ на нее и турецкій султанъ.

Пользуясь своимъ положеніемъ, ногаи постоянно вымогали у «бѣлаго московскаго князя» добрыя поминки, не забывая упоминать, что они и Казани не помогаютъ и отъ Крыма берегутъ, даже несмотря на то, что Казань не скупится на дары и зоветь ихъ ежедневно воевать Москву. Вымогая поминки, ногаи переходили нерѣдко границы дипломатической вѣжливости, но въ подобныхъ случаяхъ имъ приходилось выслушивать сердитые отвѣты. На одну изъ подобныхъ просьбъ, царь приказалъ отвѣтить ногайскому кн., что онъ пишетъ непригоже, за что и можетъ лишиться московской дружбы. Получивъ подобную отвѣдь, ногаи быстро переходили изъ кичливаго тона въ приниженный и, уже тогда, ногаи не затруднялся называть себя казакомъ московскаго царя и даже «отъ его воротъ человѣкомъ».

Поставленный рус. властію въ правители ногайской орды, Измаиль—отпрыскъ крови Казанскихъ царей—стремился, по примѣру своихъ предшественниковъ, прибрать и Астрахань подъ свою руку. Но Астрахань не соглашалась отдаться кочевникамъ и держала у себя Дербыша, который въ свою очередь считалъ ногаевъ своими данниками. Поэтому Измаиль постоянно жаловался на то,

что Дербышъ ему, князю, не прямить и что Россія напрасно не беретъ Астрахань въ свое полное владѣніе. За себя-же и за своихъ мурзъ Измаиль представилъ шертную запись, въ которой клялся ходить всюду, куда повелитъ царь и в. кн. и противъ всѣхъ недруговъ быть за одно. Однако онъ вздумалъ наименовать себя однажды отцомъ московскаго царя и потребовать отъ него въ поминки двадцатьсотъ рублей. За эту выходку Измаилу пришлось выслушать изрядный нагоняй съ совѣтомъ впередъ «бездѣльныхъ словъ не писать». И въ этомъ случаѣ ногайскій кн. быстро перемѣнилъ фронтъ и тотчасъ же отписалъ: «Всего христіанства государю, бѣлому царю, много поклоновъ». При этомъ извиненіи, онъ не упустилъ однако случая попросить о присылкѣ ему трехъ птицъ—кречета, сокола и ястреба и «олова много, да шафрану много, да красокъ много, да бумаги много, да пятьсотъ тысячъ гвоздей».

Дербышъ однако не давалъ покоя Измаилу и этотъ вновь сообщилъ Москвѣ объ его измѣнѣ, которая и дѣйствительно подтвердилась союзомъ его съ Крымскимъ ханомъ. Измаиль извѣщалъ также, что онъ идетъ воевать Астрахань за счетъ рус. царя, который бы выслалъ и отъ себя военную силу. Успѣха не послѣдовало и находившійся въ Астрахани для надзора за царемъ, рус. посоль Мансуровъ принужденъ былъ, съ своею командою въ пятьсотъ человѣкъ, перейти на суда и отплыть вверхъ по р. Волгѣ.

Но Казань была уже въ рус. власти, поэтому государю не стоило большого труда выслать подъ Астрахань стрѣльцовъ и казаковъ, которые нашли городъ совершенно опустѣвшимъ. Дербышъ, какъ ставленникъ, принесъ повинную, не скрывъ, что его подбили къ измѣнѣ съ одной стороны крымцы, а съ другой казанцы, затѣявшіе было, при одобреніи турецкаго султана, общее противъ юго-восточныхъ областей Россіи мусульманское возстаніе.

Предоставленные впослѣдствіи самимъ себѣ, ногаи пустились въ перекочевки съ р. Волги на р. Яикъ и обратно на Волгу или на Терекъ. Изъ этихъ шатуновъ выродилось склонное къ рабскому состоянію племя, которое только лѣнивый не объявлялъ въ своемъ подданствѣ. Надъ ними властвовали попеременно и калмыки, и крымцы. Побывавъ на р. Терекѣ, они уходили въ Крымъ, переселялись на р. Днѣпръ и никогда не стѣснялись мѣнять рус. подданство на турецкое и обратно... пока историческій рокъ не прикрѣпилъ ихъ навсегда къ рус. землѣ.

Несмотря на всю виѣшнюю эфемерность Ямгурчеева царства, оно имѣло для рус. государственной границы очень большое значеніе. Какъ звено, связывавшее крымскихъ татаръ съ южнымъ поволжьемъ, Астрахань служила постоянно предметомъ вожделѣній крымскихъ хановъ, предпринимавшихъ изъ-за обладанія ею дальніе, рискованные походы. И не только крымскіе ханы, разрывавшіе изъ-за нея свои мирныя по временамъ отношенія къ Москвѣ, но и глава мусульманства—султанъ оттомановъ—видѣлъ въ ней базу, которая могла сослужить мусульманству противъ Россіи не дурную службу.

Послѣ Ямгурчя остались родовичи, которымъ, по присоединеніи Астрахани къ Россіи, пришлось бѣжать въ родственную Трансоксанію. Здѣсь они потѣснили аборигеновъ и усѣлись довольно плотно на тронѣ Тимура. Не сходя съ него, въ продолженіи полутора вѣка, аштарханиды значительно понизили культуру наслѣдія Тимуръ-ленга. Послѣдній изъ аштарханидовъ, превратившись въ святошу, уступилъ Трансоксанію персидскому государю, за что и былъ умерщвленъ своимъ визиремъ.

Присоединеніе Астраханскаго царства къ Россіи было только естественнымъ послѣдствіемъ паденія Казанскаго царства, поэтому оно совершилось безъ боевыхъ подвиговъ и военного блеска. Овладевъ такимъ образомъ всѣмъ теченіемъ р. Волги, Россія намекала уже однимъ этимъ фактомъ прикаспійскимъ и среднеазіатскимъ ханамъ и эмирамъ, что имъ не лишне подружиться съ нею и даже послать ей челобитныя о взаимной любви. Гордой Хивѣ также ничего не оставалось, какъ выйти на общую дорогу и вотъ:—«Пришелъ къ царю и в. кн. изъ Юргенча» — вновь воспрянувшаго Ургенча — «отъ царя Ходжина посоль съ поминки и в. челобитьемъ о любви и чтобы царь и государь дорогу велѣлъ гостемъ дати и его беречь. Того же времени пришли послы и изъ Бухары и изъ Шермахани»...

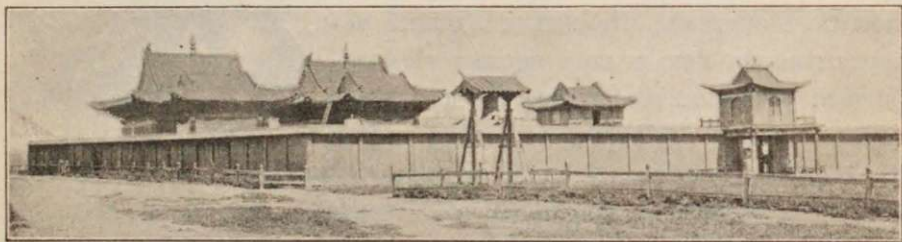

Ногайская орда продолжала влачить свое самостоятельное существованіе еще въ продолженіи столѣтія послѣ паденія Астраханскаго царства. Въ продолженіи этого столѣтія, она не разъ

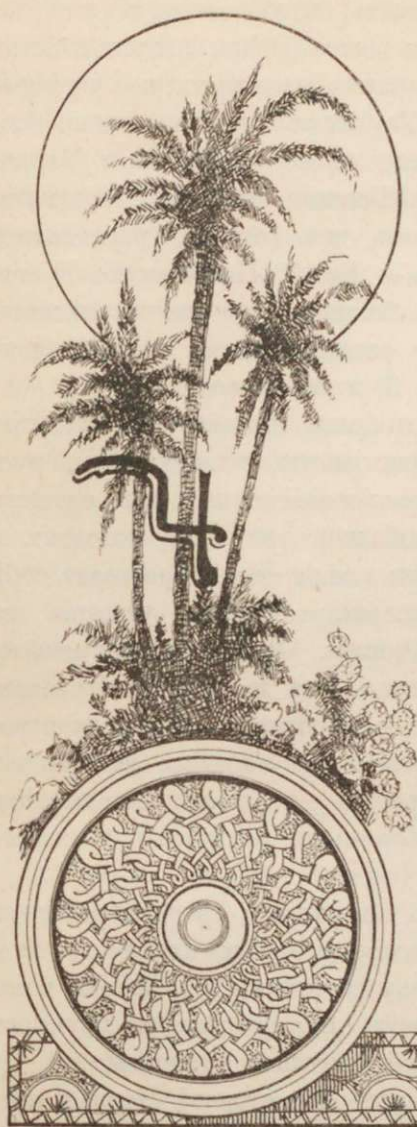
переметывалась съ рус. стороны на крымскую и обратно, пока не разсталась наконецъ съ мыслью о своей независимости.

Въ нынѣшнихъ ея обломкахъ продолжаетъ еще удерживаться разнородность элементовъ какъ въ физіологическомъ строеніи, такъ и въ душевныхъ свойствахъ бывшихъ ордынцевъ. Одна половина ихъ отличается классическими носами, тогда какъ другая охотно признаетъ себя тупоносою. Часть ихъ отличается совершенствомъ слуха, тогда какъ сородичи ихъ пользуются только необыкновенно острымъ зрѣніемъ. Ногай охотно сознается сегодня въ томъ, что упорно отрицалъ вчера. Порою онъ корыстенъ, какъ закоренѣлый злодѣй, а вслѣдъ затѣмъ прямодушенъ, какъ неспорченное дитя. Ложь—это его привычка. Наконецъ, одни изъ нихъ принадлежатъ къ суннитамъ, другіе къ шіитамъ. Одна половина ихъ женщинъ—смертный грѣхъ, а другая, происходя быть можетъ отъ тѣхъ двадцати тысячъ полонянокъ, которыхъ ногаи умыкнули изъ Польни, а можетъ быть и отъ кавказскихъ красавицъ—справедливо гордятся и тонкими чертами лица и нѣжными красками кожи.

Въ настоящемъ состояніи, нѣкогда кичливый, ногай—скотоводъ по природѣ—представляется обладателемъ убогой сакли, старой, вонючей трубки, пары тощихъ воловъ и пары рукъ, ничего не умѣющихъ дѣлать. Въ степной мѣстности заработокъ этого чингиса, если только у него нѣтъ своего стада или табуна, равняется цѣнности собираемаго имъ скотскаго помета на топливо; осѣдлый же бѣднякъ доволенъ, когда ему удастся пойти въ батраки къ казаку для ухода за его огородомъ и виноградникомъ, въ которомъ онъ выжимаетъ вино—«лучшихъ донскихъ марокъ».

Усыпальница Богдо-Гегеновъ.
(въ Монголіи).

I.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО

и

ДИНАСТИЯ ГИРЕЕВЪ.

(1440—1783 г.г.)

асть 3. орды, изъ которой образовалось крымское ханство, оказалось наиболѣе долговѣчнымъ отпрыскомъ чингисидовъ. Въ первый разъ, чингисиды посѣтили Крымъ послѣ блистательной побѣды ихъ на р. Калкѣ; тогда Субетай привелъ на отдыхъ усталые тумени въ судакскую долину, гдѣ ожидалъ прихода Джучи, безъ котораго монголы не рѣшались продолжать побѣдоносное шествіе по Европѣ. Въ ожиданіи Джучи, побѣдители ликвидировали здѣсь

свой полонъ, передавая половцевъ и россіянъ въ турецкую ка-
торгу—на галеры и фелуки, гдѣ прикованные цѣпями они должны
были неустанно работать веслами. Не дождавшись Джучи, Субе-
тай поднять своихъ монголовъ обратно въ Азію, такъ какъ Чин-
гисъ-ханъ, оперировавшій вновь противъ Китая, нуждался въ ихъ
боевой опытности.

Таврида и до прихода монголовъ была уже достаточно богата историческими памятниками и событіями. Здѣсь, нѣкогда, амазонки рубили головы своимъ возлюбленнымъ, чтобы отнести ихъ на кровавый алтарь ненасытной богини Описъ. Здѣсь, пытали счастье аргонавты и, быть можетъ, менѣе удачно нежели тавры, укрѣпившіе за полуостровомъ свое имя. За таврами прошли киммеріане, скифы и сарматы. Не мало оставили по себѣ слѣдовъ и Митридатъ Понтійскій и торговые люди Венеціи и Генуи. Послѣдніе обратили Крымъ въ торговый узелъ, изъ котораго расходились пути въ центральную Азію, Индію и Китай. По берегамъ Крыма и теперь еще видны остатки ихъ башенъ, служившихъ маяками торговому флоту. Видны также и остатки стѣнъ, охранявшихъ, судя по ихъ циклопическому виду, богатые факторіи.

Посѣщенія Крыма кн. Владиміромъ привело къ событію неизмѣримой важности для всего христіанства и для особенно рус. земли. Встрѣченный недружелюбно херсонесцами, онъ сломилъ ихъ сопротивленіе, на что понадобились три года, голодомъ и лишеніемъ воды. Въ награду за эти усилія онъ потребовалъ себѣ въ жены сестру Византійскаго императора Анну съ угрозою, въ случаѣ отказа, идти на Константинополь. Отказа не послѣдовало. Царевна потребовала, въ свою очередь, отъ настойчиваго жениха принятія имъ христіанства, что онъ и выполнилъ въ купели покореннаго имъ Херсонеса. Неизвѣстно, что побудило потомъ кн. оставить Крымъ и передать его грекамъ, но можно догадываться, что эта уступка была выговорена брачнымъ договоромъ съ отцомъ невѣсты.

Отступивъ передъ натискомъ исламитянъ, греки передали и Тавриду въ мусульманскія руки, которыя превратили ее на многіе вѣка въ боевой лагерь. Въ эпоху расцвѣта З. орды, она вновь досталась чингисидамъ, избрѣвшимъ изъ полона и поминокъ своего рода промыселъ надъ Россіей, Польшей и Литвой.

При расширеніи З. орды, по сѣверной сторонѣ Чернаго моря до р. Дуная, Таврида обратилась въ ея окраинный улусъ, а по смерти Тохтамыша—въ самостоятельное ханство. Такому повышенію много помогло обособленное географическое положеніе ея и предпріимчивость чингисида—выходца изъ Казани—Хаджи-Гирея, не задумавшагося присвоить своему ханату титулъ в. улуса. Попутно онъ объявилъ себя—ханомъ, а въ сношеніяхъ съ Россіей именовалъ уже себя царемъ. Изъ его династіи историческій рокъ,

сильно впутовавший Тавриду въ рус. дѣла, выдѣлили Менгли, Махметъ, Саибъ, Девлетъ и Казы-Гиреевъ, порою грабившихъ Россію, а порою оказывавшихъ ей серьезныя услуги.

Дядя основателя ханства, Менгли-Гирей, возмечтавший овладѣть, при рус. помощи, золотоордынскимъ престоломъ, предложилъ в. кн. Іоанну III Васильевичу оборонительный и наступательный союзъ:—«Кто будетъ другъ мнѣ, Менгли-Гирею царю, тотъ и тебѣ другъ, Великому князю Ивану; а кто будетъ мнѣ, Менгли-Гирею царю недругъ, тотъ и тебѣ Великому князю Ивану недругъ.»—Онъ обѣщалъ при этомъ не воевать земель в. кн. и послушныхъ ему удѣльныхъ кн. Онъ ручался также и за своихъ крымцевъ:—«А если крымцы повоюютъ русскихъ людей безъ разрѣшенія, то ихъ казнить, а отрубленные имъ головы возвратить безъ окупа».—Мысль о нападеніи на З. орду распаляла Менгли-Гирея до того, что, заключивъ съ в. кн. союзъ общаго характера, онъ предложилъ ему дополнительный союзъ, направленный специально противъ хана Ахмата. По этому договору было условлено считать польскаго короля—недругомъ в. кн., а хана Ахмата—недругомъ Менгли-Гирея. Обѣ стороны приняли въ томъ присягу, причемъ в. кн. присягнулъ въ присутствіи крымскаго посла. Памятуя, однако, какъ ненадежны татаро-монгольскіе престолы, Менгли-Гирей позаботился, на случай неудачи, обзавѣсти для себя въ Россіи.—«Дай Господи тебѣ лиха не было».—отвѣчалъ в. кн., подтверждая крѣпкою грамотою съ золотою печатью нерушимость заключеннаго союза.

Союзъ в. кн. съ Менгли-Гиреемъ былъ выгоденъ обѣимъ сторонамъ. Россія узнала, что Ахматъ-ханъ и Казиміръ IV условились напасть на нее съ двухъ сторонъ. Въ свою очередь и Менгли-Гирей ожидалъ посѣщенія З. орды, не желавшей разстаться съ своимъ улусомъ.

Заручившись союзомъ съ крымскимъ ханомъ, в. кн. отказался платить дань ордѣ и приступилъ къ открытому съ нею разрыву. Этотъ рѣшительный шагъ связывается обычно съ уничтоженіемъ ханской басмы—событіемъ крупной исторической важности, которому суждено еще долгое время обременять умы рус. историковъ вопросомъ: по тонкому-ли политическому расчету, или же подъ взрывомъ внезапнаго негодованія уничтожилъ басму в. кн. Іоаннъ? Слишкомъ осторожный для подобнаго оскорбленія ханскаго величія, онъ, если дѣйствительно рѣшился на него, то

только благодаря союзу съ ханомъ, и находясь, при томъ, подъ вліяніемъ крѣпкой любви къ кн. Софѣѣ. Будучи племянницею Византійскаго императора, она сильно возмущалась приниженностью ся второго отечества передъ степными варварами. Ради нея, мужъ и князь распорядился отнять золотоордынское подворье въ Кремлѣ и сказался, при доставленіи басмы, больнымъ, чтобы избѣжать унизительнаго обряда поклоненія этому знаку инвеституры....

Во всякомъ случаѣ, подвинули-ли его на разрывъ съ ордою любовь къ отечеству или пламенное чувство къ гордой гречанкѣ, едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что послы Ахмата были истреблены и связь съ ордою порвана...

Оскорбленному хану ничего не оставалось какъ собрать тумени и пойти войною на Россію. Такъ онъ и поступилъ и «пойде на православное христіанство, на Русь, на в. кн., похваляся разорити свѣтлыя церкви и все православіе плѣнити». Тумени его остановились на «брезѣ Угры». Но пока онъ шель сюда, Менгли-Гирей быстро двинулъ свою конницу противъ его союзника и тѣмъ предупредилъ соединеніе силъ, которыя могли тяжело обрушиться на Россію.

Пославъ въ орду, оставшуюся въ беззащитномъ состояніи, воеводу Ноздреватаго, в. кн. вышелъ тоже къ р. Угрѣ и сталъ на противоположномъ берегу, противъ Ахматъ-хана. Долгое время обѣ арміи перестрѣливались черезъ р., какъ-бы въ ожиданіи наступленія морозовъ и ледостава. Въ дѣйствительности-же, обѣ онѣ сильно побаивались другъ друга. Орда робѣла, не получивъ отъ Казимира условленный помощи, а рус. сторона слушалась «злыхъ чловѣкъ, сребролюбцевъ, богатыхъ и брюхатыхъ предателей христіанскихъ, а наровниковъ бесерменьскихъ, иже глаголили: побѣжи, не можеша стати съ ними на бой».

Появился наконецъ и ледоставъ, при чемъ внезапно наступившіе морозы были до того жестоки, что глаза отказывались смотрѣть на Божій свѣтъ. Не ожидая подобнаго явленія, ордынцы пришли налегкѣ: «наги босы и ободравшись», поэтому не смѣли и думать о дальнѣйшемъ движеніи въ Россію. Каждая изъ армій, предполагая хитрости съ другой стороны и засады, не рѣшалась помѣряться силами. Простоявъ такимъ образомъ въ боевой позиціи около двухъ недѣль, в. кн. повелѣлъ дружинамъ отступити и—къ общему удивленію—Ахматъ-ханъ тоже «побѣже отъ Угры». Если нельзя объяснить причину поспѣшнаго отступления рус.

силъ, то ханъ имѣлъ на то основательные поводы. Потерявъ надежду на помощь союзника, онъ принужденъ былъ спасать свою столицу, на которую нагрянули одновременно крымцы и ногаи.

Эта безкровная и нѣсколько странная побѣда Москвы, принесла результаты важнѣе тѣхъ, которые добываются иногда ручьями крови. Россія вышла изъ данничества, и З. орда не посягала уже болѣе требовать ея кн. за ярлыками или на расправу. Напротивъ, сама орда очутилась въ болѣе чѣмъ критическомъ положеніи. Ахматъ отступилъ отъ р. Угры къ устью р. Донца, гдѣ поджидали его въ засадѣ ногаи, вызвавшіеся на добровольную услугу Москвѣ. Отступая на зимовку Ахматъ ограбилъ всѣ попутные города и села и уволокъ за собою большую добычу, которая возбудила поползновеніе ногаевъ завладѣть ею, хотя бы разбойничьими средствами. На этотъ путь выступилъ ногайскій мурза, убившій собственноручно Ахмата—во время его сна—и отправившій тотчасъ же пословъ въ Москву съ извѣстіемъ, что общаго ихъ врага нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Услуга эта привела къ тому, что со смертію Ахмата прервалась навсегда серія золотордынскихъ хановъ, державшихъ Россію въ страхѣ и зависимости.

Возрастаніе могущества Крымскаго ханства вызвало посольство Литвы съ цѣлью разрушить союзъ Крыма съ Москвою. Но Менгли-Гирей не поддался льстивымъ предложеніямъ. Въ его тайные планы входило, видимо, усиленіе Москвы, съ цѣлью ослабить З. орду и стать во главѣ мусульманства, охватывавшаго юго-восточныя границы рус. областей. Въ это время, ордынскіе вельможи не смѣли уже разсчитывать на алафу и бѣжали толпами изъ Сарая въ Крымъ, подававшій тонкою политикою и военными средствами яркую надежду на обновленіе татарскаго счастья. Обѣ стороны нуждались, такимъ образомъ, въ нейтралитетѣ в. кн., который, находясь между Литвою, ордою и ханствомъ, принужденъ былъ, обѣщая помощь одному, не вредить другому, съ расчетомъ увидѣть какъ они истомятъ и истерзаютъ другъ друга. Орда готова была даже подчиниться своему бывшему даннику, чтобы только нанести сокрушительный ударъ ханству, но Менгли-Гирей умѣло разрушилъ эту мечту довольно тонкою политикою и рядомъ сокрушительныхъ ударовъ. По смерти Ахмата, дѣти его вступили было въ союзъ съ Крымомъ, но дружба ихъ продолжалась недолго. Въ возникшей между ними борьбѣ, Менгли-Гирей

пришлось однажды спастись бѣгствомъ изъ Крыма; тогда в. кн. оказалъ такую могущественную помощь своему союзнику, что золотоордынцамъ оставалось только смириться и ожидать послѣднихъ ударовъ историческаго рока, которые не заставили себя ожидать. Менгли-Гирей, выждавъ удобный случай для нападенія на З. орду, нанесъ ей окончательное пораженіе.

— «Улусы нашихъ враговъ въ моей рукѣ!» сообщилъ онъ в. кн., который принялъ это извѣстіе уже какъ нѣчто должное, ожиданное, и по силѣ сложившихся обстоятельствъ, — неизбѣжное. Болѣе сильной и откровенной радости можетъ быть препятствовали дѣла его съ Литвою, а можетъ быть и возникавшее могущество самого Крымскаго ханства, успѣвшаго захватить въ короткое время всѣ степи между Чернымъ и Каспійскимъ морями.

Политика Менгли-Гирея измѣнилась уже во время княженія Василя Іоанновича, когда Литва соблазнила наконецъ хана ежегодною субсидіею въ пятнадцать тысячъ червонцевъ и подвинула его воевать съ Россіей. Первое однако «впаденіе» въ рус. области окончилось для крымцевъ неудачно; пострадали при этомъ Одоевская и Бѣлевская земли, но быстро собравшіеся воеводы не дали простору крымскимъ царевичамъ. Менгли-Гирей оправдывался потомъ передъ в. кн. пылкостью и молодостью своихъ сыновей, но набѣги ихъ повторились и было уже ясно, что Крымъ готовится занять, по отношенію къ Россіи, кичливо-непріязненное положеніе.

Литвъ были особенно чувствительны нападенія Крымскихъ татаръ. Съ одной стороны Московскіе государи тѣснили Литву, а съ другой Польша, подставляя дружественныя уніи, стремилась отнять отъ нея привеллегіи и обратить ее въ общую границу своей Рѣчи Посполитой.

Поэтому, нисколько не странно, что в. кн. Александръ, поздравляя Польскаго короля Іоанна Алберта, съ восшествіемъ на престолъ не утерпѣлъ, чтобы даже при этомъ случаѣ не попросить помощи противъ Крымскихъ татаръ. — «Дошли до насъ слухи изъ царь Перекопскій Менгли-Гирей вытянулъ съ Перекопа и всеми мѣстами своими.....а того не вѣдаемъ, гдѣ ся тотъ поганинъ масть обернуть на которую сторону; про то, естли бы, Боже вховай, тое поганьство потягнуло у паньство наше.....ажъ бы ваша милость рачыли намъ.....» Въ тревогѣ за свою Литву, в. кн. писалъ и Менгли-Гирею. — «И ты.... своего еси посла къ намъ прислалъ,

хотячи съ нами житѣя и прїязни, а за тымъ еси своимъ посломъ, войну пустилъ въ нашу землю....»

Не слишкомъ-то разсчитывая на дипломатическіе переговоры съ Крымскимъ ханомъ, все тотъ-же в. кн. Александръ обратился съ просьбою о помощи и къ в. кн. Иоанну Васильевичу, который согласился охотно выслать вспомогательное войско противъ татаръ и только спрашивалъ Литовскаго кн.—«въ которые дни чаете прихода Перекопскаго царя?»

Не полагаясь однако на дружбу Московскаго государя, Литовскій кн. предпочелъ послать даръ Крымскому хану—изъ нѣсколькихъ шубъ, собольихъ мѣховъ и трехъ девятиокъ суконъ—а потомъ и снарядить посла для секретнаго договора съ Крымскимъ ханомъ противъ Московскаго государя. Чтобы достигнуть успѣха в. кн. Александръ пощекоталъ даже ханское самолюбіе.—«Самъ-же того твоя милость посмотри, какъ вже честь твоя царская понижала, и пошрины твои вси отъ твоего царства отошли и твоему столцу никто ся не кланяетъ, какъ передъ тымъ ся кланявали....»

Эти любезности со стороны Литвы наполнили сердце Менгли-Гирея благодарными чувствами на столько, что онъ не затруднился подарить ей чуть не половину тогдашней Руси. При возбужденіи послѣ дружбы непрїязненнымъ отношеніи къ Московскому государству, Менгли-Гирей порадовалъ Литовскаго кн. ярлыкомъ, который, впрочемъ, достался уже в. кн. Сигизмунду, вступившему на престолъ послѣ умершаго в. кн. Александра. Подтверждая своимъ ярлыкомъ за Литовскимъ княжествомъ все приписанное ему «великими Крымскими царями» Менгли-Гирей поименовалъ Кіевскую «тму», Володимирскую, Великаго Луцка, Смоленскую, Подольскую, Каменецкую, Браславскую, Черниговскую, Курскую и множество городовъ. А затѣмъ, «повышая брата своего», Менгли-Гирей придалъ его Литовскому «столцу»—Псковъ, Великій Новгородъ, Резань и Переяславль. Столь щедрый подарокъ Крымскаго хана ошеломилъ Литву до того, что она возмечтала уже взять верхъ надо Москвою и установила къ ней надолго явно непрїязненныя отношенія....

По смерти отца, Магметъ-Гирей, пользуясь субсидіями Литвы, потребовалъ, чтобы в. кн. возвратилъ Смоленскъ Литовскому юрту, а Брянскъ, Стародубъ, Путивль, Новгородъ-Сѣверскій и сѣтъ другихъ городовъ отдалъ-бы ему, хану, въ знакъ дружбы съ нимъ и братства. По пути онъ требовалъ также сво-

боды плѣнникамъ, попавшимъ въ полонъ при набѣгѣ на Одоевъ и—въ видѣ пробной дани, за порубежныя волости—«казны побольше».

Вообще Магметъ-Гирей положилъ начало новой эры въ отношеніяхъ крымцевъ къ Россіи, которую они вознамѣрились обратить косвеннымъ образомъ въ свою данницу. Даже одному изъ преданныхъ Москвѣ мурзъ писалъ в. кн.:—«у тебя ханъ просить восемь городовъ и если ты ему ихъ отдашь, то другомъ ему будешь, а не отдашь, то тебѣ другомъ ему не бывать, развѣ пришлешь ему столько-же казны, сколько король присылаетъ». Отъ короля же шла, казна «и лѣтомъ и зимою какъ течетъ рѣка—безпрестанно». Доброжелательный мурза совѣтовалъ также рус. послу дѣлать дѣло умѣючи и давать хану все, что онъ попроситъ.—«А не захочешь царю дать добромъ, такъ онъ у тебя силою возьметъ и тебя-же и опозоритъ». Разумѣется, первыя невзгоды со стороны Крыма выпали на долю южно-русскихъ областей, гдѣ и плакались о томъ, что—

«Они били-разбивали Черниговъ градъ,

«Они князя и съ княгинею зарѣзали,

«Княженецкаго сына подвѣсили.....»

Продолжая восходить къ зениту своего могущества, ханство располагало собственной достаточною силою и, кромѣ того, опиралось на родственную Казань и на помощь турецкаго султана, котораго оно признало своимъ верховнымъ покровителемъ. Ногайскіе улусы также не отказывали въ услугахъ ханству. Чувствуя себя такимъ образомъ въ хорошихъ условіяхъ, оно бросалось, по выбору или расчету, то на рус. области, то на Литву. Но Москва, освободившись отъ золотоордынцевъ, выросла уже настолько, что совершенно измѣнила самую организацію своей защиты. Въ эпоху господства удѣловъ, дружинники кн. были свободными слугами съ правомъ безпрепятственнаго перехода изъ одного удѣла въ другой. Находясь подъ страхомъ неожиданнаго набѣга, то со стороны Литвы, то со стороны орды или Крыма, в. кн. начали однако озабочиваться созданіемъ постоянной службы, что и достигалось раздачею земель и поселеніемъ способныхъ къ ратному дѣлу людей на крайнихъ линіяхъ. Съ цѣлью защиты государственныхъ границъ были наведены валы съ засѣками и выдвинуты цѣлыя населенныя города.....

Содержаніе постоянной военной силы окупилось не далѣе какъ при первомъ набѣгѣ Сагибъ-Гирея, который, признавъ себя вассаломъ турецкаго султана, возобновилъ требованія о присылкѣ поминокъ.—«Если пришлешь мнѣ, что посылалъ всегда намъ, по обычаю, то хорошо»—писалъ онъ московскому в. кн.—«и мы по дружбѣ станемъ, а не придутъ поминки къ намъ, всю зиму, станешь волочить и откладывать до весны, то мы, надѣясь на Бога, сами искать пойдемъ и.....уже потомъ не гнѣвайся».—Требуя поминокъ, ханъ угрожалъ в. кн. и своимъ нарядомъ пушечнымъ и помощью султана. О Казани же онъ говорилъ какъ о своемъ юртѣ и предупреждалъ в. кн. не ходить на нее войною.—«А пойдешь на нее войною, то меня на Москвѣ смотри».

Угрозы Сагибъ-Гирея были нешуточны. Отказъ въ дачѣ поминокъ вызвалъ съ его стороны попытку вовлечь въ войну съ Россіей все окраинное мусульманство. Соединивъ свои силы съ казанскими, онъ двинулся къ рус. предѣламъ, вспомошествоваемый и Астраханью и погайцами. Нашелся и кн. Симеонъ Бѣльскій, поступившій къ нему въ коловозжатые. Но съ другой стороны, не дремали и воеводы, выславшіе надежныхъ развѣдчиковъ выслѣдить пути ханскаго нашествія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшно готовились и войска въ походъ, такъ что ханъ не успѣлъ расположиться возлѣ р. Оки, какъ на ея берегу появились и рус. войска. Ханъ смотрѣлъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ: казалось дружинамъ не будетъ конца. Онѣ шли отовсюду, по всѣмъ дорогамъ, въ стройномъ порядкѣ, съ пушечнымъ нарядомъ и съ запасомъ душевной бодрости. Только наступленіе ночи прекратило завязавшуюся было перестрѣлку. На утро-же, Сагибъ-Гирей снялся въ обратный путь и такъ стремительно, что дружины захватили, безъ труда, его обозъ и тяжелую артиллерію—подарокъ хану турецкаго султана.

Идя на Москву, Сагибъ-Гирей похвалялся отдохнуть на Воробьевыхъ горахъ, поэтому—предлагалъ онъ своимъ совѣтникамъ:

«Думать думу съ цѣла ума,
 «Кому у насъ сидѣть въ каменной Москвѣ,
 «А кому у насъ во Владимірѣ,
 «А кому у насъ сидѣть въ Суздалѣ,
 «А кому у насъ держать Рѣзань старая».....

Дума разсудила—по словамъ народнаго поэта—самому хану возсѣсть въ каменной Москвѣ, сыну его во Владимірѣ, племяннику—въ Суздалѣ.... но случилось по иному:

«Побѣжалъ еси, собака Крымскій царь,
«Не путемъ еси—не дорогою,
«Не по бѣлому, не по черному».

Послѣ этой неудачи, за поминками погнался еще одинъ изъ Гиреевъ, который благодаря раздорамъ между воеводами, ограбилъ до чиста Бѣлевскую и Одоевскую области. Но видно, доставшаяся здѣсь добыча была недостаточна для удовлетворенія его аппетита, почему онъ и писалъ в. кн.: «король даетъ мнѣ 15,000 золотыхъ ежегодно, а ты даешь меньше того. Доселѣ ты былъ молодъ, а теперь и самъ можешь разсудить насколько выгодно тебѣ мириться съ нами или ссориться.»—Вмѣстѣ съ этимъ требованіемъ, бояре доложили в. кн., что ханъ опозорилъ его посла, подъячаго Ляпуна, которому велѣлъ зашить носъ и уши и вывести на базаръ въ обнаженномъ видѣ.—В. кн. отказалъ въ дачѣ поминокъ и въ свою очередь наложилъ опалу на Крымскихъ пословъ.

Вообще же, изъ двадцати двухъ хановъ, правившихъ, въ теченіе трехъ столѣтій, Крымомъ, наибольшую заботу доставилъ Россіи Девлетъ-Гирей, поставившій задачею своей жизни обратить Казань и Астрахань въ свои улусы. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по приказу изъ Константинополя. Видя, что дипломатическія ухищренія, заключавшіяся въ обычномъ натравленіи Польши и Литвы противъ Россіи и обратно, приносили дѣлу мусульманства ничтожные результаты, Девлетъ-Гирей принялся добывать улусы нападеніями на сторожившую ихъ Россію....

Но къ этому времени Россія успѣла уже сдружиться съ историческимъ рокомъ и прошла, вмѣстѣ съ нимъ, побѣдоносно, по всему южному поволжью: Казань и Астрахань были въ ея рукахъ. Эти утраты мусульманства отозвались болѣзненно въ сердцахъ султана Солимана и его крымскаго вассала. Впрочемъ, первый привѣтствовалъ Іоанна золотописанной грамотой, а второй готовился приложить руку къ шертной записи. Каково, однако, было дружественное расположеніе Девлетъ-Гирея къ Россіи, видно уже изъ того, что, требуя, послѣ покоренія уже царемъ Казани, поминокъ, онъ обошелъ царскій титулъ Іоанна и только увѣрялъ его, что если «получить отъ него побольше, то и помирится съ нимъ по-

крѣпче» — Іоаннъ отказалъ въ дачѣ поминокъ и приказалъ изгот-
виться къ встрѣчѣ врага. Предвидѣніе его сбылось: изъ фальши-
ваго похода на пятигорскихъ черкесъ, Девлетъ - Гирей повернулъ
внезапно на Тулу, но здѣсь Шереметевъ поставилъ его между
собою и подослѣвшими войсками Государя. Потерявъ обозъ и де-
сятки тысячъ коней, ханъ ретировался въ Тавриду.

Три года отсиживался потомъ Девлетъ-Гирей въ Бахчисараѣ,
ожидая къ себѣ отвѣтнаго нашествія Россіи и, недождавшись его,
выступилъ вновь по направленію къ Рязани. На этотъ разъ, ему
отвѣтилъ Данило Адашевъ, спустившійся съ дружинами боярскихъ
дѣтей и стрѣльцовъ по р. Днѣпру въ Черное море и высадившійся
въ Очаковѣ, откуда и проникъ вглубь Крыма. То было первое
появленіе въ Тавридѣ рус. военной силы, отъ которой бѣжали въ
горы южные крымцы, никогда не предполагавшіе возможности
вторженія къ нимъ непріятели. Они тщательно оберегали пере-
шеекъ между Азовскимъ и Чернымъ морями, не предполагая, что
найдется смѣльчакъ, который появится въ лиманѣ Днѣпра.

Еще пять лѣтъ просидѣлъ Девлетъ-Гирей въ Бахчисараѣ и,
пообѣщавъ, предварительно, в. кн. новую шертвную запись о мирѣ
и союзѣ, появился внезапно подъ Рязанью и застигъ ее врасплохъ.
Одни горожане вышли на ея защиту. Пока они отбивали первые
приступы огнестрѣльными снарядами, на выручку ихъ подошли
царскія дружины — и хану пришлось еще разъ ретироваться въ
Тавриду.

Испытавъ рядъ неудачъ, Девлетъ-Гирей охладѣлъ къ султану,
который постоянно побуждалъ его отнять Казань и Астрахань, но
оказывалъ при этомъ только платоническую помощь. Наконецъ,
султанъ прислалъ и вспомогательный корпусъ, когда Девлетъ-
Гирею надоѣло уже вынимать горячіе каштаны въ пользу Стам-
була. По его совѣту турки направились по такому пути въ Астра-
хань, по которому гибель отряда, плохо обезпеченнаго перевозоч-
ными средствами и продовольствіемъ, была неизбежна. Кромѣ
того, турки предприняли странный въ ихъ положеніи ирригаціон-
ный трудъ соединенія р.р. Дона и Волги и потерпѣли въ этомъ дѣлѣ
полное фіаско. Обратно, въ Азовъ, возвратились только небольшіе
остатки оттомановъ, не успѣвшихъ вовсе побывать въ Астрахани.

Послѣ этого неудачнаго предпріятія султана, Девлетъ-Гирей
повелъ уже личную политику и, собравъ до ста тысячъ всадни-
ковъ, направился прямо къ Москвѣ. Увы! въ эту пору Москва уже

стонала на дыбахъ и изводилась на плахахъ и поэтому забывала о береженіи государственныхъ границъ. Московскіе бѣглецы, напуганные непрерывными казнями, не считали и безчестіемъ встрѣтить Девлетъ-Гирей, какъ избавителя отъ дикихъ проявленій душевно-больного властелина.

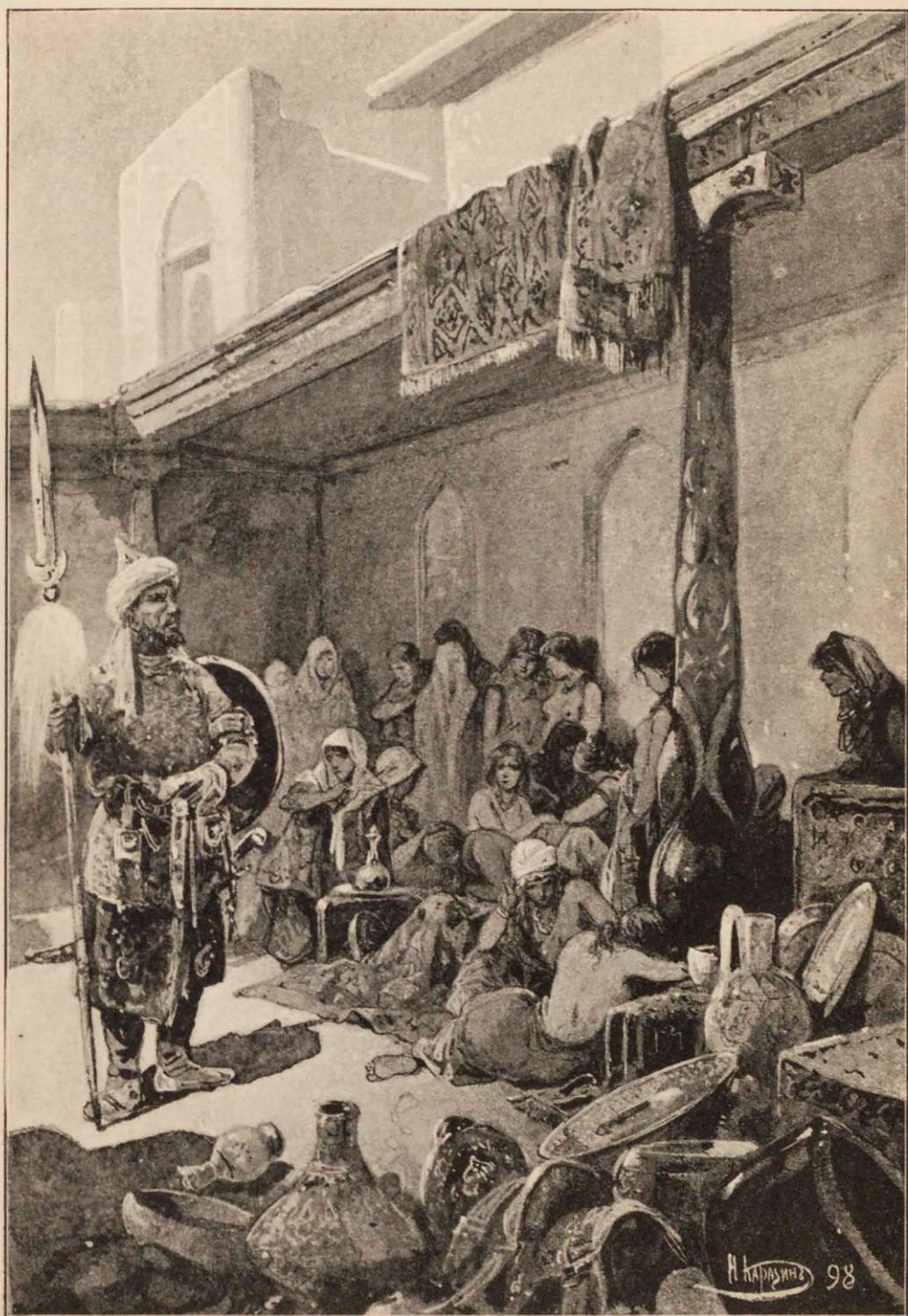
При приближеніи Девлетъ-Гирей, царь перебрался въ Ярославль, оставивъ Москву безъ воеводъ и безъ войска. Правда, на защиту ея подоспѣли вскорѣ лучшіе полки и полководцы того времени—Мстиславскій, Воротынскій, Шереметевъ, Темкинъ,—но, дѣйствуя безъ плана, торопливо, среди тѣсно сгрудившихся деревянныхъ строеній, они только усилили общую суматоху и помогли врагу разорить и опозорить Москву. О сопротивленіи никто и не думалъ. Подожженные татарами деревянные предмѣстья обратились, вскорѣ, въ одинъ сплошной гигантскій костеръ, въ которомъ пылали торговые склады, монастыри, церкви и дома. Люди задыхались и падали также безпомощно, какъ гибнуть птицы, охваченныя пожарнымъ вихремъ. Всѣ попытки вырваться изъ этого ада были тщетны, такъ какъ окружившее пожарище кольцо всадниковъ прогоняло бѣглецовъ обратно. Непокорные гибли подъ ударами ятагановъ и тучею стрѣлъ. Даже сами татары не рѣшились выступить на грабежъ, такъ какъ ничто живое не могло уцѣлѣть въ страшно раскаленной атмосферѣ.

Насладившись съ высотъ Воробьевыхъ горъ пожарищемъ, распространившимся на десятки верстъ, Девлетъ-Гирей отошелъ обратно въ Крымъ, уводя съ собою громадный полонъ. На пожарищѣ остались горы труповъ.....

Послѣ этой тризны, Девлетъ-Гирей прислалъ гонцовъ къ царю съ требованіемъ передать ему Казань и Астрахань.—«Жгу и пуштошу все изъ-за Казани и Астрахани, а всего свѣта богатство примѣняю къ праху....отдай наши юрты—Астрахань и Казань, а казною и деньгами намъ не надобно».—Несмотря на то, что въ этой грамотѣ Девлетъ-Гирей было много и непригожихъ словъ, Іоаннъ принизился, билъ въ отвѣтъ челомъ хану, справлялся объ его здоровьи, обѣщалъ уступить ему Астрахань и—заялся заботами о новомъ супружествѣ, для чего ему доставили въ Слободу до двухъ тысячъ пригожихъ невѣстъ.

По возвращеніи въ Крымъ, Девлетъ-Гирей продолжалъ держать войска наготовѣ, съ намѣреніемъ добыть Астрахань и Казань во чтобы то ни стало. Іоаннъ, между тѣмъ, занялся сбрасыва-

Двѣ волны
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ПОЛОНЪ И ТРОФЕИ.

ніемъ въ Новгородѣ съ моста въ Волховъ заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ боярскихъ дѣтей, имена коихъ, по выраженію синодика, «Ты Господи вѣси».

Не получая удовольствія, Девлетъ-Гирей двинулся вновь на Москву, но опричники еще не успѣли взвести на плаху кн. Воротынского, блистательно постоявшаго за истерзанную отчизну. Онъ принялъ бой съ крымцами, всего въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы; на сколько-же бой былъ упоренъ, можно судить по тому, что ханъ привелъ обратно въ Крымъ только шестого всадника. Бунчуки-же его и обозы достались побѣдителямъ. Даже его лукъ и ятаганы были представлены Іоанну въ видѣ трофеевъ.

Послѣ Девлетъ-Гирея сила Крымскаго ханства пошла на убыль, выразившуюся особенно рельефно въ неудачномъ набѣгѣ Казы-Гирея на Москву. Встрѣченный Годуновымъ и Мстиславскимъ, онъ потерялъ двѣ трети своего войска и возвратился въ Крымъ безъ полона и добычи. Собственно въ Бахчисарай онъ пріѣхалъ ночью, на арбѣ, раненый, съ подвязанною рукою и въ угнетенномъ состояніи. Спустя мѣсяць по возвращеніи, онъ имѣлъ пространное объясненіе съ московскимъ посломъ, которому жаловался на встрѣченное имъ въ Москвѣ грубое обращеніе.—«Меня тамъ не подчивали» замѣтилъ онъ Бибикову, «точно у васъ и не принято тѣшить гостей». Посолъ отвѣтилъ въ саркастическомъ тонѣ.—«Если бы ты постоялъ побольше у Москвы, то Государь поподчивалъ-бы тебя какъ слѣдуетъ!»—Ханъ не только проглотилъ эту обиду, но и послалъ гонцовъ въ Москву съ увѣреніемъ, что онъ не требуетъ ни Казани, ни Астрахани, а желалъ-бы только получить малые поминки. Это фальшивое смиреніе усынило московскихъ бояръ настолько, что они опомнились уже тогда, когда вновь появившіеся крымцы принялись грабить рязанскую, каширскую и тульскую земли. Полонъ ихъ въ этомъ набѣгѣ былъ необычайно великъ, но онъ былъ уже и послѣднимъ трофеемъ угасающей силы. Выкупъ-же изъ полона приносилъ крымцамъ не малые выгоды: за дѣтей боярскихъ было плачено отъ 50 до 100 р., за сотника стрѣleckаго 50 р., за попадью 25 р., за дочь княжескую 50 р., за богатыхъ или знатныхъ плѣнниковъ платили и дороже, частью изъ казны, частью изъ семейныхъ достатковъ.

Къ счастью для Россіи, крымцы не сумѣли воспользоваться эпохою ея междоусобствія и самозванщины, что впрочемъ слѣдуетъ приписать и усобицамъ самого ханства. Тамъ Гирей возсталъ про-

тивъ Гиреевъ, братъ противъ брата, племянникъ противъ дяди. Одна сторона притянула къ себѣ погаевъ, а другая оперлась на турокъ, которые выслали своихъ янычаръ, распорядившихся и ханскою казною и проживавшими въ ханствѣ рус. и литовскими людьми. Въ средѣ крымцевъ образовалась даже партія, желавшая отдаться подъ покровительство Москвы. Раздоры эти довели ханство до того, что появленіе московскаго гонца съ легкими поминками было встрѣчено тамъ съ большимъ недоумѣніемъ.—«Мы и не думали, объяснили ему крымцы, что вашъ государь захочетъ сноситься съ нами въ такое время».

Наконецъ Крымъ одряхлѣлъ, но, вздрагивая повремениамъ, онъ все еще былъ несносенъ своими вымогательствами поминокъ и уволокомъ украинскихъ людей. Тягость эта подвинула Россію выйти наконецъ изъ пассивнаго, страдательнаго положенія и перейти въ наступательное. Съ этою цѣлью рус. люди вознамѣрились заключить союзъ съ Польшею, въ которую и отправились послы, подробно объяснившіе «раднымъ панамъ» современное ихъ эпохѣ состояніе политическихъ дѣлъ. Въ это время, турецкій султанъ терпѣлъ осаду на Критѣ и требовалъ отъ крымскаго вассала, чтобы онъ предпринялъ диверсію въ его пользу—нападеніемъ на Московское, Польское и Литовское государства. Султану требовался и полонъ для его каторги на значительно увеличенномъ флотѣ. Послы сообщили также, что государь уже выслалъ противъ поганныхъ агарянъ свою ратную силу, которой приказалъ дѣйствовать заодно съ королевскими войсками.—«И вы-бы паны радные, сами о томъ думали»—приглашали послы польскихъ дипломатовъ—«и короля на то наводили.....чтобы онъ отдалъ своему гетману приказъ быть съ ратными людьми на Украинѣ»....

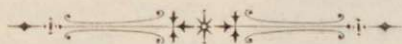
Но увы, діалектика московскихъ пословъ не привела къ желательному союзу, вовсе не входившему въ расчеты короля. Польшѣ выгодноѣ было имѣть дѣло съ измѣнившимъ Россіи генеральнымъ писаремъ Выговскимъ, который обязался договоромъ въ Гадячѣ передать Польшѣ всю малую Россію, за предоставленіе ему пожизненнаго гетманства. Въ союзѣ съ Крымомъ, Выговскій нанесъ московскому воеводѣ Трубецкому сильное пораженіе, но ему не пришлось воспользоваться гетманствомъ, такъ какъ казаки изгнали его изъ Запорожья и выбрали своимъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго.

Вообще мысль о нападеніи на Крымъ обратилась въ обыден-

ную думу рус. людей. О завоеваніи его мечтала и правительница Софья, которая удачно воспользовалась ссорой между Польшею и Турціею, но неудачно выбрала военачальникомъ своего любимца кн. Голицына. Дважды онъ ходилъ въ Крымъ и дважды ретировался обратно въ ея гостепріимные апартаменты, оправдывая свои неудачи безводьемъ, безкормицею и недружелюбіемъ Малороссіи.

Необыкновенно счастливая война съ Турціей, заключившаяся миромъ въ дер. Кучукъ-Кайнарджи, предоставила Россіи крупную часть наслѣдства чингисидовъ. Она пріобрѣла всю степь между р.р. Бугомъ и Днѣпромъ и такія опоры Крымскаго ханства, какъ Кинбургъ съ одной стороны и Керчь-Еникале съ другой; самый же Крымъ получилъ независимость вмѣстѣ съ буджакскими и кубанскими татарами.

Прошло всего нѣсколько лѣтъ послѣ объявленія независимости Крыма, какъ раздоры въ ханской семьѣ подорвали его самостоятельность. Восторжествовавшій надъ своими противниками Шагинъ-Гирей не видѣлъ и конца образовавшейся вокругъ него смуты и, поэтому, не задумался отказаться отъ ханства и переселиться въ Россію. Россія вошла въ Тавриду безъ сопротивленія, хотя и при сильномъ неудовольствіи на нее Турціи. Послѣдняя однако поплатилась за это нерасположеніе—Очаковымъ, Измаиломъ и всѣмъ черноморскимъ наслѣдіемъ чингисидовъ.

III.

ДВИЖЕНИЕ РОССИИ КЪ ТИХОМУ ОКЕАНУ.

(XVI—XIX стол.).

страханское и Казанское царства, уступивъ обратной волнѣ историческаго рока, открыли Россіи свободный путь къ Дальнему Востоку, въ сторону коренныхъ земель чингисидовъ. Земли-же тимуридовъ, сократившіяся мало по малу до предѣловъ стараго Мавераннахра, остались пока въ запасъ для неуспѣвшихъ еще выясниться историческихъ цѣлей.

Не прошло и тридцати лѣтъ со времени занятія приволжскихъ царствъ, какъ рус. піонеръ, увлекаемый обратною волною, очутился на вершинѣ Уральскаго хребта и, спустившись съ него, направился къ далекой родинѣ Чингисъ-хана. Путь его лежалъ параллельно той дорогѣ, по кото-

рой три вѣка тому назадъ шель Батый добывать своимъ монголамъ русскій улусъ.

Свободѣ движенія рус. піонера къ Дальнему Востоку помогъ самъ Чингисъ-ханъ, который не могъ не видѣть, что все его сыновья были отъявленными пьяницами, не подававшими надежды сохранить и развить стойкость его правилъ и порядковъ. Предвидя паденіе своего рода, онъ первый подалъ къ тому поводъ, раздробивъ необъятную имперію на улусы, обратившіеся съ теченіемъ времени во взаимныхъ ожесточенныхъ враговъ. Правда, по его плану, улусы должны были находиться въ зависимости отъ Кореннаго юрта и верховнаго хана, но эта зависимость продолжалась не долго. Каждый улусъ зажилъ вскорѣ самостоятелною политикою, приведшею къ совершенному раздробленію его наслѣдства. Вассалы же его—Россія и Китай—напротивъ, уничтожили у себя улусную систему и пришли къ единовластію. Изъ сплотившихся удѣловъ образовалась Россія и изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ—Китай. Оба государства оказались колоссами, передъ которыми монголо-татарскіе улусы, распавшіеся на мелкія орды и ханства, принизились, а потомъ и совершенно растворились въ средѣ своихъ бывшихъ данниковъ.

Китай первый воспользовался борьбою улусныхъ хановъ и вытѣснилъ своихъ побѣдителей обратно за великую стѣну, а столицу ихъ Хара - Хорумъ обратилъ въ развалины. В. Тимуръ, откликнувшійся на призывъ Монголіи, не успѣлъ помочь ей занять прежнее положеніе въ борьбѣ съ Китаемъ, который, пользуясь выгодно сложившимися обстоятельствами, наградилъ западныя области, населенныя мусульманствомъ, своими губернаторами.

Въ этихъ областяхъ продолжается и теперь еще глухая борьба, разражающаяся по пяти-шести разъ въ столѣтіе взрывами ожесточеннаго ненавистничества между пришельцами и аборигенами. Историческій рокъ не сказалъ еще въ этой борьбѣ своего послѣдняго слова.

Перешагнувъ черезъ бывшую З. орду, Россія подошла безъ препятствій, къ Уральскому хребту, изъ-за котораго шли заманчивые слухи, доставленные впервые—не говоря уже о Маркѣ Поло—какими-то атаманами изъ семьи ушкуйниковъ. Впрочемъ, московскіе чиновники располагали достовѣрными свѣдѣніями о существованіи за каменнымъ поясомъ Сибирскаго царства, богатаго рыбою, скотомъ, драгоценными рудами и самоцвѣтными кам-

ними. Слухи эти и свѣдѣнія привлекли пионеровъ, которыми явились купцы Строгоновы—по однимъ сказаніямъ, потомки золотоордынскаго же выходца, а по другимъ—природные рус. люди. Они явились по вызову государя Іоанна IV, пожаловавшаго ихъ пустыми мѣстами на р. Камѣ и правомъ ставить крѣпости, содержать охранную стражу и вести безошлинный торгъ солью и рыбою. Они не должны были принимать—разумѣется, на словахъ, а не на дѣлѣ—бродягъ и бездомниковъ. На первое время, имъ приходилось беречься ногайской и сибирской сторонъ и, нежелающихъ поступаться своими родовыми землями, башкиръ и остяковъ. Судъ и расправа были также въ ихъ власти.

При появленіи на р. Чусовой строгоновскихъ людей, хорошо снабженныхъ огнестрѣльными снарядами, прежде всего всполошился султанъ Тобольской орды Кучюмъ, выславшій развѣдочный по эту сторону Урала отрядъ. Люди его отряда слегка поразбойничали, а этого было достаточно Строгоновымъ, чтобы выпросить новую грамоту на земли до самаго Тобола. Получивъ и эту грамоту, преемники первыхъ Строгоновыхъ, не полагаясь на свою вольницу, обратились за содѣйствіемъ къ Донской вольницѣ, грабившей на собственный страхъ ногайскую орду, персидскихъ торговыхъ людей и государеву казну. Многіе изъ этой вольницы окончили жизнь на висѣлицѣ, но болѣе счастливые, избѣжавъ этой участи, обрадовались теперь возможности уйти подальше отъ Москвы и отъ Грознаго царя.

«Въ Астрахани—жить нельзя,
«На Волгѣ жить—ворами слыть,
«На Яикѣ идти—переходъ великъ,
«Въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
«Грозенъ Царь Осударь Иванъ Васильевичъ....»

Такъ рассуждалъ и Василій Тимофѣевъ Алекинъ—кашевартъ Волжско-Камскихъ ушкуйниковъ, получившій прозвище Ермака, по названію треножника, на которомъ висѣлъ его артельный котелъ. Преобразившись въ атамана, Ермакъ сталъ во главѣ дружины изъ пятисотъ беззавѣтно храбрыхъ головъ, рассчитывавшихъ приложить къ дѣлу свою удачу въ чужой-дальней сторонѣ. Къ этой вольной дружинѣ Строгоновы прибавили нѣсколько сотенъ, выкупленныхъ у ногаевъ, полоняниковъ и всякихъ любителей бурной жизни и отправили эту маленькую армію воевать «безбожнаго

салтана Кучума».—Армія вольницы, устроившись на военный образецъ, съ есаулами, походнымъ іереемъ и переводчиками, пошла охотно «очищать» сибирскую землю. Для этой очистки она захватила съ собою семипяденныя пищали и легкія пушки съ запасами и снарядами.

Переваливъ за каменный хребетъ, Ермакъ встрѣтился съ Кучюмовцами первоначально возлѣ нынѣшняго Туринска и потомъ на р. Иртышѣ, гдѣ они намѣревались преградить ему путь къ Искеру, бывшему столицею Сибирскаго царства. Кучюмовцы пришли въ ужасъ и доложили Кучюму, что «Русскіи воины сильны, егда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда огонь пашетъ и дымъ великій исходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси, а стрѣль исходящихъ отъ нихъ не видѣти»....

Огонь этотъ пронизывалъ слабо выкованныя кольчуги какъ тѣсто и не допускалъ до рукопашной схватки. Ни коня, ни стрѣлы, ни неустрашимость всадниковъ, разсчитывавшихъ растоптать враговъ копытами коней, не останавливали этихъ бородатыхъ и странныхъ на видъ богатырей. Кучюмовцы не жалѣли стрѣль, но напрасно ихъ слѣпой царь взывалъ съ вершины горы за помощьюъ къ небу, оно не сжалилось. Впереди Ермака уже шелъ историческій рокъ Россіи и очищалъ ему дорогу. Кучюмъ бѣжалъ въ Ишимскія степи, оставивъ во власти пришельца всю страну до Оби и Тобола. Самый Искеръ былъ оставленъ такъ поспѣшно, что побѣдители захватили въ немъ царскую казну, состоявшую изъ богатой пушнины и драгоценностей въ золотѣ, серебрѣ и цвѣтныхъ камняхъ.

Побѣда, какъ морской тифонъ, втягиваетъ въ себя все встрѣчное и властвуетъ надъ всѣмъ окружающимъ съ силою безпощадной стихіи. Бѣгство Кучюма послужило сигналомъ къ тому, что его ясачники появились въ Искерѣ, въ качествѣ уже данниковъ Ермака, принявшаго отъ нихъ присягу на подданство Россіи. Первая ихъ дань состояла въ оленьемъ мѣсѣ, рыбѣ и связкахъ собольихъ шкуръ.

Опасаясь пуститься зимою въ дальнѣйшіе поиски, Ермакъ перезимовалъ въ Искерѣ и въ одинъ изъ смѣлыхъ набѣговъ плѣнилъ племянника Кучюма, наиболѣе воинственнаго изъ всѣхъ его начальниковъ. Съ наступленіемъ весны, возобновились военныя дѣйствія, или вѣрнѣе, истребленіе культурнымъ оружіемъ храбрыхъ пастуховъ, защищавшихся силою однихъ мышцъ и помощью

своихъ идоловъ и кудесниковъ. Разоривъ еще нѣсколько деревянныхъ остроговъ и, не рискуя растратить людей въ открывавшейся на востокъ пустынь, Ермакъ возвратился въ Искеръ триумфаторомъ. Здѣсь онъ надумался сдать завоеванное царство Государю и бить челомъ о помощи для дальнѣйшихъ подвиговъ.

Прошедшее Ермака и его дружины было забыто, и Государь, порадовавшись тому, что Богъ послалъ Россіи новое царство, могъ лишь спросить въ народной пѣснѣ:

«Гой ты еси Ермакъ Тимофеевъ сынъ
«Гдѣ ты бывалъ, сколько по волѣ гулялъ?
«Какимъ ты случаемъ татарскаго
«Кучюма царя полонилъ
«И всю его татарскую силу
«Подъ мою власть покорилъ?»

Посольство Ермака было одарено забвеніемъ прошедшаго, сунками, камками, деньгами и милостивою грамотою самому атаману, возведенному въ сибирскіе князья. Теперь же, въ качествѣ побѣдителя, онъ—«бѣ вельми мужественъ и разумѣнъ и челоуѣченъ и зраченъ и всякой мудрости доволенъ, плосколицъ, чернъ брадою и власы прекудрявъ». Онъ надѣлъ царскій подарокъ—«пансырь битый въ пять колець, длиною въ два аршина, въ плечахъ съ четвертью аршинъ, на грудяхъ и межъ крылецъ печати царскія и золотые орлы». Для военной же помощи ему были высланы пятьсотъ стрѣльцовъ и дано разрѣшеніе набирать охотниковъ, не требуя вѣроятно отъ нихъ удостовѣреній о скромномъ поведеніи.

Пока прибыло «Государево жалованье», Ермакъ успѣлъ заработать еще для Россіи страну Кондинскую и вообще расширить свою власть до земли Югорской.

Слѣдующая однако зима принесла отряду Ермака большія бѣдствія: морозы и пурга препятствовали добычѣ продовольствія, а голодъ привелъ съ собою обычныхъ спутниковъ—цыngu и цѣлую серію повальныхъ болѣзней. Наступившее лѣто ослабило это тяжелое положеніе, но зима унесла столько людей, что при измѣнѣ одного изъ Кучюмовскихъ кн., Ермакъ увидѣлъ себя въ осадѣ, изъ которой вышелъ только благодаря отчаянной вылазкѣ одного изъ его сподвижниковъ.

Къ тому же и скиталецъ Кучюмъ не располагалъ еще поми-

рится съ положеніемъ изгнаннаго царя и поджидалъ, съ терпѣніемъ и зоркостью дикаря, удобной минуты, чтобы нанести врагу мстительный ударъ. Лазутчики его подстерегли наконецъ такую минуту и Кучюмовцы вырѣзали поголовно сонный отрядъ, въ которомъ находился и Ермакъ. Послѣдній бросился въ р. Иртышъ, но тяжелая броня потянула его ко дну и—историческій рокъ пріостановилъ на время дальнѣйшее движеніе Россіи въ страны чингисидовъ.

Кучюмъ возвратился въ Искеръ.

Искеръ, впрочемъ, недолго оставался сибирскою столицею, такъ какъ у Кучюма нашелся совѣститель, который выгналъ слѣпago старика и объявилъ себя господиномъ орды. Орда не сумѣла сплотиться въ достаточно крѣпкое политическое тѣло. Въ ея составѣ, подъ общимъ именемъ татаръ, были и остяки и черемисы и просто бродяги безъ прошлаго и безъ будущаго.

Преемники царя Іоанна не могли оставить Сибирское царство на положеніи драгоцѣннаго камня, выпавшаго случайно изъ рус. короны. Вскорѣ потянулись въ царство Кучюма свѣжіе отряды стрѣльцовъ, не только взявшіе обратно Искеръ, но и заложившіе новую сибирскую столицу—Тобольскъ. Между тѣмъ Кучюмъ все еще набѣгалъ по временамъ изъ степи и тревожилъ своими неожиданными появленіями разбросанные по рр. Иртышу и Тоболу остроги съ малочисленными гарнизонами. Чтобы покончить съ нимъ, воевода г. Тари выбралъ удобное время и напалъ на лагерь Кучюма, расположившійся на берегу р. Оби. Кучюмъ былъ разбитъ и бѣжалъ, отвергнувъ предложеніе переселиться на жительство въ Москву.

Москва три дня праздновала колокольнымъ звономъ и молебнами побѣду своего историческаго рока и глазѣла на доставленныхъ ей плѣнниковъ. Въ числѣ послѣднихъ были всѣ жены, дочери и невѣстки Кучюма, которыхъ провезли по улицамъ съ почетнымъ конвоемъ, пріодѣвшимися на этотъ случай, чтобы показать богатство Сибири, въ соболяхъ шубы.

Такимъ образомъ Россія воевала Западную Сибирь два раза: въ первый—вольницею Ермака и во второй—государевыми стрѣльцами. Но есть документы, удостоверяющіе, что еще до прихода Ермака, Кучюмъ обращался къ «крестьянскому Бѣлому Царю Великому Князю Ивану Васильевичу всея Россіи о томъ, чтобы его Царь и Великій Князь взяли въ свои руки и дань со всей Сибирь-

ской земли имать».—«Царь-де и Великій Князь сибирскаго царя челобитье выслушалъ и подъ свою руку его и во обереженіе принялъ и дань на него положилъ; на годъ по тысячѣ соболѣй, да посланнику Государскому, который по дань пріѣдетъ, тысячу бѣлокъ».—Вообще, отвѣтная грамота съ золотою печатью, достойна вниманія и по титулу, указывающему уже широту тогдашней русской государственной границы. Онъ гласилъ: «Всемогущаго безначальнаго Бога неизрѣченнымъ милосердіемъ, крестьянскаго закона единъ правый Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Царь и Великій Князь Ново-города, Низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондинскій и всей Сибирской земли и сѣверныхъ странъ повелитель и Государь земли Виоляндскіе и иныхъ».

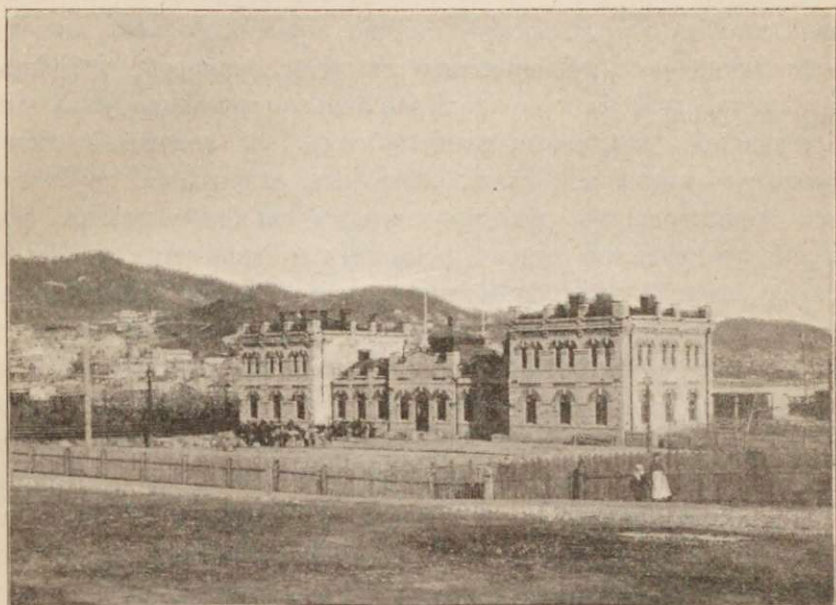
Укрѣпившись въ Западной Сибири, Россія направилась степными шагами къ самой колыбели чингисидовъ, гдѣ появились ея піонеры только спустя пять столѣтій послѣ рожденія

Владивостокъ.

Чингисъ-хана. Далѣ понадобилось еще полтора вѣка, чтобы проникнуть къ Тихому Океану.

По отношенію къ Монголіи, Китай предупредилъ Россію такъ, что колыбель Чингисъ-Хана распалась между двумя сосѣдями, одинаково испытавшими всю тяжесть появленія на свѣтъ этого потрясателя земли. Впрочемъ, истинное мѣсто его рожденія отошло въ рус. предѣлы и въ скоромъ времени духъ его будетъ потревоженъ свистками паровознаго локомотива.

Вокзалъ во Владивостокѣ.

Предоставленная самой себѣ, Монголія утратила всякое государственное значеніе и, со времени смерти Чингисъ-хана, нисколько не подвинулась не только по пути духовнаго развитія, но и въ направленіи простого животнаго или чувственнаго счастья. Напротивъ, она находится теперь въ худшемъ положеніи, нежели была до эпохи ея обогащенія сокровищами Китая, центральной Азіи и Индіи. Она продолжаетъ влачить свое существованіе по силѣ одной инерціи и, очевидно, осужденная историческимъ рокомъ на неизбежное вымирание, изводится заразными болѣзнями, оспою, китайскимъ гнетомъ и классическимъ невѣжествомъ.

Громадное большинство монголовъ прозябаетъ, по прежнему, въ дырявыхъ кибиткахъ, считая роскошью и топливо изъ арго-

ловъ и ѣду изъ околѣвшей скотины. Только содержанки маймеченскихъ купцовъ нѣжятся на коврахъ и олбокахъ и улаживаютъ свои взоры кусками вяленой говядины, развѣшанной на деревянныхъ рѣшеткахъ ихъ жилищъ. На почетномъ мѣстѣ юрты богатаго монгола красуются и теперь все тѣ-же страшные идолы и уродливыя маски, которыми шаманы награждали нѣсколько вѣковъ тому назадъ своихъ послѣдователей. Шаманы не исчезли, хотя переходъ Монголіи въ буддизмъ и вызвалъ коренной переворотъ въ образѣ ея воззрѣній. Ея кровожадность перешла въ слащавое челоуѣколюбіе, къ которому отлично приспособились шаманы, продолжающіе свое кудесничество въ роли знахарей, посвященныхъ въ тайны Неба и его геніевъ. Ламы превосходно уживаются съ шаманами и даже уступаютъ имъ въ искусствѣ лѣпить фигурки изъ глины или тѣста, обязанныя, разумѣется, по повелѣніямъ таинственныхъ духовъ—втягивать въ себя всякаго рода болѣзни, не исключая мученій роженицъ и эпилептиковъ. Идя въ кумирню желтой вѣры, гдѣ вычитывается что-то невѣдомое на тибетскомъ нарѣчій—монголъ восхищается духомъ только въ тѣ минуты, когда лама трубитъ въ большую раковину то въ одну, то въ другую части свѣта, но выйдя изъ кумирни, онъ передаетъ свое тѣло на попеченіе шамана. Впрочемъ, онъ охотно дремлетъ у своего камелька изъ сухаго навоза, когда бродячій лама объясняетъ ему, что со времени установленія культа Шакьямуни, Будда перерождался уже пятьсотъ пятьдесятъ разъ, предпочитая при этомъ роли пустынниковъ, но не брезгая обликомъ и вора, и плута. Лама прививаетъ также къ монголу и понятія о строеніи вселенной. Пупъ ея—гора Сумера—покоится на животѣ золотой лягушки, которая поддерживаетъ своими лапами четыре части свѣта. Но когда на небо взойдутъ всѣ шестнадцать солнцевъ, вода изсякнетъ, лягушка повернется спиною къ верху и наступитъ конецъ вселенной.

Лама-же объясняетъ монголу сколько существуетъ на свѣтѣ добрыхъ и злыхъ поступковъ и сколько разъ челоуѣкъ согрѣшаетъ тѣломъ и душою. Тѣломъ онъ согрѣшаетъ при убійствѣ, воровствѣ и оскверненіи, а потомъ уже клеветою, проклятіями, лицемѣріемъ и оканчивая гнѣвомъ и злыми помыслами. Поучая этимъ истинамъ, ламы охотно морализируютъ на всякія недосягаемо—возвышенныя темы.

Избытокъ буддійской морали не служитъ однако къ улучше-

нiю нравственности монгола. Ни одинъ изъ нихъ, начиная съ вельможи, имѣющаго право ѣздить въ повозкѣ желтаго цвѣта и оканчивая степнымъ поддонкомъ, не стѣснится смошенничать и съ другомъ и съ недругомъ. Уличенный въ мошенничество, онъ не претендуетъ ни противъ физическаго воздѣйствiя, ни противъ клѣтки, въ которую такъ охотно и услужливо садить его «амбанъ» на показъ народу. Нравственность его въ семейной жизни чужда и еще болѣе чужда, нежели въ эпоху чингисидовъ—такихъ понятiй, какъ цѣломудрiе или ревность. Отцы и матери продаютъ своихъ отроковицъ за мѣсто чая, а мужья поощряютъ похищенiя женъ съ обязательствомъ только доставлять ихъ скудные доходы въ семейную кассу. При такомъ взглядѣ на чистоту нравовъ, монголь сохранилъ традиционное пренебреженiе къ собственному тѣлу. Его кладбище, избираемое по близости къ монастырю или къ мѣсту перерожденiя Кутухты, отличается прежними, упрощенными способами погребенiя умершихъ. Почтительный сынъ завертываетъ и теперь умершаго родителя въ старенькую шубу, обвязываетъ его веревками и относитъ на сѣдленiе собакамъ и хищнымъ птицамъ. Кладбище монгола — долина смерти—покрывается и теперь грудями костей, череповъ, челюстями, зубами и истерзанными клочками бараньяго мѣха...

Монголь продолжаетъ стрѣлять изъ лука.

Находясь къ застѣнному царству скорѣе въ рабскомъ нежели въ вассальномъ положенiи, Монголиа представляетъ ему, въ видѣ ежегодной дани, восемь бѣлыхъ лошадей и одного бѣлаго верблюда, чѣмъ довольствуется богдыханъ, но недовольствуются его мандарины. Последнiе тоже любятъ и верблюдовъ, и лошадей, но не иначе, какъ навьюченныхъ тюками пушины.

Когда Монголиа забываетъ о дополнительной дани въ пользу своихъ господъ, украшенныхъ цвѣтными шариками и изображенными на груди драконами, то объ этомъ косвенно напоминаютъ ей приказы амбаней:—«Приказываю, чтобы простолюдины не смѣли въѣзжать верхомъ въ городъ. Они должны слѣзать съ лошадей вдали отъ его стѣнъ и слѣдовать по улицамъ пѣшкомъ, держа лошадей въ поводу. Тѣ, которые воспротивятся сему приказу, будутъ наказаны плетью и шейною колодкою—и все это для примѣра прочимъ».—Таковы приказы амбаней Кобдо, презирающихъ такую ничтожность, какъ «аймачные» люди, дерзающие посѣщать ихъ резиденцiю.

О выходѣ такого приказа монголь передаетъ въ степи сородичу, въ видѣ дружескаго предупрежденія, и покорно слѣзаетъ передъ городскою стѣною съ лошади съ искреннимъ признаніемъ своего убожества. За стѣною онъ избѣгаетъ встрѣчи съ амбанемъ и его прислѣбниками, въ рукахъ которыхъ бамбуковыя трости пріобрѣтаютъ внушительное значеніе. Окончивъ на базарѣ свои маленькія дѣла, въ видѣ промѣна войлока на плитку чая и насладившись жареными пирожками, онъ торопится въ степь съ благодарностью ко всѣмъ богамъ за охраненіе его отъ бамбука, плетей и колодки.

Изъ этого усыпленія монголь пробуждается только при вѣсти о приходѣ китайскихъ солдатъ и о народненіи высочайшаго Будды. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ молится до ожесточенія, при чемъ лѣнныя удовлетворяются верченіемъ маленькихъ мельницъ, на которыхъ написаны молитвы; наиболѣе же лѣнныя поручаютъ свои мельницы съ молитвами ручьямъ, которые и вертятъ ихъ во славу Всесовершеннаго.

Наступивъ тяжелою пятою на Монголію, Китай не отказываетъ въ своемъ уваженіи ея великимъ людямъ, поэтому, хотя Чингисъ-ханъ страшно терзалъ китайскія провинціи, богдыханъ посылаетъ на его предполагаемую родину—ежегодно, весною и осенью, деньги, курпительныя свѣчи и шелковыя матеріи для принесенія въ жертву покойному. Монголы очень довольны этимъ вниманіемъ къ ихъ прошедшему и ведутъ себя съ полнымъ рабочіимъ передъ назначаемыми для управленія ими «ванами», «гунами» и «цзасаками».

Нельзя сказать, чтобы честолюбіе совершенно угасло между этими потомками чингисидовъ, но ихъ честолюбіе удовлетворяется китайскими чиновниками не иначе, какъ за большія взятки. Честолюбецъ можетъ достигнуть права ѣздить въ повозкѣ желтаго цвѣта и даже сидѣть на подушкѣ съ нѣсколькими спинками, вышитыми драконами; эти драгоцѣнныя права оплачиваются нерѣдко цѣлыми состояніями!

Нынѣшніе потомки чингисидовъ не ропщутъ даже и въ положеніи ямщиковъ русс.—монгольской почты. Они честно доставляютъ цѣнные грузы чая въ Кяхту и почтительно склоняются передъ потомкомъ Ивашки Сыровяткина, тыкающаго пальцами въ ихъ тупые носы по поводу продѣланной дырочки въ чайномъ цибиѣ...

Второй путь въ странѣ чингисидовъ, открытый Россіи историческимъ рокомъ, прошелъ поперегъ южнаго склона Уральскаго хребта и развѣтвился, въ безграничной киргизской степи, на сотни караванныхъ тропинокъ. Путь этотъ былъ извѣстенъ еще задолго до вторженія въ Европу монголовъ и служилъ торговымъ людямъ, рисковавшимъ ходить изъ Булгаріи въ Азію и далѣе, въ Индію, и обратно. Его проложила жажда наживы и потребность человѣка открывать новые горизонты.

Хорошо проторенная дорога гложетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. По этой же дорогѣ прошли и къ царю Іоанну Грозному слухи о проживавшихъ за Каменнымъ поясомъ, казакахъ.—«А казаки, Государь сказываютъ, добре сильны, а сказываютъ, Государь, Ташкентъ воевали и Ташкенскіе царевичи, сказываютъ, съ ними дважды бились, а казаки ихъ побивали».—Монголы встрѣтились съ этими казаками еще при движеніи съ р. Иртыша въ Ср. Азію, когда Чингисъ-ханъ шелъ уничтожать Хорезмскую имперію. На пути его встрѣтились тогда племена номадовъ, кочевавшихъ на обширной безводной площади между Каменнымъ поясомъ, Тураномъ, Кара-Китаемъ и морями Каспійскимъ и Аральскимъ. Между монголами и киргизами оказалось такъ много расовой общности, что они разминулись безъ малѣйшаго столкновенія какъ братья, связанные нелицемѣрною дружбою.

Впослѣдствіи Батый, устраивая свой улусъ на р. Волгѣ, объявилъ и киргизъ, кочевавшихъ поближе къ Уралу своими подданными. Изъ нихъ орда образовала придатокъ къ себѣ—Синюю орду, по имени которой назвалось Аральское море, гостепріимно предлагающее свое побережье зимовкѣ кочевника. Нѣкоторое время Синяя орда зависѣла отъ З. орды, но, порвавъ съ нею связь, она зажила самостоятельно и даже произвела царевича Арапшу, истребившаго безпечныхъ рус. дружины на р. Пьяной. Владимірцы, переяславцы и муромцы увидѣли тогда передъ собою «свирѣпаго зѣло ратника, который побѣди многихъ». Отсюда-же вышелъ и Урусъ-ханъ, дважды прогнавшій Тохтамыша и вступавшій въ борьбу съ самимъ Тимуръ-ленгомъ. Отсюда-же вышли и шейбаниды, нанесшіе тимуридамъ послѣдній, разрушительный ударъ. Овладевъ Мавераннагромъ, они ходили войною и въ дальнія страны, но и тогда, какъ и теперь, они не знали лучшихъ кочевковъ, какъ зимою у Аральскаго моря и р. Сыръ, а лѣтомъ, повсюду, въ степи, до Турана, гдѣ трава не выбита копытами коней.

Киргизамъ пріятно думать, что они происходятъ отъ сорока изгнанниковъ изъ Крыма, бѣжавшихъ отъ несправедливости сородичей за Каменный поясъ, гдѣ имъ посчастливилось встрѣтить сорокъ дѣвушекъ и, отъ брачныхъ союзовъ съ ними, произвести киргизскій народъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ много и прежде всего тюркскія слова: кыркъ—сорокъ, кысь—дѣвушка, и казакъ—наѣздникъ. Недурно также предположеніе о томъ, что названіе народа произошло отъ его черныхъ глазъ—карагѣзь,—которыми они очень гордятся, находя что неправда и другіе пороки помѣщаются, по преимуществу, въ синихъ глазахъ. Наконецъ, нельзя-же не отмѣтить, что «Киргизъ-Кайсаки» или «Хозаки» ничего не имѣютъ противъ перевода этого названія—«бѣглыми» или «потерявшимися людьми».

Достаточно побывать въ аулахъ, кочующихъ въ отдаленномъ одинъ отъ другого разстояніи, этихъ потерявшихся людей, чтобы подмѣтить коренныя различія въ очертаніяхъ и въ оттѣнкахъ ихъ лицъ. Между ними легко признать и такія противоположности, какъ калмыкъ и кавказскій горецъ, хотя общій типъ характеризуется преимущественно монгольскими чертами. Въ средѣ киргизъ преобладаетъ человѣкъ средняго роста, широкоплечій, съ выдающимися скулами и съ косо поставленными глазами. Рѣдкая растительность на мѣстѣ усовъ и бороды дополняетъ сходство киргиза съ монголомъ. Ноги его—и даже ноги его женъ—выгнуты, что свидѣтельствуетъ о наѣздничествѣ чуть-ли не съ перваго года появленія на свѣтъ. Такимъ образомъ, правильнѣе признать, что необъятная степь дала первоначально пріютъ всѣмъ выходцамъ изъ сколько нибудь благоустроенныхъ общинъ азіатскаго типа, а потомъ монголы прошли со своими нивелирующими порядками и придали степнымъ рыцарямъ свой обликъ. Предположеніе это опирается довольно смѣло и на самыя названія отдѣльныхъ колѣнъ киргизскаго народа; между ними удержались и по настоящее время и найманы и джалаиры—плоть и кость Алтая—и ихъ близкихъ родовичей.

Послѣ паденія орды, остатки ея, не пожелавшіе присоединиться къ Казани или къ нагаямъ, перекочевали за Уралъ, въ степь и слились съ старожилами, охотно подѣлившимися съ ними и лѣтовками и зимовками. Степь могла дать пріютъ и прокормъ не одному милліону людей и скота, плодившагося на привольѣ въ неслыханномъ количествѣ.

Переселившіеся въ степь джучиды, изъ потомковъ уже Гирея и Джани-бека, занялись устройствомъ изъ киргизскаго народа улусовъ, при чемъ и размежевались, примкнувъ—одни къ китайскимъ владѣніямъ, а другіе къ рус. возлѣ Урала, а потомъ и Сибири. Доброе сосѣдство соулусниковъ продолжалось однако недолго; потомокъ Джани-бека, Касимъ - ханъ соединилъ весь киргизскій народъ подъ своею властью. Въ этомъ положеніи, онъ могъ выставить триста тысячъ всадниковъ—число достаточное для новаго нашествія на Европу, особенно при расчетѣ на помощь со стороны Крыма и даже турецкаго султана. Но смерть Касимъ-хана подняла обычные счеты между родовичами и каждое колѣно поторопилось избрать себѣ отдѣльнаго султана, хотя бы и не бѣлой кости, но достаточно способнаго, чтобы охранить свой юртъ отъ набѣга сосѣдей.

Начались междоусобія, повлекшія къ образованію трехъ орды: Большой, Средней и Малой. Большая заочевала между озерами Балкашемъ и Иссыкъ-кулемъ, Средняя между Балкашемъ и Омскомъ и Малая—въ дѣйствительности самая большая—на западъ отъ сосѣдокъ. Разъединившись, киргизскій народъ попалъ въ тиски: съ сѣвера и запада—со стороны Россіи, съ востока—со стороны Зунгаріи и калмыковъ и съ юга—со стороны осѣдлыхъ и культурныхъ аборигеновъ Трансоксаніи.

Ханъ Малой орды Абуль-Хаиръ отправилъ посольство въ Петербургъ, черезъ Уфу, съ просьбою о принятіи орды въ рус. подданство. Рус. правительство послало по этой просьбѣ мурзу Тевкелева для опредѣленія условій подданства, что вызвало крайнее удивленіе народа, не уполномочивавшаго своего султана отдаваться подъ рус. власть. Но изумленіе народа нѣсколько опоздало, сравнительно съ постепеннымъ шествіемъ историческаго рока, такъ какъ еще Петръ I, «какъ то многимъ знатнѣйшимъ особамъ извѣстно, неоднократно изволилъ имѣть разсужденіе, какимъ бы образомъ отъ сихъ непостоянныхъ киргизъ-казаковъ.... безопасность утвердить».

Послѣ Малой орды не замедлила признать рус. подданство и Ср. орда, что побудило рус. правительство заняться укрѣпленіемъ восточной границы. По такъ называемой Горькой линіи потянулся рядъ крѣпостей, служившихъ и угрозою, и охраною и мѣновыми дворами. Подъ форпостными пушками, довольно таки инвалидной наружности, завелись торжки скотомъ, овчинами и

саломъ, пошло и братанье пограничныхъ рус. людей съ косо-глазыми сосѣдами. На границу вышли казачьи станицы съ обширнымъ земельнымъ привольемъ и съ сильнымъ поползновеніемъ по-эксплуатировать довѣрчиваго номада. Самый ледащій казакъ, проигравшійся въ орлянку вплоть до дыряваго, уцѣлѣвшаго на плечахъ халата, пустился изображать «тюрю»—господина, начальника, передъ которымъ плечистый чингисидъ смиренно присѣлъ на корточки....

Обязанность оказывать покровительство вступившимъ въ подданство людямъ и обезпечить ихъ спокойствіе повлекла къ фактическому расширенію рус. границъ. Силою того же историческаго рока, рус. посты, еще въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, достигли горныхъ хребтовъ Улу-тау и Акъ-тау.

Большая орда рѣшила, наконецъ, также отпасть отъ китайскаго владычества и поступить въ рус. подданство. На нее имѣлъ виды Кокандскій ханъ, считавшій земли орды своею собственностью; поэтому, для сокращенія его претензій, потянулся новый рядъ рус. укрѣпленій уже со стороны Сибири, вдоль китайской границы. Русскіе подошли этимъ путемъ къ Тянь-Шаню, а въ самой срединѣ орды организовали изъ переселенцевъ новое казачье войско. Оставивъ киргизамъ нетронутыми ихъ вѣрованія, обычаи, судъ и земли, рус. власть могла подвинуться къ самому Коканду, не встрѣтивъ со стороны номадовъ сопротивленія.

Народу были оставлены собственные правители, которыхъ довольно торжественно объявляли ханами. Для этого церемоніала приготавлилось возвышеніе; на него взводилъ кандидата въ ханы распорядившійся церемоніаломъ военный губернаторъ—по понятіямъ степи, самый большой тюря. Губернаторъ объявлялъ народу Высочайшую волю на утвержденіе избранника ханомъ и приказывалъ читать Императорскую о томъ грамоту на рус. и татарскомъ языкахъ. Избранникъ, стоя на колѣняхъ, присягалъ передъ кораномъ на вѣрность Россіи. Въ заключеніе присяги, онъ цѣловалъ коранъ и поднималъ его на голову и, наконецъ, прилагалъ тамгу къ присяжному листу. Полевая артиллерія и крѣпостныя орудія привѣтствовали пожалованнаго хана нѣсколькими выстрѣлами. Звучали барабаны, играла музыка. На счастливца надѣвали въ это время присланную изъ Петербурга богатую соболью шубу, шапку и золотую саблю. Шапку надѣвалъ на него генералъ, шубу — полковникъ, а саблю — подполковникъ. Врученіемъ Императорской грамоты и губернаторскимъ поцѣлуемъ

завершался церемоніаль, служившій потомъ пищею политическихъ—возлѣ мангала и чаши съ кумысомъ—разсужденій на цескончаемое время.

Киргизы-ученики въ рус. учебныхъ заведеніяхъ.
(Съ натуры).

Находились разумѣется и отчаянныя головы, провозглашавшія и сами себя ханами той или другой орды. Въ этомъ отношеніи Кенисаринъ Касимовъ останется еще надолго въ памяти степняковъ. Объ его удали и необыкновенной силѣ, а еще болѣе объ его гривѣ, будто бы украшавшей его затылокъ, степь и теперь полна воспоминаніями. Промышляя грабежами каравановъ, онъ задался мыслью изгнать рус. власть изъ степи и, набравъ толпы бѣдняковъ, объявилъ громогласно о намѣреніи пройти всю оренбургскую линію съ огнемъ, копьемъ и арканами. Вскорѣ за нимъ послѣдовала толпа всадниковъ въ три тысячи человекъ. Неожидавшій ихъ посѣщенія рус. поселокъ былъ разгромленъ безъ труда, а чтобы избавиться отъ погони, Кенисаринъ зажегъ за собою степь. Въ теченіе семи лѣтъ онъ верховодилъ степью, былъ не разъ прощаемъ Государемъ и вновь принимался изображать изъ себя полновластнаго хана. Ему не посчастливилось уже въ китайскихъ предѣлахъ, гдѣ буруты, выведенные изъ терпѣнія его деспотизмомъ—бросили его въ кипятокъ....

Трудно было киргизамъ, и по вступленіи въ рус. подданство, отстать отъ практиковавшагося издавна обычая собирать дань съ проходившихъ по ихъ землѣ каравановъ. На ихъ взглядъ, эти поборы были ничѣмъ не хуже правильно организованныхъ мытныхъ, или побережныхъ, или таможенныхъ пошлинъ. Но не всегда соглашались съ этимъ воззрѣніемъ караванъ-баши, ходившіе между Оренбургомъ и Бухарою или Хивою. Въ такомъ случаѣ, караваны дѣлались добычею степи, на что эмиръ Бухары и ханъ Хивы посылали обычно жалобы рус. правительству. Въ одной изъ такихъ жалобъ, было запрошено въ вознагражденіе за ограбленный караванъ: полмилліона деньгами, три тысячи пудовъ мѣди и посланнику шубу на соболѣмъ мѣху. Шубу посланникъ получилъ, но во всемъ прочемъ ему не посчастливилось и даже ему пришлось выслушать укоризны о томъ, что Бухара тоже грабитъ рус. караваны и содержитъ въ рабствѣ захваченныхъ въ рус. предѣлахъ людей. Посланнику напомнили, что эмиръ, приславъ Императрицѣ Екатеринѣ двадцать человѣкъ полоняниковъ, попросилъ за нихъ выкупъ.

Выдвинувшись въ степь, историческій рокъ не могъ оставить Россію въ неопредѣленномъ положеніи, при которомъ ближайшіе къ форпостамъ аулы подчинялись безусловно рус. власти, а болѣе дальніе не видѣли и не желали знакомиться съ нею. Къ тому же, при подчиненіи рус. власти, киргизы крайне неохотно разставались съ правомъ баранты, освященнымъ не одними обычаями, но и точными опредѣленіями народныхъ сходовъ. Баранта возникла у нихъ по двумъ поводамъ: по неимѣнію въ распоряженіи судей и хановъ исполнителей приговоровъ, и потому, что самыя рѣшенія сводились обычно къ вознагражденію потерпѣвшихъ опредѣленнымъ числомъ скота или лошадей. За убійство человѣка полагалось кровь за кровь или окупъ въ двѣсти лошадей. За увѣчье палками или плетью полагалось равносильное увѣчье или окупъ скотомъ по уговору. За безчестіе женщины—смерть или двѣсти лошадей. За кражу верблюда—три девятки верблюдовъ и одного раба. За кражу рогатаго скота также три девятки головъ и одного верблюда. По мѣстностямъ и эпохамъ измѣнялись эти нормы возмездій, но характеръ баранты не измѣнился. Обиженные, если они не были удовлетворены добровольно, имѣли право собрать сильныхъ и честныхъ людей и отнять днемъ или ночью у обидчика приблизительно въ возмездіе количество скота. Отбаранто-

ванный, такимъ образомъ, скотъ слѣдовало представить ханамъ или судьямъ, которые и отсчитывали приговоренное количество, а излишки возвращали хозяевамъ. Таково было право баранты въ его чистомъ видѣ, но съ теченіемъ времени она обратилась въ простое нападеніе разбойничьяго типа. Нужно было ее искоренить и успокоить степь, иначе самое владычество Россіи являлось бы въ щекотливомъ положеніи.

Въ половинѣ нынѣшняго вѣка появилось первое укрѣпленіе на Аральскомъ морѣ; существованіе его вызвало непріязненныя отношенія Хивы и Кокандскаго ханства, присвоившаго себѣ номинальную власть надъ сѣвѣрною половиною бассейна р. Сыръ. Отъ Аральскаго моря, шагъ за шагомъ, перевѣдываясь то въ Акъ-Мечети, то въ Туркестанѣ съ кокандцами, маленькіе рус. батальоны—въ бѣлыхъ рубашкахъ и съ сухарнымъ запасомъ на плечахъ—двинулись по направленію къ Чимкенту.

Сюда же направились по восточной дорогѣ сибирскіе батальоны и также занялись счетами съ Кокандскимъ ханомъ. Послѣдній объявилъ даже газавать и пригласилъ всѣхъ киргизъ соединиться съ нимъ для войны съ невѣрными. Сотни гонцовъ развезли прокламаціи по всѣмъ ауламъ Большой орды, поэтому вскорѣ образовалась двадцатитысячная армія всадниковъ съ десятью орудіями, рѣшившаяся истребить эти маленькія группы бѣлыхъ рубашекъ.—Въ Чимкентѣ тоже насчитывалось до двадцати орудій.

Чимкентъ сдѣлался, такимъ образомъ, сборнымъ пунктомъ кокандцевъ и центромъ вождѣлнй рус. степной власти. Никто не давалъ этой власти никакихъ приказаній относительно овладѣнія Чимкентомъ, но степныя власти и историческій рокъ находились всегда въ дружескихъ отношеніяхъ.—«Я счелъ необходимымъ овладѣть этимъ пунктомъ», доносилъ въ Петербургъ одинъ изъ военачальниковъ—и овладѣлъ, выгнавъ изъ него кокандскія войска.

Когда въ Чимкентѣ сошлись восточные и западные батальоны, всѣ три киргизскія орды очутились въ сомкнутомъ и крѣпко спаянномъ кольцѣ, чѣмъ и завершилось присоединеніе къ Россіи коренныхъ земель чингисидовъ. Въ этомъ кольцѣ помѣстилось полуторамилліонное кочевое населеніе, которому оставили, на первое время, все, чѣмъ оно пользовалось, исключая права на баранту и кровавую мечь.

Религія народа осталась нетронутою, хотя по особенностямъ своимъ она напрашивалась на внимательное къ ней отношеніе.

По степени состоятельности и, отчасти, по происхожденію отъ султановъ, киргизы раздѣлялись на двѣ кости: бѣлую и черную, знаменующія аристократію и плебсъ. Бѣлая кость исповѣдуетъ мусульманство, полѣниваясь однако исполнять пятикратную молитву. Черная-же кость не понимаетъ никакой вѣры и относится къ Вседержителю съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ. Изъ черной кости только слуги богатыхъ людей ходятъ въ мечети и копируютъ тѣлодвиженія муллъ и ахуновъ, а вся остальная масса охотнѣе шаманствуетъ, нежели вызываетъ къ Аллаху и предпочитаетъ колдуновъ проповѣдникамъ корана. Но кому-то пришла странная мысль причислить официально весь киргизскій народъ къ исламу и Россія получила неожиданно лишніе милліоны исламитянъ, совсѣмъ уже не въ пользу правительственныхъ угловъ зрѣнія. Пользуясь этою грубой официальной ошибкой, Казань и Оренбургъ высылаютъ въ степь множество муллъ, въ большинствѣ случаевъ импровизированныхъ, но достаточно хитрыхъ, чтобы выжимать изъ ислама крохи своего пропитанія. По степи разсыпались и ходики, наживающіе своею святостью въ средѣ простодушнаго народа цѣлыя состоянія....

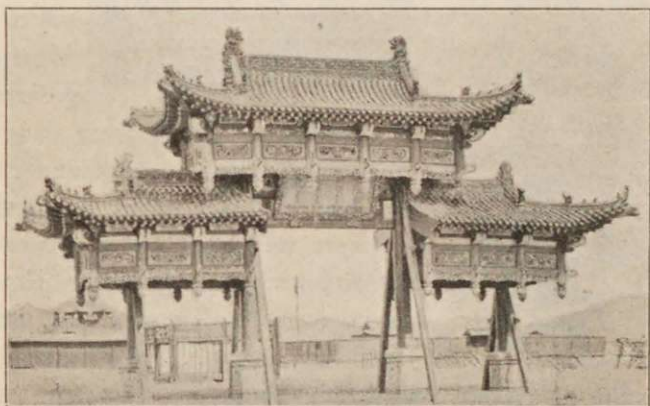
Расплачиваясь съ муллами, ахунами и ходжами, народъ продолжаетъ прибѣгать къ помощи баксъ, которые такъ легко управляютъ съ самыми злыми джинами. Бакса однимъ своимъ кривляньемъ и дикимъ хохотомъ продолжаетъ излѣчивать отъ всѣхъ болѣзней. Бакса обладаетъ тайною переселять злыхъ духовъ-мучителей въ предметы никому ненужные, какъ напримѣръ въ сухой собачій черепъ или въ куклу изъ верблюжьей шерсти.

Добродушный по натурѣ, хотя и вспыльчивый, особенно при намѣренной обидѣ, киргизъ остался-бы еще надолго честнымъ и кроткимъ пастухомъ рус. государства, но его произвели въ мусульманина, наградили его муллами, выслали на него стаю ростовщиковъ и теперь нужно ожидать, что фанатизмъ ислама найдетъ въ немъ благодарную почву.

На коренныхъ земляхъ чингисидовъ существовала еще, въ продолженіи двухъ столѣтій, независимая Зюнгарія, образовавшаяся изъ племени олотовъ, утвердившихся въ бассейнѣ р. Или. Въ эпоху процвѣтанія, Зюнгарія властвовала надъ Турфаномъ, Хами и малой Бухаріей. Китай разрушилъ ея самостоятельность, но за то и нажилъ въ ней безпокойную мусульманскую окраину, повторяющую, черезъ краткіе промежутки времени, кровавыя инсurreкціи.

Вообще-же, совершая по кореннымъ землямъ чингисидовъ обратный путь, историческая волна доставила знамена Россіи къ берегамъ Дальняго Востока. Здѣсь — на водѣ и на сушѣ, въ горахъ и пустыняхъ — немало поработали, въ честь культуры и отечества, такіе незнатные люди какъ казаки Дежневъ, Стадунинъ, Атласовъ или Буза. Но эти незнатные великаны привели за собою Миллера, Гмелина, Палласа, Лепехина, Миддендорфа и плеяду другихъ представителей науки, промышленности и дипломатіи. И вотъ, гдѣ Батій собиралъ свои тьмы для пораженія Европы и культуры, тамъ красуются теперь университетскія каѳедры, а пустыни, бывшія доступными только монгольскому коню, пересѣкаются непрерывно соперниками его — паромъ и электричествомъ.

Проходя, такимъ образомъ, коренныя земли чингисидовъ и при томъ безъ кровопролитія, историческій рокъ повелъ за собою Россію — въ земли тимуридовъ и ихъ преемниковъ на югъ, въ глубину Ср. Азіи.

Почетныя ворота.
(Въ Монголіи).

III.

ДВИЖЕНИЕ РОССИИ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ.

(XIX стол.).

дѣливъ значи-
тельнѣйшую
часть коренной
Монголіи въ
собственность

Россіи, Азія открыла свои двери и въ страны, прославленные Тимуръ-ленгомъ. Къ этому времени, ея срединныя государства состояли изъ трехъ независимыхъ ханствъ: Кокандскаго, Бухарскаго и Хивинскаго, изъ восточнаго Туркестана, Кабулистана, Персидской имперіи, республиканской Туркменіи и нѣсколькихъ полунезависимыхъ одичалыхъ племенъ.

На пути въ глубину Ср. Азіи, лежало Кокандское ханство, которое также плохо знало свои сѣверныя границы, какъ никогда не знали свои южныя границы сосѣдніе киргизы. Утрачивая, шагъ за шагомъ, бассейнъ р. Сыръ, Кокандъ пришелъ въ ужасъ при потерѣ Чимкента, считавшагося ключемъ Трансоксаніи и пограничной съ нею Ферганы. Вынужденныя оставить Чимкентъ, кокандскія войска отошли къ Ташкенту, который признавалъ кокандскаго хана только сюзереномъ и то въ случаяхъ угрожающей опасности. Вообще-же, оставаясь древнѣйшимъ городомъ

Мавераннагра, онъ справедливо считался и наиболѣе богатымъ и промышленнымъ среднеазіатскимъ центромъ, за которымъ ухаживали ближніе и дальніе ханы и эмиры. Его урда съ толстыми и высокими глинобитными стѣнами, увѣнчанными зубчатыми парапетами, представляла, по азіатскому масштабу, надежную твердыню.

Предчувствуя, что кокандцы не сумѣютъ преградить дорогу маленькимъ рус. баталіонамъ, Ташкентъ завязалъ сношенія съ бухарскимъ эмиромъ, приглашая его на помощь исламу. Но пока шли переговоры, выступившій впереди историческаго рока полковникъ рѣшилъ занять Ташкентъ на собственный счетъ и страхъ. Болѣе рискованный, нежели стратегически расцѣтливый, онъ выдвинулъ изъ Чимкента полторы тысячи человѣкъ и очутился передъ ташкентскою урдою въ нѣсколько затруднительномъ положеніи. Торговые люди Ташкента, оберегая караванъ-серай, готовы были распахнуть передъ нимъ свои ворота, но кокандскія войска рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Полковнику оставалось или штурмовать высокія стѣны, не имѣя къ тому приспособленій, или отступить, не обмѣнявшись ни выстрѣлами, ни схватками. Послѣ артиллерійской бреші, храбрый подполковникъ Обухъ просилъ позволенія у шедшаго впереди историческаго рока полковника—ринуться на штурмъ и получилъ отвѣтъ:—«Если можно, такъ съ Богомъ!»

Штурмъ не удался. Обухъ былъ убитъ.

Полковникъ отступилъ, съ цѣлью собраться съ новыми силами и повторить штурмъ. Усиліе его, благодаря преимущественно торговому характеру населенія, увѣнчалось на этотъ разъ успѣхомъ. По второму штурму, впереди котораго шелъ священникъ съ высоко поднятымъ крестомъ, Ташкентъ сдался безусловно и даже обезоружилъ самого себя. Побѣдителю доставили двадцать орудій и нѣсколько сотенъ ружей. Пушки отличались не столько боевою силою, сколько витіеватыми надписями, призывавшими Аллаха къ истребленію враговъ.

Обрадовавшись тому, что побѣдители не тронули ни караванъ-сарая, ни гаремовъ и даже пригласили побѣжденныхъ продолжать торговлю, ташкентцы быстро освоились съ новымъ положеніемъ и немедленно надбавили цѣны на всѣ товары. То было предуказаніемъ, блистательно оправдавшимся впоследствии, что не Россія открываетъ для себя среднеазіатскіе рынки, а наоборотъ, эти рынки открыли для себя Россію. Послѣдняя доста-

влиять съ той поры въ Азію многіе милліоны руб. выплачиваемыхъ потомствомъ Ивашки Сыровяткина—въ честь политики и въ доказательство незлобивости рус. сердца.

Открытіе памятника по поводу взятія Ташкента.
(Въ Ташкентѣ).

Испытавъ въ Ташкентѣ крупную неудачу, кокандскій ханъ отказался молча отъ притязаній на земли киргизскаго народа и замкнулся въ предѣлахъ старой Ферганы. Но паденіе многолюднаго Ташкента, передъ горстью рус. солдатъ, изумило сильнѣе бухарскаго эмира, нежели кокандскаго хана, такъ какъ первый не сталкивался еще съ рус. оружіемъ, а второй привыкъ уже къ пораженіямъ, отъ которыхъ не уберегъ его даже Ахметъ-Ясави, сдавшій старый Туркестанъ послѣ десятаго пушечнаго выстрѣла. Кромѣ того, пострадала и гордость эмира, величественно обѣщавшаго защиту всему исламу Ср. Азіи и не уберегшаго крупнѣйшую изъ его жемчужинъ.

Нельзя не признаться, что эмиръ Сеидъ-Музафаръ былъ не выше по образованію своихъ предшественниковъ. По величинѣ же своихъ военныхъ дарованій, онъ не достоинъ былъ развязать ремень у сапога покойнаго Тимуръ-ленга. Впрочемъ, послѣ паденія тимуридовъ, наступила для Ср. Азіи вообще продолжительная эпоха умственной косности. Изъ всѣхъ ея правителей народъ продолжаетъ чтить память только Абдулла-хана, оставившаго по себѣ многочисленныя памятники царственной щедрости. Прошли вѣка, а глазъ и теперь еще поражается сооруженными имъ оро-

сительными каналами и «рабатами», хранящими воду для утомленных путниковъ.

Нельзя не вспомнить, что аштарханиды не забывали выжимать сокъ изъ своихъ подданныхъ. До чего доходили ихъ богатства можно судить изъ того, что для перевозки сокровищъ Незръ-Мегемедъ-хана потребовалось до десяти тысячъ верблюдовъ. Аштарханиды вели себя на два фронта: они или размышляли въ кругу святыхъ людей и поэтовъ, или поголовно вырѣзывали сосѣдей. Затѣмъ наступила серія эмировъ, всегда усердно хлопотавшихъ о поддержаніи въ народѣ нравственности и за одно о расширеніи своихъ гаремовъ. Ослабѣвшія было плети раисовъ вновь поднялись на воздухъ и повлекли народъ къ пятикратному намазу. На улицахъ, площадяхъ и дорогахъ цензора нравовъ принялись тщательно экзаменовать народъ въ знаніи молитвъ и поправлять ошибки ременного даррою. Бутылкообразныя тюрьмы съ гнѣздами фалангъ и скорпионовъ никогда уже не оставались пусты, а подвалы подъ дворцами эмировъ отлично оберегали людей, недовольныхъ существовавшимъ порядкомъ вещей, отъ всякаго сообщенія съ надземнымъ міромъ. Въ городахъ выросли спеціальныя башни для сбрасыванія на землю осужденныхъ на смертную казнь.

Деспотизмъ эмировъ дошелъ наконецъ до того, что никто не осмѣлился докладывать имъ непріятныя истины. Такъ, рус. баталіоны давно уже перешли черезъ Уральскій хребетъ, пересѣкли земли бывшей Синей орды и утвердились на Аральскомъ морѣ, а эмиры продолжали думать, что кяфиры все еще гибнутъ въ песчаныхъ и голодныхъ степяхъ. Наконецъ, баталіоны двинулись по бассейну р. Сыръ, прошли Бѣлую мечеть и Ахметъ-Ясави и только тогда Бухара встрепелась и протянула на сѣверъ ухо вниманія....

Бухарѣ трудно было допустить мысль, что хрістіане рѣшатся ступить вооруженною силою на ея земли! Она такъ недавно, всего двадцать лѣтъ тому назадъ, бросила страшное оскорбленіе Англіи, и гордая Англія снесла обиду, какъ робкій школьникъ. Изъ желанія сплотить противъ Россіи среднеазиатскія ханства, Британія послала лучшаго изъ своихъ полковниковъ—Стоддарта съ порученіемъ просвѣтить эмира на счетъ намѣреній приближавшейся къ нему сосѣдки. Но Стоддартъ имѣлъ неосторожность повести себя джентельменомъ, вообразивъ, что деспотъ Насруллахъ оцѣнитъ, хотя-бы изъ личной пользы, добрыя услуги

британца, а въ крайнемъ случаѣ побоится мщенія сильной державы. Джентельменствуя въ Бухарѣ, какъ у себя дома, Стоддартъ надѣлалъ непростительныхъ въ азіатскомъ смыслѣ ошибокъ: онъ поѣхалъ верхомъ, не сошелъ съ лошади даже передъ воротами дворца эмира. Явившись къ эмиру, онъ не представилъ ему никакого подарка и отказался надѣть халатъ поверхъ своего мундира. На первое время, было достаточно и этихъ преступленій, чтобы попасть въ зинданъ. Въ зинданѣ онъ провелъ около четырехъ лѣтъ. Всѣ ходатайства въ его пользу—меккского шерифа, турецкаго султана, персидскаго шаха и рус. посла—не смягчили гнѣвъ Насруллы. Истерзанный и павшій духомъ Стоддартъ принялъ наконецъ исламъ и все таки не умиловивилъ тирана. Его товарищемъ по несчастью очутился также англичанинъ, явившійся въ Ср. Азію съ человеколюбивою миссіею, направленною къ выкупу невольниковъ. Оба они взошли на эшафотъ и, вѣроятно, когда падали ихъ головы подъ саблей палача, благородные бухарцы славили по обычаю справедливость своего эмира. За англичанами восходили на бухарскій эшафотъ—итальянцы, греки, турки....

Наслѣдовавшій Насруллѣ сынъ его Сеядъ-Музафаръ не успѣлъ накроважданичать, какъ ему пришлось увидѣть приближеніе историческаго рока. Дерзкое посланіе его, объ очищеніи рус. войсками бассейна р. Сыръ, не произвело никакого эффекта, почему явившееся къ нему рус. посольство изъ горнаго инженера, астронома и нѣсколькихъ офицеровъ онъ запрягалъ подъ арестъ, не рѣшившись, впрочемъ, ознакомить его съ прелестями зиндана.

Но палъ Ташкентъ—и Бухара встрепенулась!...

Эмиру предстояло вступить въ борьбу или утратить обояніе покровителя ислама. Война сдѣлалась неизбѣжною. Въ тылу рус. отряда и на его сообщеніяхъ тотчасъ-же появились задорныя партіи, служація въ Азіи предвѣстниками серьезнаго военнаго дѣла.

Оно и дѣйствительно было серьезнѣе всего, что происходило на этой почвѣ между мірами христіанскимъ и мусульманскимъ. Полковникъ, полагавшій, что военному человѣку достаточно обладать предпріимчивостью, чтобы покорять страны и народы, двинулся изъ Ташкента, черезъ голодную степь, на встрѣчу эмиру, но узнавъ о многочисленности собравшагося непріятеля, ретиро-

вался довольно успѣшно. Его смѣнили. Новый, заступившій его мѣсто, генераль имѣлъ уже дѣло съ арміей исламитянъ, раскинувшейся на обонхъ берегахъ р. Сыръ, численностью до сорока пяти тысячъ человѣкъ, съ двадцатью орудіями и съ фанатическимъ стремленіемъ истребить отрядъ дерзкихъ кифировъ.

Встрѣча ихъ произошла на берегу р., неподалеку отъ Ходжента, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Ирджаръ». Здѣсь рус. артиллерія прорѣдила сербазовъ, киргизъ и туркменъ такъ быстро, что армія эмира—бѣжала, не успѣвъ даже выкрикнуть—«урры! урры!» Вскорѣ она разсѣялась по всѣмъ направленіямъ, не заглянувъ и въ лагерь, доставшійся побѣдителю съ котлами, наполненными горячею пищею и съ дымившимися кальянами. Ночь прекратила преслѣдованіе. На утро, непріятеля нигдѣ не было видно, и генераль, рѣшившій такъ поспѣшно эту битву, имѣлъ удовольствіе отдохнуть въ ставкѣ самого эмира, брошенной съ коврами, диванами и кухней.—Эмиръ былъ запасливъ и потому уже, что, оставляя Бухару, онъ обѣщалъ приближеннымъ увидѣться съ ними въ Москвѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ останавливались пять вѣковъ тому назадъ чингисиды.

Нанесенный Бухарѣ ударъ привелъ все ея населеніе, отъ «байгуша» до «визиря», въ чрезвычайное смятеніе. Правовѣрные не допускали и мысли о такомъ быстромъ успѣхѣ христіанской силы. Базары и площади открыто завопили о трусости эмира, о расхищеніи имъ казны и даже о тайномъ союзѣ его съ рус. генераломъ. Муллы, ишаны и сеиды объявили газавать и разослали гонцовъ за помощью даже къ недругамъ Бухары. На ихъ призывъ поспѣшили авганцы, туркмены и даже беки-отщепенцы, завладѣвшіе родиною Тимуръ-ленга—Джура-бій и Баба-бій.

Самаркандскій бекъ Баба-ходжа тщательно слѣдилъ за всѣми эволюціями рус. отрядовъ, маневрировавшихъ возлѣ голодной степи и, очевидно, собиравшихся въ одну плотную силу.—«Таксырь!»—донесъ наконецъ онъ эмиру—«по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, рус. отрядъ двинется на дняхъ къ Самарканду. Войска ваши собраны на Чупанъ-ата. Жители примкнули къ сербазамъ. Затѣмъ они ожидаютъ вашего прибытія, какъ утромъ ранняго и яснаго восхода солнца. Вашъ пріѣздъ будетъ нашимъ одушевленіемъ».—На этотъ разъ, эмиръ не сомнѣвался въ полномъ успѣхѣ, такъ какъ сеиды и шейхи были убѣждены, что святыни Самарканда не дадутся въ руки невѣрнымъ. Нашелся, правда, какой-то несчастный

дервишъ, видѣвшій во снѣ, какъ обрушились минареты на мавзолеѣ Тимура, но за этотъ сонъ, предвѣщавшій неудачный исходъ въ предстоявшей борьбѣ, онъ заплатилъ жизнью.

Пройдя къ р. Зеравшану—бывшей Зеро—рус. отрядъ перешелъ ее по грудь въ водѣ, держа надъ головами ружья и патроны. Не тратя времени, онъ атаковалъ склоны Чупанъ-ата. Теперь, здѣсь, уже не было ни садовъ, ни обсерваторіи Улугъ-бега. Штурмъ длился недолго и обошелся безъ значительнаго кровопролитія. Бухарцы обратились въ бѣгство, но Самаркандъ заперъ передъ ними ворота, отворивъ другія для впуска рус. отряда. Въ числѣ сановниковъ эмира нашелся бекъ, которому очевидно жизнь была недорога, рѣшившійся доложить своему повелителю о потерѣ Самарканда. Вѣстникъ былъ немедленно казненъ. Рус. отрядъ двинулся далѣе, къ Катты-Кургану, куда явилось посольство, уполномоченное эмиромъ согласиться на мирныя условія генерала.

Совѣтъ эмира рѣшилъ, однако, драться до послѣдней капли крови и побудилъ его издать прокламацію съ призывомъ противъ невѣрныхъ.—«Мы, потомки Тимура, покажемъ вамъ невѣрные какъ забирать наши земли!» восклицалъ эмиръ въ приказѣ, прочтенномъ среди его войска при пушечныхъ выстрѣлахъ.—«Мусульмане, уничтожьте кяфировъ... и сотрите грязное пятно, которое носятъ теперь самаркандцы на своихъ халатахъ!»...

По этому призыву, вновь собралась боевая сила эмира и заняла позицію на Зера-булакѣ, куда и отправился рус. отрядъ.—«Берите же ихъ, берите наконецъ!» слышались повсюду клики джигитовъ, но имъ не пришлось брать плѣнныхъ, такъ какъ съ ихъ батиками и айбалтами трудно было сопротивляться скорострѣлкамъ съ дальнобойнымъ снарядомъ. Первый, всегда энергичный, натискъ джигитовъ потерпѣлъ сильный отпоръ, а щетина штыковъ dokonчила очистку Зера-булакскихъ высотъ.

Эмиръ бѣжалъ въ степь.

Его не порадовало даже измѣнническое возстаніе самаркандцевъ, продержавшихъ около недѣли въ осадѣ малочисленный рус. гарнизонъ. Благодаря подоспѣвшей помощи, послѣдній вышелъ съ честью изъ неожиданно затруднительнаго положенія, такъ что пятна на самаркандскихъ халатахъ остались не смытыми.

— «Теперь мнѣ остается»—замѣтилъ съ сокрушеннымъ сердцемъ эмиръ, рѣшившійся прекратить бесполезную войну—«передать

ДВѢ ВОЛНЫ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

ПОБѢДИТЕЛИ И ПОБѢЖДЕННЫЕ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Бѣлому царю оружіе и орудія и просить, чтобы онъ позволилъ отправиться въ Мекку».

Сеидъ-Абдулъ-Ахадъ-ханъ.
Эмиръ Бухары съ 1885 г.
(и отецъ эмира).

Таково и было положеніе эмира, которому пришлось еще вступить въ борьбу съ сыномъ и понести отъ его сторонниковъ сильное пораженіе. Взятіе Бухары не представляло уже для рус. отряда ни малѣйшаго труда, но историческій рокъ предпочелъ заключить эту войну съ преемниками тимуридовъ мирнымъ договоромъ:—«Въ угоду Государю Императору Всероссійскому и для вѣщей славы Его Императорскаго Величества, высокостепенный эмиръ Сеидъ-Музафаръ постановилъ»—какъ это выражено въ существенной статьѣ договора—«отнынѣ въ предѣлахъ бухарскихъ прекратить на вѣчныя времена постыдный торгъ людьми, противный законамъ челоѣколюбія»... По этому же договору, эмиръ обязался исправить пограничныя линіи, открыть свободу торговли, уплатить контрибуцію, принять рус. агента и вообще доказать свое искреннее расположеніе къ Россіи. И нужно отдать справедливость и покойному Сеиду-Музафару и его преемнику—договоръ соблюдается свято, чему много способствуютъ обмѣны любезностями и

желѣзная дорога, которая можетъ доставить въ Бухару, съ двухъ сторонъ, въ нѣсколько сутокъ, десятокъ довольно опытныхъ въ азіатской войнѣ баталіоновъ. Эмиръ воспитываетъ теперь своихъ сыновей въ Петербургѣ, лѣчится въ рус. курортѣ и раздаетъ щедрою рукою полновѣсныя золотыя звѣзды.

Доволенъ-ли этимъ положеніемъ вещей духъ великаго Тимура? Покойный такъ много говорилъ о справедливости, что и изъ загробной жизни онъ долженъ привѣтствовать гяуровъ, посѣщающихъ его Гуръ-Эмиръ. Они содержатъ его мавзолей лучше, нежели онъ содержался при господствѣ въ Самаркандѣ исламитянъ. Что касается до ислама, то голосъ его мю'ezzиновъ сливается нерѣдко съ колокольнымъ звономъ христіанскихъ церквей, и при этомъ, любознательные муллы и ишаны могутъ входить въ рус. церковь съ уваженіемъ къ ней, но безъ трепета и боязни...

Незлобиво относится и рус. солдатъ къ недавнимъ недругамъ. Когда ему есть время попытать свой голосъ, онъ напѣваетъ въ томъ же Самаркандѣ, сидя на какой нибудь рунѣ временъ тимуридовъ, или лежа на пригоркѣ Аеросіаба:

- «Какъ-то было недавно,
- «Что пришли бухарцы къ намъ.
- «Люли, люли, люли
- «Что пришли бухарцы къ намъ.
- « У нихъ кони всѣ хороши
- « И припасы ихъ богаты.
- « Люли
- « Узды золотомъ блистаютъ,
- « Серебро на поясахъ.
- « Люли
- « У нихъ панцыри двукольцы,
- « Носятъ щиты на спинахъ.
- « Люли
- « Но все-то ихъ удалство—
- « Какъ-бы только воровство

Умиrotворивъ Бухару, русскіе войска побывали на родинѣ Тимуръ-ленга въ Шааръ-себзѣ. Здѣсь имъ пришлось приводить къ покорности эмиру отложившихся отъ него бековъ:

- « Въ Шахрисябзъ какъ мы ходили,
- « Перевалъ перевалили,
- « Очень каменистъ!

« Шахриябцы обозлились
 « И стрѣлять по насъ пустились,
 « Надо вѣдь умѣть!

 « Шахриябцы не сдержали
 « И шибко, шибко побѣжали »

Джура-бій.
 Бекъ Шааръ-себза.

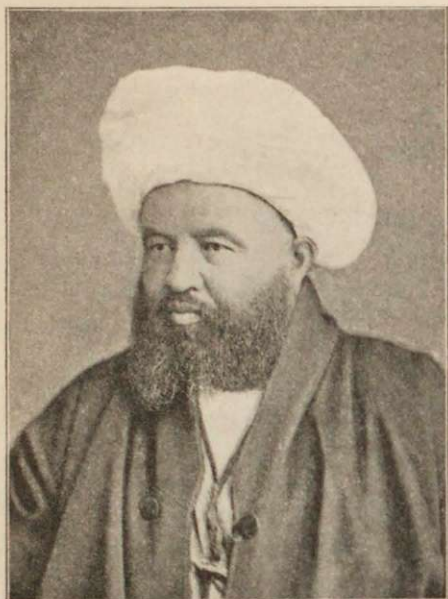
Во время плѣна.

Въ русской службѣ.

Но Россія не выдала строптивыхъ бековъ Джура-бія и Баба-бія эмиру, который нашелъ бы случай показать надъ ними свое поблекшее величіе. Они и сами впрочемъ предпочли поступить въ рус. службу и потомъ надѣть за походъ въ Хиву георгіевскіе значки.

Хива, замѣстившая Хорезмскую имперію, чутко прислушивалась къ урокамъ, преподаннымъ на Ирджарѣ, въ Самаркандѣ и на высотахъ Чупанъ-атинскихъ и Зера-булакскихъ и все-таки не могла побороть личную, воспитанную многими вѣками, заносчивость. Она продолжала попрежнему держать въ страхѣ рус. торговые караваны, выкрадывать женщинъ на пограничной линіи и заставлять христіанъ - полоняниковъ принимать мусульманство. Вызывательныя письма ея хановъ отличались всѣми прелестями азіатской гордыни.

Заблужденіе это опиралось на ея необыкновенную живучесть.

Баба-бій.

Второй бекъ Шааръ-себза.

Во время плѣна.

Въ русской службѣ.

Много разъ ее посѣщали чингисиды и тимуриды и, разоренная ими сегодня, она возникала завтра, продолжая грабить, а при опасности—разбѣгаться въ необозримые пески. Несомѣнно, что такую долговременною жизнью она обязана своеобразному географическому положенію. Казалось, только всадники Чингисъ-хана и Тимуръ-ленга могли пересѣкать ограждающія ее песчанныя пустыни, не страшась палящаго солнца, отсутствія воды и растительности. Для большого-же плѣхотнаго отряда Хива считала себя недоступною.

Кичливость ея шла далѣе бухарскаго самолюбія уже и потому, что Россія потерпѣла, по отношенію къ ней, нѣсколько весьма памятныхъ неудачъ. Первую и наиболѣе крупную изъ нихъ, она испытала еще при Петрѣ I, мечтавшемъ открыть водяной путь въ Индію, съ которою онъ стремился завязать, какъ предлагали еще бабериды, торговые сношенія. Ему было извѣстно, что р. Аму впадала нѣкогда въ Каспійское море, откуда можно было пройти по ней, къ верховью, болѣе нежели двѣ тысячи верстъ и приблизиться, этимъ дешевымъ путемъ, къ богатому азіатскому югу. Преслѣдуя эту мысль, онъ избралъ чрезвычайнымъ посланникомъ къ

хивинскому хану кабардинскаго, преданнаго интересамъ Россіи поручика кн. Бековича-Черкаскаго, которому и повелѣлъ, писанною собственною рукою инструкціею: изслѣдовать теченіе р. Аму, устроить при ея устьѣ крѣпость, склонить хивинскаго хана къ подданству Россіи, вступить въ сношенія съ Бухарскимъ ханствомъ и отправить, подъ видомъ купцовъ, двухъ офицеровъ — одного въ Индію, для дознанія торговаго пути, а другого — въ Яркендъ, богатый, по тогдашнимъ увѣреніямъ, золотыми розсынями. Въ эту экспедицію были посланы четыре тысячи человѣкъ съ нѣсколькими морскими офицерами, инженерами и негоціантами. Сенатъ снабдилъ начальника экспедиціи грамотами къ Хивинскому и Бухарскому ханамъ и къ В. Моголу.

Экспедиція высадилась на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на косѣ, возлѣ Красноводска, гдѣ теперь раздается свистъ паровознаго локомотива. Захвативъ у прибрежныхъ кочевниковъ верблюдовъ, Бековичъ двинулся въ степь. Ему пришлось не разъ пересѣчь старое русло р. Аму и выслушивать сказанія проводниковъ о причинахъ, заставившихъ ее измѣнить свое теченіе и повернуть въ Аральское море. Въ числѣ сказаній, были и правдоподобныя, какъ напримѣръ объ устройствѣ монголами плотины, посредствомъ которой они обездолили кочевниковъ, оказывавшихъ имъ сопротивленіе...

Несмотря на большія лишенія, Бековичъ вошелъ наконецъ въ хивинскій оазисъ и, прежде всего, потребовалъ, чтобы хивинцы возстановили теченіе р. въ Каспій. Они отказались. Тогда кабардинецъ рѣшился самъ идти и разрушить невѣдомо гдѣ существовавшую плотину, что потребовало раздѣленія его отряда на мелкія части. Одна изъ нихъ осталась въ Хивѣ. Хивинцы заперли немедленно городскія ворота и — заставили Бековича написать приказъ, чтобы находившіяся въ поискахъ за плотиною войска сдали свое оружіе хивинскимъ комиссарамъ и расположились на квартирахъ, у городскихъ обывателей. Ему пришлось повторить свой приказъ и даже пригрозить казнью замѣщавшему его — внѣ Хивы — Франкенбургу.

Разумѣется, хивинцы, получивъ оружіе всего отряда, умертвили тотчасъ-же и Бековича и всю его свиту. Голову его они отправили въ подарокъ Бухарскому эмиру; отрядъ-же былъ частью истребленъ, а частью обращенъ въ рабство — и въ результатъ получилась только поговорка: «пропалъ какъ Бековичъ!»

Послѣ этой экспедиціи сами хивинцы присмирѣли до того, что въ продолженіе цѣлаго столѣтія не было повода къ жалобамъ на нихъ рус. купцовъ, пока подвластные Хивѣ номады не занялись вновь грабежами и похищеніемъ людей. Тогда, ни одинъ рус. торговецъ не рѣшался болѣе заглядывать въ Хиву, которая и сама выступила противъ подвластныхъ Россіи киргизъ. Число рус. людей, захваченныхъ на каспійскихъ промыслахъ и даже въ казачьихъ станицахъ, возрастало ежедневно.—Требованія Россіи прекратить набѣги и обезпечить спокойствіе въ степи повели только къ тому, что хивинцы выставили военные форпосты на караванныхъ путяхъ и прервали торговлю Россіи съ Ср. Азіей. Рыбопромышленность на Каспѣ сдѣлалась невозможною; рыбопромышленники захватывались цѣлыми ватагами.

Терпѣніе Россіи наконецъ истощилось и Оренбургскому военному губернатору графу Перовскому было повелѣно: по окончаніи распри, происходившей въ ту пору между Англіей и Авганистаномъ—предпринять поискъ на Хиву и, въ случаѣ удачи, смѣстить хана, замѣнить его надежнымъ киргизскимъ султаномъ и освободить всѣхъ плѣнныхъ.

Для экспедиціи было выставлено болѣе десяти тысячъ верблюдовъ съ двумя тысячами лоучей. Отрядъ выступилъ четырьмя колоннами—въ зимнюю пору, съ расчетомъ на снѣговую воду. Далѣе отряды соединились и пошли, имѣя по сторонамъ караваны верблюдовъ, а артиллерію и лазаретъ въ серединѣ войска.

Пройдя безъ корма и въ сильную стужу около двадцати сутокъ, верблюды начали тощать и припадать на ноги. Между ними открылся

повальный падежъ. Въ концѣ концовъ, дальнѣйшее движеніе отряда повело-бы только къ безусловной гибели, такъ какъ впереди его поджидали толпы свѣжихъ, здоровыхъ, ничѣмъ не утомленныхъ набѣдниковъ. Отрядъ потянулся обратно, бросивъ запасы продовольствія и, пробираясь уже, въ видѣ нестройной толпы, охваченной непрерывными буранами, жестокою стужей и снѣжными сугробами.

Недостатокъ питанія и упадокъ духа способствовали развитію

цынги, благодаря которой пѣхота потеряла третью часть людей. Вообще стихія поборола всѣ предпріятыя противъ нея средства защиты и отсрочила паденіе Хивы.

Хива пала только спустя 5 лѣтъ послѣ паденія Бухары. Чтобы покончить съ ея непреклонною гордостью, были направлены одновременно три отряда: съ Кавказа, изъ Оренбурга и изъ Туркестана. Туркестанскій отрядъ перенесъ не мало страданій, вслѣдствіе недостатка воды, особенно въ песчаной мѣстности, извѣстной подъ названіемъ: «Адамъ-крылганъ!» Но вода была найдена—и хивинскому хану оставалось, по примѣру своихъ доблестныхъ предковъ, бѣжать въ песчанья степи. Взятіе его столицы обошлось рус. отрядамъ всего въ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Убѣгая въ степь, Сеидъ-Магометъ-Рахимъ-Багадуръ-ханъ предполагалъ, что Россія удовлетворивъ свое честолюбіе, уйдетъ обратно, какъ уходили обычно чингисиды, тимуриды и персидскіе шахи. Расчеты его сбылись только на половину: его вытребовали изъ степи и заставили подписать договоръ о мирѣ и дружбѣ съ тѣмъ, что на противоположномъ берегу останется навсегда командиръ нѣсколькихъ казачьихъ сотенъ и приличнаго количества пѣхоты съ артиллеріей для наблюденія за его поведеніемъ.

Сеидъ Магометъ-Рахимъ.
(Ханъ Хивы, съ 1865 г.).

Хану предоставили титулъ сїятельства.—Съ того времени прошло четверть вѣка, какъ онъ, окруженный уже буквально со всѣхъ сторонъ Россіей, точно находясь у ней въ карманѣ, свято чтить заключенный договоръ. Контрибуцію въ два милліона рублей онъ также выплатилъ безъ недоимки. Затѣмъ, онъ предоставилъ всѣмъ торговымъ удобства Россіи, съ правами быть какъ у себя дома. Ханъ обязался прекратить рабство, освободить невольниковъ, въ томъ числѣ и ненавистныхъ ему шїитовъ и вести себя съ полнымъ забвеніемъ минувшаго величія. Казаки дѣлають теперь, по временамъ, военныя прогулки по ханству и, нисколько не опасаясь повторенія эпизода съ кн. Бековичемъ, принимаютъ не безъ достоинства достарханъ изъ сочныхъ фруктовъ и замѣчательно вкусныхъ дынь. Вообще Хива чувствуетъ себя на положеніи вассала, обязаннаго выказывать сюзерену глубокое уваженіе. Она и высказалась съ картиннымъ эффектомъ, когда въ день пріема иностранныхъ посольствъ, прибывшихъ къ коронаціи Императора, ханъ положилъ у его ногъ свою шапку и саблю...

Туркменія можетъ считаться продолженіемъ Хивы, но съ болѣе воинственнымъ и всегда чуждавшимся крѣпкой власти населеніемъ. Умыканіе людей въ тяжелую неволю обратилось, съ теченіемъ времени, въ ея специальность, крайне досаждавшую Россіи. Послѣдняя издавна стремилась обратить Каспійское море въ свое внутреннее озеро, между тѣмъ туркменская страсть къ воровству людей ставила въ этомъ отношеніи сильную преграду. На Каспѣ пришлось завести цѣлую флотилію только для преслѣдованія морскихъ разбойниковъ, а со стороны Урала высылать отряды для угрозъ наѣзникамъ, занимавшимся похищеніемъ яицкихъ и оренбургскихъ казачекъ.

Послѣ неудачной попытки кн. Бековича пріобрѣсть Хиву, туркменская степь почувствовала себя на два столѣтія безгранично свободною. Споры между степью и Иранистаномъ, или, иначе, между суннитами и шїитами, разрѣшались всегда кровавымъ образомъ, но то были домашніе споры несошедшихся въ характерѣ родственныхъ племенъ. Не такимъ характеромъ отличались вызовы туркменъ по адресу Россіи, которая рѣшилась наконецъ ступить на восточный берегъ Каспія и занять превосходнѣйшій рейдъ, нынѣ Красноводскій. Ближайшія къ морю племена уступили безмолвно свои прибрежные пески и солончаки и даже явились къ рус. солдату на службу, съ верблюдами и убогими про-

изведеніями своего неприхотливаго хозяйства. Не такъ повели себя племена, кочевавшія вдали отъ моря и особенно въ оазисахъ, орошенныхъ рѣками, этими жизнедавцами знойнаго юга. Здѣсь племена Теке приняли довольно гордо вызовъ Россіи и стали въ оборонительное положеніе.

Геройская защита Голубого-Холма еще свѣжа въ памяти и настолько грандіозна, что достойна служить апофеозомъ бурной жизни туркменскаго народа. Но независимой Туркменіи болѣе не существуетъ! Она обратилась въ рус. область съ желѣзною дорогою, телеграфомъ и съ послѣдними словами разныхъ наукъ. Возможно, что та овечья загородка, въ которой томился нѣкогда Тимуръ-ленгъ, подошла теперь подъ полотно желѣзной дороги. Потомокъ-же Ивашки Сыровяткина, проходя по этому мѣсту машинистомъ на паровозѣ, пугаетъ свистками неуклюжихъ верблюдовъ—потомковъ тѣхъ самыхъ драмадеровъ, на которыхъ везли драгоцѣнное приданое невѣстѣ Джигангира!

Въ иное положеніе поставила себя древняя Фергана. Долгое время, послѣ утраты бассейна р. Сыръ и полуассальнаго Ташкента, дружба между Россіей и Кокандскимъ ханствомъ ни разу не нарушалась. Но Худояръ-ханъ слишкомъ уже торопился выжать сокъ изъ народа, который, свергнувъ его, бросился неразумно возбуждать Туркестанъ противъ историческаго рока. Свергнутый ханъ бѣжалъ—со многими арбами припрятаннаго на черный день серебра—въ рус. предѣлы, гдѣ ему показалось, впослѣдствіи, скучно жить и, размѣнявъ серебро на кредитки, онъ уложилъ ихъ въ переметныя сумы и скрылся изъ Оренбурга, съ намѣреніемъ пробраться черезъ Туркменію, въ Мекку или въ Индію. Но ни въ Меккѣ, ни въ Индіи онъ не появлялся: степь скрыла слѣды и его самого и его переметныхъ саквъ....

Его обширный гаремъ разбѣжался и укомплектовалъ собою веселые дома павшей столицы Ферганы.

Вслѣдъ за бѣжавшимъ ханомъ произошло вторженіе кокандцевъ въ рус. предѣлы, а это привело ихъ къ пораженію у Махрама. Впрочемъ, преподанный здѣсь дальнобойными орудіями урокъ скоро испарился изъ ихъ памяти. Воспользовавшись позволеніемъ, они избрали новаго хана, но какъ только рус. войска перешли обратно на свой берегъ р. они выгнали новаго хана и вновь напросились, благодаря кровожадному вожаку Абдурахману-Авто-

бачи, на болѣе рѣшительныя съ ними дѣйствія. Въ неравной борьбѣ они быстро потеряли свои лучшіе города—Наманганъ, Андижанъ, Ассакѣ—и выслали депутацію съ просьбою забыть всѣ дурныя дѣла ферганскаго народа.

Дѣло это было охотно предано забвенію, но самая Фергана обращена въ русскую область, о чемъ народъ узналъ изъ прокламаціи, объявленной ему на трехъ языкахъ—русскомъ, таджикскомъ и узбекскомъ.

Въ сосѣдствѣ съ Ферганою лежитъ также земля тимуридовъ—Кашгаръ, называемый мусульманами Джитышаромъ или Семиградіемъ, съ такими многолюдными городами, какъ Кашгаръ, Яркендъ, Хотанъ, Урумчи, Карашаръ. Бухара снабдила эту часть Туркестана потомками пророка, которые, приобрѣтя значеніе вліятельной политической партіи, потѣснили китайцевъ на востокъ. Китай однако возвратился обратно и, украсивъ городскія ворота головами ходжей, завязалъ безконечную борьбу съ мусульманами. Мусульмане не расположены и теперь къ уступкамъ и достаточно шаловливому амбаню похитить мусульманку, чтобы составилъ заговоръ вырѣзать китайцевъ, гдѣ только возможно, а оставшихся въ живыхъ—изгнать, какъ нечистыхъ животныхъ. Такова, по крайней мѣрѣ, была причина возстанія, когда кокандскій ханъ выслалъ въ помощь кашгарскимъ мусульманамъ семнадцатитысячный корпусъ, подъ начальствомъ храбраго и предприимчиваго военачальника Якубъ-бека. Этотъ, вытѣснивъ отовсюду китайцевъ и зарѣзавъ ихъ предводителя Вали-хана, объявилъ Кашгаръ своимъ владѣніемъ, забывъ о своемъ подданствѣ кокандскому хану. Въ качествѣ независимаго владѣтеля, онъ заключилъ договоръ съ рус. туркестанскими властями о свободной торговлѣ въ Джитышарѣ и о наблюденіи за личною и имущественною безопасностью и сохранностью купцовъ.

Опасаясь измѣны, Якубъ-бекъ принималъ всѣ мѣры предосторожности, такъ что никто изъ его приближенныхъ не зналъ, гдѣ онъ проведетъ ночь; тѣмъ не менѣе, предчувствіе не обмануло его и ножъ убійцы укоротилъ его жизнь. Семейство его бѣжало въ рус. предѣлы. На Кашгаръ тотчасъ-же надвинулись китайскія войска съ амбанами, превосходно изучившими ремесло выжиманія ямбъ изъ купеческихъ кармановъ. Ради того, чтобы изъ кармановъ рус. купечества—безъ различія вѣроисповѣданій—амбанъ не выжималъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ, въ Кашгаръ явился

рус. консулъ, съ полусотнею казаковъ, производящихъ на амбани непріятное впечатлѣніе!

Наиболѣе цѣнную часть наслѣдства тимуридовъ, Индію—пріобрѣла Англія, талантливо истомившая предварительно династію В. Моголовъ и независимыхъ раджей. В. Моголы вели свою генеологію отъ Бабура, который, будучи кровнымъ тимуридомъ и даже несомнѣннымъ праправнукомъ Тимура, чуждался монголовъ, не зналъ ихъ языка и свое классическое жизнеописаніе оставилъ на тюркскомъ языкѣ. За его династіей утвердился титулъ «Моголовъ», благодаря грубой ошибкѣ западно-европейскихъ историковъ, смѣшавшихъ тюрковъ съ монголами.

Испытавъ неудачу въ родной странѣ, Бабуръ собралъ отрядъ въ десять тысячъ рѣшительныхъ багадуровъ и отправился въ Индію возстановлять владычество тимуридовъ. Вскорѣ Кандагаръ, а главное Кабулъ подчинились его власти, что и проложило ему путь все къ тому же Аттоку, у котораго переходили и его предки Индъ. Выигранное имъ, подъ стѣнами Дели, сраженіе было настолько рѣшительно, что все индійское государство очутилось въ его рукахъ.

Тревоги жизни, начавшіяся съ двѣнадцатилѣтняго возраста, укоротили однако его жизнь и онъ умеръ, прогосподствовавъ въ Индіи всего пять лѣтъ. Безпрерывныя военныя авантюры не мѣшали ему отдаваться наукамъ и искусствамъ и оставить блистательное жизнеописаніе, въ которомъ онъ преклонился передъ своимъ предкомъ, Тимуръ-ленгомъ, не безъ ущерба въ истинѣ, какъ передъ идеаломъ славы, чести и героизма.

Сынъ Бабура—Гумаюнъ получилъ отъ отца въ наслѣдство имперію отъ р. Ганга до р. Аму, но его сильно тѣснилъ Ширъ-Шахъ авганскій, такъ что династія бабуридовъ укрѣпилась только при Акбарѣ, сынѣ и преемникѣ Гумаюна. Союзами, настойчивостью и силою, Акбаръ, прозванный великимъ, сплотилъ наслѣдіе дѣда въ сильное государство съ мусульманскимъ правленіемъ. Индусскіе раджи обратились въ его вассаловъ. По себѣ онъ оставилъ память лучшаго изъ мусульманъ. Владѣя превосходно мечемъ, онъ ненавидѣлъ войну, поклоняясь Аллаху—онъ переводилъ священныя поэмы индусовъ, уважая ихъ законы—онъ истреблялъ безчеловѣчныя ихъ обычаи. Акбаръ допускалъ даже свободное обсужденіе догматовъ ислама!

Но сынъ в. отца избралъ иной путь. Наслѣдовавъ ему, Се-

лимъ обратился къ войнѣ и къ оргіямъ. Преемникъ-же его началъ свое царствованіе убійствомъ родного брата и всѣхъ родственниковъ, что считалось тогда единственнымъ путемъ къ единодержавію. Сынъ его пошелъ еще далѣе и, ссавивъ отца съ престола, заперъ его въ крѣпость. Послѣ того, потянулись обычные родственныя войны съ побѣдами, пораженіями, заговорами, казнями и—необыкновеннымъ приращеніемъ богатствъ.

Насколько велико было выжиманіе соковъ изъ индусовъ можно судить по тому, что тронъ Могола—въ видѣ павлина, украшеннаго драгоценными камнями,—цѣнили въ шесть съ половиною милліоновъ ф. стер.

Власть В. Моголовъ начала колебаться, когда они пожелали омусульманить индусовъ, чѣмъ и возстановили противъ себя богатыхъ вассаловъ. Раджи обособились. Въ династіи-же бабуридовъ не нашлось людей съ достаточно свѣтлымъ умомъ и сильною волею. Можно считать, что съ начала XVIII-го вѣка началось распаденіе ихъ имперіи, выразившееся первоначально въ образованіи независимыхъ государствъ, а потомъ и въ утратѣ военнаго счастья. Персидскій шахъ Надиръ, воспользовавшись внутренними раздорами бабуридовъ, предпринялъ набѣгъ на Индію и такъ удачно ограбилъ ее, что изъ одного Дели вывезъ добычу, оцѣненную въ тридцать милліоновъ фунтовъ. Затѣмъ потянулись на грабежъ и авганцы. Началось убійство Моголовъ ихъ визирями. Наконецъ, во время войны англичанъ съ французами въ южной Индіи, утратилась всякая самостоятельность бабуридовъ.—Въ началѣ XIX-го вѣка, надъ стѣнами Дели, взвился британскій флагъ и В. Моголы потянули жизнь то пенсіонерами, то плѣнниками Англіи. Послѣдній изъ нихъ, по счету семнадцатый, Мухамедъ - Багадуръ-Шахъ умеръ, находясь у англичанъ подъ арестомъ, вызваннымъ участіемъ его въ возстаніи сипаевъ или вѣрнѣе желаніемъ Англіи окончить счеты съ послѣдними изъ бабуридовъ.

Россія, предполагавшая въ самомъ Бабурѣ только урядника индійскаго царства, была не прочь войти въ сношенія съ бабуридами. Съ этой цѣлью, Царь и в. кн. Алексѣй Михайловичъ избралъ въ послы астраханца Касимова. Очень щепетильный относительно полноты своего титула, царь приказалъ провѣдать съ точностью какъ слѣдуетъ величать индійскаго государя, но грамоту послѣднему написалъ все таки на имя Шаха, а не Могола. Къ сожалѣнію, Касимовъ, по причинѣ происходившей въ ту пору распри между Бу-

харою, Хивою и Балхомъ, не добрался до индійскаго шаха и по-
этому посольство его осталось безъ результатовъ.—«Любительскія
поминки» государя отличались необыкновенною скромностью, такъ
что связка корольковъ и нѣсколько зеркалъ изъ слюды, занимали
въ числѣ ихъ видное мѣсто. Порученіе-же Касимову давалось до-
вольно обширное. Кромѣ старанія укрѣпить дружбу съ шахомъ,
онъ долженъ былъ побудить его прислать Россіи три тысячи
пудовъ серебра въ обмѣнъ на рус. товары, купить въ Индіи
лѣкарствъ отъ всѣхъ болѣзней, пригласить мастеровъ, строю-
щихъ каменные мосты, довѣдаться о цѣнѣ на шелкъ, вывести
оттуда птицъ и, наконецъ, «припоивъ и прикормивъ къ себѣ
пристава», узнать склоненъ-ли будетъ шахъ вступить въ дружбу
съ Россіей.....

Не прочь была и Франція побывать въ Индіи, но съ цѣлями
уже активными и открыто направленными противъ британскаго
въ ней владычества. Предполагалось, что три державы соединятся
передъ этою цѣлью—Французская республика и имперіи Россій-
ская и Германская. Послѣдняя должна была участвовать только
въ пропускѣ французскихъ войскъ черезъ свои владѣнія и облег-
чить плаваніе ихъ по р. Дунаю до Чернаго моря. Соединенная
армія предполагалась изъ 70,000 человекъ.

По этому проекту, Бонапартъ сдѣлалъ замѣчанія: достаточно-
ли судовъ на р. Дунаѣ, чтобы перевезти его тридцатипятитысяч-
ную армію? Пропустить-ли ее султанъ? Достаточно-ли для этого
кораблей на Черномъ морѣ? Не нападетъ-ли англійская эскадра?
По сборѣ союзныхъ силъ въ Астрабадѣ какими путями они дви-
нутся въ Индостанъ?—На всѣ эти вопросы Императоръ Павелъ
сообщилъ успокоительныя возраженія и приступилъ, со свойствен-
ной ему стремительностью, къ посылкѣ своего войска.—«Собери-
тесь»—повелѣвалъ онъ атаману Донскаго войска генералу Орлову—
«и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любой изъ трехъ
дорогъ или всѣми, пойдите съ артиллеріею, прямо черезъ Бухарію
и Хиву, на рѣку Индусъ и на заведенія англійскія, по ней лежа-
щія».—«Въ нынѣшній походъ взять казаковъ сколько можно
болѣе».

По самому приступу къ экспедиціи, можно было видѣть, что
она окажется постыднымъ фіаско: вмѣсто Астрабада, какъ было
условлено съ Бонапартомъ, донцамъ предстояло направиться на
Бухару, безъ картъ, безъ колонновожатыхъ и безъ запасовъ

продовольствія. О самой же Бухарѣ донцы знали только то, что въ ней «много обрѣтается ризъ бумаги хлопчатой»—и что бухарцы ѣдятъ рисовую крупу ежедневно. Войсковой атаманъ предписалъ изготovitъ къ походу въ шесть дней, о дву-конь съ полутора-мѣсячнымъ провіантомъ.

Станицы опустѣли до того, что въ церквахъ некому было читать и пѣть, а въ канцеляріяхъ—писать и считать. Полки стали подходить къ р. Волгѣ въ оттепель, когда уже ручьи и балки заиграли водою и прервали всѣ пути сообщенія. Изъ этого затруднительнаго положенія донцы были выведены манифестомъ новаго Императора, повелѣвшаго полкамъ возвратиться на р. Донъ. Вѣсти эти пришли наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія и Орловъ, передавъ ее войскамъ, прибавилъ: «милуетъ васъ, ребята, Богъ и Государь родительскими домами!»

Такимъ образомъ, лучшая часть наслѣдія тимуридовъ продолжаетъ оставаться въ крѣпкихъ рукахъ Англіи, чувствующей себя за Гинду-Кушемъ въ совершенной безопасности. Маленькія непріятности, испытываемыя при выжиманіи излишковъ народнаго благосостоянія, не тревожатъ ея премьеровъ и вице-королей, располагающихъ искусствомъ разъединять раджей и бить ихъ по одиночкѣ; напротивъ, каждый русскій топографъ, взбирающійся на Памиры или отмѣчающій высоты по дорогѣ къ Герату, поселяетъ тревогу въ индійскихъ канцеляріяхъ и вызываетъ посылку дипломатическихъ нотъ.

Тревога эта длится уже болѣе полувѣка и восходитъ отъ времени посылки полковника Стоддарта въ Бухару съ спеціальной миссіей образовать, противъ Россіи, коалицію, изъ среднеазіатскихъ ханствъ. Миссія не удалась, но идея сопротивленія движенію Россіи въ глубину Азіи разраслась за Гинду-Кушемъ до степени болѣзненнаго состоянія. За каждымъ шагомъ Россіи слѣдоваль захватъ со стороны Англіи или горнаго прохода, или отроговъ, удобныхъ для фортификаціоннаго сооруженія. Мелкія народности, при выработанной англичанами системѣ захватовъ въ четыре стадіи:—«совѣтовать, помогать, покровительствовать и проглатывать»—теряли одна за другою самостоятельность и совершенно ступшевывались передъ многочисленными англійскими резидентами. Но Россія выдвинулась въ Бухару и Фергану, что вызвало старанія установить нейтральную зону. Авганистанъ обратился въ буферъ съ англійскою позолотою, на которую Индія расходуетъ

не менѣе ста тысячъ фунтовъ ежегодно. Все, что можно было оттянуть въ пользу буфера изъ сферы рус. вліянія—Шугнанъ, Рошанъ, Ваханъ, Чатраль, Ясинъ — все подчинилось Англіи, черезъ посредство ея буфера. При такомъ, болѣе чѣмъ индифферентномъ отношеніи Россіи къ припамирскимъ странамъ, англійскіе знатоки захватовъ—Ионгхезбэндъ, Форсайтъ, Гордонъ, Троттеръ, Эліасъ — быстро засновали между Индіей и восточнымъ Туркестаномъ съ рекогносцировками Памира и сосѣднихъ независимыхъ ханствъ.

Буферъ доставляетъ Англіи не мало заботъ. Ей пришлось встревожиться за участь Авганистана послѣ обращенія Туркменіи въ рус. область. По этому поводу, эмиръ выразилъ желаніе увеличить получаемую имъ субсидію, для принятія мѣръ противъ случайностей со стороны Россіи. Произошелъ новый обмѣнъ нотами. Авганцы заняли непринадлежавшій имъ оазисъ Пендждѣ. Въ конечномъ результатѣ сношеній получилось образованіе разграничительной комиссіи, съ пятьюстами человекъ англійскаго конвоя. Ободренный такимъ большимъ числомъ дружественныхъ сипаевъ, эмиръ выдвинулся еще впередъ и въ лицѣ своего Наибъ-Салара, получавшаго наставленія отъ англійскаго капитана Іэта, занялъ берега р. Кушки. Произошло неизбежное уже столкновеніе между рус. отрядомъ и Наибъ-Саларомъ. О результатѣ этого столкновенія можно прочесть въ меморандумѣ великобританскаго посла, слѣдившаго съ отеческою заботою за успѣхами и неудачами британскаго буфера. Послѣ несчастья съ авганцами, рус. посоль телеграфировало рус. министру, что сэръ Гладстонъ въ Палатѣ общинъ и лордъ Гранвиль въ Палатѣ лордовъ заявили о необходимости голосовать кредитъ въ одиннадцать мил. ф. стерл., изъ нихъ четыре съ половиною на расходы въ Египтѣ, а остальные на защиту интересовъ имперіи «помимо Судана».

Не смотря на этотъ рѣшительный шагъ и такую же готовность рус. правительства открыть не меньшій кредитъ на защиту интересовъ Россіи тоже «помимо Судана», дѣло кое-какъ уладилось—впредь до новыхъ капризовъ историческаго рока.

Можно думать, что Англія не довольна своими буферами, по крайней мѣрѣ, когда ей надоѣдаютъ вазирисы и афридин, она подозреваетъ Кабулистанъ въ тайномъ заговорѣ и требуетъ новыхъ клятвъ его хана въ неизмѣнной вѣрности. Ханъ клянется, забывъ вѣроятно, что когда до своего бѣгства изъ Самарканда онъ со-

стоялъ на иждивеніи рус. казны, то тоже благодарилъ Аллаха за ниспосланіе ему добраго покровителя.

Второй буферъ—«крыша міра»—также разграниченъ недавно между сферами рус. и англійскаго вліянія, но это наслѣдіе тимуридовъ такъ безплодно и бесплодно, что только крайне меланхоличныя номады могутъ вести здѣсь борьбу за существованіе. Пролегающій поверхъ этой крыши путь изъ Туркестана въ Индію тяжелъ и труденъ, такъ что рус. желѣзная дорога по направленію къ Герату будетъ, по всей вѣроятности, тѣмъ торговымъ путемъ, о которомъ такъ заботились рус. государи.

Впрочемъ, историческій рокъ, распредѣливъ наслѣдіе тимуридовъ между Россіею, Англіей, Китаемъ и Персіей и забравъ старые пути сообщеній между ними, не намѣтилъ еще новые или, вѣрнѣе, не нашелъ еще станціи соединенія туркестанскихъ желѣзныхъ дорогъ съ индійскими. Несомнѣнно, такая станція будетъ найдена, хотя бы суровыя горныя вершины и протестовали противъ безпокойнаго паровознаго свистка.

III.

ИТОГИ И ВОПРОСЫ.

(Наканунѣ XX-го стол.).

ноговѣковая и много-страдальная борьба Россіи съ чингисидами и тимуридами доставила человечеству результаты высокой важности. Она оградила европей-

скую культуру отъ монгольскаго погрома, а христіанство отъ фанатическаго преслѣдованія исламитянъ.

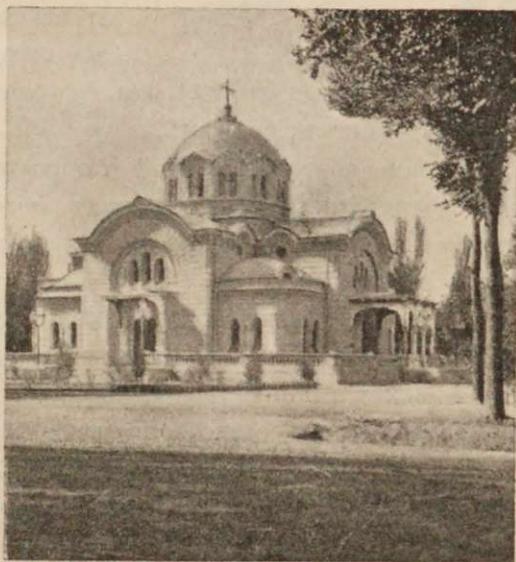
Теперь, за бывшею чертою владѣній татаро-монголовъ, живутъ и работаютъ сорокъ милліоновъ русскихъ людей, вытѣснившихъ изъ Турана и Ср. Азіи—рабство и произволь, требовавшій въ такомъ избыткѣ палачей и крови.

Увѣнчаніемъ этой знаменательной, въ обширномъ историческомъ смыслѣ, борьбы славянъ съ народами, являвшимися «поплѣнять всю землю» служитъ путешествіе сына и наслѣдника Русскаго Императора, посѣтившаго старо-монгольскія земли съ мирными цѣлями и высоко-культурными задачами. Въ его присутствіи, родилась на Дальнемъ Востокѣ великая сибирская желѣзнодорожная магистраль, которой суждено превратить, хотя-бы черезъ столѣтія, Европу и Азію въ одинъ нераздѣльный материкъ. Примкнувъ къ Тихому океану, она пересѣчетъ колыбель, подаривъ

шую міру такихъ вождей гунновъ, монголовъ и тюрковъ, какъ Аттила, Чингисъ-ханъ, Батый или Узбекъ.

По пути, намѣченному и лично пройденному Высокимъ руководителемъ этой грандіознѣйшей въ мірѣ желѣзно-дорожной магистрали, идетъ теперь настолько сложный и обширный трудъ, что передъ нимъ умяются многія историческія сооруженія. По этому пути продолжаетъ двигаться обратная волна славянства, неся съ собою сотни христіанскихъ храмовъ, школъ, паровыхъ судовъ—и величайшіе завѣты Христа о владычествѣ мира надъ міромъ. Никто изъ пришельцевъ на родину Чингисъ-хана и не подумаетъ, разумѣется, ополчаться *ad maiorem Dei gloriam* ни на кумирню ламантовъ, ни противъ другихъ святая святыхъ народовъ Турана. Такъ видятъ и понимаютъ это и сами аборигены земли, устраивавшіе торжественныя встрѣчи царственному посѣтителю. Въ истинѣ этой убѣждены и слуги желтой вѣры, привѣтствовавшіе такъ тепло и нелицемѣрно сына ихъ Государя въ Дацинъ-Ацаганскомъ монастырѣ.

Возвратившись въ родную столицу, Высокій путешественникъ оставилъ за собою, даже и по восшествіи на престолъ, непосредственное управленіе обратною историческою волною Россіи—движеніемъ ея въ земли чингисидовъ и вообще на Дальній

Церковь въ Ташкентѣ.

Востокъ. Благодаря этому счастливому обстоятельству, побережье и воды Тихаго океана не перешли въ монопольные тиски современныхъ половчанъ. Запедшимъ на Востокъ русскимъ черносошникамъ не придется, поэтому, горевать, при видѣ чужестраннаго броненосца, о томъ, что «станетъ смердъ пахать на своей лошади, а наскочить половчанинъ и убьетъ смерда стрѣлою, лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ и гумно сожжетъ....»

Такимъ образомъ, Россіи понадобились три столѣтія, чтобы подвести своею обратною волною окончательный итогъ ея борьбѣ съ старо-монгольскимъ міромъ. Теперь, въ этомъ итогѣ, нѣтъ болѣе мѣста ни колебаніямъ, ни сомнѣніямъ, отъ чего еще такъ далека продолжающаяся длиться борьба христіанства съ исламомъ.

По крайней мѣрѣ, исламитяне, мечтая объ идеальномъ будущемъ, не оставляютъ надежды на перевоспитаніе людской общины по масштабѣ корана. Мало того, они не могутъ и отойти въ сторону отъ этой цѣли, которую таятъ только по невозможности придать мантии Пророка всесокрушающую силу. Отойдя отъ этой цѣли, они наступили-бы на принципиальнѣйшіе изъ завѣтовъ Пророка, поставившаго истребленіе неврѣнныхъ чуть-ли не вторымъ догматомъ послѣ единобожія.

Въ этомъ отношеніи, ученіе в. аравитянина легко объясняется тѣмъ, что, пролагая путь своему ученію, онъ нуждался безусловно въ помощи копья и меча, чѣмъ выдѣлился изъ ряда пророковъ и посланниковъ Божіихъ и кореннымъ образомъ разошелся съ христіанскимъ вѣроученіемъ.

Послѣдователи его ученія сдѣлали многое, чтобы поставить его на высоту исключительнаго величія. Они увѣрили народную массу, что самое рожденіе Мухаммеда сопровождалось чудесными явленіями. Прежде всего, по исходу изъ чрева матери, онъ лично поздравилъ ее съ разрѣшеніемъ отъ бремени и призвалъ на нее благословеніе Аллаха. При его рожденіи, легіоны невидимыхъ духовъ и безплотныхъ существъ огласили міръ радостнымъ ликоваціемъ. Архангелъ Гавріиль, вынувъ его сердце, омылъ его, наполнилъ небеснымъ свѣтомъ и вновь вложилъ въ грудь....

Но, отбросивъ эти легенды, нельзя не видѣть, что, прійдя въ возрастъ, которому доступенъ уже философскій кругозоръ, Мухаммедъ увидѣлъ всю безпомощную глупость идоловъ, окружавшихъ Ке'абу и непригодность для его личныхъ цѣлей мирныхъ принциповъ іудейства и христіанства. Они были слишкомъ скром-

ны и слишкомъ духовны для реальной природы его соотечичей. Обогатившись сказаніями талмудистовъ и черпнувъ кое-что изъ устныхъ разсказовъ о жизни и дѣяніяхъ Сына Маріи, онъ принялся издавать сурю за сурою въ примѣненіи ихъ къ міровоззрѣнію согражданъ. Многое изъ того, что удалось ему изучить или собрать на базарахъ и ярмаркахъ Емена и Сиріи, онъ переработалъ подъ свой уголъ зрѣнія и переложилъ въ пѣсни корана. Въ ряду этихъ матеріаловъ заняли главенствующее положеніе—походы, битвы, гаремъ и—только попутно—всякія добрыя дѣла. Въ противорѣчіяхъ онъ не стѣснялся. Достаточно было заподозрить красавицу Аишу въ измѣнѣ, какъ онъ наградилъ всѣхъ будущихъ измѣнницъ восьмьюдесятью плетями и достаточно было Аишѣ взять его обратно въ руки, какъ тѣ же восьмьюдесять плетей онъ посулилъ чуть не самому себѣ за ея оскорбленіе.

Въ борьбѣ за ученіе, онъ требовалъ отъ послѣдователей безпрерывнаго воспитанія духа воинственности и суроваго образа жизни. Съ этою цѣлью, онъ разрѣшилъ имъ только три забавы: скачку на конѣ, метаніе стрѣлъ и нѣгу женщины. При двухъ первыхъ утѣхахъ, онъ обѣщалъ даже присутствіе небесныхъ геніевъ и наоборотъ, при игрѣ въ шахматы или въ шашки, правовѣрнымъ угрожало присутствіе такой нечистой твари, какъ свинья. Особою суровостью отличались его требованія на время войны: правовѣрные должны, по его завѣтамъ, только сражаться, а въ свободное время отъ сраженія—предаваться благочестивымъ размышленіямъ.

Мухаммедъ создалъ эти воинственныя повелѣнія самостоятельно, не заимствуя ничего для нихъ ни отъ іудеевъ, ни отъ христіанъ. Онъ зналъ, что пророки іудеевъ требовали, напротивъ, перековать мечи на орала и копыя на серпы, чтобы каждый человѣкъ могъ сидѣть безтрепетно подъ своею смоковницею или виноградною лозою. Христіане-же получили завѣтъ объ одномъ лишь мирѣ и только о мирѣ.

Въ описаніи всѣхъ прелестей войны, Мухаммедъ превзошелъ лучшія изъ своихъ пѣсней и поэтому оставилъ по себѣ такихъ фанатическихъ послѣдователей, какъ халифъ Омаръ, заповѣдавшій уже отъ себя:—«Поѣдать христіанъ, пока будетъ существовать исламизмъ». Такимъ образомъ, возникъ заколдованный кругъ, по которому коранъ подгоняетъ войну, а война мчится за кораномъ. Всему встрѣчному остается поклониться передъ исламомъ или

быть порабощеннымъ, а всякое сопротивленіе ему должно вести къ кровопролитію. При такихъ принципахъ, исламъ не превозмогъ христіанства единственно потому, что онъ отсталъ отъ той культуры, которая даетъ самому существованію на землѣ человѣка—разумъ и силу.

При абсолютномъ невѣжествѣ, въ образовательномъ смыслѣ, Мухаммедъ придалъ съ тонкимъ расчетомъ ученію своему чувственную заманчивость.

Наградивъ послѣдователей семью небесами и семью климатами, онъ загнипотизировалъ ихъ четырьмя женами на землѣ, а въ райской обители—гуріями съ ланитами, уподобленными скорлупѣ страусовыхъ яицъ. Гуріи будутъ поводить черными, а не безобразными голубыми зрачками и красоваться черными волосами на головѣ, въ бровяхъ и рѣсницахъ. Тамъ, даже простые люди, будутъ имѣть напитокъ изъ имбиря, тогда какъ кифиры будутъ пить въ аду помой, ѣсть отвратительные плоды Заккума и Дзарига, одѣваться въ пылающую смолу и просить помощи у дьяволовъ.

Въ этомъ гипнотическомъ состояніи, исламитяне видятъ въ падающихъ звѣздахъ—раскаленные камни злыхъ геніевъ, воюющихъ противъ свѣтлыхъ ангеловъ, стерегущихъ подлинникъ корана. Не нуждаясь во всѣхъ вопросахъ ума и сердца, въ помощи опыта и

Торговля въ Ср. Азіи—дорогими вещами—подъ открытымъ небомъ.
(При русскомъ господствѣ).

науки, а тѣмъ болѣе критики, мусульманинъ ищетъ въ коранѣ и только въ коранѣ отвѣты на все вопросы жизни. Отсюда нѣтъ и быть не можетъ общенія мусульманина съ лицами другихъ воззрѣній и вѣрованій. Хотя «имѣющіе книгу»—христіане и евреи—болѣе почтенны въ глазахъ мусульманина, нежели идолопоклонники, но все-же въ его глазахъ они люди низшаго порядка и не для нихъ расцвѣтутъ ланиты гурій.

Изъ этого вѣроученія, государственное знамя ислама обратилось въ знамя войны; такимъ оно было въ эпоху Тимура, такимъ оно осталось и къ нашему времени. Знамя Мухаммеда продолжаетъ храниться, вмѣстѣ съ реликвіями мусульманства, въ одной изъ залъ султанскаго сераля и развертывается только на время войны, когда султанъ или визирь принимаетъ въ ней личное участіе. Въ мирное время оно снимается съ древка и завертывается въ другое знамя—временъ Омара—и потомъ въ сорокъ шелковыхъ покрововъ съ надписями изъ догматовъ вѣры. Между покрывами вкладывается коранъ, написанный Абу-Бекромъ. Въ этой-же залѣ хранятся и прочія реликвіи мусульманства: зубы, выбитые у Мухаммеда въ Оходской битвѣ, его плащъ, часть бороды и ключъ отъ Ке'абы.....

Заманчивыя положенія ислама привели къ тому, что мухаммеданство приобрѣло въ Индіи, въ теченіе десятилѣтій, три милліона послѣдователей, тогда какъ, въ этомъ-же десятилѣтіи, христіанство привлекло къ себѣ только шестьсотъ индусовъ. Миссіонерскія общества расходуютъ въ Палестинѣ, Аравіи, Персіи и Египтѣ сотни милліоновъ франковъ и приобретаютъ сотни человѣкъ новобранцевъ. Отъ Нила до Атлантическаго океана и отъ Средиземнаго моря до экватора исламъ сдѣлался господствующею религіею; при этомъ мусульманскія миссіи не располагаютъ ни денежными средствами, ни покровительствомъ властей.

Проходятъ вѣка, а дочери ислама, живущія даже среди рус. населенія, не желаютъ знать рус. рѣчи и строго хранятъ чистоту своей монголо-тюркской крови. Благодаря тому, что Посланникъ, заподозрѣвъ Аишу въ измѣнѣ, повелѣлъ женщинамъ носить покрывала на лицахъ, онѣ пошли дальше его желанія и изобрѣли въ Азіи халаты, надѣваемые поверхъ головы.

Вообще, не обладая для самосохраненія національной индивидуальности культурными средствами, исламитяне борются очень успѣшно только крѣпостью убѣжденія въ личномъ превосходствѣ

надъ иновѣрною, окружающею ихъ средою, кажущимся неимѣніемъ кастовыхъ перегородокъ и надеждами на прелесть загробнаго бытія. Исламу недостаетъ только прежней матеріальной силы, чтобы навязать свое убѣжденіе всѣмъ странамъ и народамъ и, быть можетъ, тѣми-же героическими средствами, какими Тимуръ-ленгъ воспитывалъ умы пяти подвластныхъ ему климатовъ.

Тимуриды давно уже сошли съ горизонта ислама, но укрѣпленная ими идея панисламизма живетъ въ ихъ странахъ и чувствуетъ себя довольно бодро. Покрайней мѣрѣ, въ концѣ девятнадцатаго вѣка, она зашевелилась съ удвоенною силою, благодаря лозунгамъ, исходящимъ изъ Стамбула и частью изъ Индіи. Насаждавая свое косное образованіе щедрою рукою, исламъ возрастаетъ въ замѣтной пропорціи: при четырехстахъ милліонахъ христіанъ, мусульманъ народилось уже до двухсотъ милліоновъ, что составляетъ восьмую часть населенія земного шара—при разницѣ на шесть вѣковъ между эрами христіанской и мусульманской!...

Такой необыкновенно быстрый ростъ ислама приводитъ къ глубокому раздумью. Изъ незначительныхъ, нѣсколькихъ племенъ сыновъ пустыни—бедуиновъ—создалось могущественное государство съ религіею, обошедшею весь Старый Свѣтъ и съ несомнѣннымъ стремленіемъ сломить могущество креста....

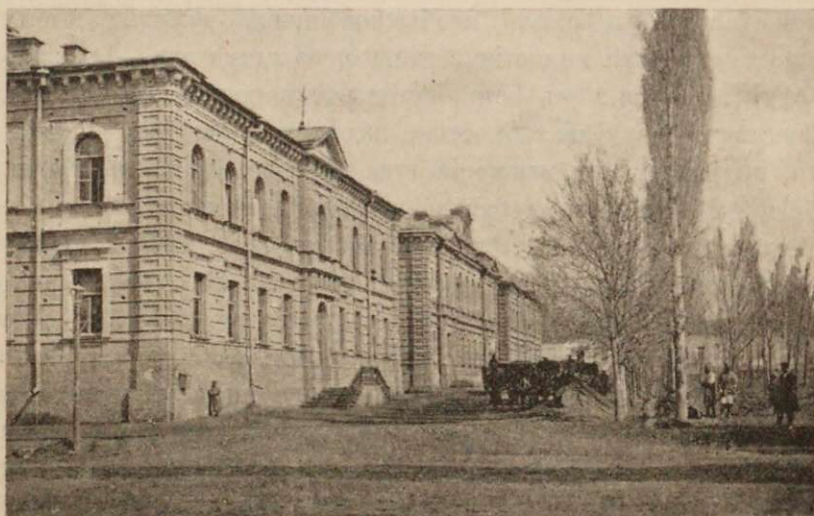
Великія древнія столицы—Константинополь, Александрія, Дамаскъ, Іерусалимъ—продолжаютъ оставаться подъ сѣнію луны—эмблемы ислама—и только необыкновенными усиліями выбились изъ подъ ея опеки немногія страны и во главѣ ихъ—Россія.

Гдѣ же и на чемъ остановится ростъ ислама, страшнаго человечеству своею фанатичностью, недопускающею виѣ корана ни свѣта, ни истины, ни движенія ума, предоставленнаго Творцомъ человѣку? Мухаммедъ, требуя войны съ невѣрными, во чтобы-то ни стало, приказалъ посылать въ битвы весь свой народъ, за исключеніемъ хромыхъ, слѣпыхъ и слабыхъ. Невѣрнымъ онъ согласился давать пощаду, но только пощаду, а не миръ. Теперь, когда численный перевѣсъ на сторонѣ христіанства и культуры, эти повелѣнія остаются только религіозными наставленіями, не болѣе, но если численный перевѣсъ измѣнить христіанству—міръ испытаетъ священную войну, во имя искорененія всѣхъ религій—кромѣ преподанной въ коранѣ—и нивелировку всѣхъ знаній и движеній ума по масштабу муллъ и улемовъ!

Нѣкоторымъ ослабленіемъ мусульманства служить рознь, су-

ществовавшая между двумя главными толпами—суннитами и шиитами, признающими и непризнающими имама или преемственность духовной иерархии.—Кромѣ того, сунниты выдѣлили изъ себя суфизмъ, отрицающій всякую положительную религію и обрядности и, уже за одно, всякую науку. Адептъ суфизма, отдаваясь исключительно созерцанію и восторженности, не признаетъ ни мечети, ни христіанскаго храма. Путемъ самозабвенія, онъ сливается съ Богомъ и въ этомъ, доступномъ по его мнѣнію, сліяніи, заключается единственная и конечная цѣль его жизни, какъ и каждаго смертнаго. Баиды тоже отвергаютъ обрядовую сторону жизни и вѣрованій мусульманства. Вообще же, исламъ дошелъ уже до семидесяти двухъ расколовъ и идетъ далѣе по этому пути, но никакъ не въ сторону христіанства и науки.

Относительно роста ислама нельзя не видѣть, что успѣхи христіанскихъ миссіонеровъ, не смотря на самоотверженіе ихъ, доходящее, при взрывахъ въ разныхъ странахъ національнаго фанатизма, до мученичества, крайне слабы. Христіанство увеличивается скорѣе естественнымъ путемъ, нежели пріобрѣтеніемъ новыхъ народовъ. Массовыя обращенія въ христіанство уже пріостановились, тогда какъ мусульманство продолжаетъ присоединять къ себѣ цѣлые милліоны прозелитовъ. Не углубляясь, для доказательствъ этого положенія, въ глубь Африки и, не выходя

Гимназія въ Ташкентѣ.

даже изъ рус. предѣловъ, достаточно взглянуть на миллионное население азіатскихъ кочевниковъ. Въ средѣ ихъ, муллы — и указные и неуказные, и убѣжденные и проходимцы изъ казанскихъ святошъ—быстро сдѣлали свое дѣло и подарили Пророку два—три миллиона его послѣдователей, ничего не понимающихъ въ его «Книгѣ Писанія», но уже оторгнутыхъ отъ пути къ христіанству.

Въ болѣе-же грандіозныхъ размѣрахъ, могущихъ удивить весь міръ, мусульманство можетъ достигнуть, совершающимся на нашихъ глазахъ, завоеваніемъ Африки и склоненіемъ Будды и Брамъ къ уступкѣ ихъ одряхлѣвшихъ престоловъ и ихъ туманныхъ міровоззрѣній—въ пользу реальныхъ завѣтовъ знаменитаго аравитянина. Каждый торговецъ слоновою костью и невольниками на материкѣ Африки прозелитствуетъ и довольно успѣшно въ духѣ корана. Монгольская народная масса продолжаетъ чтить Будду только по наслышкѣ отъ ламъ, проповѣдывающихъ истины желтой вѣры на непонятномъ нарѣчій. Высокое ученіе Будды нисколько не останавливаетъ монгола возводить и теперь въ «боргана» и самого ламу и его молитвенникъ и монастырскую стѣну и кучу камней, сложенныхъ на вершинѣ горы. Китайскіе-же мусульмане преданы культу поклоненія предкамъ, какъ индійскіе мусульмане чтутъ многіе изъ праздниковъ Брамъ.

Но оставляя въ сторонѣ коренныхъ монголовъ, оставшихъ въ умственномъ движеніи на многіе вѣка, нельзя не видѣть, что и болѣе культурныя племена не могутъ справиться съ высотой ученія Будды. Онъ заповѣдалъ такъ много добродѣтелей, что человѣкъ не въ состояніи воспринять самую дробную ихъ частицу. Повидимому, отецъ буддизма желалъ создать рай на землѣ, нисколько не подозревая, что онъ наводнитъ міръ одною безконечною фальшью. Красоту женщины онъ считалъ величайшею противницею его высокихъ завѣтовъ. — «Не останавливайте свои взоры на женщинахъ!» заповѣдалъ онъ аскетамъ, обязаннымъ умерщвлять плоть. — «При встрѣчѣ съ женщинами не обращайтесь на нихъ вниманія. Берегитесь говорить съ ними, а если нужно говорить, то охраняйте отъ нихъ свои сердца. Вы должны напоминать собою лилии, остающіяся чистыми и среди болота». Во имя этихъ завѣтовъ, ламы ведутъ безбрачную жизнь и увѣ! являются первыми проводниками губительной болѣзни въ средѣ безпомощныхъ противъ нея номадовъ.

Эту грубую сторону жизни народъ сравниваетъ съ ученіемъ Пророка и становится всецѣло, съ точки зрѣнія грѣховнаго организма, на его сторону. Пророкъ былъ и самъ любителемъ женскаго пола и, какъ в. рационалистъ, видѣлъ, что такимъ разрѣшеніемъ многоженства онъ увлечетъ за собою миллионы людей. Такъ оно и случилось. Не менѣе реальны его и адъ и рай, тогда какъ переселеніе душъ, по ученію Будды, не дается пониманію и самомудрѣйшимъ ламамъ. При заповѣданныхъ имъ шести классахъ всего сущаго—ангеловъ, демоновъ, людей, четвероногихъ, летающихъ и пресмыкающихся—ни одинъ лама не въ состояніи провести по этой іерархіи хотя-бы и заведомо безгрѣшную душу. Наконецъ, эта безгрѣшная душа, переселяясь изъ рыбы въ осла или въ пѣвчую птичку, должна, при достиженіи высшей степени совершенства, уничтожиться или слиться съ существомъ Будды и утонуть въ общей гармоніи. Такой исходъ бытія никогда не прельститъ мухаммеданина, которому нерасчетливо разстаться и въ раю съ гаремомъ идеальныхъ созданий.

Такимъ образомъ, если допустить возможность сліянія мусульманъ съ буддистами и браманистами, то оно осуществится только на условіяхъ корана, что можетъ вызвать пробужденіе азіатскаго волкана. Теперь, для Европы, пробужденіе это не страшно, но Азія и Африка, съ ихъ ничтожнымъ процентомъ христіанства, могутъ еще захлебнуться кровью, какъ это и показало Суданское возстаніе.

Для возбужденія и распространенія возстанія противъ невѣрныхъ, мусульмане имѣютъ въ запасѣ вожатаго, въ лицѣ двѣнадцатаго имама, Мухаммеда-Махди, который исчезъ только на время съ земли, съ тѣмъ, чтобы поразить, наканунѣ страшнаго суда Даджала, лгуна и обманщика—и обратить кяфировъ въ правовѣрныхъ. Если одного Махди окажется недостаточно для этой миссіи, то за нимъ явятся второй, третій и—сколько понадобится. Предшественники каждаго изъ нихъ будутъ объявлены лже-пророками. Суданское возстаніе служить не дурнымъ примѣромъ живучести Махди и образчикомъ возбужденія въ этомъ направленіи мусульманскаго фанатизма.

Ожидаемый Махди—человѣкъ, направленный самимъ Аллахомъ на истинный путь—долженъ, какъ предопредѣлено, явиться изъ племени корейшитовъ, возлѣ Медины. Недавно, однако, онъ явился въ семьѣ бѣднаго плотника, на островѣ Бѣлаго Нила,

но это не помѣшало ему объявить себя избранникомъ Божиимъ, посланнымъ на землю для искорененія невѣрныхъ и привлечь къ себѣ толпы послѣдователей. Никто не обратилъ вниманія даже на то, что его появленію должны были предшествовать необыкновенныя событія: на землѣ долженъ былъ явиться, какъ увѣряютъ искренно вѣрующіе мусульмане, врагъ ислама—Даджалъ. Пришествіе его должно-бы обозначиться всемірными бѣдствіями: повсемѣстною засухою, убійственными вѣтрами, повальнымъ голодомъ и приумноженіемъ грѣховъ. Послѣ разрушительнаго землетрясенія, солнце должно-бы взойти съ запада и свѣтить разными цвѣтами, а звѣзды пасть на землю и померкнуть. Даджалъ явится безобразнѣйшимъ изъ тварей, съ надписью между глазами—«невѣрный». Надпись эту прочтутъ даже всѣ неграмотные люди. Въ теченіе сорока лѣтъ, онъ будетъ путешествовать на безхвостомъ ослѣ и водить за собою толпу изъ семидесяти тысячъ незаконнорожденныхъ людей необыкновенно свирѣпаго вида.

Ничего подобнаго не произошло на землѣ, между тѣмъ самозванный имамъ вызвалъ серьезное народное движеніе, направленное не только противъ христіанства, но и противъ турокъ за ихъ уживчивость, хотя - бы и невольную, съ послѣдователями Христа.

Оповѣстивъ о принятой на себя миссіи: возстановить равенство между всѣми мусульманами и общность ихъ имущества и уничтожить иновѣрную власть въ мусульманскихъ странахъ, Махди приступилъ къ активной дѣятельности. Началось суданское возстаніе, не погасшее и по настоящее время. Инсurreкція перешла въ Каиръ и не затруднилась открыть рѣзню европейцевъ на улицахъ Александріи. На двѣнадцати площадяхъ Каира, двѣнадцать дервишей прочли прокламацію, требовавшую смерти европейцевъ и поднятія знамени Мухаммеда. И только, когда Александрія понесла, благодаря англійской бомбардировкѣ, двѣ тысячи жертвъ, христіанское населеніе ея нѣсколько успокоилось, но на долго-ли?

При развитіи суданскаго возстанія, Махди располагалъ уже двумястами тысячъ человѣкъ, при чемъ его призывъ къ войнѣ съ обѣщаніями въ изыткѣ—золота, оружія, прекрасной одежды и красивыхъ рабынь, разошелся во многихъ мусульманскихъ странахъ. Египетскія войска несли пораженіе за пораженіемъ. Подъ Хартумомъ, Махди явился уже съ скорострѣльнымъ оружіемъ и прекрасной артиллеріей. Наконецъ палъ и Хартумъ, при чемъ

былъ убитъ и защитникъ его, англійскій генераль Гордонъ. Англичане отступили.

Появился еще одинъ Махди.

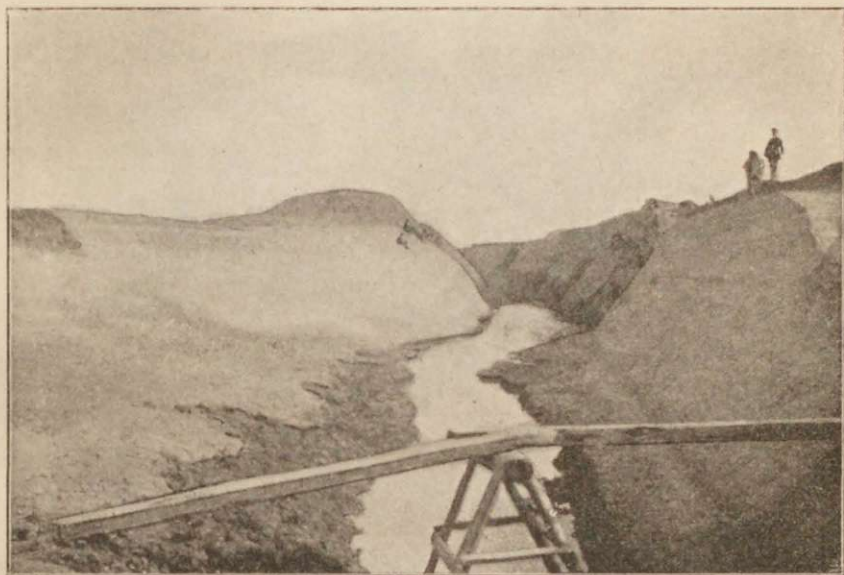
Но и новый Махди предписалъ умерщвление всѣхъ иностранцевъ, которые не примутъ ислама и не будутъ платить ему податей.—«Препояштесь!» взывалъ онъ къ суданцамъ—«върой и мечемъ... и идите въ битвы съ невѣрными и ихъ сообщниками». Подъ послѣдними онъ разумѣлъ исламитянъ, терпящихъ въ своихъ земляхъ нечестивыхъ кяфировъ.—«Пророкъ и десять тысячъ ангеловъ будутъ на вашей сторонѣ. Не бойтесь невѣрныхъ. Помощникомъ ихъ будетъ одинъ дьяволъ и то съ намѣреніемъ довести ихъ до гибели».

Успѣхи этого имама, желающаго обновить міръ чистотою заветовъ великаго аравитянина, отзывались во всѣхъ мусульманскихъ странахъ. Въ Индіи возникъ союзъ, направленный къ объединенію мусульманъ всего земнаго шара. Члены союза располагали начать дѣло обновленія ислама умерщвленіемъ англійскаго намѣстника и ограбленіемъ англійскихъ купцовъ. Начала исчезать рознь между враждебными суннитами и шіитами. Въ Ср. Азіи засуетились возбужденные дервиши и усилили на площадяхъ и базарахъ свои мистическія пѣснопѣнія. Въ предвидѣніи неосмысленнаго фанатическаго взрыва, туркестанскій генераль-губернаторъ потребовалъ, чтобы суданскій реформаторъ былъ объявленъ ложнымъ Махди....

Каковы-бы однако ни были идеи и вождедѣнія исламитянъ, населяющихъ Азіатскій материкъ, Европа можетъ спокойно смотрѣть въ глаза будущему. Ея защитницѣ, со стороны востока, не придется напоминать, какъ напоминало Московское государство своимъ пограничнымъ полкамъ: «стояти на сторожѣ съ коней не съѣдая... ѣздити бережно и усторожливо, беречи на крѣпко...»

Расплатившись съ чингисидами по христіанской совѣсти и, проведя свою мирную волну черезъ старо-монгольскія земли до береговъ Тихаго океана, русскіе люди имѣютъ нравственное право задаться вопросами:—«Чему способствуютъ проливаемые воителями моря человѣческой крови? помогли-ли онѣ въ прошедшемъ чело-вѣку гуманизоваться, или, напротивъ, подкрѣпили въ немъ животную злобу?»—Увы! съ этими вопросами приходится считаться и наканунѣ двадцатаго вѣка, точно монголы продолжаютъ еще обращать многолюдные города въ пахотныя поля. Страшно вспом-

нить, что въ теченіи одного отходящаго въ вѣчность столѣтія, легли на поляхъ битвъ семь милліоновъ человѣческихъ жизней и—что же?—въ результатѣ получилось истолкованіе вождя христіанской арміи, что лояльное человѣкоустройство необходимо для укрѣпленія союза между миромъ и трудомъ. Такъ онъ объяснилъ своимъ новобранцамъ значеніе красной полосы въ его государственномъ флагѣ! Можно однако утверждать, что подъ этой тенденціей охотно приложили-бы свои тамги: Аттила, Чингисъ-ханъ, Тимуръ-ленгъ и вся плеяда историческихъ буйи-варваровъ, которыхъ никто еще не подозрѣвалъ въ избыткѣ сентиментальности....

Проведеніе оросительнаго канала въ Голодной степи

Не таковы воззрѣнія людей славянской крови, всегда предпочитавшихъ соху—сулицѣ и харолужному мечу. Выйдя блистательнымъ образомъ изъ борьбы съ язычествомъ монголовъ и исламомъ тюрковъ, славяне несомнѣнно тяготеютъ къ вопросамъ: не наступило-ли время для передѣлки мечей и копей въ орала и серпы? не пора-ли явиться тому избраннику историческаго рока, которому предназначенъ счастливый жребій осуществить мирные завѣты христіанства?

Правда, чингисиды и тимуриды продолжаютъ еще встрѣчать въ пантеонѣ великихъ истребителей новыхъ собратьевъ по крови

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христианскому.	
566	1170	Возобновленіе враждебныхъ отношеній между приволжскими булгарами и сѣверо-восточными рус. кн. Отвѣтный походъ соединенныхъ рус. силъ въ половецкую землю. Бѣгство Темучина изъ плѣна. Набѣгъ его на геновъ.
580	1184	Значительная побѣда кіевлянъ надъ половцами при р. Хоролѣ.
581	1185	Пораженіе половцами кн. Сѣверскихъ.
583	1187	Отраженіе новаго набѣга половцевъ южно-рус. князьями и Черными Клобуками (впослѣдствіи «черкасы-малоруссы»).
591	1194	Обращеніе Ванъ-хана — государя керантовъ — за помощію къ Темучину.
595	1198	Возвращеніе Ванъ-хану, при помощи Темучина, керантскихъ владѣній.
598	1201	Провозглашеніе друга Темучина, Джамухи, гуръ-ханомъ.
599	1202	Разрывъ союза между Ванъ-ханомъ и Темучиномъ. Убіеніе Ванъ-хана и подпаденіе керантовъ подъ власть Темучина. Убіеніе Темучиномъ Джамухи, какъ соперника на пути къ единовластію.
600	1203	Побѣда Темучина надъ найманами. Смерть въ сраженіи хана найманскаго Таянгъ-хана. Принесеніе Темучину покорности племенами дурбѣнъ, татаръ, хатакинъ и салджіютъ. Война Темучина съ мергитами и покореніе ихъ. Опустошеніе Кіева половцами.
601	1204	Походъ Темучина въ страну тангутовъ. Разореніе имъ и ограбленіе тангутовъ.
602	1205	Большой курилтай въ Монголіи. Провозглашеніе Темучина Чингисъ-ханомъ (гуръ-ханомъ). Поднятіе имъ знамени съ девятью хвостами (или съ девятью подножками?). Новое столкновеніе его съ найманами.

По лѣтосчисле- ніямъ.		
Мусуль- манскому.	Христіан- скому.	
603	1206	Возмущеніе тангутовъ противъ Чингисъ-хана. Новый погромъ тангутовъ. Добровольная покорность Чингисъ-хану кочевыхъ племенъ, насе- лявшихъ киргизскую степь.
604	1207	Возобновленіе войны съ мергитами. Покореніе Чингисъ-ханомъ ойратовъ.
605	1208	Добровольное поступленіе въ подданство Чингисъ-хану уйгуровъ. Поступленіе въ гаремъ Чингисъ-хана дочери государя тангутовъ.
607	1210	Добровольное поступленіе въ подданство Чингисъ-хану карлукъ. Походъ Чингисъ-хана въ Кара-Китай. Овлaдѣніе имъ болышею частью этой страны. Поступленіе дочери Кара-Китайскаго государя (Кунджи-хатунъ) въ гаремъ Чингисъ-хана. Паденіе власти Кара-Китая въ Трансоксаніи. Овлaдѣніе хорезмъ-шахомъ Мухаммедомъ Трансоксаніей.
610	1213	Продолженіе военныхъ операцій Чингисъ-хана въ сѣверномъ Ки- таѣ (династія Гинъ).
612	1215	Разгромъ монголами (Бэ-гина) Пекина. Побѣдоносное возвращеніе Чингисъ-хана изъ Китая въ Монголію. Истребленіе Чингисъ-ханомъ мергитовъ.
613	1216	Походъ монголовъ противъ южнаго Китая (династія Сунъ).
614	1217	Назначеніе Чингисъ-ханомъ военачальника Мухули, съ титу- ломъ Гована, правителемъ восточнаго Китая. Окончательное истребленіе Чингисъ-ханомъ возмущившихся най- мановъ.
615	1218	Призывъ багдадскимъ халифомъ монголовъ противъ хорезмъ-шаха. Истребленіе, по повелѣнію хорезмъ-шаха, посольства Чингисъ-хана. Движеніе монголовъ въ ср. Азію. Осада, штурмъ и взятіе ими одной изъ столицъ хорезмъ-шаха— Отрара.
616	1219	Овлaдѣніе Чингисъ-ханомъ Бухарою.
617	1220	Овлaдѣніе имъ Самаркандомъ.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
617	1220	Завоеваніе монголами имперіи хорезмъ-шаха и областей Ирана. Смерть хорезмъ-шаха Мухаммеда. Погоня монголовъ за его сыномъ и наслѣдникомъ Джелалъ-эд-диномъ, бѣжавшимъ въ Индію. Движеніе монголовъ въ кавказскія и черноморскія страны. Окончаніе господства арабовъ въ Персіи и начало господства монголовъ.
618	1221	Покореніе монголами Балха, Герата и Нишапура. Осада крѣпости Баміанъ и истребленіе въ ней всѣхъ живыхъ существъ (людей, птицъ и животныхъ). Покореніе монголами хорасанскихъ областей. Совершенное разореніе ими Мерва и Хорезма.
619	1222	Истребленіе ими Герата. Основаніе Нижняго-Новгорода. Возвращеніе Чингисъ-хана изъ Индіи въ Трансоксанію.
621	1224	Пораженіе монголами на р. Калкѣ (вблизи Маріуполя, нынѣшней Екатеринославской губ.) половцевъ и южно-рус. кн. («и погibe множество людей и бысть вопль и воздыханіе и печаль по всѣмъ градомъ и по волостемъ») Основаніе монголами на Таврическомъ полуостровѣ г. Судака. Укрѣпленіе монголами за собою всѣхъ половецкихъ земель и рус. Украйны. Возвращеніе Чингисъ-хана въ Монголію. (НВ. Въ Воскресенской лѣтописи записано совершенно ошибочно: «тогда же (1224 г.) и Чаногизъ-канъ убіенъ бысть») Велико-княженіе Георгія Всеволодовича. Возстановленіе популярности наслѣдника хорезмъ-шаха Джелалъ-эд-дина. Рядъ его удачныхъ военныхъ операцій въ областяхъ, занятыхъ монголами.
622	1225	Возобновленіе войны Чингисъ-хана съ тангутами. Смерть халифа Насира и заключеніе его преемникомъ Мустансиромъ мирнаго договора съ хорезмъ-шахомъ Джелалъ-эд-диномъ.
624	1226	Смерть Джучи—перваго сына Чингисъ-хана. Смерть Чингисъ-хана (въ Ордохъ). Завѣщаніе его раздѣлить покоренныя имъ страны: на Коренной юртъ (Улугъ-юртъ) и улусы—Золотой орды (Кипчакскій), Среднеазиатскій (Джагатайскій) и Персидскій (Иранистанъ и его сатрапіи).

По лѣтосчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
626	1228	Курилтай въ Монголіи. Избраніе сына Чингисъ-хана — Огтая (Угадай, Огатай) въ великіе ханы. Рѣшеніе курилтая завоевать весь міръ. Назначеніе Хара-Хорума (Кара-Корума, Хорины) столицею Коренного юрта. Второе нашествіе монголовъ на ср. Азію. Пятый крестовый походъ императора Фридриха II. Договоръ съ султаномъ объ уступкѣ христіанамъ Іерусалима, Виллеема и Назарета.
627	1229	Смерть Тули-хана.
629	1231	Появленіе турокъ въ малой Азіи. Убіенство (курдомъ) послѣдняго хорезмъ-шаха Джелалъ-ад-дина.
630	1232	Возобновленіе войны монголовъ съ гинами. Осада монголами столицы гиновъ—Бяни.
632	1234	Нашествіе монголовъ на Русь. Прибытіе на р. Волгу орды Батыя. Взятіе монголами Бяни. Новый погромъ монголами сѣвернаго Китая. Прекращеніе династіи Гингъ.
633	1235	Новое разореніе монголами кавказскихъ странъ и Арменіи.
634	1236	Покореніе ордою Батыя прикамскихъ булгаръ.
636	1238	Разгромъ монголами Ярославля, Рязани, Ростовскаго и Суздальскаго кн. Разореніе ими Коломны, Москвы и Владиміра. Битва на р. Сити (4-го Марта). Смерть въ битвѣ съ монголами кн. Юрія Всеволодовича Владимірскаго. Убіенство монголами кн. Василія Константиновича за отказъ поступить въ ихъ службу. Совершенное истребленіе сопротивлявшагося Батію г. Козельска. Велико-княженіе Ярослава II Всеволодовича.
638	1240	Разореніе монголами Кіева. Разрушеніе ими Кіево-Печерской обители.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
638	1240	Плѣненіе ими юго-западной Руси. Битва ихъ на р. Солоной съ королемъ Белою и Коломаномъ, бѣжавшимъ къ р. Дунаю. («И бысть съча велика и побѣгоша Угре, Татарове-же гнашася по нихъ до Дуная рѣки»).
		Покореніе ими Венгріи, Польши и Силезіи.
639	1241	Битва монголовъ при Ольмюцѣ съ королемъ Вячеславомъ III. Смерть в. хана Огтая. Начало раздоровъ въ семьѣ Чингисъ-хана. Оставленіе чингисидами средней Европы. Образованіе монголами на р. Волгѣ Золотой («Кипчакской», «Дешты-Кипчакъ») орды. Появленіе въ Туранѣ изъ отсталыхъ монголовъ и киргизъ Шибанской (Тюменской) орды. Завоеваніе монголами Эрзерума.
639	1242	Нападеніе монголовъ на малую Азію. Занятіе ими Иконійскаго султаната. Признаніе царемъ Арменіи Гетумомъ верховной власти в. в. хановъ.
640	1243	Смерть Джагатая. Начало династіи джагатаидовъ. Путешествіе в. кн. Ярослава и Александра Невского въ 3. орду. Появленіе въ рус. кн. баскаковъ, писчиковъ и данниковъ. Паденіе независимости Руси и начало монголо-татарскаго ига.
642	1244	Изъявленіе Антиохіей согласія на уплату дани монголамъ. Взятіе Іерусалима египетскимъ султаномъ при помощи наемныхъ ховарезмцевъ. Раздѣленіе Грузіи на верхнюю (Карталинію, Кахетію и пр.) и нижнюю (Имеретію, Сванетію, Абхазію и пр.).
643	1245	Предложеніе папѣ Иннокентію Даніиломъ Галицкимъ о церковномъ соединеніи, съ условіемъ совокупныхъ дѣйствій противъ монголовъ.
644	1246	Убіеніе въ ордѣ кн. Михаила Черниговскаго и его боярина Феодора.
646	1248	Начало Московскаго великаго княженія. Шестой крестовый походъ французскаго короля Людовика IX-го Св. въ Египеть.

По лѣтосчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
648	1250	Выдача в. ханомъ ярлыка Насиру Халебскому на владѣніе Сиріей. Постройка столицы З. орды—Шери-Сарая. Хожденіе кн. Даниила Романовича на поклонъ Батыю. Путешествіе венеціанскихъ братьевъ Пело въ Татарію. Пораженіе Людовика IX-го въ Египтъ. Взятіе его въ плѣнъ египтянами.
651	1253	Призывъ паны къ крестовому походу (несостоявшемуся) противъ монголовъ. Переходъ Кореннаго юрта въ поколѣніе Тули-хана и въ боковыя линіи чингисидовъ. Избраніе въ в. ханы сына Тули-Менгу. Начало отпаденія улусовъ отъ Кореннаго юрта. Путешествіе въ З. орду монаха Руисбрука. Поголовная перепись Арменіи, по повелѣнію Менгу-хана.
652	1254	Путешествіе армянскаго царя Гетума къ Батыю и Менгу-хану за ярлыкомъ на царство.
653	1255	Поголовная перепись Руси татаро-монголами. Назначеніе ими, для наблюденія за сборомъ дани,—тысячниковъ, сотниковъ и десятниковъ.
654	1256	Смерть основателя З. орды—Батия. Умерщвленіе сына его Сартака. Начало золотоордынской династіи джучидовъ.
655	1257	Основаніе Казани или Саинова юрта. Отказъ кн. Данила Галицкаго отъ уніи съ папою, вслѣдствіе недостаточной помощи послѣдняго противъ монголовъ. Отказъ новгородцевъ отъ уплаты потребованной золотоордынцами тамги и десятины.
656	1258	Истребленіе монголами измаилитской секты убійцъ. (существовада 170 л.). Разореніе монголами Багдада при халифѣ Муста'симѣ. Уничтоженіе багдадскаго халифата. Сожженіе монголами въ Багдадѣ мантии Мухаммеда. Временное паденіе ислама.
658	1259	Разореніе монголами Сиріи и Месопотаміи. Смерть в. хана Менгу.

По лѣтосчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
659	1260	Битва турокъ съ монголами при Айнъ-Джалутъ, (источникъ Го-ліава). Движеніе монголовъ въ Египетъ. Временное облегченіе участи сирійскихъ христіанъ.
661	1262	Нарожденіе изъ золотоордынскихъ выходцевъ и прикавказскихъ кочевниковъ самостоятельной Ногайской орды. Совѣщаніе рус. городовъ («въче на бесермень») о сопротивленіи золотоордынцамъ. Послѣднее путешествіе кн. Александра Невского въ орду. Изгнаніе («и созвониша въчъ и выгнаша») изъ Ростова, Владиміра, Суздаля, Переяславля и Ярославля ордынскихъ откупщиковъ дани. Междоусобіе золотоордынского и персидскаго улусовъ.
662	1263	Кончина кн. Александра Невского (въ Городцѣ) при возвращеніи изъ орды.
664	1265	Смерть Гулагу—(хана персидскаго улуса). Выдѣленіе Крыма въ отдѣльный улусъ.
665	1266	Начало династіи гулагидовъ. Повтореніе междоусобій въ средѣ чингисидовъ. Первый изъ извѣстныхъ ярлыковъ, данный Менгу-Темиромъ рус. митрополитамъ и церковнымъ людямъ.
666	1267	Открытіе въ Шери-Сараѣ православной епархіи. (Сарской). Первый епископъ Митрофанъ.
668	1269	Введеніе въ Монголіи собственной азбуки, извѣстной подъ именемъ монгольскаго квадратнаго письма. Начало мусульманства въ средѣ монголовъ Джагатайскаго улуса.
669	1270	Начало мусульманства въ средѣ монголовъ 3. орды. Мученичество и убійство въ 3. ордѣ Рязанскаго кн. Романа Ольговича (разсѣченъ на части).
671	1272	Поселеніе генуэзцевъ въ Крыму. Вторая поголовная перепись Руси. Кончина в. кн. Ярослава Ярославича при возвращеніи изъ орды.
676	1277	Вторженіе ногаевъ въ рус. области.

По дѣтосчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
678	1279	Покореніе монголами южнаго Китая. Прекращеніе династіи Сунъ.
680	1281	Назначеніе митрополита тангутскаго Якобалиха несторіанскимъ патріархомъ. Призывъ на помощь кн. Андреемъ Александровичемъ, добивавшимся в. княженія, ордынской рати. Разореніе ими Ростова, Твери, Муромъ и др. городовъ. Смерть в. хана Кубилая, перенесшаго резиденцію в. в. хановъ въ Китай и основавшаго тамъ домъ юаньскій.
681	1282	Независимость Ногайской орды.
682	1283	Требованіе золотоордынскаго хана, чтобы рус. митрополиты являлись въ орду за испрошеніемъ утвердительныхъ грамотъ. Отдача ногаями на откупъ доходовъ Курской, Рыльской, Муромской и Липецкой областей.
683	1284	Начало мусульманства въ династіи гулагидовъ.
686	1287	Нападеніе Ногайской орды на Польшу. Захватъ Ногайскою ордою въ Польшѣ двадцати тысячъ полоняковъ.
689	1290	Возстаніе жителей г. Ростова противъ золотоордынцевъ. Поворотъ р. Аму (проблематическій) въ Аральское море
691	1892	Разореніе Ногайскою ордою: Владиміра, Муромъ, Суздаля и другихъ городовъ.
693	1293	Новое разореніе З. ордою, по жалобѣ кн. Андрея Александровича, многихъ рус. городовъ и земель. Смерть в. хана Кубилая, послѣдняго изъ в. в. хановъ, имѣвшихъ вліяніе на улусы чингисидовъ.
694	1294	Велико-княженіе Андрея Александровича. Смерть Ногай.
696	1296	Изобрѣтеніе пороха.
699	1299	Перенесеніе митрополіи изъ Кіева во Владиміръ.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
700	1300	Основаніе Турецкой имперіи Оттоманомъ.
704	1304	Велико-княженіе Михаила Ярославича. Усиленіе борьбы Москвы съ Тверью. Признаніе въ Персіи ученія Ши'э главенствующимъ исповѣданіемъ.
708	1308	Убіиство въ 3. ордѣ Василія кн. Рязанскаго.
713	1313	Возстановленіе Узбекомъ могущества 3. орды. Окончательное принятіе 3. ордою мусульманства (ученіе Сунни). Путешествіе въ 3. орду в. кн. Михаила и митрополита Петра
719	1319	Убіиство въ 3. ордѣ Михаила кн. Тверскаго и сына его Константина съ боярами. Промѣнъ тѣла кн. Михаила на тѣло сестры хана Кончаки (въ крещеніи Агаѣи). Неистовство въ Костромѣ золотоордынскаго посла Конча. Велико-княженіе Георгія Даниловича.
720	1320	Неистовство во Владимірѣ золотоордынскаго посла Байдера. Изгнаніе ордынцевъ изъ Ростова.
721	1321	Неистовство въ Кашинѣ золотоордынца Таянчара. Тоже—золотоордынца Ахмыла въ низовыхъ городахъ и въ Ярославлѣ. Появленіе рус. рубля (въсомъ 46 золотн., счетомъ 100 денегъ).
725	1324	Образованіе изъ приднѣпровскихъ кн., подъ властію в. литовскаго кн. Гедимины,—Малой Россіи.
726	1325	Перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву. Убіиство въ 3. ордѣ кн. Георгія Даниловича в. кн. Дмитріемъ, сыномъ Михаила Тверскаго.
727	1326	Убіиство въ ордѣ Дмитрія Михайловича кн. Тверскаго. Кончина Петра митрополита.
728	1327	Убіиство въ ордѣ кн. Ивана Ярославича Рязанскаго. Истребленіе въ Твери огнемъ золотоордынскаго посольства Шевкала (Щелкана, Чолъ-хана). Разореніе кн. Іоанномъ Даниловичемъ Калитою, по повелѣнію хана Узбека, во главѣ 50 т. ордынцевъ, Тверскаго кн.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
728	1327	Дань новгородцевъ орду въ 2000 р. сер. Убіиство ордынцами кн. Ивана Ярославича Рязанскаго. Отказъ Тверскаго кн. Александра явиться въ орду.
729	1328	Начало Московскаго государства. Принятіе кн. Іоанномъ Даниловичемъ — «первымъ собирателемъ русской земли» — титула великаго князя, съ согласія золотоордынскаго хана Узбека. Посольство в. кн. къ Псковскому кн. Александру съ предложеніемъ идти въ орду. Политическая дружба в. кн. съ З. ордою. Приходъ на Русь митрополита, гречина, именемъ Θεοφoσta.
731	1330	Убіиство въ орду кн. Θεοφoρa Стародубскаго.
734	1333	Оближеніе Новгорода съ Псковомъ, съ цѣлью противостоянія Москвѣ. Рожденіе Тимура (по другимъ сказаніямъ, Тимуръ родился въ 5-й вторникъ мѣсяца шебанъ 736 г. хиджры, что соотвѣтствуетъ 9 Апрѣля 1336 г., но при этой датѣ онъ не достигъ-бы ко дню смерти несомнѣнно исполнившихъ 72 лѣтъ).
736	1335	Примиреніе новгородцевъ съ Московскимъ в. кн. Смутная эпоха въ Персїи, длившаяся до появленія въ ней Тимуръ-ленга.
738	1337	Возобновленіе борьбы между Москвою и Тверью.
739	1338	Возвращеніе отъ Узбека в. кн. Іоанна Даниловича съ требованіемъ выслать въ орду кн. Тверскаго и др. кн.
740	1339	Убіиство въ орду, по приказанію хана Узбека, Александра кн. Тверскаго и сына его кн. Феодора («и розоимаша ихъ по составомъ»).
742	1341	Смерть в. кн. Іоанна Даниловича Калиты. («въ чрънцѣхъ и во схимѣ»). Путешествіе въ орду за ставленничествомъ князей Ярославскаго, Тверскаго, Суздальскаго и др. Назначеніе въ орду Симеона Іоанновича в. кн. Московскимъ и Владимірскимъ.

По лѣтосчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
742	1341	Начало особой митрополіи въ Галичѣ.
743	1342	Смерть Узбека. Занятіе золотоордынскаго трона сыномъ Узбека — Чани-бекомъ (Джани-Бекъ-ханомъ) послѣ убійства имъ братьевъ: Тинъ-бека и Хидыръ-бека. Требованіе Чани-бекомъ въ орду рус. кн. и митрополита.
744	1343	Изгнаніе, при помощи ордынцевъ, Ивана Коротопола изъ Рязани и занятіе его стола кн. Ярославомъ.
746	1345	Смуты въ Джагатайскомъ улусѣ. Ниспроверженіе въ Джагатайскомъ улусѣ Казань-султана эмиромъ Козганомъ.
747	1346	Переходъ турокъ въ Европу (въ Грецію).
748	1347	Рожденіе Баязета, прозваннаго Галъдерамъ (молнія). Истребленіе золотоордынцами гор. Алексина.
750	1349	Возобновленіе Казани на новомъ, нынѣшнемъ ея мѣстѣ нахожд.
754	1353	Велико-княженіе Іоанна II Іоанновича (Кроткаго). Смерть митрополита Феогноста.
755	1354	Возведеніе въ митрополиты епископа Алексія.
756	1355	Путешествіе въ 3. орду митрополита Алексія за ярлыкомъ.
757	1356	Поступленіе Тимура на службу къ эмиру Козгану.
759	1357	Набѣгъ золотоордынскаго хана Чани-бека на Персидскій улусъ. Присоединеніе къ 3. ордѣ «Тевризьскаго» царства. Второе путешествіе митрополита Алексія въ 3. орду. (по приглашенію больной Тайдулы: «да пришедъ посѣтитъ нездравіе ея»). Убіеніе Чани-бека сыномъ его Берды-бекомъ. Истребленіе Берды-бекомъ всѣхъ своихъ ближайшихъ родственниковъ («убивъ братьевъ своихъ 12....») Великая истома рус. кн. отъ ордынскаго посла Кошака.
761	1359	Нападеніе джетовъ на Мавераннагръ. Убіеніе эмира Козгана тестемъ его Тогаукъ-Тимуромъ.

По лѣтоисчисленіямъ,		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
762	1360	Велико-княженіе Дмитрія Константиновича. Мятежъ въ З. ордѣ съ истребленіемъ многихъ лицъ ханскаго рода. Значительный набѣгъ ушкунниковъ на земли золотоордынцевъ. (Жукотинъ).
763	1361	Убіеніе въ З. ордѣ Хыдыръ-хана сыномъ его Темиръ-ходжей. (въ присутствіи 5-ти рус. кн.). Убіеніе Темиръ-ходжи. Овладеніе З. ордою темникомъ Мамаемъ. («а князь Мамай переѣде за Волгу на Горнюю сторону и орда вся съ нимъ и царици...») Тяжба въ ордѣ кн. Дмитрія Іоанновича и Дмитрія Константиновича за в. кн.
765	1363	Велико-княженіе Дмитрія Іоанновича. Изгнаніе имъ изъ Галича кн. Дмитрія Константиновича. Начало главенства Москвы надъ сѣверо-восточными кн. Окончательная замѣна рус. кожаныхъ денегъ—металлическими. Убіеніе Иліясъ-ходжи—соперника Тимура.
767	1365	Первая война Тимура съ Хусаиномъ.
768	1366	Рискованное нападеніе Тимура съ двумястами всадниковъ на Карши и занятіе его, несмотря на гарнизонъ въ 12 т. чел.
769	1367	Бѣлокаменная стѣна вокругъ Москвы.
770	1368	Продолженіе хроническихъ недоразумѣній между Литвою и Русью. Столкновеніе ихъ нерѣдко при помощи татаръ. Изгнаніе монголовъ изъ Китая. Изгнаніе джетовъ изъ Мавераннагра. Пятая и послѣдняя война Тимура съ Хусаиномъ. Убіеніе Хусаина—соперника Тимура.
771	1369	Курилтаи въ Мавераннагрѣ. Провозглашеніе Тимура (прозваннаго къ этому времени Тимуръ-и-ленгомъ) верховнымъ государемъ (гуръ-ханомъ). Избраніе имъ Самарканда своею столицею.
773	1371	Ссора Мамай съ в. кн. Дмитріемъ Іоанновичемъ. Полученіе кн. Михаиломъ Тверскимъ ярлыка на в. княженіе. Недопущеніе его къ в. княженію в. кн. Дмитріемъ Іоанновичемъ.

По лѣтосчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
773	1371	Полученіе в. кн. Дмитріемъ Іоанновичемъ въ орду ярыка на в. кн. Возобновленіе непріязненныхъ отношеній Тимуръ-ленга къ дже-тамъ. Первая война Тимуръ-ленга съ Хорезмомъ.
776	1374	Усиленные набѣги ушкуйниковъ на Ярославль, Кострому, Булгары и по р. Волгѣ до Астрахани. Истребленіе новгородцами пословъ Мамаю съ ихъ свитою въ числѣ 1000 чел.
777	1375	Раздвоеніе власти надъ З. ордою между Мамаемъ и Урусъ-ханомъ. Обращеніе Тохтамыша къ Тимуръ-ленгу за покровительствомъ. Просвѣтительная дѣятельность въ Пермскомъ краѣ народнаго учителя Стефана Хранъ, впоследствии епископа Пермскаго. Заключеніе кн. Михаиломъ Тверскимъ тайнаго союза съ Ольгердомъ и Мамаемъ противъ в. кн. Осада в. кн. Твери. Признаніе Тверью своей зависимости отъ в. кн.
778	1376	Отказъ новгородцевъ признать, безъ согласія в. кн. Московскаго, митрополитомъ — Кипріяна, поставленнаго патріархомъ Филофеемъ. Возведеніе Тимуръ-ленгомъ Тохтамыша въ ханы З. орды. Окончательное пораженіе Тимуръ-ленгомъ джетовъ. Присоединеніе ихъ страны къ Мавераннахру. Завоеваніе Тимуръ-ленгомъ Камгара. Пораженіе, по приказанію Мамаю, Араппею—выходцемъ изъ Синей орды—рус. силъ на р. Пяной. («и внезапно, безъ вѣсти удариша на нашу рать въ тылъ, бѣюще и колюще и сѣкуще безъ милости; наша-же не успѣша ничтоже...») Разореніе имъ Нижняго-Новгорода и Рязани. Убіеніе ордынцами кн. Олега. («изъ рукъ убѣжа изстрѣлянтъ»)
780	1378	Пораженіе рус. дружинами — ордынцевъ на р. Вожѣ. Вторженіе ордынцевъ въ Рязанскую землю. Кончина Алексія митрополита.
781	1379	Начало смутнаго времени рус. митрополіи. Четвертая и послѣдняя война Тимуръ-ленга съ Хорезмомъ. Смерть владѣтеля Хорезма Юсуфъ-бека. Уничтоженіе столицы хорезмъ-шаховъ.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
781	1379	Присоединеніе Хорезма къ Мавераннахру (Трансоксаніи). Послѣдній изъ извѣстныхъ ярлыковъ рус. духовенству, данный ханомъ Аталюкомъ архимандриту Митаю.
782	1380	Союзъ Мамай съ Литвою противъ Москвы. Соединеніе рус. силъ для отраженія непріятеля. («и събравъ вой 100 и 50 тысячъ, опрочно рати князей и воеводъ мѣстныхъ...»). Битва на Куликовомъ полѣ (8-го Сентября), при слияніи рр. Дона съ Непрядвою. («паде трупъ на трупъ и паде тѣло татарское на тѣлеси крестьянскомъ»). Бѣгство Мамай и Егелло, стоявшаго въ 30 вер. отъ полясраженія. Пораженіе Мамай Тохтамышемъ у Маріуполя. («А самъ Тохтамышъ шедъ взя орду Мамаеву и царію его и казны его и улусъ весь поима и богатство Мамаево раздѣли дружинъ своей»). Убійство Мамай (возлѣ Θεодосіи). Первое нападеніе Тимуръ-ленга на Иранистанъ. Появленіе рус. монеты съ именами хановъ.
783	1381	Требованіе Тохтамышемъ данничества рус. кн. Отказъ в. кн. явиться къ нему за ярлыкомъ. Овладеніе войсками Тимуръ-ленга Гератомъ и Серахсомъ.
784	1382	Ограбленіе, по приказу Тохтамыша, рус. купцовъ въ Бузаріи. Нашествіе его на Русь. Новая измѣна рус. дѣлу кн. Олега Рязанскаго («А кн. Олегъ Рязанскій ерѣте царя Тохтамыша... и бивъ ему челомъ, бысть ему помощникъ на побѣду Руси»). Послѣдній православный епископъ въ Сарай—Савва. Опустошеніе Тохтамышемъ Москвы. («И тако злѣ и въ скорѣ взяша градъ Москву, мѣсяца августа въ 26 день»). Требованіе Тохтамышемъ окупа за задержаннаго сына в. кн. Изгнаніе изъ Москвы митрополита Кипріяна.
787	1385	Завоеваніе Тимуръ-ленгомъ Иранистана, Кабудистана, Белуджистана и Сеистана. Истребленіе, по его приказанію, въ г. Зеренджъ всего населенія— «до ребенка въ колыбели».
788	1386	Бѣгство изъ З. орды сына в. кн. Василія Дмитріевича. Приведеніе в. кн. Новгорода къ покорности съ окупомъ въ 8.000 р.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
788	1386	Вѣчный миръ Рязани съ Москвою. Россовская битва. Опустошеніе войсками Тимуръ-ленга Арменіи и Грузіи. Разореніе ими Тифлиса, Мѣхета, Гори и всѣхъ городовъ Кахетіи и Карталинніи. Разрушеніе ими Мѣхетскаго собора, выстроеннаго царемъ Вахтангомъ I. Осада Вана и истребленіе его защитниковъ (сброшены въ пропасти). NB. По Грузинскимъ лѣтописямъ, христіане потеряли, при этомъ нашествіи Тимуръ-ленга, до милліона человѣкъ.
770	1368	Возстаніе Хорезма и новое опустошеніе его Тимуръ-ленгомъ.
792	1389	Возобновленіе Москвы послѣ погрома ея Тохтамышемъ. Наслѣдственность Московскаго в. княженія. Велико-княженіе Василія Дмитріевича. Продолженіе имъ политики Калиты. Появленіе въ Россіи огнестрѣльнаго оружія (арматовъ и огненной стрѣльбы). Восшествіе Баязета (Баязида, Абу-Язида) на престолъ османовъ.
794	1391	Истребленіе Тимуръ-ленгомъ всѣхъ жителей Испани. Разореніе Вятки, по указанію Тохтамыша, золотоордынцемъ Бектутомъ. Первое пораженіе Тимуръ-ленгомъ Тохтамыша между рр. Волгою и Яикомъ. Опустошеніе имъ восточной и средней частей З. орды. Полонъ, доставившій лично Тимуръ-ленгу 5000 юношей и дѣвушекъ. Утрата балканскими славянами независимости. Завоеваніе Баязетомъ части Сербіи, Македоніи и Фессаліи.
795	1392	Возобновленіе Тимуръ-ленгомъ военныхъ дѣйствій въ передней Азіи. Битва его въ долину Ширазъ съ Шахъ-Мансуромъ.
796	1393	Сдача Багдада Тимуръ-ленгу безъ сопротивленія. Разладъ и примиреніе между в. кн. и новгородцами. («А князь... много пакости учиниша, крестьянъ посягоша, а иныхъ въ полонъ поведоша а... много зла и пакости бысть крестьяномъ отъ новгородикой рати. И въ то время съ обѣ стороны кровопролитія много учинилося»).

По лѣтосчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
797	1394	Новое опустошеніе Тимуръ-ленгомъ Арменіи и Грузіи.
798	1395	Окончательное пораженіе Тимуръ-ленгомъ Тохтамыша между рр. Терекомъ и Курюю. Бѣгство Тохтамыша первоначально въ Крымъ, а потомъ въ Литву. Вторженіе Тимуръ-ленга въ срединную Россію. Неожиданный поворотъ его въ южныя кн. Взятіе имъ Азова, Астрахани и Грузіи. Разметная грамота Витовта Литовскаго съ Новгородомъ.
799	1396	Пораженіе Баязетомъ Сигизмунда короля Венгерскаго.
801	1398	Походъ Тимуръ-ленга въ Индію. Стоянiе турокъ подъ Царьградомъ. Посылка изъ Россіи милостыни осажденному Царьграду.
802	1399	Осада и штурмъ Дели. Истребленіе войсками Тимуръ-ленга 90,000 плѣнныхъ. Пораженіе на берегахъ р. Ворсклы Темиръ-Кутлуемъ и Эдигеемъ союзныхъ силъ Тохтамыша и Витовта Литовскаго. («И побѣдѣнъ побѣже Витовтъ въ малѣ дружинѣ и погнаша татарове...») Бѣгство Тохтамыша въ Туранъ. Темиръ-Кутлудъ въ Кіевъ. Возвращеніе Тимуръ-ленга изъ похода. Приготовленія его къ войнѣ съ Баязетомъ. Пожаръ и обновленіе Ке'абы въ Меккѣ.
803	1400	Война Тимуръ-ленга съ Египтомъ и Сиріей. Переходъ его черезъ р. Евфратъ. Осада имъ Сиваса.
804	1401	Пораженіе имъ египтянъ при Дамаскѣ. Сорокадневная осада Тимуръ-ленгомъ Багдада. Разгромъ Багдада и Алеппо.
805	1402	Чеканка въ Египтѣ монеты съ именемъ Тимуръ-ленга. Сраженіе при Ангорѣ. Измѣна войскъ Баязета. Плѣнъ Баязета. Разрушеніе Брусы.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
805	1402	Осада и взятіе Смирны у родосскихъ рыцарей Іоаннитовъ. Назначеніе Тимуръ-ленгомъ наслѣдникомъ Баязета сына послѣд- няго—Мусы. Смерть Олега Рязанскаго. («въ чернилахъ погребенъ въ монастырѣ въ Солодни»).
806	1403	Смерть Баязета.
807	1404	Девятое и послѣднее триумфальное возвращеніе Тимуръ-ленга въ Самаркандъ. Приготовленія его къ войнѣ съ Китаемъ.
808	1405	Походъ Тимуръ-ленга противъ Китая. Смерть его въ Отрарѣ. Начало распаденія его имперіи. Отказъ в. кн. платить дань ордынцамъ. Захватъ в. кн. семейства и казны кн. Семена Суздальскаго, во время пребыванія послѣдняго въ ордѣ.
809	1406	Захватъ внукомъ Тимуръ-ленга Халиль-султаномъ власти надъ его наслѣдствомъ. Начало династіи тимуридовъ и ихъ междоусобій. Нападенія, подъ вліяніемъ Тохтамыша, Шибанской (Тюменской) орды на З. орду. Убіеніе Тохтамыша Шадибекомъ. («Шадибекъ царь царя убилъ Тохтамыша, въ Сибирской землѣ»).
811	1408	Низверженіе Шадибека сыномъ его Булатъ-султаномъ, именемъ котораго дѣйствовалъ Эдигей. Посольство Эдигея къ в. кн. съ напоминаніемъ о дружбѣ и о дани («А что еси ималъ въ твоей дръжавѣ со всякаго улуса съ двою- сохъ рубль и паки то серебро гдѣ ся дѣваетъ?») Нападеніе Эдигея, по повелѣнію Булата, на рус. земли. Внезапное отступленіе его къ Казани. Окупъ Москвы въ 3.000 р. Поставленіе въ митрополиты всей Руси грека изъ Морей — Фотія.
812	1409	Овлaдѣніе Трансоксаніей сыномъ Тимуръ-ленга Шахъ-Рохомъ.
818	1415	Раздвоеніе рус. духовной іерархіи на московскую и кievскую. Разореніе золотоордынцами елецкой земли.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
819	1416	Изгнаніе Эдигея изъ З. орды и образованіе имъ изъ черноморскихъ улусовъ—Крымской орды.
820	1417	Посланіе митрополита Фотія о незаконности избранія митрополита Григорія Цамблака. («яко той мятежникъ церковный зовется митрополитомъ Кіевскимъ»).
823	1420	Сооруженіе въ г. Мешхедѣ надгробной мечети Имамъ-Риза.
829	1425	Велико-княженіе Василія Васильевича Темнаго. Набѣгъ ордынцевъ на Рязань и пораженіе ихъ рязанцами.
832	1428	Набѣгъ ордынцевъ на Галицкую область. Разореніе ими Костромы. Пораженіе ихъ кн. Добрыньскимъ и Пестрымъ.
835	1431	Хожденіе московскихъ дружинъ въ приволжскую Булгарію.
841	1437	Назначеніе константинопольскимъ патріархомъ болгарина Исидора рус. митрополитомъ. Опустошеніе ордынцами рязанской границы. Приходъ Улу-Махмета въ Бѣзевъ. Побѣда его, при помощи литовскаго воеводы, надъ рус. дружинами. Овлaдѣніе имъ казанскою и арскою землями.
843	1439	Появленіе Улу-Махмета подъ Москвою. Разореніе имъ Коломны. Флорентійскій соборъ. Признаніе митрополитомъ Исидоромъ главенства папы. Арестъ Исидора въ Москвѣ и бѣгство его въ Римъ.
844	1440	Отпаденіе Крыма отъ З. орды. Основаніе потомкомъ Тохтамыша Ходжи-Гиреємъ (род. въ Литвѣ) Крымскаго ханства. Основаніе династіи гиреевъ. Отпаденіе Казани отъ З. орды. Основаніе Улу-Махметомъ Казанскаго царства—изъ булгаръ, черемисъ, монголовъ и золотоордынскихъ выходцевъ.
848	1444	Разореніе Рязанскаго кн. Мустафой. Истребленіе его ордынцевъ московскими воеводами.

По лѣтосчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
849	1445	Пораженіе Улу-Махметомъ великокняжеской рати. Измѣна Дмитрія Шемяки. Плѣненіе ордынцами в. кн. Василія Васильевича со множествомъ бояръ. Смерть Шахъ-Роха и наслѣдованіе ему въ Трансоксаніи Улугъ-бега. Пожары и волненія въ Москвѣ. Мятежъ въ Новгородѣ по случаю денежной реформы.
851	1447	Освобожденіе в. кн. за окупъ (200.000 р. «а иное Богъ вѣсть»). Ослѣпленіе в. кн. Московскаго Василія, какъ бы за уступчивость его 3. ордѣ. («Чему еси Татаръ привелъ на Русскую землю?»)
852	1448	Нашествіе казанскаго хана Мамутека на Муромъ и др. города.
853	1449	Поставленіе митрополитомъ владыки Рязанскаго Іоны.
855	1451	Сожженіе ордынцами—царевичемъ Ахматомъ—посадовъ г. Москвы.
857	1453	Взятіе Константинополя турками. Обращеніе его въ столицу Оттоманской имперіи. Обращеніе храма св. Софій въ мечеть. Отравленіе кн. Дмитрія Шемяки.
859	1455	Убійство вогуличами епископа Питирима. Неудачный походъ в. кн. Василія Васильевича противъ Улу-Махмета.
864	1459	Появленіе хана 3. орды Ахмата у Переяславля рязанскаго. Отступленіе его съ большимъ урономъ.
866	1461	Приготовленіе в. кн. Василія Васильевича къ войнѣ съ Казанью. Казанское посольство съ просьбою о заключеніи мира.
867	1462	Прекращеніе выпуска рус. монетъ съ именами в. в. хановъ. Смерть в. кн. Василія Васильевича. («Повелѣ у себе жеци трутъ на хребтѣ, болѣзни ради сухотныя, и съ тѣхъ ранъ преста-вися»).
		Вступленіе на престолъ Іоанна III Васильевича. Отказъ его отъ обряда посаженія—въ присутствіи ханскаго посла—на столъ. Начало обще-рус. государственности.
868	1463	Уступка ярославскимъ кн. своей отчины в. кн. Московскому.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
872	1467	Посольство изъ ногайской орды съ 4700 гостей и 8000 коней.
873	1468	Увѣщательная грамота Филиппа, митрополита всея Россіи, къ возмущившимся новгородцамъ, желавшимъ передаться королю Польскому.—(«Слышу сновъ, что у васъ нѣкоторые поощряются на многое вѣльное земли нѣустроениѣ... и вы у себе техъ лихихъ вчюнитѣ....») Посылка в. кн. подѣ Казань царевича Гайсыма.
875	1470	Первый походъ в. кн. противъ Казани. («И оттолѣ самъ Іоанъ Василіевичъ... преста дань даяти Татаромъ») Освобожденіе изъ неволи большого полона.
876	1471	Посольство короля Казиміра въ З. орду съ приглашеніемъ напасть на в. кн. Московскаго.
877	1472	Нападеніе хана Ахмата на Алексинѣ.
879	1474	Присоединеніе Ростовскаго кн. къ в. кн. Московскому. Посольство изъ З. орды къ в. кн. со свитою изъ 600 чел. (кормы на счетъ кн.) и 3200 чел. купцовъ съ 40000 лошадей. Занятіе въ Крыму Кафы и ея области войсками турецкаго султана. («Салтанъ Мааметъ Кафу взялъ, приходилъ въ кораблехъ и въ каторгахъ....») Поступленіе на службу къ в. кн. казанскаго царевича Муртозы.
880	1475	Договоръ в. кн. съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреємъ противъ золотоордынскаго хана Ахмата.
881	1476	Отказъ в. кн. въ дани хану Ахмату.
883	1478	Уничтоженіе новгородскаго вѣче. Присоединеніе Новгорода къ в. кн. Московскому.
885	1480	Нападеніе ногайскаго мурзы Ямгурчед, въ союзѣ съ шибанскимъ ханомъ Ивакомъ, на золотоордынскаго хана Ахмата. Походъ Ахмата на Русь. («Похваляся разорити святаѣ церкви и все православіе илѣнити») Посланіе къ в. кн. архіепископа Вассіана Ростовскаго. («Вскочи въ подвигъ и напередъ выѣха и въ лице ставъ противу океанному волку Мамаю....») Встрѣча рус. силъ съ З. ордою на р. Угрѣ. Первые признаки освобожденія Россіи отъ татаро-монгольскаго ига. («И тако Богъ избави Русскую землю отъ поганыхъ»).

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
886	1481	Убіиство хана Ахмата шибанскимъ ханомъ Ивакомъ.
887	1482	Уступка Верейскимъ кн. своей отчины в. кн. Московскому. Ограбленіе Кіева крымскими татарами.
888	1483	Рожденіе Бабура, правнука Тимуръ-ленга.
889	1484	Разореніе, по приглашенію в. кн., Менгли-Гиреємъ Крымскимъ г. Кіева.—(«И землю Кіевскую учини пусту, за неисправленіе королевское, что привелъ царя Ахмата на в. кн.»)
890	1485	Присоединеніе в. кн. Тверского къ в. кн. Московскому. Присоединеніе къ нему удѣловъ: Волоцкаго и Углицкаго.
892	1487	Первое покореніе Казани. Плѣнь казанскаго царя Алегама.
895	1489	Присоединеніе вятскихъ земель къ вел. кн. Московскому.
897	1491	Избраніе въ митрополиты архимандрита Зосимы—приверженца жидовствовавшей ереси.
902	1496	Нападеніе на Казань хана Шибанской орды Мамука. Поддержка в. кн. Казани. Поставленіе в. кн. Абдулъ-Летифа царемъ Казани.
903	1497	Первое рус. посольство къ турецкому султану. Обращеніе в. кн. Литовскаго Александра къ в. кн. Іоанну Васильевичу съ просьбою о помощи противъ Крымскихъ татаръ.—(Подобныя просьбы литовскихъ кн. повторялись многократно).
904	1498	Появленіе европейцевъ въ Индіи.
905	1499	Вторженіе въ Трансоксанію узбековъ подъ предводительствомъ Шейбани (потомка Джучи).
906	1500	Побѣда в. кн. надъ Литвою. Приглашеніе в. кн. Литовскимъ Крымскаго хана Менгли-Гирея къ союзу противъ в. кн. Московскаго. Того-же рода приглашеніе, обращенное къ хану З. орды. Осада Казани Ямгурчеємъ, съ цѣлью изгнанія рус. ставленника Абдулъ Летифа. Турецкое посольство къ в. кн. изъ Кафы (Θεοδοσίи).

По лѣтосчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
907	1501	Пораженіе узбеками тимурида Бабура. Бѣгство его изъ Трансоксаніи.
908	1502	Разрушеніе З. орды Менгли-Гиреємъ Крымскимъ.
908	1502	Отпаденіе Астрахани отъ З. орды. Основаніе Астраханскаго царства.
910	1504	Овлажденіе тимуридомъ Бабуромъ—Кабулистаномъ.
911	1505	Возстаніе Казани противъ рус. господства. Велико-княженіе Василія Іоанновича.
912	1506	Неудачный походъ в. кн. противъ Казани. Ярлыкъ Менгли-Гирея в. кн. Литовскому Сигизмунду объ утвержденіи за нимъ многихъ земель и въ числѣ ихъ—Пскова, Великаго Новгорода, Рязани и Переяславля.
913	1507	Признаніе казанскимъ царемъ Мегметъ-Аминемъ своего подручнаго положенія передъ рус. государемъ. Заключеніе в. кн. мирнаго договора съ Казанью.
914	1508	Окончательное завоеваніе узбеками земель тимуридовъ. Возникновеніе династіи шейбанидовъ.
916	1510	Уничтоженіе псковскаго вѣче. Присоединеніе Пскова къ в. кн. Московскому. Обращеніе Кахетіи къ в. кн. за покровительствомъ.
917	1511	Неуспѣшная попытка Бабура возвратить тимуридамъ Трансоксанію. Новое бѣгство его въ Кабуль. Паденіе династіи тимуридовъ.
918	1512	Разрывъ дружественныхъ отношеній Россіи съ Менгли-Гиреємъ. Начало перемѣнной и продолжительной борьбы Крымскаго ханства съ Россіей и Литвой.
919	1513	Нападеніе сына Менгли-Гирея на Рязанское кн.
920	1514	Первое турецкое посольство въ Россію. Присоединеніе Смоленска къ в. кн. Московскому.
921	1515	Смерть Менгли-Гирея.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
922	1516	Возникновеніе казачества на Украинѣ.
923	1517	Присоединеніе Рязанскаго кн. къ в. кн. Московскому. Переходъ Сиріи и Египта во власть турецкихъ султановъ.
928	1521	Завладѣніе Сагибъ-Гиреемъ—сыномъ Крымскаго хана Менгли-Гирея—Казанскимъ царствомъ. Опустошеніе имъ Нижегородской и Владимірской областей. Отраженіе отъ Москвы соединенныхъ силъ литовскихъ, крымскаго хана Махметъ-Гирея и казанскихъ татаръ.
929	1522	Прекращеніе династіи Улу-Махмета.
930	1523	Завоеваніе Астрахани крымскимъ ханомъ Махметъ-Гиреемъ. Замыселъ его образовать мусульманское государство изъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и Крымскаго ханства. Истребленіе его войскъ ногайскою ордою.
931	1524	Истребленіе соединенными силами золотоордынцевъ и черемисъ шедшей къ Казани рус. флотиліи съ 30000 чел. Бѣгство казанскаго царя Сагибъ-Гирея въ Крымъ. Провозглашеніе Сафа-Гирея казанскимъ царемъ.
932	1525	Построеніе на бывшей болгарской землѣ охранныя города Свиляска.
933	1526	Покореніе сѣвернаго Индостана Бабуромъ. Провозглашеніе его въ Дели императоромъ Индіи.
934	1527	Овлaдѣніе Сагибъ-Гиреемъ—Крымскимъ ханствомъ.
936	1529	Присяга на вѣрность Россіи казанскаго царя Сафа-Гирея и нарушеніе этой присяги, (что повторялось нѣсколько разъ).
937	1530	Смерть Бабура. Истребленіе черемисами рус. обоза съ артиллеріей и провіантомъ. Возмущеніе Сафа-Гирея противъ Россіи. Новый походъ противъ Казани. Оставленіе сдавшейся Казани, вслѣдствіе спора воеводъ Бѣльскаго и Глинскаго о томъ, кому первому вѣзхать въ ворота. Присяга—вскорѣ нарушенная—казанцевъ на вѣрность Россіи.
940	1533	Велико-княженіе Іоанна IV Васильевича.

По дѣтисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
943	1536	Принятіе многими золотоордынцами христіанства въ Новгородъ, Псковъ, Орьникъ и Кареліи. Новая измѣна Казани. Убіеніе казанскаго царя Янадея.
945	1538	Смерть послѣдняго халифа. Переходъ его духовной власти къ турецкому султану, (что впрочемъ отвергается шитами). Выпускъ рус. конѣйки съ изображеніемъ в. кн. на конѣ съ копьемъ въ рукѣ.
948	1541	Неудачный походъ Сагибъ-Гирея противъ Москвы. Бѣгство его отъ осажденнаго имъ гор. Пронска.
949	1542	Новое вторженіе крымцевъ въ Россію. Требованіе крымскимъ ханомъ «поминокъ».
952	1546	Изъявленіе черемисами покорности в. кн. Московскому.
953	1547	Принятіе в. кн. Московскимъ царскаго титула.
954	1548	Первый походъ Іоанна IV-го подъ Казань.
959	1551	Присяга чувашъ, мордвы, луговыхъ черемисъ и вотяковъ на подданство Россіи. Назначеніе Іоанномъ IV-мъ Шигъ-Алея подручнымъ царемъ въ Казань. Отказъ Ямгурчея, царя Астраханскаго, повиноваться Россіи. Стоглавый соборъ.
960	1552	Первоначальное вступленіе ногайской орды въ подданство Россіи. Новое возстаніе Казани. Измѣна Россіи всѣхъ горныхъ (на р. Волгѣ) людей. Осада и побѣдоносный штурмъ Казани. Плѣнъ царя Едигера. Окончательное завоеваніе Россіей казанскаго царства. Освобожденіе находившихся въ Казанскомъ царствѣ 60 тыс. рус. полоняниковъ. Посольства въ Россію изъ странъ ср. Азіи съ просьбами объ открытіи съ ними торговыхъ сношеній.
		Начало движенія Россіи въ Азію.
961	1553	Принятіе христіанства казанскими царевичами Утемышъ-Гиреемъ и Едигеромъ (малолѣтнимъ).

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
962	1554	Занятіе Астрахани рус. войсками.
962	1554	Назначеніе подручнымъ астраханскимъ царемъ Дербышъ-Алея, съ обязанностію платить дань въ 40 т. алтынъ и рыбою, въ числѣ 3 т. бѣлугъ и осетровъ.
963	1555	Начало столкновений Россіи съ Девлетъ-Гиреемъ. Посольство сибирскаго кн. Едигера и друг. сибирскихъ кн. съ просьбою принять ихъ въ рус. подданство и положить на нихъ дань.
964	1556	Открытіе въ Казани архіерейской каѳедры. Измѣна Дербышъ-Алея. Окончательное завоеваніе Россіей астраханскаго царства. Бѣгство Дербышъ-Алея въ Азовъ. Основаніе Чебоксарской крѣпости. (нынѣ уѣзд. городъ). Основаніе династіи Великихъ Моголовъ (монголовъ) бабуридомъ Акбаромъ. Возникновеніе Манджуріи (изъ народа гинъ).
966	1558	Появленіе купцовъ Строгановыхъ на р. Чусовой. Основаніе на р. Усолкѣ—притокѣ Вятки—гор. Соликамска.
967	1559	Посылка окольного Данилы Адашева въ Крымъ. Высадка его въ устьѣ р. Дибра и опустошеніе крымскаго улуса.
971	1563	Начало книгопечатанія въ Россіи.
975	1567	Первая побывка рус. людей въ Монголіи.
977	1569	Соединеніе Литвы съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую. Требованіе хана Крымскаго передать ему Казань и Астрахань. Высадка въ Крыму турецкихъ войскъ для похода въ Астрахань. Неудавшееся устройство ими соединительнаго канала между рр. Волгою и Дономъ.
979	1571	Набѣгъ Девлетъ-Гирея, по указаніямъ двухъ боярскихъ дѣтей и новокрещенцевъ, на Москву и ея разореніе. Истребленіе въ Москвѣ въ теченіе трехъ часовъ 800 т. (?) чел. Плѣненіе крымцами 100 т. чел. (?) Изданіе «Устава о сторожевой и станичной службѣ» на юго-восточной границѣ Московскаго государства. («стояти сторожемъ на сторожѣ съ коней не съѣдая... ѣздити бережно и усторожливо... беречи на крѣпко...»).

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
980	1572	Новый набѣгъ Девлетъ-Гирей на Москву. Пораженіе его кн. Воротынскимъ на берегахъ рр. Лопасни и Рожая. Повтореніе Девлетъ-Гиреемъ просьбы дать ему если не Казань, то Астрахань.
981	1573	Принятіе въ рус. подданство башкиръ.
984	1576	Окончательное и общее принятіе Монголіей буддизма (съ удержаніемъ шамановъ, какъ знахарей и кудесниковъ). Собраніе Строгановыми войска для завоеванія Сибири.
988	1580	Пораженіе Ермакомъ на берегахъ р. Туры кн. Епанчи.
990	1582	Взятіе Ермакомъ столицы паря Кучюма—Искера. Начало покоренія Сибири Ермакомъ.
992	1584	Смерть Іоанна Васильевича Грознаго (въ схимѣ Іона). Царствованіе Феодора Іоанновича. Нападеніе крымцевъ на Украину. Междоусобія въ Крыму. Основаніе волжскими казаками Уральскаго укрѣпленія на р. Яикѣ. Гибель Ермака въ р. Иртышѣ и оставленіе Сибири его сподвижниками.
995	1586	Вторичное покореніе Сибири (воеводами Сукинымъ, Мясновымъ и Чулковымъ). Переминыя отношенія запорожскаго казачества между крымскою, литовскою и рус. сторонами. Уступка Россіи персидскимъ шахомъ Аббасомъ—Иверію (Грузію).
996	1587	Основаніе столицы Сибири—Тобольска. Образованіе Ново-Персидскаго царства.
1000	1591	Отраженіе отъ Москвы Крымскаго хана Казы-Гирей. Основаніе сибирскихъ городовъ—Пелыма, Березова и Сургута.
1001	1592	Новое, неожиданное нападеніе крымцевъ на Украину и увлеченіе ими большого полона.
1005	1596	Присоединеніе Кіевского митрополита Рагозы и Литовско-русскихъ епископовъ къ Уніи.
1006	1597	Паденіе шейбанидовъ.

По лѣтосчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
		Возникновеніе династїи аштарханидовъ.
1007	1598	Царствованіе Бориса Годунова. Пораженіе воеводою Воейковымъ паря Кучюма. Смерть послѣдняго.
1009	1600	Учрежденіе Остѣ-индской компаніи.
1012	1603	Набѣгъ уральскихъ казаковъ на хивинскую столицу Ургенчъ.
1013	1604	Основаніе Томска.
1014	1605	Царствованіе Феодора Борисовича Годунова.
1015	1606	Царствованіе Лжедимитрія. Царствованіе Василя Іоанновича Шуйскаго.
1019	1610	Международствіе въ Россіи.
1022	1613	Начало дома Романовыхъ.
1025	1616	Переходъ ногайцевъ съ крымской стороны, въ которую они уклонились въ смутное время, обратно на рус. сторону.
1030	1620	Путешествіе, по повелѣнію Государя Михаила Феодоровича, сибирскаго казака Ивана Петаина—въ Китай. Убіеніе и ограбленіе въ Кафѣ рус. посольства, слѣдовавшаго въ Царьградъ.
1039	1629	Наводненіе въ Меккѣ и значительное поврежденіе Ке'абы.
1043	1633	Появленіе козачьихъ партій возлѣ Сѣвернаго океана и Охотскаго моря. Приобрѣтеніе Россіей Сибири до Камчатки.
1046	1636	Построеніе въ Тамбовскомъ краѣ оборонной черты и оборонныхъ городовъ (Тамбовъ и др.) противъ крымскихъ, ногайскихъ и азовскихъ татаръ. Выходъ козака Елисея Бузы, по западному рукаву р. Лены, въ Сѣверный океанъ.
1047	1637	Азовское сидѣніе. Первое рус. посольство въ Китай.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1051	1641	Возвращеніе Азова туркамъ.
1053	1643	Первое путешествіе рус. людей по озеру Байкалу и по р. Амуру съ выходомъ въ Охотское море (старшина Василій Поярковъ).
1054	1644	Открытіе козакомъ Стадухинымъ р. Колыми.
1055	1645	Царствованіе Алексея Михайловича.
1056	1646	Переговоры (неудавшіеся) рус. полномочныхъ пословъ съ королемъ Владиславомъ о союзѣ противъ Крыма.
1057	1647	Открытіе рус. людьми Берингова пролива (козакомъ Дежневымъ). Разрѣшеніе принимать, для заселенія южно-русской земли, въ обереженіе отъ татаръ, «перевзжихъ литовскихъ людей семейнистыхъ и прожиточныхъ». Рядъ парскихъ грамотъ и указовъ она дѣлѣ землею, «звѣриными стойлами, рыбными ловлями и лѣсами» поселеній слободской Украины, оберегавшей Московское государство отъ Крыма.
1062	1651	Окончательное поступленіе ногайской орды въ рус. подданство. Переселеніе части рус. людей изъ Абазина въ Пекинъ въ качествѣ плѣнныхъ. Образованіе изъ нихъ роты тѣлохранителей Богдыхана. («оросъ-ниру»).
1063	1652	Колонизація «порожнихъ Украинскихъ и Великороссійскихъ мѣстъ» козачествомъ. Образованіе пяти слободскихъ полковъ.
1064	1653	Поступленіе Имеретіи въ рус. подданство.
1065	1654	Торговое посольство боярскаго сына Феодора Байкова изъ Tobольска въ Китай.
1066	1655	Трехлѣтняя борьба отряда козака Онуфрія Степанова съ манджурами. Универсалъ Богдана Хмѣльницкаго о правахъ и вольностяхъ козаковъ, оберегавшихъ Русь отъ крымскихъ татаръ.
1070	1659	Пораженіе рус. силъ въ 150 т. чел. при Конотопѣ запорожскимъ гетманомъ Выговскимъ въ соединеніи съ крымцами.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1071	1660	Пораженіе подъ Чудновымъ польскими войсками, въ соединеніи съ крымцами—рус. войскъ, бывш. подъ начальствомъ Шереметева. Плѣнь Шереметева и передача его поляками въ Крымъ, въ уплату за союзъ.
1072	1661	Поступленіе калмыковъ въ рус. подданство.
1073	1662	Вторженіе крымцевъ, подъ начальствомъ мурзы Ширинскаго, въ Сѣвское и Карачевское воеводства. Отраженіе его и освобожденіе изъ плѣна 20 т. рус. плѣнниковъ. Попытка башкиръ, подъ предводительствомъ Сента, возстановитъ мусульманскую независимость въ Казанскомъ краѣ и въ Сибири.
1080	1669	Основаніе Иркутска Рядъ жалованныхъ русскими государями грамотъ слободскимъ полкамъ, преимущественно за службу и за разореніе, «что имъ учинилось отъ измѣнниковъ Черкасъ и отъ Крымскихъ и отъ Ногайскихъ татаръ».
1085	1674	Принятіе Запорожцами подданства Россіи (17-го Марта).
1086	1675	Посольство переводчика грека Спафаріа въ Пекинъ, по случаю намѣренія китайцевъ напасть на Албазинъ.
1092	1681	Перемиріе (на 20 л.) Россіи съ турками и Крымомъ.
1095	1683	Столкновеніе рус. отряда съ китайскими войсками вблизи Айгуна.
1098	1686	Осада манджурскими войсками Албазина, находившагося подъ защитою воеводы Толбузина, а послѣ его смерти—Афанасія Бейтона.
1099	1687	Первый походъ (неудавшійся) кн. Голицына въ Крымъ. Снятіе манджурами осады Албазина.
1101	1689	Царствованіе Петра Великаго. Трактатъ Россіи съ Китаемъ. Отреченіе Россіи въ пользу Китая отъ Нерчинскаго края и владѣній по р. Амуру. Разореніе Албазина. Второй походъ (тоже неудавшійся) кн. Голицына въ Крымъ.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому	Христианскому.	
1106	1694	Посылка изъ Москвы въ Индію, отъ Приказа Большой казны, Семена Маленькаго въ качествѣ купчины.
1108	1696	Взятіе рус. войсками Азова. Вторичная побывка въ Камчаткѣ рус. людей (казакомъ Атласовымъ). Окончательное подчиненіе Камчатки Россіи.
1112	1700	Изъявленіе хивинскимъ ханомъ Шавіазомъ желанія поступить въ подданство Россіи.
1117	1705	Банкирскій бунтъ и сожженіе банкирами Уфы, Бирска, Мензелинска и селеній по рр. Бѣлой, Камѣ и Самарѣ. Умирненіе ихъ кн. Хованскимъ.
1118	1706	Бунтъ въ Астрахани. Занятіе Астрахани Шереметевымъ.
1128	1715	Появленіе рус. людей на родинѣ Чингисъ-хана, въ Алтайскомъ краѣ.
1129	1716	Истребленіе въ Хивѣ отряда кн. Бековича-Черкаскаго. Начало движенія Россіи со стороны Сибири въ ср. Азію. Посылка Петромъ Великимъ плѣнныхъ шведовъ для постройки судовъ въ Охотскомъ морѣ.
1130	1717	Возведеніе Иртышской линіи укрѣпленій противъ нападенія киргизъ. Постройка крѣпостей: Омской, Семипалатинской, Желѣзинской, Усть-Каменогорской и Ямышевской. Успѣшное плаваніе казака Соколова между Охотскомъ и Камчаткою.
1132	1719	Посылка Петромъ Великимъ капитана Измаилова къ китайскому двору съ требованіемъ прекратить своеволие пограничныхъ монгольскихъ племенъ.
1134	1721	Посылка Петромъ Великимъ итальянца Беневени въ Бухару. Бѣгство послѣдняго черезъ Хиву обратно въ Россію.
1135	1722	Персидскій походъ Петра I. Вступленіе его въ Дербентъ.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1136	1723	Уступка Россіи персидскимъ шахомъ—Дербента, Баку, Гиліани, Мазандерана и Астрабада.
1140	1727	Открытіе Акинфіемъ Демидовымъ рудныхъ богатствъ и древнихъ чудскихъ копей въ Алтайскихъ горахъ. Сооруженіе перваго Колыванскаго завода.
1141	1728	Новый трактатъ Россіи съ Китаемъ о разграниченіи земель въ бывшихъ предѣлахъ Монголіи. Посылка Петромъ Великимъ датскаго моряка Беринга на Дальній Востокъ и открытіе имъ пролива между Азіей и Америкой. Начало распространенія бѣглыми рус. людьми заимокъ въ сибирской тайгѣ.
1142	1729	Открытіе въ Пекинѣ Рус. Духовной Миссіи.
1145	1732	Добровольное поступленіе въ подданство Россіи Малой и Средней киргизскихъ ордъ.
1146	1733	Путешествіе по Сибири историка Миллера и натуралиста Гмелина. (эксп. продолжалась по 1743 г.).
1148	1735	Постройка г. Оренбурга, переименованнаго въ г. Орскъ. Постройка крѣпостей по Уралу и Иртышу.
1149	1736	Новая осада и взятіе рус. Азова. Овлaдѣніе рус. войсками Перекопомъ и Бахчисарасмъ.
1153	1740	Подавленіе новаго возстанія башкиръ, при чемъ сожжено (по офиц. источникамъ) 696 башкирскихъ деревень. Вторая экспедиція Беринга.
1155	1742	Постройка нынѣшняго г. Оренбурга.
1156	1743	Начало постепеннаго занятія рус. промышленниками (Басовыми и др.) Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ.
1160	1747	Отпаденіе Авганистана (Кабулистана) отъ Персіи и образованіе самостоятельнаго государства.
1168	1754	Переходъ Джунгаріи (Зюнгаріи) въ китайское подданство.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1169	1755	Манифестъ о прощеніи банкиръ, принимавшихъ участіе въ возстаніи.
1171	1757	Мусульманская инсurreкція въ Китаѣ.
1175	1761	Паденіе имперіи В. В. Моголовъ. Рядъ открытій рус. людьми—купцомъ Шалауровымъ, сержантомъ Андреевымъ и др.—новыхъ земель въ сѣверномъ океанѣ.
1176	1762	Водареніе Императрицы Екатерины II Великой.
1178	1764	Образованіе Слободско-Украинской губерніи. Обращеніе слободскаго казачества въ регулярную службу.
1182	1768	Экспедиція кап. Криницына и лейт. Левашова на Алеутскіе острова и Аляску.
1184	1770	Возведеніе рус. правительствомъ хана Малой орды Гаита на хивинскій престолъ. Путешествіе по Сибири академиковъ Палласа и Лепехина (1770—1774).
1188	1774	Кучукъ-Кайнарджикскій мирный договоръ Россіи съ Турціей. Присоединеніе къ Россіи Азова, Керчи, Еникале, Кинбурна и степи между рр. Бугомъ и Днѣпромъ. Свобода плаванія Россіи изъ Чернаго моря въ Мраморное. Признаніе крымскихъ, буджакскихъ и кубанскихъ татаръ вольными людьми.
1198	1783	Отказъ Шагинъ-Гирея отъ Крымскаго ханства въ пользу Россіи (8-го Апрѣля). Константинопольская конвенція. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Возобновленіе прежняго наименованія его —Тавридою. Прекращеніе династіи Гиреевъ.
1203	1788	Взятіе рус. войсками Очакова.
1205	1790	Тоже —Измаила.
1208	1793	Добровольное поступленіе въ подданство Россіи части Большой киргизской орды.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1208	1793	Посылка Императрицею Екатериною II врача Бланкеннагена въ Хиву. Рус. поселеніе на остр. Кадыякъ.
1209	1794	Образованіе изъ в. кн. Литовскаго рус. губерній.
1210	1795	Разореніе бухарцами Мерва. Образованіе въ Греціи гетеріи—тайнаго союза для освобожденія ея отъ турокъ. Путешествіе въ Бухару, по распоряженію рус. правительства, чиновниковъ Бурнашева и Безносикова.
1211	1796	Мусульманская инсurreкція въ Китаѣ. Вступленіе на престолъ Императора Павла I. Миръ съ Персіей.
1214	1799	Образованіе Россійско-Американской компаніи для эксплоатации рус. владѣній на американскомъ материкѣ.
1216	1801	Присоединеніе Грузіи (при царѣ Георгіи XIII-мъ) къ Россіи (18-го Января). Неудавшаяся русско-французская экспедиція въ Индію. Возшествіе на престолъ Императора Александра I.
1218	1803	Принятіе подъ рус. покровительство мангышакскихъ туркменъ.
1227	1811	Путешествіе переводчика Путимцева въ Кульджу.
1230	1814	Посылка въ Кокандское ханство Назарова.
1231	1815	Исслѣдованіе Берингова моря рус. мореплавателемъ Коцебу (по 1818 г.).
1234	1818	Образованіе изъ Гератской области самостоятельнаго государства.
1235	1819	Бѣдственное положеніе посланныхъ въ Хиву генераломъ Ермоловымъ капитана Муравьева и майора Пономарева.
1240	1824	Появленіе рус. передовыхъ военныхъ постовъ въ киргизскихъ степяхъ. Первый рус. караванъ, подъ военнымъ прикрытіемъ, съ оренбургской линіи въ Бухару, изъ 1770 навьюченныхъ верблюдовъ.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1241	1825	Возшествіе на престолъ Императора Николая I. Ограбленіе рус. каравана съ прикрытіемъ въ 625 чел. и 2-хъ орудій на р. Яны-Дарьѣ.
1242	1826	Переходъ—послѣ войны Россіи съ Персіей—персидской Арменіи въ рус. подданство. Изслѣдованіе Берингова моря рус. мореплавателемъ Литке (по 1829 г.). Овлaдѣніе, послѣ братоубійства, Бухарю тираномъ Насруллахъ.
1245	1829	Бунтъ въ Тегеранѣ Убіеніе (30-го Января) рус. полномочнаго министра и писателя Грибоѣдова.
1244	1828	Туркманчайскій договоръ. Переодъ въ рус. подданство Эриванскаго и Нахичеванскаго ханствъ.
1246	1830	Мусульманская инсurreкція въ Китаѣ.
1251	1835	Переполненіе бухарскаго рынка невольниками-шитами до цѣны въ нѣсколько тенегъ (15—20 к.) за раба. Миссія политическаго агента Витковича въ Бухару.
1252	1836	Захватъ хивинцами въ плѣнъ командира 4-хъ-пушечнаго бота съ командою и орудіями.
1256	1840	Неудачный походъ въ Хиву гр. Перовскаго.
1257	1841	Политико-научная миссія въ Бухару майора Бутеньева. Бѣдственное положеніе въ Хивѣ англійскихъ агентовъ—Аббота и Шекспира. Убіеніе въ Кабулѣ англійскаго политическаго агента Бернса.
1258	1842	Потребленіе въ Авганистанѣ англійскаго отряда. Ученныя изслѣдованія Петра Чихачева и Миддендорфа — Алтая и побережья Охотскаго моря. Публичное обезглавленіе въ Бухарѣ англичанъ Стоддарта и Конолли (10 Іюня).
1260	1844	Усмиреніе киргизской степи, взволнованной Кенисаромъ Касимовымъ. Убіеніе Кенисары Касимова въ Джунгаріи, (сваренъ въ кипяткѣ).
1262	1845	Постройка укр. Уральскаго, (нынѣ гор. Иргизъ).

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1263	1846	Постепенное движеніе Россіи въ ср. Азію со стороны Оренбурга. Учрежденіе рус. крайсерства по южно-восточному побережью Каспійскаго моря.
1264	1847	Основаніе на р. Сыръ перваго рус. укрѣпленія (Раимскаго). Изданіе правилъ о заселеніи Мангышлакскаго полуострова.
1266	1849	Открытіе устья р. Амуръ кап. Невельскимъ.
1270	1853	Основаніе форта № 1 (гор. Казалинскъ). Штурмъ и взятіе Акъ-Мечети (гор. Перовскъ) гр. Перовскимъ. (8-го Августа).
1272	1855	Возшествіе на престолъ Императора Александра II. Союзъ Авганистана съ Англіей. Начало рус. колонизаціи по теченію р. Амуръ. Первая, снаряженная Русскимъ Географическимъ обществомъ, ученая экспедиція въ центральную Азію (П. П. Семеновъ).
1273	1856	Война между Персіей и Авганистаномъ изъ-за обладанія Гератомъ. Образованіе Приморской обл. вост. Сибири.
1274	1857	Мусульманская инсurreкція въ Китаѣ. Возстаніе сипаевъ въ Индіи и провозглашеніе наслѣдника В. Могола государемъ Дели. Айгунскій трактатъ съ Китаемъ о разграниченіи по теченію р. Амуръ. Подавленіе англичанами возстанія и разстрѣліаніе ими сыновей дельійскаго государя.
1275	1858	Уничтоженіе Остъ-индской компаніи и подчиненіе управленія Индіей коронѣ. Появленіе козачьихъ станицъ возлѣ хребта Малаго Хингана.
1276	1859	Покореніе Россіей восточнаго Кавказа.
1277	1860	Истребленіе турками въ теченіе семи дней христіанъ въ Дамаскѣ. Договоръ, заключенный отъ имени рус. правительства гр. Игватъевымъ, съ китайскимъ правительствомъ (въ Пекинѣ) о признаніи за Россіей права на владѣніе р. Амуромъ и всеѣмъ Уссурійскимъ краемъ. Смерть бухарскаго эмира Насруллахъ.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христианскому.	
1277	1860	Признаніе сына его Мозаффаръ-эд-дина эмиромъ Бухары. Усиленіе движенія рус. отрядовъ изъ Сибири въ ср. Азію. Взятіе ими кокандскихъ крѣпостей Токмака и Пишпека. Появленіе аральской флотиліи на р. Сырь.
1279	1862	Смерть послѣдняго В. Могола Мухамедъ-Багадуръ-шаха, во время нахожденія его подъ арестомъ у англичанъ.
1281	1864	Мусульманская инсurreкція въ Китаѣ. Истребленіе китайцевъ въ Кульдѣжъ и восточномъ Туркестанѣ. Трехдневный бой уральской казачьей сотни съ десятью тысячами кокандцевъ. Взятіе рус. войсками Туркестана и Чимкента. Покореніе Россіей западнаго Кавказа.
1282	1865	Взятіе рус. отрядомъ Ташкента, (16-го Іюня). Арестованіе Бухарскимъ эмиромъ рус. посольства. Возобновленіе военныхъ дѣйствій противъ Бухары. Взятіе рус. войсками крѣпостей: Джизака, Ура-тюбе и Ходжента.
1283	1866	Разбитіе рус. войсками арміи Бухарскаго эмира на уроч. Ирджаръ (20 Мая).
1284	1867	Уступка рус. правительствомъ сѣверо-американскому—рус. территоріи на материкѣ Америки. Ликвидация Россійско-американской компаніи.
1285	1868	Взятіе Россіей Самарканда. (2 Мая). Переходъ Бухары въ вассальное положеніе Россіи.
1286	1869	Начало переговоровъ между Англіей и Россіей объ установленіи между ними азіатской нейтральной зоны. Волненія въ киргизской степи съ поддержкою со стороны Хивы.
1287	1870	Возвращеніе Россіей Бухарскому эмиру отпавшей отъ него родины Тимуръ-ленга (Шааръ-Зебза). Прибытіе въ рус. Туркестанъ сардара Абдуррахманъ-хана. Поступленіе его въ пенсіонеры рус. государственнаго казначейства.
1288	1871	Добровольная покорность Россіи Кульдѣжинскаго султана Абиль-Оглы. Временное занятіе Россіей Кульдѣжинской области, переданной впоследствии Китаю.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1289	1872	Первое соглашеніе Россіи съ Англіей по ср. азіатскимъ границамъ.
1290	1873	Переходъ Туркестанскихъ войскъ черезъ пески «Адамъ-крылганъ» («человѣкъ-пропаль») по направленію къ Хивѣ (5 т. челов., 10 т. верблюдовъ, 2 т. лошадей). Взятіе Россіей Хивы (29-го Мая). Освобожденіе Россіей изъ Хивинскаго рабства многихъ тысячъ шитовъ-персіянъ. Переходъ Хивы въ вассальное положеніе Россіи. Снаряженіе меценатомъ Сибириковымъ экспедиціи, подъ начальствомъ Норденшильда, для изслѣдованія сибирскаго поморя (по 1879 г.).
1292	1875	Передача Японіи Курильскихъ острововъ въ обмѣнъ на остр. Сахалинъ (Крафто).
1293	1876	Покореніе Россіей остальныхъ частей Бокандекаго ханства (Ферганы). Присоединеніе Бокандекаго ханства къ Россіи.
1297	1879	Рус. посольство въ Кабуль (подъ начальствомъ генер. Разгонова). Неудачная попытка англичанъ овладѣть Авганистаномъ. Образованіе экспедиціи для изслѣдованія стараго русла р. Аму, между Аральскимъ и Каспійскимъ морями (Узбой). Неудачный походъ рус. отряда въ Закаспійскій край. Бѣгство сардара Абдуррахманъ-хана въ Кабуль. Объявленіе имъ себя Авганскимъ эмиромъ. Поступленіе его въ пенсіонеры Остъ-Индскаго казначейства.
1299	1881	Новый походъ рус. отряда въ Туркменію. Штурмъ и взятіе (12-го Января) Геокъ-Тепе (Голубого холма). Обереженіе рус. властью 5 т. текинскихъ женщинъ и дѣтей отъ голода и обидъ. Присоединеніе къ Россіи Ахалъ-Теке. Начало сооруженія средне-азіатской желѣзной дороги. Возшествіе на престолъ Императора Александра III.
1302	1884	Добровольное присоединеніе къ Россіи Мервъ-Теке.
1303	1885	Пораженіе авганцевъ рус. отрядомъ на р. Кушкѣ.
1304	1886	Открытіе въ Семирѣченской области, вблизи гор. Пишпека, кладбищъ съ христіанскими надписями на могильныхъ камняхъ VIII-го и послѣд. вѣковъ хр. эры.

По лѣтоисчисленіямъ.		
Мусульманскому.	Христіанскому.	
1305	1887	Присоединеніе Пенде къ Россіи. Второе соглашеніе Россіи съ Англіей по средне-азиатскимъ границамъ.
1306	1888	Открытіе въ Томскѣ университета (при крупныхъ пожертвованіяхъ Сибирякова и Цибульского).
1308	1890	Путешествіе Государа Наслѣдника Цесаревича на Дальній Востокъ, съ возвращеніемъ обратно черезъ Сибирь. (съ 23-го Октября 1890 г. по 4-ое Августа 1891 г.).
1309	1891	Высочайшій рескриптъ (11-го Мая 1891 г.) о сооруженіи в. сибирской желѣзной дороги. («Повелѣвъ нынѣ приступить къ постройкѣ сплошной черезъ всю Сибирь желѣзной дороги...») Движеніе рус. отряда на Памиры (крыша міра).
1312	1894	Возшествіе на престолъ Императора Николая II
1313	1895	Третье соглашеніе Россіи съ Англіей по средне-азиатскимъ границамъ.
1315	1897	Побѣда Турціи надъ Греціей. Посылка изъ Турціи эмиссаровъ въ страны, населенныя мусульманами, для установленія между ними единства. Стремленіе европейскихъ государствъ укрѣпиться въ портахъ Тихаго океана.
1316	1898	Занятіе Россіей, по договору съ Китаемъ, (15-го Марта) портовъ Артура и Талиенвана (Да-лянъ-вань). Концессія, данная Китаемъ Россіи, на соединительную желѣзнодорожную вѣтвь между портомъ Артуромъ и сибирскою магистралью. Взрывъ мусульманскаго фанатизма (газавать) въ ферганской области.

Составилъ *Вл. Череванскій.*

НЕОБХОДИМЫЯ ПОЯСНЕНИЯ.

I. Мусульманская эра начинается со дня бѣгства Мухаммеда изъ Мекки въ Медину—16-го Іюля 622 г. по Р. Х. (1 Мохаррема). Лунный годъ мусульманъ, раздѣленный на 12 мѣсяцевъ:—Мохарремъ, Сафаръ, Реби первый, Реби второй, Джемади первый, Джемади второй, Реджебъ, Шейбанъ, Рамаданъ, Шейваль, Дзуль-Каде и Дзуль-Хидже—имѣетъ 354 дня, на $11\frac{1}{4}$ д. короче рус. гражданскаго года. Такимъ образомъ, 33 года мусульманскихъ равны 32 христіанскимъ годамъ.

II. Кругъ монгольскаго лѣтосчисленія состоитъ изъ двѣнадцатилѣтняго цикла (гжи); года этого періода называются: барсъ (барсъ), заяцъ (тоде), драконъ (лу), змій (могой), конь (моринъ), баранъ (хонинъ), обезьяна (бичинъ), курица (такін), собака (нохой), свинья (гахай), мышь (холагана) и быкъ (укыръ). Уважаемый въ степи верблюдъ не вошелъ въ этотъ циклъ (легенда) вслѣдствіе его чрезмѣрной кичливости. Монгольское лѣтосчисленіе эры не имѣетъ. Годъ состоитъ изъ 12 мѣсяцевъ, которые носятъ тѣ-же названія. Сутки состоятъ изъ 12 часовъ. Часы дѣлятся на добрые и злые.

